

АНДОМАЛИЯ

МАЙЯ ТРЕНОЖНИКОВА

МИНСК 2200

ПРИНЦИП ПОДОБИЯ

А.Н.О.М.А.Л.И.Я

Минск 2200.
ПРИНЦИП ПОДОБИЯ

Майя Треножникова

АСТ
Москва:

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т66

Треножникова, Майя
Т66 Минск 2200. Принцип подобия / Майя Треножникова. —
Москва: АСТ. — 2014. — 384 с. — (А.Н.О.М.А.Л.И.Я.).

ISBN 978-5-17-086177-4

Человечество настигла ужасная эпидемия: вирус или мутация за считанные минуты превращает в «одержимого» монстра с невероятными способностями. Одержимым может стать любой — богач и бедняк, праведник и преступник, младенец и старик. Обычным людям почти невозможно уничтожить одержимого. Но есть люди с иммунитетом к заболеванию, зато сами обладающие сходными способностями. Их называют Магнитами за то, что «притягивают» чудовищ, а еще — Гомеопатами, потому что «лечат» медленно восстанавливающийся после катастрофы мир по Принципу Подобия.

Магнитом может стать любой — мальчишка из разрушенного поселка Рани Тарк и сын сенатора Целест Альена.

У всех магнитов одна судьба: уничтожать монстров и однажды погибнуть.

Но что, что появится одержимый, обладающий интеллектом и талантом объединять безмозглых чудовищ в армию — легендарный Амбивалент.

Мир обречен?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-086177-4

1.

Металлическая конструкция напоминала детскую книгу с объемными картинками-аппликациями; тот, кто придал подобную форму дыбе, обладал неплохой фантазией и чувством юмора. Железная «книга» могла раздвигаться, выпячивая тело прикованного узника под нужным углом, а могла и захлопнуться, раздавив мышцы и дробя кости. Последнего, впрочем, не требовалось.

С тех пор как Магниты стали не только охотниками, но и палачами и пыточных дел мастерами, любые приспособления устарели, словно дубина по сравнению с ядерной бомбой. Указ о «дополнительных полномочиях» обсуждался как в Совете, так и среди светской аристократии; полуофициальные (и желтые) газетенки верещали о «произволе» и «узаконенном садизме», но очередной рецидив захлопнул рты намертво. Надежнее — только суровой ниткой зашить.

Призывать непосредственно во время охоты — ненадежно, опасно и часто стоит жизни Магнитам, а их и так мало, — гласило официальное объяснение.

Вранье.

Целест пробормотал злое, как воронье карканье, слово.

Вр-ранье. Честный бой в том числе и безопаснее «отлова»... помимо того, что экономит драгоценные баллоны с нейтрасетью.

---

* Подобное лечат подобным.

Но Целест не спорил, никто из них не спорил.

Гомеопатические дозы, помнил он, — о да, конечно, помнил. Магниты — армия ордена Гомеопатов, а мудрые твердили: подобное лечится подобным, и ваша сила — суть зло, обращенное на службу добра, а потому соблюдать осторожность — превыше всего.

Целест помнил.

Всегда. И даже теперь.

От нового прикосновения одержимый взвился на раскладной книге-дыбе, мышцы его натянулись, словно готовые лопнуть. Целест прищурился: холод действует? Ледяная корка проползла от мошонки узника к пупку, оседая розоватыми от крови и причудливо-прозрачными, похожими на опалы каплями на жестких лобковых волосах. Яички сморщились, почти втянулись в живот пленника, но боль это вряд ли уменьшило.

— Отвали, ублюдок! — прохрипел узник. В десятый или двадцатый раз в течение последнего часа. Целест вздохнул, оторвался от созерцания примороженных гениталий жертвы, хмуро окинул взглядом одержимого целиком: смуглый черноволосый парень, похожий на дикаря с какого-нибудь залитого солнцем и ядовитыми гадами острова; судя по гортанному акценту, и впрямь чужеземец.

Впору пожалеть, если не вспомнить, как этот тип потопил целый корабль... заставляя экипаж и пассажиров отрывать друг другу конечности и пробивать днище.

«Разумный» одержимый. Прежде Магниты были псами, что грызут глотки бешеным волкам, — теперь это более напоминало войну. И допрос. Иначе зачем приказ записывать каждое слово одержимого? Матерное — тоже.

Хотелось выбраться из провонявшей тухлой кровью, блевотиной и мочой пыточной — словно в насмешку из бойницы-окна на высоте двух человеческих ростов золотился ранний вечер, прохладный вечер последних дней августа — скоро его сменит осень, златогривая своевольная осень. Тесная каменная клетка — серые стены, низкая дверь и непропорционально высокие потолки, одно-

временно выстуженная и душная — наказание не только жертвам, но и палачам.

Волосы лезли в рот. Целест ненавидел келью, устроение правил испытания; ненавидел все вокруг, в первую очередь — одержимого. Тот напрягся, за голени и запястья его надежно держала дыба с нейтрасетью, но попытку плюнуть палачу в лицо это не отменило. Целест машинально уклонился от сгустка слюны пополам с кровью, клочьями опаленной плоти и желчью. На каменный пол бряцнуло несколько выбитых зубов.

Сдаваться дикарь не собирался. И между прочим, иглы под ногтями не помешали ему сложить непристойный жест.

— П-поди сюды, красавчик... от-тымею, — причмокнул одержимый, словно объект его вожделения только что не отморозил ему все необходимые инструменты. Вместо ответа Целест запустил сгустком отравленных шипов, и хотя яд ожег паховые вены до тошнотворного бульканья вскипевшей крови, одержимый только призывно дернулся. Определенно не собирался отменять приглашения.

— По-моему, довольно, — вслух продекламировал Целест. Хотелось добавить многое — комментарии к постановлению Совета Гомеопатов: тот предписывал терзать несчастных до последнего, «дабы не допустить ошибки». Еще больше хотелось задрать свинцово-серую мантию Магнита, достать из карманов джинсов сигареты и всласть подымить, однако курить в смрадной келье Целест брезговал.

— Рони, твой клиент, — позвал он. — Сомнений нет, а? Я его уже наизнанку вывернул, а он все на мою красоту любуются... Сволочь. И надеюсь, ты тщательно записал все его ругательства — пусть Совет наслаждается.

Словно в подтверждение, одержимый хрипло захихикал. Целест сплюнул на пол:

— Задолбали дурацкими приказами.

— Не надо, Целест. Мудрым виднее. Иду, — отозвался Рони. Прежде узник не видел второго, а теперь, когда

тот приблизился, — заорал, срываясь на подвывания; Целест демонстративно заткнул уши. Вот, казалось бы, чего бояться? Рони, он же Иероним — версия, которую услышать можно разве на официальных собраниях Магнитов; более безобидного на вид создания не сыщешь — невысокий, где-то по плечо долговязому Целесту, почти альбинос и похож на лабораторную крысу. Вернее, учитывая упитанное телосложение, — на лабораторную морскую свинку.

Но Целест понимал, почему одержимый завизжал. Целест был «воином» — их боялись, но в меру — так опасаются револьвера или обоюдоострого кинжала; Целест мог вызвать огонь или заморозить арктическим льдом, выстрелить шипами или оплавить кислотой. Не более того.

«Мистиков» недолюбливали даже высокопоставленные чиновники и аристократы. Как-то Рони с характерной отрешенной горечью заметил: «мистик»-Магнит отличается от одержимого только тем, что убить его — незаконно. Святых мало — каждому есть чего спрятать от эмпатов; редкий мазохист-фанатик исповедей настолько пустит в душу добровольно. Защита или нет — большинству неприятно.

Целест привык. Рони его напарник слишком давно. И друг... да, и друг тоже.

Еще Целесту любопытно. Сколько ни смотри — все равно любопытно.

Черты лица у Рони невыразительные, словно размазанный дождем акварельный рисунок, и выражение почти не меняется; стоит рядом — отрешенный, потерянный, как деревенский дурачок на столичном гулянье. А узник хрипит до кровавой пены, и молит... молится...

Жаль, Целест способен наблюдать лишь внешние проявления. Говорят, кто испил полную чашу кошмаров, насланных хорошим мистиком, почтет Ад за дом престарелых, а Сатану — за ворчливого старикашку с клюкой. Одержимый слабо подвывает, по уголкам рта ползет кро-

вавая пена, а глаза закатились, как у эпилептика. Рони стоит рядом — маленький, неприметный человечек.

Всего-то минуты три. Максимум — пять; меньше, чем на сигарету требуется.

Говорят, для мистика — и жертвы — эти мгновения длиннее бесконечности, поделенной на нуль.

— Отозвался, — Рони пригладил короткие белесые волосы, отчего те приобрели еще более взлохмаченный вид. — Проклятье, ну сразу ясно же, что он мой...

— Правила, — поднял указательный палец Целест. На длинном аккуратном ногте присохла капля крови, Целест скривился и оттер ее о мантию. — «Испытания телесные прежде, дабы каждое рекомое слово втуне не пропало» — таков закон о «разумных одержимых». Видимо, в Совете решили...

— ...что мы сожрем все мозги несчастных одержимых, не поделившись с вами кровью.

Пару мгновений Целесту потребовалось, чтобы опознать за безнадежно-скучным тоном шутку. Между прочим, целое искусство. Когда-то не хватало и часа!

— Черт, — расхохотался он. — Ты хоть для разнообразия пользуйся интонацией... знаешь, паузы — это запятые, восклицательные знаки... ладно, молчу. Что с клиентом?

Рони пожал плечами. Теперь стоял он спиной к узнику, зато Целест еще рассматривал дикаря. Искалеченное тело застыло в позе наркомана в экстазе, смутлая кожа посерела до оттенка плесневелых камней пыточной. Дикарь жив, конечно. Тот случай, когда эвтаназия оказалась бы полезнее витаминов...

Все-таки не зря говорят про мистиков, мол, они «высасывают мозги».

Или душу. Кусок мяса без разума — меньше, чем труп. Но еще пригодится... дополнительная причина не убивать одержимых на месте, а волоочь в Цитадель.

«Чего же Совет все-таки хочет услышать от них?»

— Пойдем, а? Здесь воняет. И я хочу помыться. — Он потянулся хлопнуть Рони по плечу, но в последний момент остановился: не хотел пачкать того кровью.

От начала дней, может быть, храня в памяти детскую травму — Всемирный потоп, человечество ждало Апокалипсиса и «конца времен». Пророки изрекали запутанные и непонятные откровения-катрены, а шарлатаны расшифровывали, пытаясь заработать на страхе людском «здесь и сейчас». Предсказывали и огонь с небес, и голод, и — разумеется! — чуму.

Чума и явилась. В странной, мало кем ожидаемой маске, без бледного коня, и ангелы не возвестили о ней золотыми трубами.

Кабинетные ученые, из тех, кто видит мир сквозь плену пергамента, килобайты архивных дисков и перфоленту, говорили о том, что первые симптомы эпидемии относятся еще к 20 веку. «Дети-индиго», «особенные» — так именовали первых одержимых; по иронии судьбы человечество тогда страшилось штаммов свиного и птичьего гриппа, ядерной войны и мирового терроризма, а истинную угрозу воспринимало скорее как добрый, в крайнем случае нейтральный знак.

Пророки во главе с Нострадамусом и Иоанном провалили экзамен на достоверность.

Кабинетные философы из тех, кто проводит жизнь в четырех стенах, но судит о целой Вселенной, говорили: люди слишком боялись смерти, воспринимали «чуму» буквально, а потому пропустили одержимых. От болезни ведь не умирали. Во всяком случае, сами зараженные.

Позже взяли слово теологи, и они сравнивали эпидемию с одержимостью демонами, устаревшим средневековым понятием; к двадцатому веку оно прокисло и годилось разве для фильмов класса «D» и книжек в мягкой обложке. Но термин прижился.

Одержимые.

Безумцы, наделенные безграничным могуществом. Вирус (или злобная воля самого Дьявола?) делился на два подтипа: физического и психического воздействия. Поначалу заметны были первые, и среди запыленных томов

и сбоящих дисков есть свидетельства, когда один одержимый, сумасшедший, как мартовский заяц, обрушивал огонь и ядовитые испарения, сонмы пчел и каменный град на целые города. В День Памяти транслируется знаменитое видео, заснятое на камеру мобильного телефона: тихий город, ланч в студенческой закусочной, смех и шутки. Невзрачному парню — по виду типичному «ботанику», чьи дужки очков чуть не толще запястий, — случайно, а может быть, нарочно, шутки ради, опрокидывают кетчуп на светло-голубую рубашку. Невинная оплошность или забава.

Достаточно, чтобы вырвался демон. Из ладоней «ботаника» — жгутами нефтяно-черной жижи; жгуты похожи на щупальца и обматывают сначала приятелей за столиком, а потом и всех посетителей закусочной. От прикосновений к коже жертва вспыхивает, вместе с ней — аккуратные круглые столики и плетеная корзинка со свежей выпечкой. Картинка на видео мелькает, звук прерывается, но крики боли слышны все равно — они пробиваются сквозь ужас самого случайного «оператора», сквозь годы и столетия — запахом горелой плоти и обугленных костей. Одержимый выстреливает новыми и новыми щупальцами, они отрываются, похожие на гладких бурых цепней, скользят за жертвами на улицах — одно выхватило младенца из колыбели и разорвало пополам; на долю секунды камера останавливается на вывороченных и пригорелых внутренностях на фоне одеяла с пестрыми Микки-Маусами. Последний кадр — разорванная рубашка «ботаника», втоптанная в грязь на полу закусочной. На ней красное. Красное, но не кетчуп.

Запись демонстрируют каждый год, но к ней нельзя привыкнуть.

Однако «физики» оказались только верхушкой айсберга. Пожалуй, с ними все-таки можно было бороться — несоизмеримые потери, порой целый гарнизон спецназа, чтобы уничтожить одного одержимого. Но — можно.

Те, кого потом называли «психами», оказались хуже.

Свидетельств почти не сохранилось. Одержимые-«психи» — эмпапы, телепапы, гипнотизеры; «властелины душ» — погружали в безумие и вырывали из реальности, но кто сфотографирует дно пустоты? Уцелели лишь обрывки информации о некой девочке: дневники нескольких выживших из маленького городка, волей больного ребенка погруженного в беспросветный кошмар. Дожидали авторы мемуаров среди покоя, сбалансированного питания и зелени... в доме скорби.

К середине двадцать первого века эпидемия почти совершила то, чего не удалось ни ангелам с трубами и мечами, ни ядерной бомбе.

От цивилизации остались разрозненные группы людей, что прятались в развалинах городов, с ужасом ожидая, что в их маленьком сообществе тоже объявится одержимый. Болезнь вспыхивала бесконтрольно, без предварительных симптомов или какой-либо закономерности. Сегодня ты человек — завтра всемогущий разрушитель.

Человечество вымирало.

Но Бог решил пощадить Своих детей — или, как утверждают менее склонные к религиозному толкованию ученые, природа восстановила баланс, выработала естественные «антитела». Через сто пятьдесят лет после начала эпидемии стали появляться первые Магниты.

Тогда они не назывались Магнитами, конечно. Титул придумали много позже, как и философию самого ордена Гомеопатов; просто рождались дети, наделенные способностями одержимых, но с сохранным разумом и личностью. Более того, они могли выявлять — «призывать» — больных и нейтрализовывать их.

Это было спасением. Это было панацеей.

Появился орден Гомеопатов — идеологи его перерыли почти утраченные архивы и нашли рассуждения еще эллинские: «подобное лечится подобным». Подходило как нельзя лучше.

Гомеопаты спасли человечество. И цивилизацию тоже — между прочим, напоминая о сием неоспоримым факте при каждом удобном (и не очень) случае.

Приблизительно тогда в Мире Восстановленном ловцов называли Магнитами, имея в виду способность «притягивать» и оставлять от одержимого вывороченные ошметки или кусок мяса без проблеска воли. Безопасные ошметки, безопасные «растения»... уже безопасные.

Магниты помогли взять эпидемию под контроль, но часто гибли и сами, призывая чужую сторону: если «физик» пытался бороться с «психом», побеждал одержимый — и наоборот.

Двое — лучше, чем один. Принцип пары закрепился прочно и нерушимо. Мистик и воин не охотятся поодиночке — только вдвоем; второй все равно пригодится — прокладывать путь огнем и каменным мечом либо отгонять случайных зевак, дабы не пострадали.

Гомеопаты стали новой Инквизицией. С той разницей, что «ведьмы» существовали вполне реально, периодически проявляясь в мелких селениях и крупных городах; иногда их ловили с помощью сети-нейтрализатора — гениального изобретения, спасшего многие жизни, в первую очередь Гомеопатов, хотя ветераны презрительно фыркали на «детские игрушки в баллончиках», — и «призывали». Воздействие физическое — призыв «физика» (вернее, воина — каждый уважающий себя Магнит-физик смертельно оскорбится, если его так назвать); галлюцинации и эмпатия — мистика.

Подобное уничтожается подобным.

И нет пощады одержимым. Во благо простых тружеников и честных граждан.

Спустя почти тысячу лет от сожжения на костре последней рыжеволосой крестьянки, объявленной «ведьмой» по навету позарившейся на удойную корову соседки, Инквизиция возродилась — практически без религиозного подтекста, зато с реальными «чудесами»; теперь ее не осуждал ни один гуманист-просветитель. Гомеопаты — суровая необходимость, понимал каждый — от школьника до старика; понимал, сознавая, что час спустя сам может перекинуться в одержимого...

Гомеопатов не любили. Ни мудрых из Совета, ни ученых в белых халатах — тех, кто придумал сеть и нашли способ по крови выявлять дар, ни тем паче бойцов-Магнитов, пускай польза и оправдывала исступленно-жесточкие меры.

Становились Магнитами по рождению, прихоти судьбы — равно аристократ или дочь сапожника. Стоило проявиться дару — орден забирал ребенка, а порой и взрослого себе.

К реальной власти Гомеопатов, впрочем, не допускали. С чего бы «санитарам» править? К тому же негласно почитали немногим лучше одержимых...

Народное мнение выразила пословица: «От Магнита до одержимого — извилина да мантия».

А поскольку Магниты рождались относительно редко, то выбора стать или не стать частью ордена не предоставлялось. Даже сыну Верховного Сенатора Адриана Альены, Целесту Альене.

3.

Всю двойственность отношения к Гомеопатам Целест ощутил с младенчества. Родился он искристым сентябрьским днем, заледелено-ломким, как рыжие листья под коркой первого льда, — первенец немолодой уже четы Альена. На радостях Верховный Сенатор объявил государственный праздник, народные гулянья и бесплатный глинтвейн каждому, кто сколько способен выпить. Вся столица — от Сената до подворотен — славилА Адриана Альену и его маленького сына, а виновник торжества спокойно спал в колыбели красного дерева, завернутый в пеленки из драгоценного шелка — натурального шелка из-за дальних границ; под изразцовыми потолками роскошной детской плясали разноцветные блики — солнечные зайчики. В целом Мире Восстановленном, не говоря уж о Пределах, не сыскать было существа прекрасней — во всяком случае, так ду-

мали мать и отец Целеста, а кто осмелится спорить с Сенатором и его женой?

Счастье продлилось три месяца. До первого теста.

Тест на Магнита проводился раз в три года — иногда «дар» проявляется внезапно, почти как одержимость. В роду Альена, впрочем, Магнитов не могли припомнить ни Адриан, ни его жена Ребекка, потому не опасались нести ребенка мрачным, закутанным в серо-белые одеяния ученым-Гомеопатам. Центральная лаборатория размещалась в Цитадели, одном из восстановленных храмовых комплексов; с давней той поры религия окончательно уступила место науке, и церковь стала вотчиной новой Инквизиции, ошетибилась громоздкими, похожими на стеклянных ежей с трубочками-колбами вместо игл, аппаратами и пропиталась ароматом реагентов. Религиозную полутьму сменили электрические лампы.

Целест громко вопил — ему не нравились едкие запахи, его пугали незнакомые люди с холодными жесткими руками, противные руки отобрали его у мамы, а потом больно укололи предплечье. Целест протестовал всеми силами, даже попытался укусь беззубыми деснами «обидчика».

Целест словно предчувствовал: его судьба «золотого мальчика» заканчивается, едва начавшись. Вердикт Гомеопатов звучал приговором: ярко выраженные способности Магнита. Будущий воин или мистик. Специализация выяснится позже.

Сын Сенатора? Какая разница... и потом, господин Альена, разве вы не счастливы, что ваш сын будет защищать нас от одержимых? Разве то не достойная судьба?

Ребекка рыдала в голос. «Мое дитя, мой первенец — одержимых ловить! А если мистиком окажется, они же все сумасшедшие!?» — причитала, будто по покойнику, едва удалось ее успокоить.

Адриан сдержался. Кивал засушенному сморчку-Гомеопату и подписал согласие; только молчал три дня и померкли рыжие волосы, подернулись сединой.

Начиналась зима.

До десяти лет будущему Магниту позволяли жить в отцовском доме, с младенцами орден предпочитал не возиться. Позже Целест думал, что относились к нему, как к жертвенному агнцу: мать, отец, слуги и даже родившаяся два года спустя сестра Элоиза отсчитывали дни и часы. Семь лет, пять лет, три года... до того, как Целест перестанет быть...

Кем? Человеком?

Вероятно.

Его обучали Восстановленному Знанию — от языков и литературы до генетики и химии, но порой на середине урока добродушный старик-учитель прерывался, пряча в кустистые усы невеселую усмешку. Целест rozpoзнавал ее.

«Зачем тебе Овидий и теоремы Пифагора — ты уйдешь от нас к тем, чья сила — безумие и убийство, и ничто более не потребуется».

Целесту объясняли — мол, избранный, благословленный, будущий спаситель, но также слышал он, как шепчутся горничные: «похороненный заживо». Два или три раза Целест потихоньку плакал, уткнувшись в ярко-алые подушки, и слезы на них терялись темными пятнами, а затем высыхали. А под потолком по-прежнему мелькали в цветных витражах пестрые блики.

Прошло десять лет, и Ребекка отвела сына в Цитадель Гомеопатов, а вернулась одна. Они с мужем нашли все-таки на старости лет утешение в дочери Элоизе, но те, кто видел в тот день жену Сенатора, поговаривали — облачилась она в траур и черную с серебристыми опалами вуаль.

Целест более не принадлежал миру людей.

Обитель Гомеопатов, славная в столице как осиное или гадючье гнездо, на поверку оказалась чем-то между монастырем и военной академией. Проповедовался дух братства, единства, общей цели и... особенности. «Вы — другие, — твердили мальчикам и девочкам, многие из которых ревели, просились домой. — Вы — избранные, и вы — сама жизнь». Какой-то ученый сказал образованному Целесту — «лейкоциты в крови Мира Восстановленного».

Ежедневные тренировки выматывали, но и не оставляли времени для тоски.

Смириться оказалось нетрудно.

Год спустя его способности были протестированы вторично — на сей раз на заранее заготовленных одержимых. Связанные нейтрасетью, под охраной опытных Магнитов, бились двое — одержимый-физик и «псих», ребенку оставалось лишь призвать того, чья сила ему ближе. И окончательно утвердить дальнейшую судьбу.

Случались ошибки. Случалось, юные Магниты погибали на последней ступени посвящения. Сын Сенатора или дочь сапожника — в равных условиях; Гомеопаты могли только связать одержимых и приставить охрану-помощников, но одиннадцатилетний Целест великолепно понимал: он наедине с самой смертью. Неправильный выбор, неверное определение собственной силы — и мрачное предсказание болтливых служанок воплотится в реальность буквально...

— Это — физик. — Учитель Тиберий, Магнит-воин лет тридцати (Целест воспринимал его старичком), с обликом профессионального культуриста и выцветшими, как пуговицы на старом платье, глазами, кивнул на связанного мужчину. Мужчина напоминал тролля из сказок — грубые черты лица, вздутые бильярдными шарами мускулы и кривые желтые зубы, готовые впиться в глотку.

— Она — «псих», — относилось к девочке лет девяти, рыжей и зеленоглазой, как две капли воды похожей на сестру Целеста.

«Элоиза», едва не выдохнул он, прикусил губу до крови. Не она. Не она, слава всем богам и Гомеопатам, но так похожа.

Нет, он не мог «призвать» — уничтожить! — ее. Девочка обречена, лицо ее словно смятый пластилин, и слюна течет по подбородку. Но — не мог.

Целест потянулся к мужчине-«троллю», заставляя грубую кожу лопаться, а сукровицу — кипеть; потом добавил излюбленный позже прием — иглы, свернутые из вырванных ногтей и волос «жертвы», искрошил зубы и погрузил

заостренные куски льда в глазницы. Стихии тверди, огня и холода брыкались, как дикие быки на родео, но затем покорились и стали послушнее цирковых пони.

Мужчина «отозвался» на физическую боль.

Целест выбрал правильно.

— Поздравляю, юный Магнит-воин, — провозгласил Тиберий, поднимая дрожащую руку ребенка вверх, словно тот был боксером на ринге. Целест зачарованно смотрел на развороченный труп первой жертвы и думал: а если бы у меня оказался дар мистика? Я погиб бы из-за сходства одержимой с Элоизой?..

Кажется, вечером он плакал в своей келье — совсем как несколько лет назад, когда осознал неотвратимость судьбы.

Но в последний раз.

4.

К совершеннолетию — девятнадцати годам практически все Магниты обзаводятся постоянными напарниками. Охотиться и призывать уже пойманных одержимых идеально вдвоем (вчетвером, вшестером — далее до бесконечности, зависит от масштаба операции). Считалось, что лучший тандем — постоянный; единение «половинок» скреплялось церемонией в Цитадели Гомеопатов под торжественные речи и органную музыку, из-за чего ее иронично прозвали «свадьбой». А настоящих свадеб и не случалось почти — зачем? Внутри ордена — свободные нравы, а обычные люди не подпустят к себе Магнита; портовые шлюхи и те вдесятеро дерут.

Целесту исполнилось девятнадцать. Напарника или напарницы у него до сих пор и не намечалось. Одинаково веселый и общительный со всеми — близко не подпускал никого. Целест считался одним из лучших молодых воинов, и как минимум десять мистиков жаждали заполучить его себе в «женихи» — между прочим, восемь из десяти были девушками, и явно покушались не столько на спо-

способности, сколько на классически-правильные черты лица, горделивую осанку и длинные рыжие, как осенние листья, волосы. Целест девушкам не отказывал, а вот от постоянных отношений увиливал. Деловых — тоже. Несмотря на неодобрительное ворчание учителя Тиберия.

«Напарник — раз и навсегда. Я не могу торопиться». — Отговорки сыпались желтыми листьями, и Тиберий устал от них отмахиваться. Твердить, мол, напарник — не только помощник в охоте и призыве, но и вторая половинка, умножающая силы обоих участников пары, — надоело до чертиков.

Как будто Целест не понимал. Понимал. Просто...

Хоть что-то он, урожденный сын Сенатора — обреченный стать санитаром и убийцей, — мог выбрать.

Потому не торопился.

Соседом по комнате у Целеста был чернявый Тао Лин — его родину, древнейшую из земных цивилизаций, — перенаселенный Китай эпидемия выкосила в первую очередь, территорию Поднебесной до сих пор относили к Дальним Пределам. Тао Лин, помимо того, что был хорошим воином, умел просачиваться всюду и все знать. Включая то, чего молодым Магнитам не полагалось бы.

За завтраком Тао Лин ерзал, словно под ним на лавке ежа материализовали. По ухмылке на тонких желтоватых губах Целест сразу понял: не терпится поделиться свежей сплетней.

— Слышали? — замогильным тоном протянул он, привлекая внимание сразу пятерых соседей по длинному обеденному столу. Столовая — просторное гулкое помещение, всегда заполненное людьми, отзвуками голосов и не всегда приятными запахами, к приватным беседам не располагала, зато сплетни распространять отсюда идеально. На Тао Лина моментально уставились десять глаз. Целест же хранил невозмутимое выражение лица. Целесту хотелось доесть утреннюю яичницу — безвкусную, как туалетная бумага, зато питательную; спрятаться в подсобке со швабрами и выкурить пару запрещенных сигарет. Болтовня Тао — все равно сплошь ерунда.

— Ну чего? Чего случилось? — загудели остальные. Тао выдерживал эффектную паузу.

Целест понял, что без него не обойдется:

— Валяй уже.

— Новенького привезли! — торжественно возвестил китаец. Целест, а с ним две девочки из его поклонниц презрительно фыркнули:

— Новость-то какая. А главное, редкость.

— Не-е... там такая история! — поспешно затараторил сплетник. — Из Северных Пределов притащили — туда, говорят, до сих пор цивилизация-то не добралась, деревня в десять дворов и пять коров была! И там одержимый! Всех перебил, кроме одного парня — тот мистиком оказался, несколько недель пытался одержимого того... — Тао сделал выразительный жест, словно выдергивая пробку из бутылки. — А одержимый, значит, его... Заставил всех друг друга заживо жрать, чисто зомби наклепал, и самого парня чуть не съели, а он в последний момент возьми и призови... его сразу, без теста, взяли. Тиберий говорил, мол, таких сильных мистиков давно не попадалось! Сам слышал!

— Ага, Тиберий лично докладывал, — снова фыркнул Целест. Подумаешь, история. Ну проворонили очередной всплеск эпидемии — в Пределах до сих пор трудновато. Ну чудом удалось спасти какого-то мистика... и?

Курить хотелось уже невыносимо. Целест выскользнул из-за стола в поисках укромного места. Про мистика из Северных Пределов, некогда границы Финляндии и России, — забыл напрочь.

По закону парности, напомнил несколько недель спустя все тот же Тао Лин в компании еще двоих воинов, Лереены и Аиды. При Цитадели много лет назад разбили сад — ныне запущенный, заросший, более достойный зваться «зарослями». В саду можно было собирать ежевику и дикую малину, кислые яблоки и несъедобную сливу; прогуливать историю, философию и практические занятия, прятать нелегально пронесенные из городских баров емкости со спиртным и уединяться для романтических прогулок. И драться тоже.

Однако поединки среди Магнитов были запрещены и случались редко. Поэтому от зрелища Целеста перекосило.

Его сосед и две девушки обступили белобрысого круглолицего паренька — на вид мальчишка был года на два младше своих обидчиков. У запястья Лереены змеился бирюзовый ледок, Аида опутывала белобрысого ежевичными колючками — хорошо, если не добавила яда, — а командовал Тао.

Целест сравнил парня с... жертвами. Да, жертвами мистиков — пустой, мертвый, словно вместо радужки — мелкие серебряные монетки. Губы беззвучно шевелились, может быть силясь выдать крик, — колючки процарапали белесую кожу, кровь казалась яркой, как раздавленные ягоды.

— Чего вы творите! — заорал Целест. Вокруг него ментально собрались шаровые молнии. Дуэли между Магнитами запрещены, кара — двести плетей, за убийство — отлучение и позор, но он не мог не вмешаться. — Вы что — одержимые?!

— Это он, Целест, — вынырнул Тао. Китаец был ростом меньше крупных девиц, и казалось, будто они — его телохранители. Классической расцветки — блондинка и брюнетка. — Тот парень... мистик из Северных Пределов. Он первый начал! Кошмары наслал!

Целест нахмурился. Врет? Мальчишка не похож на преступника — мистика, что отнимает личность у своих собратьев. Кара за подобное — смерть, но сначала нужно разобраться.

— Мы его воспитываем, — поддакнула Аида.

Целест шагнул ближе, недоверчиво изучая совершенно безобидного паренька. В следующую секунду едва не заорал.

«...Это моя мать, у нее белые волосы и розовые губы. А сейчас — алые, в крови — видишь, грызет она свою дочь, видишь — стелятся влажными червями кишки и разбитый череп с вытекшим мозгом напоминает чашу. Видишь — они бродят и ищут, они ищут меня... Староста

приказал им всем. Староста подтолкнул. Только меня не смог... и поэтому они меня съесть хотят, слышишь — кричат, рвут кого-то — если взять за ноги и потянуть, тело лопается, как надутая лягушка... слышишь? Они за мной... что мне делать?..»

Очнулся Целест от собственного вопля.

— Вот! Он всем показывает... картинки, — засуетился Тао. — Нужно его проучить.

— Заткнись, идиот! Ты же сам рассказывал, что с ним случилось! Он не виноват... кыш отсюда! — Последнее Целест прокричал, поскольку Лереена и Аида вновь собирались атаковать. Льдом и колючками. — Оставьте его мне.

Молнии рванулись в мягкое вечернее небо, затерялись в листве. Троица переглянулась, но подчинилась.

Целест остался наедине с «немного странным» мистиком.

— Как тебя зовут? — Начало разговора ничем не лучше любого другого. Белобрысый молчал. Целест сорвал крупное зеленое яблоко и протянул его, словно мистик был маленьким ребенком и его можно «купить» яблоком да конфетами.

Впрочем, тот принял «дар». И даже стал грызть. «Уже прогресс».

Целест не знал, что делать. Наверняка парнем из Северных Пределов должен заниматься Совет, Тиберий, кто-то из взрослых и умных. Сам он мог только сесть рядом на холодную траву.

— Я не враг. Эти... ну, они придурки, но тоже не враги.

Молчание. Хрупанье яблоком заменяет ответ. Целест рассматривает мальчишку, хотя особенно и нечего — деревенщина обыкновенная, нескладный, забавный даже, если бы не взгляд сдохшей третьего дня кошки.

«Это картинки. Они у него внутри, и надо... вытащить», — Целест почему-то подумал о гнилом зубе, дергает и мучает, нужно выдрать.

— Покажи мне, — сказал Целест. — Покажи мне все. Ладно?

Мальчик кивнул.

На несколько минут — или часов? — Целест провалился в ад. В безумие захваченной одержимым деревни, полной каннибалов-зомби; причудливые образы соседствовали с реальными. Первая «картинка» оказалась лишь обложкой.

В конце был «староста» — одержимый. Огромный, как медведь-гризли, с косматой бородой, похожей на охапку соломы, он вел за собой толпу полумертвых «зомби» — кое-кто грыз соседей, выблевывал куски костей и сгустки волос. Вся армия двигалась в сторону... Целеста? Паренька? Целест сейчас наблюдал изнутри.

«Я не поддался».

Он прятался в погребке. Воняло гнилью и крысами. Попытался опрокинуть бочку с солеными огурцами под ноги старосте, но тот устоял. Замахнулся топором, уже заляпанным чьей-то кровью... и упал, раздавленный более могучей силой — силой Магнита.

Страх остался. Страх врос в (Целеста) маленького мистика, не давая дышать, говорить, даже кричать — навсегда, словно рыболовные крючки под кожей.

И тогда Целест (Целест!) проговорил: «Все закончилось. Ты свободен».

Тишина заняла Вселенную, а прервана оказалась тихим голосом:

— Иероним. Рони.

— Очень приятно. Целест. — Парень улыбался. Целест подумал, что тот выглядит как будто воскрес из мертвых. В каком-то смысле так и было. — Слушай, Рони... хочешь ко мне в напарники?

Рони протянул яблоко Целесту.

Позже тот думал, что жест действительно смахивал на предложение о браке. Вернее, на согласие.

5.

Комок пламени болтался под потолком и менял окраску от бирюзового до карминового, словно глаз неведомого монстра. Периодически вспыхивал оранжевым —

лисьим хвостом, косматым и пушистым, будто дразнил своего же создателя. Целест открыл окно и выгнал летучий фонарик под ледяной ноябрьский ливень, в гущу голых заостренных веток, где тот немедленно и затерялся.

Но и без фонарика в комнате-келье было светло. Небо изгибалось черным зевом, выплевывало молнии и потоки воды.

— Я не сплю. Мог не гасить. — Из-под аляповатого красно-коричневого пледа вынырнула светлая макушка. Целест вздрогнул: в грозовом полумраке Рони здорово смахивал на привидение — почти альбинос, только глаза серые; природа пожалела на него иных оттенков. Пожалела и эмоций, и слов — более десяти за день от Рони приравнивались к небольшому чуду. После сплетника Тао Лина к новому соседу приходилось привыкать.

Но Целест не жалел. О том, что скрепил союз с Рони «свадьбой», — тоже. «Тебе придется его многому научить, но он — один из сильнейших мистиков», — одобрил сам учитель; на практике пока проверить способности Рони не случилось, но первое знакомство и легкость, с которой Целеста заташили на задворки чужого — или собственного? — сознания — неплохой аргумент.

«Зато мы теперь друзья», — но порой Целест сомневался. Делить келью и тренировки — одно, но дружба — другое... наверное. У Целеста тоже небольшой опыт.

Может быть, все-таки поторопился... выбрал — он, но выбрали ли его?

— Увидят — шум подымет, — шелкнул пальцами, зажег новый пульсар и тут же загасил его. Целест имел в виду старших Магнитов. Все-таки Гомеопаты сродни монашескому ордену — занудными правилами и комендантским часом для молодежи, например. Не нарушал их только ленивый, однако вконец наглеть не рекомендовалось.

Рони кивнул. Он завернулся в одеяло. Уроженец Северных Пределов или нет, он замерзал от самых незначительных холодов. Целест захлопнул окно, возвратился на свою кровать; на указательном пальце изредка вспыхивало пламя, будто кто-то забавлялся с фитилем свечи.

С Тао они болтали ночами. Иногда тайком притаскивали соседей — и соседок, веселое время. Что можно делать в компании бесчувственного, как рыба замороженная, мистика, Целест представлял слабо.

— Почему ты всегда молчишь? Ты ведь уже не боишься... ну, того что произошло? Все в порядке, а?

Рони улыбнулся. Целест понял это только потому, что вновь запустил крохотный огонек, не крупнее мышиноного глаза, — тот описал траекторию, подразнился перед носом мистика и вернулся к создателю.

— Мы теперь на всю жизнь напарники, — напомнил Целест. — И скоро, наверное, «брачная ночь»... в смысле, настоящая охота. Давно одержимых не было, но эпидемия всегда так, то затихнет, то по десять штук в день, а порой и поболее. Мне уже доводилось ловить — удовольствие небольшое, зато уж адреналину на всю катушку. Никаких гулянок не надо.

Тихое дыхание было единственным признаком того, что Целест не пытается вступить в контакт со стенкой — или пульсаром.

— А еще я хочу тебе столицу показать. Ты ведь кроме деревни своей и не видал ничего. У нас есть на что посмотреть... Площади всякие, оперные театры — там вся знать собирается, и я бы торчал, если не Магнитом был... ага, помирая со скуки.

Он рассмеялся.

Целест поймал невысказанный вопрос. Словно поскреблись в подполе мыши, в качестве подпола — его собственный череп. Он встряхнулся, всего лишь на долю секунды, но испугался вторжения мистика. И устыдился этого.

— Э... нет. Я не жалею. Это круто на самом деле, и пользы от нас поболее будет. Слушай, — осенило его, — а я ведь тебя понимаю. Ты и столицу хочешь глянуть, и все такое, только боишься... люди не кусаются, честно. Музеи — ерунда, пойдем в Пестрый Квартал, там не соскучишься. Хочешь — пиво пей, хочешь — на всяких уродах, фокусников и чертей смотри, девки опять же. Весело.

Целест закрыл глаза, растянулся на кровати. Ему чудилось, будто каждая клетка сделалась невесомой, наполнилась пузырьками гелия; еще он мог слышать Рони, хотя тот по-прежнему не произносил ни слова. Мистиковы штучки? Почему бы и нет — у Целеста нет причин опасаться напарника. Разве не давали они клятвы, так похожей на свадебную церемонию: «до смертного часа единое целое».

Очнулся Целест от прикосновения к ладони. Рони пересел к нему и протягивал запашливо стащенное из столовой печенье.

— Рони? Ты... опять меня... того? — печенье пахло корицей. Целест сравнил его с кольцом — яблоко было помолвкой, это — обручальное; ассоциация отозвалась нервным хихиканьем. Целест замотал головой, потер виски. Поддался? Вновь?

— Ты сам, — Рони снова улыбнулся, настойчиво протягивая драгоценную «добычу».

— Я? Но я же...

«Не могу быть эмпатом».

— Спасибо тебе, — внезапно Рони рассмеялся, и Целест подумал: а не наступит ли конец света? — и тоже хмыкнул, сначала тихонько, затем громче; ему поддакнул вновь взметнувшийся к серовато-желтому закопченному потолку пульсар, брат-близнец пропавшего без вести.

— «Брачная ночь». Хорошее название... и да, я хочу, чтобы ты показал мне город.

Целест исполнил обещание. Вечер спустя они вдвоем покинули Цитадель. В карманах Целеста шуршало несколько смятых купюр — совсем немного, он не только не просил денег у отца, но и отказывался от любой помощи родственников; изредка наведываясь в роскошную резиденцию Альена, старался не попадаться на глаза никому, кроме сестры и матери. А сейчас и вовсе направлялся в противоположную от дома сторону. В Пестрый Квартал.

Благородство и изысканный вкус прививаются тяжело, а выветриваются быстрее нашатыря: маленькие полутемные пивные, будто выдолбленные в каменных нишах старых домов, привлекали Целеста более роскошных ресто-

ранов, да и кислое с запахом несвежей капусты пиво второе вкуснее марочных вин; с простыми гражданами — рабочими, мелкими торговцами и чиновниками, даже с ворами и проститутками Пестрого Квартала всегда найдется о чем поболтать, а братья по крови — пресны и скучны, как утренняя каша в столовой...

Целест скинул мантию Магнита и отправил ее в дупло развесистого ясеня. Целест подозревал, что о тайнике знают абсолютно все, причем не одно поколение, но до сих пор укромное место надежно скрывало шалости и побеги. Рони послушно повторил за ним, оставшись в потертом полосатом свитере и аккуратно залатанных на бедре джинсах.

— Магнитов боятся, — объяснил Целест. — Ну, понимаешь... все-таки «нелюди». А так никто и не поймет, на лбу же у нас не написано!

Рони пожал плечами: тебе виднее.

Забор смыкался вокруг Цитадели и сада литерой «U»: медные ворота метров шесть высотой — треугольные, с завитушками и литыми изразцами, а далее — монолит-камень, хмурый, черно-серый, как мантии Гомеопатов, камень. И вроде бы нельзя покинуть крепости — только своевольные яблони да вишни протягивают тяжелые от плодов ветви за пределы гранитной тюрьмы.

Но кто остановит Магнитов?

Целест завис в полуметре над землей, прикидывая, хватит ли телекинетических сил перекинуть двоих; жёстами объяснил: придется лезть, дальше помогу. Рони отрицательно мотнул головой. Целест скрипнул зубами, но отступить поздно — подхватил напарника за руку, тот был много тяжелее обычно поднимаемых предметов, Целест с усилием закинул его на забор. Рони неуклюже уцепился за кромку, перевалился до половины на городскую сторону. Он закусил губу: от резкого «прыжка» его тошнило.

— Вниз, — скомандовал Целест, вновь пытаясь удержать, отпустил в каких-нибудь десяти сантиметрах, но Рони плюхнулся не изящнее тюка с мукой. Целест вздохнул: он слышал прежде, мол, мистики скверно владеют собственным телом.

— Ты в порядке? — Не хватало, чтобы напарник вывихнул ногу, к примеру. Или сломал что-нибудь.

Рони поднялся, подул на оцарапанные ладони, отряхнул влажную грязь с коленей:

— Да. Пойдем.

— Вперед! — просиял Целест ярче солнышка — даром, что вечер хмурился и сыпал первым мягким снегом. — Виндикар, столица Мира Восстановленного, ждет нас!

Дивен город Виндикар, сиятельная столица империи Эсколер. Точно из обломков помятой и опаленной скорлупы — разрухи, пожаров и наводнений, из мертвенного праха старой Европы, из мраморной крошки и битого стекла, вылупился он, отбросил грязную и неказистую скорлупу, расправил черно-алые крылья.

Отстроенный после эпидемии, Виндикар ныне напоминал лоскутное покрывало — люди всех наций и вероисповеданий стекались в оплот цивилизации, то отражалось в нарядах, говоре, архитектуре. Китайские пагоды соседствовали с викторианскими «колониальными» особняками, по соседству с вычурным барокко можно было наткнуться на поджарый хромированный хай-тек, и все они по стойке «смирно» вытянулись перед сооружениями не самыми высокими, но самыми значимыми: Сенатом, Цитаделью Гомеопатов и Лабораторией. Мелькали аляповатые вывески, пестрые рекламные щиты мелькали разноцветным неоном — специальные батареи подзаряжать нанимались за сходную плату Магниты-воины; Целест собственноручно постарался для господина Доррета, владельца табачной фабрики. Оплачивал Доррет заядлому курильщику половину — деньгами, половину — натурой.

— Моя работа, — не удержался и похвастался Целест, указывая спутнику на растянутую в пол-улицы рекламу. Реклама изображала роковую брюнетку, одетую практически исключительно в витки серебристого табачного дыма, кой попутно являлся для девушки главным источником наслаждения — во всяком случае, если судить по ее лицу.

Рони открыл рот, чтобы напомнить о запрете использовать ресурсы Магнита не по назначению, но промолчал, конечно.

Вдоль пасмурных улиц тянулись вереницы багряных огней, город казался залитым не то закатом, не то отблесками пламени. Красный считался цветом Виндикара, злые языки вспоминали старое значение — символ проституции, но вне кухонь — или частных вечеринок с камином и сладким ликером — так шутить не рисковали даже аристократы. Злой язык и потерять недолго, а власть Сената — справедлива, но строга. У черно-багряного города имелись не только крылья, но и стальные когти, зоркий орлиный глаз и острый клюв.

Целест и Рони миновали Площадь Семи — Целест рассказал три легенды о непонятных «Семи», в каждой упоминались разные личности. То повешенные за крамольные стихи поэты, то бунтовщики, сожранные дикими зверями, то вообще одержимые.

Рони едва поспевал за длинноногим и быстрым Целестом, затем не выдержал и осторожно потянул за рукав. Целест сбавил ходу.

По площади и прилегающим улицам мелькали вытянутые, похожие на серебристых и золотых рыб мобили. Рони, уроженец «скорлупы» — Северных Пределов, испугался их поначалу и закашлялся, когда одна из золотых рыбок обдала его зловонным бурым дымом.

А за задернутыми занавесями он ощутил причудливые галлюцинации и животную похоть — будто ударной волной оттолкнуло, он застыл посреди площади с открытым ртом.

— Кто это, Целест? — не сразу развернулся к провожатому.

— Детки аристократии, — фыркнул тот, — обдолбались порошком и катятся куда-нибудь в дорогой клуб... а, извини, ты не в курсе, что такое наркота и клубы.

— Они подобны одержимым, — заметил мистик, — хотя вызвали болезнь сами.

— Не путай болезнь с кайфом. — И Целест закурил помятую и надорванную сигарету из истрепанной пачки; Рони поморщился, но послушно вдохнул терпкий табачный запах. Кайф... вроде настойки с мухоморами — в деревне готовили такую, на дно огромного жбана клался один-единственный гриб цвета огня Виндикара, а потом заливался ржаной брагой.

Целест уже опередил его, рассекая разномастную толпу, торопился в Пестрый Квартал. Мимо оперного театра — тоже Восстановленного; мраморные атланты блестяли словно смазанными жиром гладкими телами, у входа рыкали родонитовые львы и застыли, немногим отличаясь от статуй, привилегированные стражи. Мимо рынка — Целест поставил мысленную галочку сводить туда Рони, но в другой раз, днем, ночной рынок скучен и мертв — а его темный собрат пробуждается как раз в Пестром Квартале. Мимо строгого здания Сената, похожего на грозный перст, мимо богатых домов — и постепенно сворачивая на все более узкие и грязные переулки, асфальт сменился булыжниками, дыхание прохлады и сочных пушистых пионов на клумбах — смрадом гнили в канавах, переполненных мусорных баков; ухоженные палисадники и расписные витражи — неприличными граффити на стенах.

— Хватай меня за руку, — предупредил Целест. Сюда добропорядочные граждане носу не казали — велик риск нарваться на кого угодно, от банальных грабителей до маньяков; конечно, и десять человек не сладят с мистиком — а уж с мистиком и воином подавно, но Рони мог просто заблудиться...

Трущобы напоминали многократно сломанную и неправильно сросшуюся кость. Кое-где серые дома смыкались тупиками, скалясь выбитыми окнами и облупленной облицовкой, похожей на трупные пятна. Кое-где красовались заборы, увенчанные колючей проволокой. То и дело раздавались далекие крики, ругань и звон битого стекла, несколько раз Рони слышалось, будто за их преследует нечто огромное и сопящее, как медведь-

шатун, отчего он вцеплялся в ладонь Целеста до спазма в собственных пальцах.

— Не бойся ты так, — не выдержал тот. — Мы же Магниты, забыл?

Забыл. Рони приняли в Цитадель без теста — еще бы, нейтрализовал настоящего, не связанного одержимого, однако оставался семнадцатилетним мальчишкой из вычеркнутых самими Гомеопатами Пределов, где в черных кошках и домовых верят куда крепче, чем в Магнитов...

— Скоро придем, — утешил Целест. — В Пестром Квартале не страшно. Там... пестро.

И лучшего определения не сумел бы подобрать он. Очередной поворот, и словно вынырнули из глубокого колодца, да не куда-нибудь, а на карнавал. Вечный карнавал царил в Пестром Квартале. Гротескная пародия на «официальные» площади и проспекты Виндикара. Чадно дымили подожженные мусорные баки, и пламя их ничуть не отличалось от драгоценного пурпура фонарей; подкрашенные фосфором вывески имитировали дорогие бутылки, кое-где торчали чахлые кусты или даже общипанные деревья, и они передразнивали ухоженные скверы. А многочисленные притоны — чем они хуже дорогих клубов, где развлекается богатая молодежь? Разве наркотики там дороже да вместо оборванных, замотанных в грязные тряпки вышибал — секьюрити в строгих костюмах.

Но суть одна. Целесту доводилось бывать и там, и здесь, и он давно уверился: Пестрый Квартал, прибежище воров, наемников, бродяг, шлюх — а порой и порядочных отцов семейств, из тех, кто хочет отдохнуть свободно и без присмотра соседей, — его стихия. Словно родился он не от семени благородного Альена, но был зачат под забором какой-нибудь проституткой и наркоторговцем.

Целест с наслаждением нырнул в разномастную толпу — Пестрый Квартал к ночи пробуждался, здесь обитали те, кто днем предпочитал скрываться в потаенных нишах безглазых домов, а то и в канализации. Привлеченные яркой внешностью, к Целесту тут же прилипли две девицы неопределенного возраста — от пятнадцати до

сорока, макияж и розовые парики прятали истину надежнее масок. Одна выдохнула пряный дым наркотической сигареты прямо в лицо, томно протянула:

— Развлекаетесь, мальчики? — а вторая тем временем, наматывала на палец волосы Целеста, которые в отблесках живого огня тоже казались огненными.

— Позже, — привычно отмахнулся Целест. Он не выпускал руки напарника, и это вызвало у девиц ухмылку и хихиканье.

— Они представляли нас в постели, — заметил Рони. Буйство ярких красок вокруг лишь подчеркнуло его бледность, но сейчас щеки стали пунцовыми. Целест заржал, захлебывался хохотом, даже согнулся пополам, хлопая себя по коленкам:

— Не обращай внимания. Здесь все такие. Но это же весело!..

«Не обращай внимания», — сказал Целест, но Рони то и дело перехватывал образы — непристойные, подернутые пеленой наркотического бреда, а порой и образы убийства. Эмпат болезненно ежился, послушно семенил за Целестом и отгонял самое неприятное. Однако недаром Тиберий назвал его «сильнейшим мистиком» — минут через пять-семь он поставил «фильтр», поднял голову от залитых помоями, иногда кровью, булыжников и начал осматриваться по сторонам.

Виндикар подобен плащу — двухстороннему, подкладка его тоже вышита золотом, и поди разберись — где фальшивое (изнанка?), думал Рони.

Одноглазый и босой, несмотря на ноябрьский холод, тип схватил за рукав, предложил «ширнуться на халяву», и Целест поспешно выдернул из «объятий».

— Осторожно: они колют одноразку. — И тут же пояснил: — Наркоту, которая вызывает моментальное привыкание.

Где-то зычно голосили зазывалы — торговали живым товаром, таблетками; нищие с алчным взором прямо на перевернутом мусорном баке играли в карты, кости и «наперсточек». Какой-то парень с «ирокезом» и в пир-

синге на ушах, губе и бровях, яростно колотил по и без того раздолбанному «однорукому бандиту».

Целест немного задержался перед вывеской «Цирк уродов», но преодолел соблазн. Ему хотелось поскорее добраться до любимой забегаловки и познакомить старых приятелей с новым другом.

Вот и она — притон «Кривоногий Джо» — название, словно почерпнутое из вестернов эры до эпидемии, на самом деле идеально описывало хозяина. Сломали ли Джоаниму ноги в драке, либо родился с травмой — никто не знал, но его ноги смыкались в форме буквы Х и двигались только от колена. Что не мешало ему двигаться проворнее иных «прямоногих».

Целест с порога вскинул руку в приветственном жесте, и многие из посетителей ответили ему — может быть, не как товарищи, но как хорошие знакомые. Сам притон отличался подозрительным сходством с подвалом, а то и тюрьмой: низкие потолки, холодный мшистый дух, жестяные, многократно разбитые и подвязанные клейкой лентой столы и стулья, — Рони припомнил скамьи в Цитадели, затем в родной хижине, — просто драгоценная мебель в сравнении с этим. Вместо украшений по стенам кто-то развесил железные кружки и пустые фляги. Вместо барной стойки стоял еще один стол повыше, и хозяин — тощий, косматый, похожий на шельмовского ободранного кота — разливал прямо из массивных бочек какое-то пойло.

Рони втянул смесь кисловатого дыма керосинок, табачной горечи и еще чего-то, сладковато-гнилостного, и покорно нырнул в густой полумрак. Целесту виднее, куда идти. Он же обещал веселье...

А Целест тем временем резво распахивал локтями полупьяных посетителей — он пробирался к дальнему «столику». Рони невольно закрывал нос и рот ладонью: от местного сброда несло перегаром, чесноком и немытым телом. Он бы попросил Целеста уйти, но, кажется, поздно...

Сына Верховного Сенатора встретили радостным (радость подогревалась хмельными парами) гиканьем из дальнего угла.

— А, Рыжий, вот и ты! Тащи задницу, местечко найдется! — возопил бородатый гигант с черной повязкой через правую половину лица. Когда он поднялся с места, гроыхая огромной кружкой, Рони почудилось, будто гигант выше его минимум вдвое, а когда облапил Целеста — тонкокостный аристократ полностью исчез в дружеских объятиях.

— Привет, Пират. Снова налакался по уши, обжиматься лезешь, будто я девица, — зафыркал Целест. — Пес, Лысый, Клык — и вам тоже здрасте, только не надо меня тискать...

Типы со странными кличками вполне отвечали каждый своей. «Пес» был примечателен шапкой-ушанкой на меху соответствующего животного и осанкой побитой дворняги. Лысый блестел не только гладким черепом, но и извилистой татуировкой на бычьей шее. Клык скалился единственным зубом, маленькая голова на длинной немытой шее и перьеподобные лохмотья делали его похожим на стервятника.

— Рони, не жмись. Иди сюда, — окликнул напарника Целест. — Это мой друг, Иероним. Все зовут его Рони.

Подтащили к колченогому столу и усадили на скамейку. Мигом перед носом появилась кружка с местным пойлом, от запаха которого у Рони заслезились глаза. Он только вздохнул. Он предпочел бы сытный ужин в столовой. Если Целеста тянет на авантюры — можно забраться в кладовую...

— Здравствуйте, — поздоровался мистик.

— Ххех, друзья у тебя, Рыжий... он нас боится. Маленький белый кролик. — И Клык щелкнул голыми деснами, а его друзья заржали. — Кролик!

Рони философски пожал плечами. Хоть тараканом назовите, только бы... — он отодвинулся на край скамьи.

— Тихо! — гаркнул Целест, причем примолкли за соседним столом тоже. — Обидит кто — спалю заживо. — И все как-то подались назад, видимо сообразив: угроза воина-Магнита — не птичкино чириканье.

Но в следующее мгновение Целест хлопнул Пирата и Клыка по плечу, как ни в чем не бывало:

— Чего новенького слышно в Пестром Квартале?

— Новенького? А что у нас случается, — пожал плечами Пес, «уши» его качнулись в такт. — Жабу прирезали недавно — говорят, кого-то на камешки из Пределов нагрел. Девки наши в облаву последнюю попались, да и сгнули. А так — все по-старому.

Целест кивал с видом главаря банды, но интересовался не тем. Контрабандисты возили много ценных штук, и Целест многозначительно хлопнул себя по карману. Компания завозилась с серьезным видом, Пират и Лысый прикрыли остальных массивными телами, на испещренном непристойными надписями столе появились карты, сигареты — из тех, что не купишь у Доррета, томно мерцали рубиновые и опаловые броши и серьги родом из влажных экваториальных островов, где солнце горячо круглый год, а рабство — законно. Но Целеста интересовало иное: запрещенные в Эсколере, Виндикаре и Мире Восстановленном книги — на полуистлелой бумаге и поцарапанных дисках. Основа всего — данные из Архива, что под соленой массой Мертвого Моря; спрятанные в самом начале эпидемии знания по медицине, технологии, химии... и о самой эпидемии тоже; контрабандистам порой удавалось выкрасть парочку не слишком ценных, но гигантский Архив, похоже, не ощущал ничтожных потерь. Ирония в том, что у элиты Гомеопатов к Архиву свободный доступ, как и у Сената, но Целест не был ни элитой, ни членом Сената.

Целест выбрал несколько, усмехнулся про себя: знал бы папочка, как его сын собственноручно нарушает законы Виндикара...

— За встречу, — грохнули кружки. Рони, доселе безучастного и будто полусонного, Целест пихнул в бок острым локтем. Пришлось присоединиться к тосту и выяснить: на вкус пошло «Кривоногого Джо» еще отвратнее, чем на нюх.

Потом еще глоток... шум, крики и лязг посуды отделились на второй план. Мистик потихоньку клевал носом.

Целест сыграл шесть партий в карты, проиграл половину купленного, переругался с «приятелями», обозвав Пирата шулером и вруном, тот выхватил кривой нож, но побоялся воина. В результате у Целеста остались драгоценные диски да опаловая заколка, похожая на пушистый венчик дикой ивы или вербы.

В висках Рони пульсировала мигрень.

— Ты все? Может, пойдем, а? — шепнул он Целесту. Обещанное веселье он мысленно похоронил и отпеть успел.

— Позже... погоди немного, — ответил Целест. Его царапнула когтистая совесть: кажется, мальчишка из Северных Пределов не оценил похода. Целесту захотелось повести Рони еще куда-нибудь, может, в Цирк Уродов или к девочкам, он уже соскочил с места, чтобы, не прощаясь, покинуть знакомцев и притон. Именно тогда появилась танцовщица.

У Кривоногого Джо случался стриптиз и непристойные шоу. Целест загасил сигарету с травкой:

— Гляди. Сейчас она такое вытворять будет...

И ошибся.

Завернутая от щиколоток до переносицы в покрывала, танцовщица поначалу вызвала презрительные усмешки, даже свист: что за мелочь? Да и ткань, поблескивающая оттенком лунного камня, скрывала все самое интересное. Целест заметил неподалеку сухопарого мужчину, строгость осанки его не замаскировал даже аляповатый цирковой балахон в желтых звездах из фольги. Мужчина волок за собой древний обшарпанный, точно сделанный еще до эпидемии, магнитофон, долго возился с кнопками — а нетерпеливая толпа подзуживала маленькую танцовщицу раздеться, выкрикивала насмешки и непристойности, но кокон оставался нетронутым. Целест сравнил слабое мерцание тканей с лунным лучом, растворенным в озере. Холодном глубоком озере — в нем легче утонуть, чем поймать кусочек света.

Наконец доисторический магнитофон откашлялся, поворчал, как и полагается не вовремя разбуженному

старичку, и завел монотонную заунывную мелодию, скорее всего одна в нем она оставалась — еще на старом диске или чудом сохраненная в памяти. Мелодия выводила одну ноту, бесконечно растягивая и размазывая, словно незастывающий комок черной смолы, горячей вязкой смолы; Целесту хотелось подпрыгнуть, вырваться из зыбучих песков, втянуть в легкие свежий воздух... но за него это сделала танцовщица.

Словно корка инея опали перламутровые одеяния, и осталась она обнаженная, совсем девочка, вряд ли лет четырнадцать-пятнадцать исполнилось — по-цыплячьи худая, с маленькими острыми, как звериные мордочки, грудками; она прикрывала окружая ареол ладонями и тряслась, будто от холода или страха, а может, того и другого. Она обвела зал взглядом пойманной в норе лисицы, оскалилась своре похотливых и жестоких собак, а потом ринулась с места — в бесплодной отчаянной попытке убежать. Ритм сменился с монотонного на тревожный, и девочка отлично чувствовала его — она замелькала, спасая от неведомых преследователей свою жизнь, закрутилась веретеном с обсидиановыми нитями длинных волос.

Клиенты «Кривоногого Джо» были отребьем и пьяными свиньями, знал Целест, — но сейчас не мог не отмечать краем глаза, что никто не воспринимает наготы девочки, только ее движения, ее страх и отчаянную жажду жизни.

Целест выступил вперед. Девочка извивалась, уворачивалась от невидимых врагов, теперь она схватила лепестки-покрывала, точно надеясь отбиться или сокрыться от преследователей — но тщетно. Согнулась в такт звенящей ноте, выпукло выступили лопатки и желобки позвонков, а потом снова — вперед, погоня продолжалась.

Целест поймал себя на том, что почти не дышит. И не хотелось дышать.

Девочка поравнялась с ним — Целест перехватил ее умоляющий взгляд, едва сдержался, чтобы не кинуться спасать, а потом забились в причудливой агонии, и вместе с танцовщицей бились пойманными в стеклянную

клетку птицами аккорды, и вот — замерла она, пронзенная стрелой или пулей, вытянулась в судороге и опустилась бессильно на холодные грязные камни.

Несколько минут в зале повисла тишина.

Целест нарушил ее первым — вместе с аплодисментами к потолку бывшего подвала или «обезьянника» вознеслись искры фейерверка. Меньшее, чем он — Магнит, повелитель стихий, — мог отблагодарить танцовщицу за маленькое чудо. Уже после него вступили остальные — кто хлопал в ладоши, кто колотил по столам кружками или рукоятью кинжала. Благообразный «клоун» и танцовщица поклонились, и клоун стал ходить по рядам с железным подносом, и щедро бросали серебро прижимистые забулдыги. Проняло каждого.

— Она такая... — протянул зачарованно Целест. Он обернулся к напарнику: — Рони, что скажешь?

Тот молчал, улыбался своей странной, чужеродной улыбкой. Компания контрабандистов во главе с Пиратом аплодировала и шумела более всех, Клык жевал губами и причмокивал, а Лысый вывалил целую пригоршню монет на стол — для «клоуна» и танцовщицы.

— Рони! Тебе не понравилось? — Кажется, Целест готов был драться.

— Она... воплощенная, — сказал Рони, и закусил губу.

Станный комплимент, однако Целест собирался ковать железо, пока горячо: то бишь пообщаться с танцовщицей лично. Он сгреб монеты на поднос «клоуна»:

— Господин! Мы с другом навеки сражены прекрасным танцем! Нельзя ли поговорить с танцовщицей, а, господин?

Строгий «клоун» выпрямился, хотя до того почтительно кланялся всем и каждому:

— Моя дочь не проститутка.

— Что вы, господин! Она ведь ребенок совсем, как мог я подумать такое? Я просто хочу, — и Целест вынул из кармана заколку-цветок, — подарить ей это лично...

Клоун оценивающе посмотрел — не на безделушку, на Целеста. Потом на Рони, который по-прежнему улыбался.

— Хорошо. Идите за мной.

— Благодарю, господин. — Целест кинулся за отцом танцовщицы, забыв попрощаться с контрабандистами. Рони нерешительно махнул им напоследок.

— Зови меня Пеней.

— А ваша дочь, стало быть, Дафна? Танец напомнил мне именно этот миф...

Мужчина остановился у входа: девочка уже покинула притон. Он испытующе воззрелся на обеих парней, буд-то размышляя: откуда клиент Кривоногого Джо знает античный миф, потом как-то криво, одной стороной рта, ухмыльнулся:

— Нет. Вербена. Ее имя — Вербена.

Танцовщица ждала на улице. Она успела переодеться в поношенные брюки из грубой ткани и растянутый серый свитер, из воротника торчали ключицы, сейчас — в свете горящих мусорных баков и среди гомона толпы Пестрого Квартала — всякое чародейство исчезло. Обыкновенный угловатый подросток с парой маленьких прыщиков на подбородке.

«Совсем ребенок».

— Вот, дочка, — проговорил «клоун», — к тебе поклонники. Поболтай-ка с ними, а я кружку пива пропущу, в горле пересохло...

Попутно Целесту и Рони продемонстрировали кулак. Мол, только троньте. Целест пантомимой изобразил агнца божьего, и Пеней вернулся в бар.

— Здорово танцуешь, Вербена, — сказал Целест. Девочка подсчитывала медяки, закрываясь от проходящих мимо людей, словно готовая броситься и вцепиться в глотку любому, кто сократит расстояние до трех шагов. Она хмыкнула, полуоглянувшись в сторону неожиданного «фаната».

— Чего надо-то?

— Просто похвалить. И вот... — Целест достал заколку, чуть задержал ее в ладони, заставив опаловый венчик вербы распушиться, потянуло весенней свежестью — девочка удивленно распахнула ярко-голубые, лунные, глаза:

— Это мне? Как ты это сделал?

— Тебе. Сделал, и все.

Откуда приехали чопорный «клоун» и «гадкий утенок» с грацией эллинской нимфы? И неужели она не слыхала ни разу о Магнитах? А хотя... в сознании большинства, Магниты — убийцы и палачи, а терпкий вербный пух — вечный призрак весны, посвящение девочке с цветочным именем, — мало общего с усмирением безумцев.

Целест усмехнулся. Он присел на корточки, сделал вид, что более всего на белом свете интересуется спором двух панков неподалеку; Вербена любовалась заколкой, а в эбонитовых волосах ее «бирюлька» засияла жемужиной.

Или кусочком луны, предположил Целест.

— Кто ты? — спросила Вербена.

— Целест, — назвался он. Вербена достала откуда-то дешевое зеркало в зеленой пластмассовой оправе и стала придирчиво изучать последствия влияния подарка на свою красоту.

— Вербена. Впрочем, ты уже у па выяснил. А это кто? — Она ткнула указательным пальцем (ногти обкусанные, а кутикулы в грязи) в Рони.

Мистик понял, что столбом прикинуться не выйдет — ростом маловат, неуклюже поклонился девочке:

— Иероним. Рони.

— Ты похож на крысу, — заявила девочка. — А ты — на белку. — Второй приговор она вынесла Целесту. Оба закашлялись, пряча хохот; потом Целест щелкнул Вербену по носу:

— А ты не промах. Вербена, ишь. Сорокой будешь, поняла?

— Да хоть гусеницей, — не растерялась танцовщица. — Если еще чего-нибудь дашь. А?

Целест смутился. Подарки закончились — у него только диски по карманам рассованы, но то старое знание, к чему оно своевольному подростку? Он беспомощно моргнул Рони, ища поддержки, и мистик выступил вперед с видом «вот-так-всегда».

— Нет украшений. Но я могу показать тебе картинки... красивые картинки. Если позволишь.

Вербена сложила руки на груди, отчего длинные рукава болтались, словно кукольные. Свитер, кстати, явно мужской, да и штаны тоже — ушитые и подрезанные, но чужие... Целест пожалел, что отдал деньги контрабандистам. Онигодились бы танцовщице.

— Картинками сыт не будешь. Белка, ты мне нравишься больше.

— Поздравляю, — не удержался и шепнул Целесту Рони. Он поднял ладони в жесте «не буду вам мешать», отступил в тень закоулка, но там спал и ворочался во сне пьяный, от которого за пять метров несло мочой, и Рони брезгливо отодвинулся.

А Целест растерялся — наверное, впервые за девятнадцать с половиной лет; будь Вербена лет на пять постарше, он рассыпался бы в комплиментах и питал надежды, чего делать с неоформившимся ребенком, он не знал... и вообще, зачем полез к танцовщице? Сказать, что она заставила его — профессионального «мага» Мира Восстановленного — поверить в чудеса?

Глупо как-то...

— Вы с отцом живете здесь?

— Неа. — Мелочь тихонько звякала в потертом брезентовом кошельке. Кое-кто из прохожих голодно облизывался на него, но сунуться боялся: рыжий парень вызывал смутные опасения. — Заглянули вот... потом уедем...

— В Пределы?

— Угу. — Кажется, не интересовал более девочку Целест. И без помощи телепата-Рони можно прочитать «дяденька, отвяжитесь уже».

— Ты классно танцуешь, — повторил Целест.

— Спасибо. — Наградой оказалась полуулыбка — губы смуглые, а зубы ярко-белые, колючая и свежая, как весенний побег.

«До свидания», почти проговорил Целест. И почти позвал — «Рони, пойдем», готовый извиниться за сомнительное веселье и унести сувениром Пестрого Квартала

неясную, недосказанную тоску, похожую на многоточие или поврежденный на самом интересном месте файл с антикварной флэш-памяти.

Его остановил Рони. Мистик вывалился из своего угла белесым клубком ниток, расталкивая прохожих; едва не растянулся, ухватился за локоть Целеста. Невыразительное лицо стало гипсовой маской ужаса.

— Там... Целест...

Остальное не расслышал. Бар «Кривоногого Джо» полыхнул столпом огня, грохот последовал секундой позже и оглушил обоих; инстинктивно Целест кинулся к Вербене, закрывая ребенка собственным телом, повалился на заплывающие булыжники. Каменно-огненный смерч разметал толпу — обитатели Пестрого Квартала очутились внутри исполинской печи, полной угля и пламени; по мере того как взрывная волна опадала, просеивались крики боли и ужаса.

Целест приподнялся на локтях. Каменные своды эксподвала, призванные выдержать перестрелки и пьяных посетителей — а хоть бы бомбежку! — проседали карточным домиком. Притон складывался внутрь на манер мятой картонной коробки. Из-под обломков тянуло гарью и жареным мясом. Целест сглотнул.

— Вербена? Рони?

Девочка молчала. Ее била дрожь, но она оказалась цела и невредима. Мистик лежал рядом и тоже с трудом сдерживал тошноту — наверняка в тот момент радуясь, что ужинал много часов назад. Светлые волосы забрызгала чья-то кровь — рядом с Рони валялась оторванная нога, похожая на неловко выделанный протез; кость розово и сахаристо мерцала в огненных отблесках. Ее владелец щерился выломанной челюстью метрах в десяти.

— Одержимый, — проговорил Рони.

— Мой, — буркнул Целест.

— Не знаю. Могли взорваться бочки со спиртом. «Псих» свел всех с ума, и...

Целест скрипнул зубами. Рони — прилежный мальчик, черт подери, зазубрил параграфы Устава и Правила

Магнитов, но доводилось ли ему сражаться в полевых условиях... ну, кроме первого раза? Нет!

— Папа! Папа-а! — Вербена вырвалась из «объятий» Целеста, резко села на тротуаре и с той же ловкостью, какой недавно изображала Дафну, — кинулась к раздробленному зданию, перепрыгивая через фрагменты тел и еще живых — обожженных, залитых кровью людей. К босым пяткам липли жирные хлопья сажи, они же кружились в пространстве вперемешку с песком и мелким гравием. Ничего, кроме криков, мяса, огня и гравия...

— Стой!

«Проклятье!»

Целест рванулся следом, а Рони — за ним. Он закашлялся на полпути, захлебнулся пеплом и смрадом; выплюнул черную слюну. Полуразрушенное здание пульсировало, изгибалось в ладонях огня, дышало — хваталось за последний вздох, но внутри никого не осталось, не могло остаться...

— Па!..

Она едва не запнулась о распростертое тело — вернее, несколько тел, огонь сплавил их в единую безобразную химеру; химера еще жила и тянула к Вербене ободренные до остова щупальца, девушка наступила на фаланги, и те хрустнули, рассыпались пеплом.

— Па!

— Да стой ты, дура! — не выдержал Целест. Пожар по-прежнему полыхает, и не мог никто выжить там, ни единственный человек, и не...

— Одержимый. Вот он, — проговорил Рони. Словно в ответ на бесстрастный комментарий заляпанного чужой кровью и пеплом мистика, бар дрогнул и, прежде чем окончательно просесть, выплюнул небольшую группу людей. Людей? Существ... безобразных и безумных существ; Целест невольно закусил губу, когда узнал «свою» банду — здоровяка-Пирата ослепило полностью, сорвало пол-скальпа, лицо его теперь напоминало изжеванную резинку багряно-алого цвета; бахрома текла и капала на грудь. Рядом шатался Пес — шапка его на поверку оказа-

лась синтетической и теперь вплавилась в голову и шею, обе руки сторели до костей. Лысого и Клыка жар сшил вместе, спиной к спине и вместо ниток — какая-то кружка и обломок стола, матово поблескивал вплавленный металл. Вместе с контрабандистами появились еще несколько выживших — пока-живых, Целест судорожно соображал — шок у них или остатки жизни поддерживаются безумием одержимого-«психа»...

«Черт. Черт. Черт».

Нейтрасети, конечно, не захватил.

Чуть поодаль держался Пеней. Его одеяние обтрепалось, а правильные черты лица размазало случайным осколком — выбив половину зубов и скосив набок нос, но он казался самым «цельным».

— Он?..

— Не знаю!

Оба Магнита стояли в нескольких метрах от одержимого... неподвижно. Целест в пятый раз судорожно пошарил в карманах — ну хоть маленький баллончик; так обворованный на рынке надеется на чудо и возвращенный из небытия кошелек. А к одержимому, размазывая черные слезы, бежала Вербена...

«Он убьет ее. Просто убьет».

Одержимый поднял руку, тупо ухмыляясь, — Целеста передернуло; прежде одержимые были «просто зараженными», безликими, никем. Не верилось, что интеллигент в чуждом ему клоунском костюме переродился бешеной тварью.

Над обгорелым асфальтом закружилась и осела золоченая фольговая звезда.

— Па!..

С кончиков пальцев одержимого сорвался сгусток плазмы — похожий на звезду-фальшивку, эта была смертью, и смерть озарила Вербену — темно-лиловым цветом, Целесту почудилось, будто сморщился и завял пушистый опал-заколка.

«Слишком поздно».

— Вербена! — Воин-Магнит зажмурился. А когда открыл глаза — может быть, всего мгновение спустя, длин-

ное, как век настоящей звезды, мгновение, — то увидел, как закрыли тела контрабандистов девочку, завалили ее, она пронзительно визжала от ужаса, но... была жива. Искалеченные жертвы одержимого образовали «панцирь» из плоти и крови, тем спасли ее.

— Быстрее, — сказал Рони. Целест отшатнулся: выражение лица мистика ничем не отличалось от одержимого. — Я держу их. Пусть послужат... последний раз.

«Никогда не доводилось... так...»

Мелькнуло — многое. И что попались, и что Рони нарушил правила, подчинив людей своей воле, заставив умирать; сто и одно нарушение, это Пестрый Квартал — сейчас он напоминает поле боя или эшафот после массовых казней, так пускай!

Не успел додумать. Новый сгусток едва не испепелил Целеста, он ловко выставил защитное поле — рекурсивный удар смял Пеню, переломал ключицы и обе ноги, из пробитого черепа густо сочилась околумозговая жидкость. Стоя на коленях, одержимый вновь поднял — единственную теперь, вторая болталась измочаленной культей, — руку.

Метил он в Рони. Это Целест понял безошибочно. Понял и мистик, потерял контроль над почти мертвой бандой, попятился от стены огня — сплошной иссиня-алой, как на газовой горелке, стены — выше, чем в Цитадели, стена не тронет Вербену и Целеста, только маленькую белобрысую «крысу»...

— Твою мать! — Целест перемахнул через распростертые туши — Пират, кажется, попытался ухватить его за джинсу — наперерез огненному барьеру.

Рони почувствовал влагу. Обычный дождь, теплый — много теплее, чем в родных Северных Пределах; он съёжился под потоками ливня, но потом подставил лицо умиротворяющим каплям. Рони был жив.

«Целест?»

Тишина вокруг не прерывалась даже стонами. Рони озирался, схватил себя за уши — оглох, что ли? И где Целест? И одержимый, и Вербена? Вокруг только трупы,

сотни трупов, кроме них — перевернутые мусорные баки, сплюсненные, будто по ним табун коней проскакал, руины... обломки игровых автоматов, какие-то балки и скрученные листы железа, тряпки и битое стекло...

— Целест! — позвал он, собственный голос почудился неправдоподобно-громким.

— Здесь. — Из-под мясной груды выползло нечто грязное, заляпанное кровью, сукровицей и сажей. — Я его призвал. Вон валяется... — Он указал на останки Пеней. Выглядел он будто в зад засунули динамитную шашку.

— Мертв?

— Как старый башмак. Где Вербена?

— Она жива, — после паузы проговорил Рони, — я ее чувствую... Целест. Ты спас меня.

— Ерунда какая! — отмахнулся тот, его волновала девочка, а спасение — как иначе, они же напарники, «вместе и навсегда». — Сумеешь найти Вербену?

— Да. Найду.

Рони не солгал. Безусловно живая и физически здоровая Вербена отыскалась под холмом из плоти — от последнего взрыва контрабандисты спеклись, как гусь в печке, но внизу температура была много ниже. Когда Целест выволок девушку на белый — а точнее, искрасна-бурый свет, она оказалась без сознания, но Рони «просканировал» ее и заявил, мол, просто шок.

— Оклемается, — добавил он. И без паузы: — Что ты с ней делать собираешься?

Отличный вопрос. Тащить в Цитадель? Гомеопаты чужих не принимают, проще подзаборному пьянице пролезть в Сенат, чем постороннему — в Цитадель. Целест поскреб затылок, доводя и без того растрепанные волосы до состояния хаоса первозданного.

— Есть одна идея... Только бы дотащить ее до города. Когда она очнется?

— Не знаю. У меня нет наштаыря. Я попробовал бы разбудить ее силой, но...

— Нет! — быстро оборвал мистика Целест. — Никакого вмешательства.

Рони присел на корточки рядом с распростертой на жуткой перине из мертвых тел девочкой. От зрелища Целесту словно под ногти иглы загоняли; он ежился и лохматил волосы. Он вымотан, исчерпал свой ресурс воина... пустой бак, топливо на нуле...

«Не хватит сил».

Дрожало под коленками, и гулко барабанил пульс, почему-то в животе, а не под левым ребром, где ему полагается находиться.

— Рони, ты сможешь ее поднять?

Мистик прикинул вес костлявой девчонки, согнул руку и тронул мускулы. Жидковато как-то выходило, прощупывался жирок, а вот мышцы — не очень. Целест сложил указательные пальцы в жесте мольбы.

— Поднять — да, — наконец, выдал Рони. — Но долго не пронесу.

— Я поддержу, — с облегчением выдохнул Целест.

Телекинез и немного физической силы. Сработало.

— Нужно торопиться. — Целест в последний раз оглядел мертвых и полуживых; Пестрый Квартал замер, точно ужаленный паралитическим ядом, но вскоре оживет — и забурлит, буйно и разнузданно; скорбь и насмешки, панихида и мародерство — все явится следом за затишьем, а еще — другие Магниты и стражи почтут появлением зону отверженных. А вот им пора уходить.

Целест опять вел заброшенными переулками. Нынче тишина и темень — без гнусных миазмов горелой плоти — впитывались подобно исцеляющей мази. Рони устал после первой сотни шагов, но держался, Целест выскребал остатки ресурса, умоляя: ну хоть немного, еще чуть-чуть...

Вербена по-прежнему висела безвольным мешком с костями.

— Куда мы идем? — пропыхтел Рони, поправляя ношу — Вербена упорно соскальзывала носом вниз. Они выбрались на прилично освещенные, асфальтированные и сонные улицы — здесь о трагедии не хотели знать. Впрочем, одержимый мог появиться среди горшков герани на подоконниках абсолютно так же. Никто не застрахован.

Целест едва не запнулся на ровном месте. Но ответил:
— Ко мне. Главное, чтобы отец не увидел... а мать и Элоиза позаботятся о Вербене.

Крались снова закоулками. Целест сам себе напоминал вора, с самого дна Пестрого Квартала — грязный, как не свинья, целый свинарник, озирается после десяти шагов — не появится ли где страж или патрульный Магнит. И так далеко до резиденции Альена...

— Целест. Я больше не могу. — Ровный голос на последнем слоге сорвался в хныканье. Целест вспомнил, что Рони младше его на два года, помимо всего прочего. Шенкам не свойственен стоицизм.

— Давай передохнем.

Они как раз пробирались через заросший яблонями и декоративной вишней переулок зажиточных виндикарцев. Заборы вздымались в небеса, а мостовая источала тонкий аромат специального шампуня.

«Виндикар — изменчивый», — невольно подумал Рони. Он неуклюже плюхнулся прямо на подмерзлую мостовую; от холода передернуло, но усталость взяла свое. Вербену расположил рядом — колени стали ей подушкой. Целест помялся и сел рядом.

— Далеко еще?

— Не очень. Ты совсем выдохся, да?

— Прости. — Рони изучал собственные грязные пальцы, словно ученый — новую бактерию под микроскопом. — Я плохой напарник. Из-за меня погибли твои друзья.

— Заткнись! — Целест взлохматил на сей раз чужие волосы. Белесые и короткие, на ощупь они были мягче. — Ты — идеальный напарник. Пират и остальные все равно бы умерли... а ты спас Вербену. И вообще, если кто-то должен просить прощения — то я у тебя, обещал веселье, а получилось вона как...

Вербена заворочалась и гортанно застонала. Вцепилась в предплечье Рони, оставляя поломанными ногтями глубокий след, — но в сознание так и не пришла.

— Я видел ее танец. — Рони улыбнулся. — Она воплощенная.

Не мог объяснить, не находил слов. В языке людей, что старше Мира Восстановленного, есть понятия всего-то для пяти чувств — эмпатия не входит в список. После первого призыва мир перекосялся в сторону призрачных полугаллюцинаций, реальность рассыпалась, словно стекляшки в калейдоскопе. Рони прозрел и ослеп одновременно. Странное, неопишемое состояние.

Недаром мистиков считали «чокнутыми» — не без оснований. А Вербена вернула ему цельность.

Ненадолго... но это было хорошо.

— Это было хорошо, — сказал Рони и дернул плечом, будто отгоняя комара. — Я отдохнул. Идем?

— Ага... — Целест снова потрепал его затылок. Затем достал сигаретную пачку, с сожалением выявил блестящую фольгой пустоту. — Напарничек. Между прочим, сегодня у нас и состоялась «брачная ночь»... это стоит отметить. Позже.

Коренной виндикарец, Целест мог пробраться из западной части города в восточную за десять минут — притом что средний мобиль тратил более трех часов. Рони не успел пожаловаться вторично, а Вербена — очнуться от обморока. Целест остановился у очередного забора темно-розового камня с редкими прожилками зелени, затем скользнул к калитке явно черного хода.

— Сейчас.

Рони безразлично кивнул. От усталости ноги сами собой сгибались, причем под неожиданным углом.

Целест поозирался по сторонам. Дом, родной дом... и могут быть нежелательные свидетели. Половина слуг — новые, кликнул отца, решив, что забрались во-ры, а с Адрианом Альеной шутки плохи, пристрелит, а потом разберется, что сыну пулю всадил. Опять-таки ресурс на нуле... воинов хоть и почитают сродни колдунам и чародеям, но суть — гидро-пиро-телекинез, плюс способность к трансформации некоторых веществ. Таблицу Менделеева и законы физики никто не отменял. А энергия для того же гидрокинеза берется из собственных сил...

Целест свистнул два раза и тут же нырнул в негустой, округло стриженный — и в ноябре почти лысый — кустарник, увлекая за собой напарника с драгоценной ношей.

Свист повторился за забором. Целест приглушенно хихикнул.

— Открывай, свои.

За калиткой зашуршало, потом раздался короткий скрип. Целест прищурился, тратя последнюю каплю ресурса на ночное зрение, и осклабился во весь рот:

— Эл! Мы здесь.

Рони чувствовал себя ездовым животным — и отнюдь не благородным скакуном, скорее ишаком или мулом; плелся за лидером-Целестом и тащил Вербену, иногда проверяя ее: жива, здорова, какие-то неясные сны мелькают разноцветными кляксами. Усталость отняла у него все, кроме дара. И будто ушат холодной воды — новый образ, новая аура... Целест? Еще один Целест?

Рони оторвал взгляд от переплетений колючих веток. Девушка-Целест. Похожа.

Довольно высокая, тонкая и гибкая, словно плеть — удар ее обожжет, но от руки хозяина удар — благословение. Рыжие волосы, а глаза оттенка увядшей травы; девушка-осень, двойник Целеста.

— Моя сестра Элоиза. Можно Эл. — Целест беспардонно потянул девушку за рукав куртки, наброшенной поверх пижамы. На пижаме розово мелькали медвежата. Рони почему-то улыбнулся.

— А это мой напарник, Рони...

«Иероним», — хотел добавить тот, но смолчал. Вновь закинул Вербену на плечи с показной легкостью и натуральной осторожностью.

— Ты обзавелся напарником? На-адо же, Целест! — девушка фыркнула, с любопытством уставилась на мистика. Тот не удержался, коснулся ее мыслей. И отпрянул, перехватив «выловил-таки себе мозгожора»...

— Почему мозгожор?

Целест и Элоиза переглянулись. Элоиза скривилась, будто ей жабу за шиворот сунули. Целест продемонстрировал напарнику кулак.

— Простите. Больше не буду, — потупился Рони, благодаря темноту за то, что она сокрыла румянец на его полупрозрачно-светлой коже. — Я...

— Нужно вот разобраться. Эл, помоги, на тебя надежда. — Целест переключил внимание сестры на Вербену. Элоиза барабанила лакированными ногтями по медной резьбе калитки, задумчиво шурилась.

— На фига, возлюбленный братец мой, ты притащил эту замарашку? Да и вообще, заявляешься в три ночи, хотя полагалось бы спать... ну или одержимых ловить. А?

— Долгая история. — Целест пригнулся, чтобы их глаза оказались на одном уровне, потом еще ниже, изображая умоляющий взор. Спектакль был старый, хорошо отработанный. Элоиза широко зевнула, поежилась — в одной куртке все-таки прохладно, ночной морозец кусался стайей насекомых. Мучить брата надоело.

— Давайте внутрь. Только тихо. Отец караул выставил...

Сад в резиденции Альена выгодно отличался от сада Цитадели ухоженностью, пусть и вчетверо-впятеро уступал размерами. Фигурные деревья напоминали молчаливых стражей Площади Семи, а неяркая багряно-лиловая подсветка проникала в каждый уголок — ненавязчиво, мягко, но неумолимо. Словно сам закон. Словно сама воля Сената.

Целест в который раз хмыкнул над символизмом.

Дом расположился в самом живописном углу, словно вальяжный кот. Два высоких этажа, мансарда с лепниной и освещенная крыша: летом там устраивали официальные и не очень официальные приемы, а ныне одиноко ежились мраморные изваяния полуобнаженных девушек и не менее склонных к нудизму юношей. У парадного входа подобных скульптур еще штук пять, плюс два хмурых алебарстовых льва. Впрочем, хозяйка и гости сейчас пробирались даже не через черный ход — там шаталась прислуга, а к пожарной лестнице и раскрытому окну на втором этаже.

— Нам туда, — сообщила Элоиза. Они благополучно пробрались через сад, мимо всех постов охраны — Элоиза частенько выбиралась таким образом гулять, да и братец наведывался. Она легко подтянулась к нижней ступеньке, с юркостью ласки забралась вверх.

— Быстрее! — шикнула с подоконника. Целест в который раз поскреб макушку, и Рони повторил бы его жест, да руки занятые мешали. Что делать с Вербеной?

— Лезь. Я ее подниму телекинезом, — ресурс грозил уползти в минус, а Вербена — свалиться с высоты десяти метров; Целест проклял девчонку и одержимого, досталась пара ласковых и лестнице с Элоизой.

Получилось. Рони зажмурился, когда карабкался — узкие ступеньки воспринимались хрупкими, как трубчатые птичьи кости, скользили в ладонях и под кроссовками, но сверху взирала Элоиза — хитрая и насмешливая, как лисица. Или белка. Белкой Целеста обозвали... Элоизе подойдет аналогично...

Затем Целест поднял Вербену. Бесчувственное тело воспарило, словно девочку заживо прибирали Небеса; Элоиза и Рони подхватили ее и втащили внутрь. Целест взлетел последним.

— Уф... все. Меня не трогать. — И он, ничтоже сумняшесь, прошествовал прямо по зеленоватому мраморному полу, к ворсистому розово-желтому коврику около кровати и на кровать же плюхнулся. На полупрозрачных, как лепестки, простынях отпечатались серые полосы грязи, и осыпалась бордовой коркой засохшая кровь.

— Целест! — взывала Элоиза. Если бы она была воином, подобно брату, от Целеста не осталось и горстки пепла.

Рони тем временем, поместил Вербену в поросычезерозовое и тоже пушистое кресло. Он чувствовал себя неловко в «девчачьей» комнате — среди пастельных тонов, мягких игрушек, двух трюмо красного дерева и с серебряными зеркалами, целого батальона каких-то тюбиков, баночек и бутылочек — они распространяли густой приторный аромат. Печенье, подумал Рони, и рот его

наполнился слюной. Есть хотелось невероятно, но до завтрака далеко...

Он коснулся сознанием Вербены, убедился: девочка скоро очнется.

— Просыпайся, — сказал Вербене.

— Целест! — Гнев победил отвращение. Вымазанный брат был торжественно изгнан с кровати за шкурку. — Только. Попробуй. Еще. Раз...

— Прости, о несравненная сестра, мой тяжкий грех! — картинно взмахнул руками тот и устремился к Вербене. Кажется, она и впрямь просыпалась. Целеста продернула дрожь — где-то в диафрагме, он списал ее на усталость, — когда ресницы девочки шелохнулись. Освещение в комнате Элоизы было золотистым, но глаза Вербены по-прежнему сияли холодной луной.

— Где я? Почему вы... ох, нет. — Она застонала, вспоминая бар Кривоногого Джо. — Мой отец... он ведь умер, да?

Целест закусил губу. На кончике языка свернулась соль — кровавая соль.

— Да, — ответил вместо него Рони. — Прости.

Вербена резко села в кресле, и тут же согнулась, будто пораженная внезапной болью в подреберье. Угловатые плечи тряслись. Подпаленный свитер сполз с левого бесформенной ветошью.

— Что с ней такое? — шепотом спросила у брата Элоиза, но Целест только мотнул головой, опустил на корточки рядом с Вербеной. В тот момент ему хотелось быть мистиком. Или попросить Рони: сделай что-нибудь, вы же умеете. Вместо просьб он молча взял Вербену за руку и тихонько обнял — как почти никогда не обнимал свое-нравную и ехидную Элоизу.. а может быть, вся разница в том, что отец Элоизы жив-здоров и она не одинока?..

— Прости, — повторил за напарником Целест. — Мы тебя не бросим. Правда?

— Ну и чего у вас приключилось? — Элоизе пришлось обратиться к «мозгожору».

— Ее отец оказался одержимым. Целест призвал его. Она... ей некуда идти. — Рони сглотнул. Теперь жажда

пересилила голод: прилип к языку медово-ванильный аромат комнаты и самой рыжей девушки — она так похожа на Целеста, разве поменьше и... ярче. Рони жмурился. — Целест решил...

— Что я оставлю замарашку у себя. — Элоиза вздохнула, — Ладно, придумаем что-нибудь... Не выгонять же вас. Так, братец. — Она повысила тон. Вербена немного успокоилась и прижалась к Целесту, тот осторожно убрал тонкие исцарапанные пальцы. А потом вытащил из перепутанных волос заколку.

— На. Не потеряй. Это твое.

Заставить опал цвести венчиком вербы уже не вышло. Но танцовщица сжала талисман до побелелых костяшек. Там, в Пестром Квартале, она казалась то чаровницей-нимфой, то самоуверенной нахалкой, но теперь...

«Она ребенок», — вновь подумал Целест с какой-то горьковатой, словно клейкие весенние листья, нежностью.

— Братец! Вам всем надо хорошенько помыться! Но дамы первые. — И Элоиза потащила Вербену за собой.

Целест помахал вслед и устроился в том же плюшевом кресле, в котором недавно плакала Вербена, закинул ногу на ногу и достал пачку сигарет. Пачка по-прежнему была пустой. Целест чертыхнулся, смял бело-коричневый картон.

— Как тебе моя сестричка? Не сердись на нее — она ядовита, как гюрза, но в глубине души добрая... где-то очень глубоко. — Целест запустил комком-пачкой в открытое окно. Колыхнулись полупрозрачные канареечно-желтые занавески.

— Угу.

Рони огляделся. Кресло в комнате одно, кровать пачкать — Элоиза рассердится. И за косматый, будто шкура неведомого зверя, ведь розово-желтых не водится, — тоже. В соседнем углу примостился овальный письменный стол с компьютером, но Рони опасался чуда виндикарской техники, а потому и стулу на колесиках не доверял. В результате, устроился на мраморном полу, поджал колени. От светильника в форме бутона пылью рассеивался мягкий бежевый свет. Он укутывал ласково и сонно.

— Ты не обиделся, а? Ну... — на «мозгожора», не договаривал Целест, и тут же подумал: телепат наверняка считал. Сестра Магнита или нет, предрассудки Элоизу не миновали. Целест задумчиво прикусил указательный палец: «Надо будет объяснить Рони. Пусть привыкает. Меня кличут «садистом» и «палачом», ему прилепят ярлык «мозгожор»... все нормально».

— На Элоизу нельзя обидеться. — Может быть, мистик шутил. Или нет. Он уткнулся подбородком в колени, часто моргал. — Она... яркая.

Вновь не хватало слов, теперь — никакой связи с шестым, седьмым или сто двадцатым чувством. Рони пялился на дверь ванной; на мгновение возник образ Элоизы без ее фланелевой пижамы: у нее сметанно-светлая кожа, будто изнутри сияет, и гладкая, как скорлупа; вода проникает в переплетение волос, они темнеют до оттенка старого дерева, а еще капли скользят по щеке, длинной шее и вниз...

Рони мотнул головой, радуясь: мистик он здесь единственный.

— Яркая? — Целест устроился поперек кресла. С кроссовок капнуло. Пара грязных отпечатков неопровержимо свидетельствовала его вину. — Своеобразные комплименты девушкам делаешь... слушай, а ведь мы сегодня неплохо поработали. Самое главное, что Вербена в безопасности. Черт, надо только постараться, чтобы наши ее не забрали исследовать как родственницу одержимого...

Целест вновь закусил палец, будто пытаясь вытащить занозу. Он опасался и Гомеопатов с их мучительными тестами, и того, что Гомеопаты — правы. Вербена опасна? Ее отец разгромил половину Пестрого Квартала и снес бар — экс-тюрьму со стенами метровой толщины, словно муравейник растоптал.

Правила — это правила.

Целест вытер облизанный палец о кресло.

Нет, он не готов отдать танцовщицу хмурым дядькам и теткам из научного отдела Цитадели. Не готов. Они

с Элоизой придумают легенду и для отца, и для Сената, и для ордена.

— А все-таки мы молодцы, да, Рони?

— Угу. Я есть хочу.

— Да ну тебя. Впрочем, я тоже голоден... черт, и слуг не позовешь. Ничего, запрежем сестричку.

Дверь ванной распахнулась и из горячего пара, словно из пены морской, появились обе девушки. Элоиза укутала Вербену в махровый халат все того же оттенка «девчоночьих» пеленок (во всяком случае, так именовал любимый цвет сестры Целест, заставляя злиться). Отмытая и успокоенная Вербена взидала на Элоизу, как весталка — на богиню, снизошедшую в храм. Элоиза торжественно вывела ее за руку.

«Кажется, они успели подружиться», — ухмыльнулся Целест.

— Все в порядке, она цела — пара ссадин не в счет, — начала Элоиза, потом уставилась на нахально развалившегося в кресле брата и на серо-черные разводы. Она открыла рот, и Целест невольно зажал уши, предвкушая нечто сравнимое с аудиальной атакой воина.

— Целест!!

— Прости, — он юркнул к невозмутимому Рони. Пихнул в бок: — Мог бы вступить за уставшего меня.

— Но ты правда грязный. — Рони с готовностью подвинулся на холодном полу. Элоиза кинулась к ним с видом гарпии, матово блеснули крашенные персиковым лаком ногти.

— Еще раз... глаза выцарапаю. И плевать, что ты колдун!

Вербена наблюдала за сценой сначала молчаливо, а потом хихикнула. Закрыла ладонью рот и нос, словно стесняясь смешливости, потом робко моргнула покровительнице: можно? Элоиза махнула рукой, мол, что с него возьмешь.

— У меня котяра был, рыжий, как ты, — сообщила Вербена Целесту. — Вечно облазает все кусты и лужи, а потом в кровать лезет... слышь, а у вас тут круто. Лучше, чем...

Мелькнула грозовым облаком тоска, но Вербена отогнала ее — с заметным усилием; однако маленькая танцовщица смирилась с тем, с чем все равно пришлось бы. Хорошо, что она ребенок, подумалось Целесту, дети принимают боль легко — будто сбитые коленки, а потом встают, отряхиваются и идут дальше.

А еще Вербена вырастет красивой. Обязательно вырастет... Целест не позволит Гомеопатам замучить ее. Элоиза поможет укрыть девочку.

— Лучше, чем в кибитке, — закончила Вербена. С ее волос, лаково-блестящих от воды, оседали капли, и тускло мерцала заколка. — Спасибо тебе, Целест.

И она со знакомой уже грацией опустилась на колени перед воином, поцеловала в щеку — точно клюнул птенец, и вернулась к Элоизе. Целест открыл рот, медленно прикоснулся к месту поцелуя.

— Н-не за что...

— Марш в ванную! — Элоиза притянула девочку к себе. Целесту жест напомнил далекое детство, когда он был уже обреченным, но еще не Магнитом; львиная доля игрушек доставалась «жертвенному агнцу», а Элоиза отнимала и прятала.

«Пускай».

— Возьмешь одежду в шкаф. Твоему другу... — Элоиза смерила оценивающим взглядом невысокую округлую фигуру Рони, — хм... кажется, кто-то из слуг оставлял... — Она закопалась в платяной шкаф, покрытый резьбой, словно экзотическими татуировками, и голос оттуда доносился гулко, как из пещеры. Разноцветные тряпки летели на пол одна за другой, Рони отшатывался от интимных предметов туалета, будто в него метили горящими углями. Зато Вербена подняла за полупрозрачную лямку кружевной бюстгальтер, слегка потянула, и кружева обзавелись дыркой, дизайнерами не намеченной.

— Прикольно... мальчики, вам нравится?

Рони высунулся в окно, точно ничего интереснее облачного неба цвета молочного шоколада не существовало.

«Меня бы уже убили», — отметил Целест, скаля зубы на манер коня на скачках.

— Еще как.

— Во, нашла, — предъявила достаточно потертые штаны — они были чуть не вдвое длиннее ног Рони — и помятую холщовую рубашку, явно принадлежавшую кому-то из слуг. Что уж это тряпье делало у Элоизы — Целесту оставалось только строить детективные версии. — Брюки подвернешь, и нормально. Оба — кыш. Вера, оставь мой комплект в покое.

«Вера? Как мило. Обзавелась куклой... или младшей сестрой вместо нелюдя-брата?»

Горячая вода — сущее благословение. Целест вспоминал множество богов и божков, половину мифологии и религиоведение, на всякий случай вознося молитвы каждому. Грязную одежду он скомкал и закинул в мусорное ведро, предварительно достал диски — надо же, треснули только два из пяти.

— Что это? — спросил Рони. Он уже смыл розоватую пелену чужой крови с волос. На плече, бедре и лопатке вспухли царапины, но несерьезные, даже антисептиком обрабатывать лень... Просто зацепило брызгами камня.

Им повезло. Либо Целест выставил защитное поле? Наверняка второе.

В везение Рони не верил.

— Пытаюсь выяснить правду. — Шум воды и шипение пара заглушали слова. — О нас. Об эпидемии. Обо всем. Много скрывает Сенат, еще больше — Гомеопаты... только бы не добрались до Вербены.

Последнее вырвалось непреднамеренно. Целест прикусил язык, а потом подумал: и? Мистик все равно все знает. Наверняка знает.

— Не доберутся.

Он успел натянуть штаны, а Рони — еще возился с длинными, как водопроводные трубы, брючинами, подворачивая под свой рост, когда грохот заполнил маленькое пространство.

«Вербена?! — Болезненная и тяжелая мысль, Целест застыл с рубашкой в пальцах, а потом выронил ее. — Она?..»

— Прекратите! Что вы себе...

«Элоиза. Жива».

Они вывалились в комнату. Целест сжимал кулаки, его ресурс по-прежнему болтался где-то у дна, зато он собирался драться врукопашную. При необходимости. Он не только воин-Магнит, но и просто — воин... пора вспомнить древнее значение слова.

Элоиза стояла посреди комнаты, уперев руки в бока. Вербена сжалась за кроватью, похожая на зверька, застигнутого в норе сворой гончих. Гончие гремели цепями-шокерами на пороге.

— Какого... вы себе позволяете?! — Элоиза вздернула подбородок. Стражи или нет, ее это не беспокоит. Трое рослых громил, каждый из которых словно был внебрачным сыном женщины и орангутанга, шелкали серебряными рукоятями, а цепи неярко поблескивали у ног. Целест невольно зажмурился. Такая цепь влегкую ломает бедренную кость взрослого мужчины. А Элоизу... и Вербену тоже — просто разорвет пополам.

Стражи хмуро поводили бритыми головами. Целесту почудилось, что они скалятся.

— Приказ выполнен, — гаркнул один из них.

— Да мать вашу, вы хоть знаете, куда затащили ваши здоровенные задницы!? — В подобные моменты с Элоизы слетало луковой шелухой все воспитание и аристократизм. «Кое-чему я сестричку научил», невольно подумалось Целесту. Стражи неуверенно переглянулись.

— Приказ выполнен, — повторил другой, замечательный красными оттопыренными ушами.

Повисла пауза, а потом Целест кинулся бы — обязательно, если уж Элоиза не струсил, так ему и вовсе надлежит грызть глотки этим бугаям. Но из полутьмы за выбитой дверью появился еще один. Не страж — высокий пожилой мужчина, несмотря на возраст сохранивший горделивую осанку, из-за длинных волос более всего на-

поминал он престарелого поэта или художника; Рони тряхнул головой, невольно подмечая сходство уже троих.

— Отец! — подтвердили догадку Целест и Элоиза. Элоиза сориентировалась первой, метнулась к отцу — стражи только дернулись за ней, но с места не тронулись.

— Что происходит? Приходишь среди ночи с какими-то головорезами...

— Твой брат нарушил правила, дочь. — Адриан Альена смотрел сквозь Элоизу, словно девушка превратилась в стеклянную статуэтку. — Он и его товарищ виновны в преступлениях: самовольное отлучение из Цитадели, контакт с преступными элементами, несанкционированное воздействие на посторонних...

Элоиза повисла на пурпурной мантии отца. Та немного вздернулась, обнаружив, что под сенаторским одеянием — обыкновенная ночная пижама. Он тоже человек, почему-то подумал Рони, и улыбнулся.

Адриан Альена, всемогущий Верховный Сенатор... жертвует сыном?

— Я не намерен перечить Гомеопатам. Они ждут вас снаружи. А ее, — кивок в сторону сжавшейся в комок Вербены, — следует уничтожить. Такова воля Гомеопатов, а я, Верховный Сенатор Адриан Альена, подтверждаю...

— Нет!

Рыжей молнией мелькнул Целест. Отвесил удар ногой одному стражу, второму достался тычок в глаз, отчего тот просел, подобно рухнувшей колонне. Третьему, красноухому, за шиворот влетел совсем чахлый, но пульсар; стражи хрипло ругались, но не смели атаковать сына Сенатора. Целест кувыркнулся через кровать, схватил Вербену и попятился к окну:

— Рони, иди сюда. Бежим.

— Поздно, сын, — Адриан Альена наблюдал за действием, словно за представлением в Опере. Недоставало инкрустированного жемчугом бинокля. — Тебя ждут на улице. Лучше сдайся, так будет проще. Взять их.

— Отец. — Элоиза едва не сдернула сенаторский пурпур, но Адриан мягко отстранил ее от себя. Жестом, под-

разумевающим: я объясню тебе все позже, малышка. Элоиза оставалась «любимой девочкой», а сын... что ж, говорят Магниты — нелюди, вот и Целест изменился.

Адриан тяжело вздохнул. На пальцах его, изуродованных артритом, мерцали рубиновые перстни, их он рассматривал, пока стражи скручивали отчаянно вопившего Целеста и его молчаливого напарника. Красноухий «достался» Вербене и держал девочку за горло, готовый придушить по первому сигналу.

— Отец! Пожалуйста, нет, не надо!..

«Неужели так закончится? Вот так... просто... Вербену убьют, нас будут судить... плевать...»

Мелькнул и погас спичкой под дождем плазменный комок.

«Не могу. Не могу ничего сделать — ресурс исчерпан, а если бы и нет... не могу воевать против собственного отца», — опутанный блеклой платиной шокеров, Целест все еще вырывался. Бесполезно. Стражам не совладать с воином, но с девятнадцатилетним мальчишкой — сущая ерунда.

Рони не сопротивлялся. Только вскрикнул коротко, когда хрупнул, стянутый цепью, плечевой сустав. Пока Целест ругался и выбивался, он сумел-таки высунуться на долю секунды в окно, оценить ситуацию: да, ждут. Наручники из нейтрасети и традиционная пара Магнитов. Даже мобиль — графитово-серый, его очертания только угадывались благодаря мерному свету фонарей.

Можно попробовать.

— Нас здесь трое. Элоиза. Целест. Я. — Голос мистика звучал бесстрастно, будто вокодером модулировали — Больше никого.

Страж, душивший Вербену, разжал массивные пальцы. Вербена, негромко вякнув, повалилась на пол. Дрожа, отползла в дальний угол.

Целест открыл рот. Истеричный смех вспыхнул в диафрагме и рассеялся. Молчать. Нужно молчать и не мешать мистику.

Воевать не придется. Он надеялся.

— Адриан Альена, помните: Вербена — ваша дальняя родственница. Ее родители погибли в... катастрофе, и поэтому она живет у вас. Сегодня ночью мы с Целестом нарушили правила и явились сюда, но Вербена живет у вас уже несколько дней. Вы ее любите... как приемную дочь.

— Приемную дочь, — повторил Сенатор.

— Черт... Мозгожор, — невольно пискнула Элоиза. Рони дернулся, как от пощечины, на долю секунды будто рябь пробежала по невозмутимому лицу, однако продолжил.

— Когда ваша жена спросит, кто такая Вербена, расскажете эту историю. Сейчас вы отдадите нас с Целестом Гомеопатам, затем отпустите стражей и ляжете спать. А вы, — Рони обвел немигающим взглядом каждого из преданных охранников; гиганты зачарованно повторяли каждый жест «крысенка». Цепи негромко звякнули об пол. — Ничего не будете помнить, кроме того, что задание выполнили, и успешно. Все.

...Перед тем как наручниками сомкнулась нейтрасеть и хмурые невыспавшиеся Магниты подзатыльником подтолкнули обоих в мобиль, Целест успел показать Рони большой палец.

6.

В камере три на четыре сидели уже дня два. Или три, или неделю, время запуталось в зеленоватых, цвета плесени, витках нейтрасети. Утешало, что нейтрасетью обили стены, словно войлоком — изолятор для душевнобольных, однако руки-ноги не связали. Целест раз сорок повторил, мол, добрый знак: значит, не собираются изгонять или казнить. Их сила пригодится.

Когда-нибудь. Возможно.

— Лучше бы выпороли там, или... — в который раз описал «круг почета» Целест. Рони невольно сравнивал его с пресловутой белкой, посаженная в деревянную конструкцию-круг, она надеется вырваться из клетки и бе-

жит, бежит... бесполезно. Он прислонил голову к скользкой стене и отдернулся: обожгло ядовитыми лепестками.

Рони свернулся на полу в позе зародыша, дрожа от волглого холода.

— Небось ждут, пока мы тут мхом порастем. — Целест пнул бронированную дверь, припечатал ее колючей молнией, и сеть хищным растением поглотила корм. Искры взметнулись до потолка. — Дерьмо! Ненавижу!..

Решетка на двери приоткрылась. В проем втокнули поднос: по плошке похлебки, куску хлеба и вода в жестяной кружке. Еду приносили «отключенные» — некогда одержимые-«психи», а ныне безмозглые зомби, бледнокожие, с сухими бесслезными стекляшками-склерами и черной змеей — тавро Гомеопатов — на лбу. Отключенных использовали как рабов-тюремщиков в том числе потому, что им никакой мистик не прикажет отпереть дверь или деактивировать системы безопасности. На простые приказы «подай-унеси-вымой» их хватало, как и на приказ «охранять пленников». Отключенные копошились в Цитадели, подобно опарышам в гнилом куске мяса, изредка попадались на улицах Виндикара, а избегали их и впрямь, как ходячих мертвецов.

Целест пронаблюдал, как долговязая фигура заторможенно ковыляет по полутемному коридору, едва не задевая макушкой низкий бурый потолок.

— Уроды, — сказал он. Поднял миску с похлебкой, понюхал и поморщился: сущими помоями кормят. Тоже, что ли, наказание? Додумались же!

Он подцепил и выудил картофельную шелуху.

— По-моему, даже ты это есть не будешь, а, Рони?

Реакции не последовало. Целест сравнил напарника с медленно бредущим «отключенным» — полуоткрытый рот и расслабленные лицевые мышцы коматозника; его передернуло. Что происходит? И без того молчаливый, Рони окончательно замкнулся в себе; равнодушный к клетке, к отвратительной кормежке, к... к нему, Целесту. Они ведь друзья. Что случилось?

— Эй? — Он тронул плечо. — Ты не болен, а?

— Нет, — откликнулся Рони.

— Слушай, я уже привык, что тебя болтуном не назовешь, но... в чем дело? Ты отлично выкрутился там, ну, с охранниками... и отцом. — Целест взял холодную ладонь в свою, улыбнулся. — Ты спас нас всех. Я разбираюсь в... воздействиях. Они теперь Вербену не тронут, ты хорошо им промыл мозги...

Кажется, последнего не стоило говорить. Рони выдернул руку с нехарактерной резкостью. Сел на полу и отвернулся от Целеста, закрывая ладонями глаза. И кажется, Целест понимал значение этого жеста...

— Рони?

— Мозгожор.

— Ох, ёпт. — Ничего корректнее Целесту в голову не пришло. Хотелось пинать дверь и материться. «Твою мать, хорошего мальчика из вшивой деревеньки обозвали «мозгожором» — мировая скорбь и трагедия...» — Это все?

— Недостаточно? — Рони припомнил испуганное и немного брезгливое выражение лица Элоизы — уголок ярко-коралловых губ поджат, и она готова отплеиваться, будто на язык попала тухлятина. Мозгожор. Чудовище. Порой чудовища рвут на части врагов, но то не отменяет острых когтей, желтых клыков, ядовитой слюны и вони из пасти.

— Ну.. Рони... — Целест растерянно покусал указательный палец жестом-привычкой, словно в розово-желтом пушистом кресле сестры. — Магнитов не любят, потому что, да, мы убийцы. И мы сильнее обычных людей. Люди побаиваются тех, кто обладает недоступной им силой. Меня в детстве обучали Знанию Восстановленному, так вот, старого Бога распяли на кресте за то, что он был подобен мистикам и воинам сразу. А потом две тысячи лет поклонялись ему. По крайней мере, в нас не пытаются вбить гвозди.

Среди тишины потрескивали разряды «плесени»-нейтрасети. Иззелена-черные искры пробегали и осыпались; камера облизывалась на пленников и жаждала испить до дна. Целест в очередной раз погрыз палец.

Поддействовало? Не лучшее время для проповеди, не лучшее время для поддержки боевого духа.

Рони развернулся к нему всем телом.

— А ты? — спросил он. — Ты меня боишься? Элоиза — да. Или... — Он задумался, подбирая сравнение. — У нас ставили мышеловки. И каждое утро, обычно женщины и девушки, собирали и выбрасывали дохлых мышей. Они держали грызунов за хвосты и кривились. Вот и Элоиза...

Он мотнул головой, не договорил.

— А ты?

— Нет, — растерянно отвечал Целест, но отступил на полшага. — С чего бы?

— Ты вытащил меня там, в саду. Ты спас меня минимум дважды. Мистиков обзывают «мозгожорами», но, если позволишь, я покажу, что еще могут мистики...

Точно на электронной прокрутке мелькнули описания и предупреждения. Мистик способен свести с ума, гласили они, выжечь нервные узлы и отшвырнуть «отключенным» или просто пускающим слюни идиотом, навеки запереть среди худших кошмаров, где смерть — благословение.

Затем Целест кивнул.

Чужой разум вторгся толстой иглой. Целест хмыкнул, его передернуло: не самое приятное ощущение, будто под черепом вырос чужой глаз. Рони улыбнулся: расслабься, и тогда Целест махнул рукой, растянулся на полу в позе морской звезды. Делай, что пожелаешь.

Наслаждение нахлынуло искристым потоком — ошеломляло, переполняло даже; Целест тихонько застонал, сжал в кулаках ткань рваных брюк; глаза его закатились, будто в обмороке, а губы заалели от прихлынувшей крови. Он выгнулся навстречу экстазу.

Отдельных «картинок» не мог разобрать. Покой и возбуждение, сродни сексуальному, расслабление и восхитительная напряженность каждого нерва; видения мелькали коловертью, смазано, но непостижимым образом ему удавалось прочувствовать каждое, словно смаковать дорогое вино. Сладкая тоска и ароматная горечь — апель-

синовая корка, сахарная вата и теплое молоко. И в финале — бархатистая влажная темнота. Абсолют.

Целест никогда не вернулся бы оттуда добровольно. Потребуй с него дар, разум, душу — он отсыпал бы щедро, как медяки на празднестве, в пьяном угаре. Только бы остаться среди розово-черной тьмы.

Он разозлился, когда услышал Рони:

— Все. Довольно.

— Твою... Рони! Что это было? — Целест приподнялся на локтях. Со стыдом ощутил, как спереди липнет, будто после «мокрого» сна; скрестил ноги.

— Я вернул тебя в материнскую утробу. Говорят, нет счастливей нерожденного младенца...

«И это правда», — одними губами выговорил Целест, чересчур слабый, чтобы подняться на ноги. Он сел на полу, растирал затекшие колени и заново воспринимал холод, затхлый смрад, голод и грязь на коже и волосах.

Рони подарил ему блаженство... подарил? Или напомнил... лучше бы не вспоминать.

«Мистики все-таки опасны», — подумал он, но то была спокойная мысль. Покачиваясь, Целест встал со своего неуютного ложа, хлопнул Рони по плечу, приобнял его:

— Спасибо. Было круто. Только...

«Не надо больше. Слишком тяжело возвращаться. Слишком легко попросить оставить там навсегда».

— Только чересчур.

У Рони вертелись на языке тысячи вопросов — примет ли Элоиза такой подарок, а может, иной, ведь «хороших» картинок много, больше, чем льдинок в мерзлом северном море; поймет ли она, откроется или... Но эмпат впитал эмоции Целеста, и смолчал.

Больше никогда, решил он. Больше никогда.

7.

Ржавые петли скрипнули и тем вырвали из некрепкого сна. Целест скатился с мягкого матраца-постели, замер на четвереньках, словно готовая к гонке борзая.

«Кто... пришел? Отключенные?»

На соседней лежанке Рони поднялся на локтях. Он облизал пересохшие губы, но объяснить Целесту не успел.

Первой в дверь вошла женщина лет сорока или старше, того типа, который уважительно именуют «маскулинным», а презрительно — «мужик в юбке». Коренастую сильную фигуру балахон Магнита скрывал, но по мускулистым рукам угадывалось и остальное. Целест едва удержался от присвиста: короткие волосы женщины вспыхивали огнем.

«Воин. Черт, каким же ресурсом надо обладать, чтобы постоянно поджигать волосы и охлаждать кожу?!». — Он попятился. Нейтрасеть теперь не реагировала на жалкие эманации Целеста, черно-изумрудная повилика тянулась и обжигалась о неисчерпаемый источник.

Следом протиснулся грузный мужчина. Его раздутое тело вызывало неприятные ассоциации с весьма несвежим утопленником, обширная лысина поблескивала в травяно-зеленом освещении, будто обитая водорослями. Маленькие свинные глазки зацепили Рони, и тот съелся, словно придавленный массивной тушей.

«Главный мистик», — понял Целест. Он сочувствовал напарнику: по крайней мере, женщина-воин не обжигает его. От эмпатии скрыться сложнее.

На фоне колоритных Магнитов еще двое — какой-то кривенький и словно побитый молью человечек, беспрестанно поправляющий золотую оправу очков, и совсем уж непримечательный мужчина — мышинового цвета волосы, лучики морщин вокруг глаз и серый костюм, — терялись совершенно. Однако Целест сообразил, кто они.

Главы Совета, вот кто. Воин, мистик, теоретик и ученый.

«Твою мать, — за неимением сигареты в который раз прикусил палец. — Чем мы так уж... отличились?»

Рони тер виски, будто тшась избавиться от приступа мигрени. Вопросительную паузу спустя откашлялся и начал мужчина в костюме:

— Мое имя Флоренц. Мы с коллегами, госпожой Декстрой, — женщина-воин коротко хмыкнула, а пламя

взметнулось к потолку, — господином Горацием, — в сморщенных от книжной и компьютерных пыли пальцах теоретика скользнули, едва не упав на пол очки; Целест подумал: он наверняка опасается своих «коллег», — и господином Винсентом, — мистик среагировал не более каменной глыбы, — ...в течение нескольких дней обсуждали ваш поступок...

«Да вранье. — Целест уставился с вызовом на всех четверых. Конечно, его мысли услышаны, пускай. — Вы, Главы Совета... о каких-то удравших среди ночи мальчишках? Смешите мои тапочки!»

Новая пауза. Рони закрывается. Целест сравнил его со страусом — жаль, нет песка; но не винит в трусости: ему тяжело из-за того, что более могущественная воля поглощает его собственную.

— Вы нарушили Кодекс Гомеопатов, — продолжал ученый-Флоренц.

— Чем? Что смылись в Пестрый Квартал? — Целест так и стоял на четвереньках. Дурацкая поза, надо сказать. Двусмысленная. Он сел, скрестив ноги.

— Это незначительное нарушение. Но вы применяли воздействие на людей при призыве, — подал голос Гораций, он слегка заикался. — Кодекс Гомеопатов предписывает: минимизировать количество жертв со стороны мирного населения... Вы же использовали посетителей бара... кхм... «Кривоногий Джо» в качестве пушечного мяса...

— Ложь. — Целест стукнул кулаками по каменному полу, разбежалось несколько трещин. Декстра ухмыльнулась со странным подобием... одобрения? — Одержимый их наизнанку выворотил. Если бы мы возились с полутрусами, сдохли бы сами и его не... в общем, мы действовали единственным возможным в рамках создавшейся ситуации методом.

Откуда-то в конце фразы прорезался канцелярит. Целест удивился, едва не сплюнул. А впрочем, с Главами наверняка так лучше.

А еще...

Целест сильнее всего боялся *подумать* о «а еще». Пока здесь этот моржеподобный Винсент, ни единой мысли о том, что Рони...

— У нас не было выбора, — подтвердил тот и коснулся запястья Целеста. Предупреждал. Он улыбнулся главному мистiku: — Вы ведь все знаете, господин Винсент. От вас нельзя скрыться.

Рони был кварцевой статуэткой — прозрачной; ни образов, ни ощущений не осталось собственных, затаенных, личных, — ничего, кроме гладкого стеклистого холода. В каком-то смысле это было приятно. Он знал, что виновен — он, не Целест, и плюс воздействие на стражей, и Вербена...

«Зато Целеста отпустят».

Он снова улыбнулся Винсенту. Если бы знал древнюю религию, то сравнил бы себя с кающимся грешником у Престола Господня, а так — просто улыбался, расслабленно и мирно.

— Они правы, — разлепил губы главный мистик. — Они поступили верно.

— А самоволка, — добавила Декстра, демонстрируя гладкие зубы, — Сущие пустяки. Не знаю как вы, господа, но мы с Винсентом настаиваем не на наказании, но на повышении этих двоих. Если что, запишите рыжего под мою ответственность.

Теоретик все-таки выронил свои очки. Они разбились на тысячу крохотных осколков, один царапнул лодыжку Целеста.

— Самоуправство! Вы переступаете через Кодекс! Вы не имеете права... требую справедливой кары нарушителей. — Дыхание сбилось, он закашлялся. — Я настаивал бы на изгнании! В крайнем случае — на публичной порке, в количестве не менее сорока плетей!.. С последующим понижением и перенаправлением... например, в Северные Пределы...

Рони тихонько ойкнул. Будто щенок, которого пнули грубым сапогом.

Декстра вновь оскалилась. Огненная Тигрица, таково было ее прозвище, и она приготовилась грызть глотку. Целест невольно тронул собственный кадык.

— Рыжий. А ну, собери этому зануде очки.

Целест даже пикнуть не успел насчет «нейтрасети», недостатка ресурса, да и этих дурацких осколков много, как их собрать в цельное стекло — никакого магнетизма (неважный каламбур) не хватит.

Он подчинился. Очки — тоже.

Декстра помахала очками перед носом Горация:

— Как вам? Магнитами такого уровня не разбрасываются, господин теоретик.

— Она права. И я поручусь за Иеронима Тарка, — добавил главный мистик и, видимо считая свою фразу точкой в разговоре, сорокаведерной бочкой выкатился из камеры. Целест по-рыбьи хлопнул ртом и некстати отметил, что впервые слышит семейное имя Рони. Как-то не называл, а спросить в голову не приходило...

Гораций сжал кулаки.

— Господин Флоренц, а вы на чьей стороне?

— Как ученый, я могу подтвердить проявленный дар у обоих, — начал Флоренц, и теоретик, не признав поражения, ретировался вслед за Винсентом. Декстра расхохоталась, смех ее напоминал скрежет ножей друг о друга.

— Ну и цирк. Ребята, надеюсь вам понравилось, — пламя на ее голове изогнулось указателем на дверь. — Но теперь все в порядке. С сегодняшнего дня вы — элита Магнитов... Флоренц, пнешь зануду, чтобы выписал пропуска?

8.

— ...А потом ржали уже мы. Рони, ты тоже. Не отмазывайся!

— Нервное. Я тогда впервые ощутил ресурс Винсента. Будто... — Рони задумался, и шелкнул пальцами, будто порываясь забрать у Целеста сигарету, — ...платяной шкаф на спину поставили.

Они часто вспоминали события почти пятилетней — юбилей в ноябре — давности. «Брачная ночь», перевод с нижней ступени Магнитов на высшую — единым рывком, словно на крыльях взлетели. Знакомство.

«С Вербеной». — И в зеленых глазах Целеста вспыхивали лунные блики.

«С Элоизой». — И Рони сглатывал ванильно-медовую слюну.

В Лилейном сквере лилий не росло, зато процеживали прохладные уже солнечные лучи вязы, клены и каштаны с побурелыми «свечами» и разлапистыми листьями. Солнечные пятна поблескивали на траве, узких уютных тропинках и крышах маленьких кафе горстями золотых. Солнце подкидывало монетку-другую и Целесту, отчего волосы его загорались пламенем, не хуже, чем у Декстры. А Рони неизменно жмурился. Он не любил слишком яркого света.

Неподалеку шелестел древний Дунай — когда-то, читал Целест, до эпидемии, река была грязной, промышленной. Теперь Виндикар берег ее; вредные производства и ядовитые фабрики стыдливо, словно мусор под ковер, прятались в Пределах.

Целест стряхивал пепел, закинув ногу на ногу, теребил браслет с серебряным прямоугольником — не больше бритвенного лезвия. Знак элиты Магнитов.

— Это Вербена, правда? Она принесла нам счастье.

Рони помедлил, прежде чем кивнуть.

С заветного дня, когда урожденный Альена и беспородная дворняжка — Тарк сделали нечаянными свидетелями перебранки Глав Совета, изменилось многое. Скрепя сердце и скрипя зубами, Гораций подписал циркуляр, Целесту и Рони выдали браслеты с бирками-прямоугольниками, они же передатчики экстренных вызовов. Скалилась до боли знакомая змея-гравировка, полыхая карминовым, если объявлялся одержимый и требовалось его ликвидировать.

Все ограничения по комендантскому часу «учеников» растворились, как тучи после летнего ливня: сторожа

кланялись элитным Магнитам, даже если те собирались в три ночи в бордель.

Тао Лин от зависти пожелтел втрое обычного, распространял какие-то невероятные сплетни про Сенатский протекторат, подкуп и кровное родство с Главами Совета. По обыкновению, ему не верили. А Целест и Рони пожимали плечами, рассказывали правду (кроме упоминания Вербены), вели себя абсолютно как прежде.

Экс-учитель Тиберий пожимал руку как равным, только усмехался смутным ртом почему-то. «Двумя отчетами меньше», — сказал он, объясняя ухмылку. Действительно, элита рапортовала непосредственно Главам.

Поначалу над рапортами тряслись. Целест изгрызал по полручки в придачу к пачке сигарет, а Рони и вовсе разве лбом о стенку не бился. Но Тигрица пробегала глазами мелко исписанные листы минуты за три, а потом отпускала — не терпя, как выяснил Целест позже, только лжи и попыток выкручиваться. Врунов высмеивала перед всем отрядом воинов, высмеивала язвительно и жестоко, издеваясь над каждым словом; Целест провожал опальных соратников сочувствующим взглядом: ему думалось, после подобного разноса жертве остается только петля.

Впрочем, никого не хоронили. Декстра действительно заботилась о подопечных.

Отчеты Рони и вовсе сводились к паре минут безмолвного диалога телепатов. Винсент ожидал его в своем кабинете, переполненном тяжелой и покрытой пылью роскошью — золотыми и бронзовыми статуэтками, циклопическими часами и величественными картинами; главный мистик привык к обстановке, так моллюск привыкает к раковине — менять ничего не собирался, равно как не видел паутины и ржави. Винсент обычно читал какую-нибудь книгу, когда Рони входил и мялся на пороге, а потом бросал короткое: «Хорошо» или «Молодец». Рони подозревал, что глава мистиков помимо обычных псионических способностей обладает и ясновидением.

Им повезло: распределение обогнуло третьей дорогой, не отослали в соседние города — портовый и про-

пахший рыбой Веллум, сонный Аратор или вовсе на остров, некогда звавшийся Британией, остров Ллайен, огрызок империи Эсколер и цивилизации. Магниты-элита столицы — достойная судьба, даже Целест доволен ею, не говоря уж о безродном парне из Северных Пределов. Рони нравился мегаполис — мобили вместо мосластых кляч, электрическое тепло вместо нарубленных сосен; Целест сдержал и обещание «повеселиться», только повел напарника не в разнузданный Пестрый Квартал, а в парк аттракционов. И не ошибся: Рони потратил немало монет на «русские горки», комнату страха, такую смешную по сравнению с наваждениями мистика, на засахаренные яблоки и дурацкие сувениры, вроде аляповатых кепок и безразмерных футболок. А вечером признался Целесту, что уже не тоскует по дому и прежней жизни.

Труднее оказалось с прямыми обязанностями. Поначалу Рони зажигал узкие деревянные щепы-лучины в память о каждом призванном — «они ведь были людьми», но полгода-год спустя ритуал поблек, стерся, как истоптанные башмаки; и он прекратил отдергиваться, выхватывая среди отключенных знакомые лица. И переступал через разодранные, словно после разрыва динамита, куски призванных Целестом. К торопливому, смешанному с безразличием страху привык тоже.

Вот и сейчас — официантка в коротком, несмотря на прохладу, платье цвета корицы принесла им пряное розовое вино и жаренную в сухарях утку, а получив за расторопность чаевые — не улыбнулась, как улыбалась обычным посетителям; ретировалась.

Они сняли залитые кровью мантии, но браслеты-передатчики выдавали Магнитов. Целест звякнул серебром о бокал.

— Вербена... скоро ее выступление. Ты пойдешь?

«А Элоиза там будет?» — едва не спросил Рони, и едва не подавился ломтем картофеля. Во-первых, разве Вербена появляется без названной сестры? Во-вторых...

— Конечно.

— Сестрица по секрету доложила... Сейчас, погоди, припомню, как она это сказала... «Будет настоящий фурор, мы встряхнем наше болото», — продолжал Целест. К их столику подлетело несколько воробьев — в отличие от людей, птицы не боялись «садивов и мозгожоров». Целест щедро отсыпал крошек. — Я и не сомневаюсь. Вербена — всегда залог фурора... иногда чересчур.

Он добавил последнее с легкой тоской, будто промелькнуло облако по кристальному августовскому небу. Вербена — танцовщица из бара «Кривоногого Джо», маленькая Дафна и испуганное дитя, ныне она — дива, прима и истинное чудо Виндикара. Чудо без примеси крови или безумия.

Ее проверяли много раз, но дара не выявили — самый обычный человек. Вольнодумцы, книгочеи-еретики шептались: наконец-то талант от Бога, а не бесовы отродья (под отродьями, безусловно, подразумевались Магниты). Вербена — имя, произносимое Виндикаром и самой империей Эсколер как имя богини, воплощенной красоты.

Они же оставались просто... друзьями.

Они общались вчетвером, и Целест порой поддразнивал танцовщицу, а она безжалостно мстила, не гнушаясь кусаться и царапаться. Рони и вовсе считала чем-то вроде немногословного слуги, правда, не боялась «картинок», которые тот охотно показывал. «У тебя в голове фильмы?» — спросила как-то Вербена, и Рони пожал плечами. «Они у каждого, — вместо напарника объяснил Целест. — Только мистики умеют ими делиться».

Но вскоре девочке наскучило дергать Рони за рукав «покажи еще чего-нибудь» — реальный мир предоставлял куда более богатый выбор, и в отличие от «картинок» его дозволялось трогать и пробовать на вкус. Рони не навязывался.

К тому же не Вербена занимала целый «склад» фильмов-в-голове. О нем Рони молчал отдельно.

— Они звали нас сегодня, — сказал Целест. Солнце сменило золото на россыпи граната, по небу ползли разводы, суля дождь и ранние холода. Немногочисленные

посетители перебирались с летней площадки, стилизованной «а-ля натюрель» — пластмассовый плющ впере-мешку с живым и столики в виде несуразных цветов, — под крышу квадратного кафе, откуда доносилась музыка и дышало теплыми вкусными запахами.

«Хороший вечер, — лениво потягивал вино Целест, — черт с ними, с постановлениями и правилами».

— Уже поздно, — заметил Рони.

— Элоиза упоминала тебя. Кажется, ты ей нужен... в смысле помощи, — не удержался Целест, и его куснула совесть. Говорят, человек способен бесконечно наблюдать изгибы открытого пламени, Элоиза была таким пламенем для Рони. Он охотно позволил бы жару сорвать с себя кожу, плоть и опалить до костей, до черно-серебристого пепла. Еще Элоиза была — горьким медом, а он — увязшим всеми лапками и слюдяными крыльями трутнем.

— Я?

Вид у мистика сделался дурацкий: моментально отвернулся изучать воробьев, покраснела даже шея, и высветились тонкие волосы чуть ниже затылка. Как всегда, стоило упомянуть Элоизу. В присутствии девушки Рони вовсе играл роль шута при королеве; лучший шут — тот, кто серьезен, кто веселит не натужным юмором, но каждым жестом и взглядом. Совесть Целеста периодически потрясала кулаками, но удержаться от фыркания в рукав он не мог: романтические сопли забавны в принципе, а уж в исполнении неуклюжего увальня...

А он? Целест мысленно прогнал саркастичную совесть, как назойливого (рыжего, разумеется) кота: я не бегаю за Вербеной хвостиком, мы на равных, а то и наоборот — Вербена за мной увивается, по-девчачьи, в стиле «ну и катись отсюда», однако Целест старше на пять лет и понимает то, чего не понимает пока сама Вербена.

— Именно, ты. Может быть, даже наградит. Как насчет поцелуя в щечку? — Целест молился, чтобы не заржать, а Рони пожал плечами на беззлобную насмешку. Он не обиделся: привык за столько лет. Целест прав — ерунда все это...

— Почему бы и нет? Пойдем. Только дай доесть утку: за нее все равно заплачено.

Целест все-таки рассмеялся — теперь уместно. Он раздавил окурок в листообразной пепельнице, вытянул длинные ноги, пошевелил носками кроссовок. С реки тянуло прохладой, но вино грело изнутри. Когда никотиновый дым рассеялся, он втянул терпкий осенний воздух.

Из кармана вывалился баллон нейтрасети. Официантка несла счет, чинно вышагивала на каблуках, она отскочила от безобидного блестящего цилиндра, будто от гранаты с сорванной чекой. Целест лучезарно улыбнулся миловидной шатенке в мини-платьице — жаль, так боится Магнитов; вернул «необходимую предосторожность» в карман.

— Отличный вечер. Плевать на «разумных» одержимых, — «и целые склады свеженьких отключенных, и что кровь из-под ногтей вычищать не успеваем». — На все плохое — плевать.

9.

Они всегда заходили через черный ход, предназначенный для слуг и незначимых просителей. Помимо того что Целесту не хотелось бы наткнуться на какого-нибудь расфранченного аристократа или пузатого чиновника в лаково-пурпурном мобиле и с целым выводком одинаковых, как канарейки в клетках, лакеев возле увенчанных позолоченным гербом-львом ворот, он заботился и об отце. Незачем лишний раз напоминать высшему свету, что сын Адриана Альены — нелюдь и «легальный убийца».

Иногда Целест размышлял, как бы принял отец весть о гибели первенца. Скорее всего, с потаенным, спрятанным даже от себя, облегчением. О мертвых говорят лишь добрые слова, и тем мертвецы противоположны Магнитам. Декстра однажды посоветовала отречься от родового имени: «Винсент и я отреклись лет двадцать пять назад,

и не жалею. В наших собственных довольно чести». Но Целест не желал перерезать единственную нить, связывающую с матерью и Элоизой.

Но и возле невзрачной низенькой калитки дежурило двое стражей. Один поспешно выбросил окурок, заметив гостей, из-под подошвы громоздкого сапога предательски сочился голубоватый дымок. Страж досадливо крикнул, увидев, что раздавил почти целую сигарету из-за рыжего сыночка хозяина — чертова Магнита да его напарника.

— Куда? — хмуро осведомился он у Целеста. Рассыльному или службе бы добавил пару крепких выражений, но «мутированных выродков» опасался.

— К сестре. — Целест смерил стража взглядом сверху вниз, благо рост позволял.

Рони пробормотал: «Извините» — и как можно незаметнее проскочил следом.

Когда-то особняк воспринимался дворцом — а особенно возносились ввысь своды мраморных стен, холодных даже в июльскую жару, а пестрые узоры на декоративных окнах чудились далекими, как звезды. Теперь Целест вырос, и разноцветные витражи мерцали, словно переспелые плоды на деревьях — высоко, но можно дотянуться. Иллюзия, однако приятная иллюзия.

«Но иллюзии — не ипостась воина», — улыбнулся он, поднимаясь по смягченным ковровой дорожкой ступеням.

Мелькнули лиловыми тенями слуги, умудряясь даже на довольно узкой лестнице не столкнуться с визитерами. Целест хорошо запоминал лица, однако лакеев отца невозможно было отличить друг от друга, словно их отливали из легкого алюминия, красили в нужный цвет и запускали шнырять по домам и улицам, кланяться и исполнять поручения.

«Если кто-то из них станет одержимым, и не определишь — который». — Целест тронул браслет и перепрыгнул через три ступеньки. Элоиза ожидала его... и Вербена тоже.

По просьбе девочек переоборудовали две комнаты — спальни отдельно, хотя можно перебираться друг к другу, а гостиная общая. «Дальней родственнице» не отка-

зывали ни в чем, хотя порой Целест задавался саркастичным вопросом — потакали бы Вербене в каждом капризе, не стань она «богиней Виндикара и всей Империи Эсколер», или же постепенно статус ее упал бы до «приживалки»?

— Вы ползете как садовые улитки, — слышался сердитый голос, а затем Элоиза втянула обоих в свои владения. Вербена сидела на подоконнике и, похожая на русалку из легенд, расчесывала волосы; смуглая кожа казалась темно-медовой в свете гаснущего вечера. Она соскочила и кинулась к Целесту:

— Привет, — повисла на нем, подтягиваясь на цыпочках, чтобы чмокнуть в щеку. Целест отметил заколку — цветочный венчик, и обнял девушку. Все как всегда. Хорошо. — Так редко заходите... много работы?

— Вроде того. — Он скривился. — Не будем о ней, ладно?

— Да-да. — Элоиза поправила складку на элегантной темно-алой блузке. Она переросла привязанность к розовому и тотемным выбрала багровый. Цвет власти. Цвет открытого огня. — Мы не для того вас позвали, чтобы вы всякие кошмары про одержимых рассказывали.

— Как скажешь, — выдохнул Рони, он жался к порогу, словно гостиня — бежево-алый уют, несколько кресел и стеклянных статуэток-подставок, вазы с цветами и пара элегантных безделушек, — была переполненной нейтрасетью темницей. Он попытался коснуться Элоизы, но та увернулась. — Все, что хочешь.

— Опрометчивые слова, мистик. А вдруг я потребую твою голову? — усмехнулась дочь Сенатора. Она прикоснулась лакированным ногтем к подбородку Рони, а когда отпустила — он подался назад и спрятался в кресло с ногами. «Теперь будет молчать до конца вечера», — Целест переглянулся с Вербеной.

Все так знакомо.

И это хорошо.

Он запрыгнул на подоконник и зажег сигарету собственным дыханием, вызвав короткие аплодисменты

Вербены и столь же короткое «выпендрей!» Элоизы. Вербена устроилась рядом, глаза ее сияли.

— Короче. — Элоиза выдержала театральную, а вернее, ораторскую паузу. — Мы тут придумали...

— ...Чтобы я выступила перед Гомеопатами, — закончила Вербена.

Целест присвистнул. Выдохнул дым в распахнутое окно.

— Вы сидите, как сычи в дупле. Если выбираетесь, так только на облаву. А когда появляетесь среди людей... то есть, — Элоиза запнулась, но продолжила почти ментально, — среди обычных людей, многие относятся к вам предвзято. Можно понять, конечно, но это же неправильно! Я ведь не перестану называть тебя братом, Целест, оттого, что ты плюешься огнем или кислотой?!

— Ты — нет. — Он завис в полуметре от пола и вернулся на подоконник. Вербена вспорхнула, словно синица с ветки, оттолкнула названую сестру и заговорила быстро-быстро, язык ее скоростью уподобился танцу, но двигалась она все же изящнее, чем говорила: — Мы хотим большой праздник, и чтобы там все аристократы, и кто захочет, но самое главное — чтобы вы пришли, Магниты, ученые, теоретики. Настоящий праздник для всех, и тогда все поймут — вы хорошие, не убийцы и не мозго...

Она осеклась. Закусила указательный палец — жестом, тщательно скопированным у Целеста. Рони кивнул ей: все в порядке.

Целест щелчком отправил окурочек вниз — тот приземлился прямо на цветочную клумбу и опалил белую кисть пиона.

— Орден Гомеопатов не нуждается в благотворительных акциях, Элоиза. Мы не уроды из Цирка в Пестром Квартале, мы — защитники, — сказал Целест. — Защитники самой цивилизации. Без нас не было бы никакого Мира Восстановленного, позволь напомнить.

Элоиза сжала кулаки, скулы и щеки покраснели до оттенка ее блузки.

— Защитники! Кодла маньяков и палачей, вот как вас называют — в тошниловках на рынке и в элитных клубах шепчутся, мол, вы ловите кого попало и ради забавы раздираете на части, словно голодные псы. Недавно по Площади Семи мятежники водили отключенного и выкрикивали — «его душу сожрали ублюдки из Цитадели», а потом указывали на прохожих — «ты следующий». Стражам едва удалось разогнать толпу. Но Вербена — богиня Виндикара, если она вступится за Гомеопатов, ее послушают и аристократы, и писаки, а через них и простолюдины... О черт, да ты ничего не понимаешь! И ваши эмпапы тоже! — Рони вздрогнул всем телом, словно хлестнули плетью. — Вас ненавидят за пытки и жестокость, а дурацкие газетенки подливают масла в огонь. И Сенат ничего с этим не делает, а может, и не спешит делать — в Сенате-то люди, а не мутанты!..

Целест замер посреди комнаты. По мере того как Элоиза повышала тон, он сутулился, будто практикуя трансформацию тела, делался ниже ростом. Волосы закрыли лицо рыжей маской. Он напоминал оборотня в полнолуние — еще немного и завоет дикий зверь.

Вербена мягко тронула его ладонь.

— Элоиза права, — сказал Рони. — Я чувствую ненависть. Иногда дышать тяжело, точно воздух пропитан ядовитым дымом. Я закрываюсь, но...

Целест встряхнулся:

— И ты думаешь исправить все...

— Не я. — Элоиза развернулась к бару, только сейчас вспомнила, что следовало предложить гостям напитки. Этикет треснул на мириады осколков. Этикет.. перед кем? Братцем и его мокрицеподобным приятелем? Она звякнула прозрачными дверцами.

Вернулась она с дежурным набором, на позолоченном подносе плескалось в разномастных бутылках вино, крушон и вода в графине. Целест залпом глотнул ледяной воды.

— Не я, — повторила Элоиза и провела ладонью по волосам Вербены. Та смутилась по-детски, дрогнула ресницами, но затем горделиво выпрямилась. — Богиня Виндикара.

— Они чокнулись. Просто на пару чокнулись, — хмуро пробормотал Целест. Красновато-лиловая, похожая на орхидею резиденция осталась в сотне шагов, только тогда он прервал молчание.

— Элоиза говорила правду.

— Знаю, — отмахнулся Целест. Из кармана едва не вывалился давешний баллон с нейтрасетью, а вместе с ним — воспоминание о перепуганной официантке. Клубок королевских кобр она привечала бы охотнее. — Но это глупо, воображать, будто девчонки убедят народ, а хотя бы и аристократов в том, что мы...

— Необходимы? — Рони остановился возле рекламного щита. На нем простенькой голограммой мелькала Вербена; зернистая и грубо выполненная копия уровня театральной декорации, но даже в виде рекламы она завораживала до мурашек по спине. Мимо торопливо семенил приземистый человечек в мятом костюме и нечищенных ботинках, жеваное лицо его выражало тревогу. Наверняка посыльный или мелкий клерк, посланный с неким поручением в богатый квартал. Поравнявшись с рекламным щитом, он едва заметно улыбнулся землистыми губами.

— Есть мозг, и есть чувства, Целест, — прокомментировал Рони. — Магниты защитники и спасители, понимает мозг, а страх кусается под кожей. Страх и ненависть. А кожи-то побольше.

Точно в подтверждение он ущипнул себя чуть ниже локтя — на месте захвата зарозовело пятно; затем спрятав ладони в карманах. Покачивалась «бирка», отзеркаливая блики фонарей и голограммы. Целест коснулся столба, на котором крепился щит, взметнулся разряд, и аляповатая картинка засияла вдвое пронзительней. На темный асфальт срывались искры, словно Вербена разбрасывала бриллианты.

Мир Восстановленный служит Эсколеру. Эсколер служит Виндикару, а Виндикар — Вербене. И Целест тоже служит Вербене.

— Проклятый указ. Прежде было лучше — мы сражались с одержимыми, а не волокли в Цитадель. Честный поединок, а не истязание... — Он поджал губы, а в глазах мелькнули золотые кошачьи искры, — Народ превозносит разных там благородных рыцарей и героев-спасителей, но не палачей. О да, моя сестрица права. Чего нельзя сказать о Совете.

— Не нам решать. — И Рони зашагал вдоль гранитовых и позолоченных заборов, постепенно полумрак проглатывал его.

Целест подмигнул Вербене-рекламе. Законное-незаконное воздействие — без гипноза и прочих «мистических штучек», так? Мозги — под толстой костью черепа, а шрамы заметны на коже.

Из-за редких туч выглянула луна, желтоватая и какая-то болезненная. Вербена красивее, решил Целест.

Она — икона, что вернет веру в праведность Гомеопатов и бойцов-Магнитов? Символично.

Глупо (а Рони поддакивал бы Элоизе, хоть прикажи она мяукать с крыши здания Сената), но символично.

— Пора домой, — догнал он мистика, подсчитывая: через час-полтора доберутся до Цитадели, можно поймать мобиль — тогда быстрее, но пока нет дождя, Целест предпочитал прогуляться. Он надеялся помимо сестры повидать и мать, однако Ребекка Альена сопровождала мужа на очередном официальном приеме. Кроме того, Ребекка несколько раз *убедительно просила* Целеста «приходить без сопровождения... своего друга».

Тем лучше, что их не застали дома. А время... август прохладен, но ласков, и город полнится самоцветами огней и впечатлений. Не потеряют их в Цитадели за лишние полчаса.

В расчетах он ошибся.

Техника Мира Восстановленного — во всяком случае, в крупных городах — сравнялась с той, что была до эпидемии, а порой владельцы фабрик и заводов доказывали в Сенате, потрясая платиновыми перстнями, что опередили и обогнали старый мир. Вот только применение из-

менилось — например, привилегия быстрой связи оказалась у Гомеопатов.

Резкий визг — Рони всегда сравнивал его с визгом поросенка, которого обрекли стать колбасой, — прервал их. Целест подначивал напарника насчет Элоизы, Рони традиционно пожимал плечами, но тревога напомнила о том, кто они.

— Около Белого ручья. Улица Новем, — встряхнул брелок Целест. Змеинные зрочки и координатная сеть ощутимо жгли запястье.

— Там дома. Жилые, — уточнил Рони зачем-то, на самом деле высматривал ближайший мобиль. Если владелец не захочет отдать Магнитам добровольно, допускается краткосрочный гипноз. Устав, параграф восемьдесят два дробь шесть. — Неужели никого дежурных поближе?

— Должны быть. Тиберий с Иллиром вроде, — припомнил Целест; он выскочил на проезжую часть и размахивал нудно пиликающим брелком. Почти тут же затормозил длинный пурпурный мобиль — сигнал тревоги знаком не только Магнитам, но и простым гражданам. Или тот, кто сидел за рулем, просто не решился размазать Целеста по асфальту.

— Не справляются, значит, — Рони пронаблюдал, как Целест за шкурку выкинул владельца мобиля — невысокого и какого-то смазливового, словно фарфоровая кукла с яркими губами и волосами из желтых шелковых нитей, паренька; тот шипел и потрясал затянутыми в серый бархат кулаками, но мобиль уступил.

«Дополнительная причина недолюбливать Магнитов», — подумал Рони.

В салоне крепко пахло сиренью. Целест выжал максимум, а мотор был хорош, улицы и фонари закрутились, почему-то напомнив Рони шоколадный коктейль с вкраплениями разноцветных капель-мармелада.

«Я еду убивать, а думаю о мармеладе...» — Он потер щеку. Он забыл пристегнуться и теперь вцепился в скользкое лакированное сиденье до побелелых ногтей.

— Не убивать, а выполнять долг. И незачем думать вслух. Это тебе нет разницы, пользуется собеседник языком или нет, а не окружающим. — Целест резко повернул налево, подрезал сразу двоих. Вслед полетела отборная брань. Он помахал из окна, демонстрируя свой визгливый универсальный пропуск.

Брань, пожалуй, стихла — почти стихла. Выражения изменились — точно.

«Но «ублюдок мутированный» звучит не лучше простого «куда прешь, болван».

Улица Новем, что у Белого ручья, более всего напоминала задний двор. Одна из первых в Виндикаре, застраивалась она стихийно, а кровью в ее тощих жилах была вода. Каждый норовил поставить дом поближе к холодному чистому источнику — вроде бы подземному: Белый ручей не вытекал из реки и не впадал в нее; дома напоминали кур у поилки — кур облезлых и тощих; как и хозяева, они ссорились из-за удобного места, возвышения, узких мостиков и чахлых кустов. Бедняцкие хижины в два, редко три этажа — каждый забит под завязку — давно облупились, выставив напоказ уродливые кирпичные шрамы. В криво огороженных дворах висело белье и играли чумазые ребяташки. Власти Виндикара уже лет десять собирались облагородить улицу Новем, однако все проекты благополучно засыпали под сукном.

«Может быть, теперь займутся», — подумалось Целесту. Они ворвались в смрадный туман — смесь нечистот, прогорклого рыбьего жира и моченых яблок, бурый и плотный, как болотные испарения. Рони даже отпустил свое сиденье и зажал нос.

— Магнитов-то зачем вызвали? — зафыркал Целест. — У них канализацию прорвало...

Мобиль едва протискивался между домов- «кур». Скоро придется бросить, а далее бежать на своих двоих. Целест покосился на Рони: неважный спринтер. Хорошо бы «клиент» не оказался в каком-нибудь недоступном тупике...

— Одержимый травит. — Рони подумал о том же, вздохнул. — Либо иллюзия.

— Вычислить никак?

— Ты ведь знаешь — «психи» сильнее мистиков. До призыва.

Мобиль подцепил закругленным носом связку развешенного белья и сочно плюхнулся в огромную лужу — по окна. Лужа, кажется, не высыхала со времен первой эпидемии.

— Вылезаем, — объявил Целест. Круглое лицо Рони вытянулось, и Целест счел нужным ободрить напарника: — Я слышу крики, и вроде... недалеко.

Они вымазались в грязи и едва не заблудились среди одинаковых, как кротовьи норы, лачуг и вонючего тумана. Людей по пути не попадалось, неудивительно — от одержимого или бегут, или... не успевают.

«Крики», — сказал Целест. И ошибся.

На пустыре, зажатом свалкой, ручьем и дикими колючками, творилось действо. Именно так — действо. Обитатели улицы Новем решили присягнуть на верность самозваному правителю, а то и божеству. Мужчины, женщины, старики и дети застыли в коленопреклонной позе перед ядовитым «святым» — косматым парнем, типичным работягой с низким лбом и мощными руками. Парень был плотью от плоти улицы Новем — и ее безумием. Люди нечленораздельно подвывали, выражая покорность одержимому. Монотонный гул перемежался всхлипами.

— Теперь проще определить, а? — заметил Целест. Никто не помешал им подойти ближе, ступая чуть не по головам или откляченным задам. Казалось, они развлятся комьями протоплазмы, словно трухлявые грибы, стоит толкнуть посильнее.

— «Псих»? Но запах... откуда? — Рони моргнул. Он заметил, что почти все жертвы ранены; у светловолосой девушки в рваном голубом платье были выколоты глаза, и в кровоточащее месиво забила галька из ручья. Ее сосед скалился единственной верхней челюстью. Нижнюю глодал поодаль, в репейных зарослях, бродячий пес. Пес вилял хвостом и тоже по-своему благодарил одержимого — сознательно, в отличие от людей.

Затем Рони увидел обнаженную беременную со вскрытым животом — плод вывалился и болтался на пуповине, похожий на крупное яблоко, женщине полагалось биться в агонии, а она кланялась самому ложному из богов; он отвернулся.

— Не слишком буйный, — сказал Рони: смрад и зрелище подталкивали к горлу комок тошноты. Побыстрее закончить, и... наверное, кого-то еще можно спасти.

— Я прикрою — Ногти Целеста потемнели и ощерились иглами. Десятки игл — в них яд, но не смертельный; попадет в человека и вызовет сон. Предосторожность.

Рони шагнул ближе — едва не поскользнулся на кровавом пузыре плаценты, на чьей-то оторванной кисти. Пара минут. Пара его личных кошмаров — профессиональных, спасибо учителю Иллиру — и не только ему, кошмаров... а потом улица Новем станет почти прежней. Мертвых оплачут, а Магнитов — проклянут, «как всегда, опоздали»; ничего не меняется.

— Ближе, мальчик, — внезапно сказал одержимый. Рони остановился, открыл рот, позволяя отравленному воздуху въедаться в легкие.

Опять! Опять эти «новые», разумные одержимые — их следовало связывать и пытаться в Цитадели.

«Вместо честного боя — истязание», — говорил Целест. Целест прав. И это плохо. Очень, очень плохо...

Жестяной баллон с нейтрасетью охладил руку, а строки указа — разум.

Да будет так.

Целест сжал челюсти до скрипа, на скулах дернулись желваки. «Разумный» одержимый — нужно присоединиться. Телекинезом он извлек напугавший официантку баллон, мрачно подумав: хорошо, что в действии не видела. Баллон поплыл вперед, мерно покачиваясь, будто запечатанная бутылка с посланием на океанских волнах. Живой ковер из истерзанных «рабов» зашевелился, смыкаясь перед Рони — протянутыми руками, изуродованными лицами с засохшей слюной и кровью; одержимый по-бычьему мотнул приплюснутой головой.

Разумный, да... он сознавал силу, он умел ею распоряжаться. «Чем он отличается от Магнита, если соображает? Жаждой крови? И только?» — мелькнула мысль, и Целест отогнал ее; солдатам не следует рассуждать о человеческих лицах за звериными масками врагов. Себе подобных убивать трудно.

«Сейчас начнется».

— Эк вас набежало, — одержимый оскалился нечищеными зубами. В его колени тыкалась слепым щенком девочка лет двух или трех, он подхватил ее. Девочка тихонько пискнула, когда одержимый вдавил мозолистые пальцы в глазницы, и заструилась бело-розовая, как яичный белок с кровью, жижа. Одержимый швырнул ее Рони, и ослепленная прижалась лицом к бедру, пачкая джинсы. Рони медленно отодвинулся. — Пшел отсюда, если не хочешь того же.

— Ты не настоящий одержимый, — баллон скользил, и Рони боялся его выпустить. «Не смотри на людей. Нельзя спасти всех». — Тем хуже. Ты убийца.

Белесые ресницы дрогнули — Рони сливался сознанием с одержимым, то была битва. Мистик справится с «психом», подобное исцеляется подобным. Одержимый — болезнь, а он — лекарство. Нейтрализуется. Потом — нейтрасеть. Нейтра. От слова «нейтральный». Вне войны. Вне боли. Это правильно. В отличие...

— Твою мать! — где-то в иной галактике заорал Целест. Рони мотнул головой, словно отгоняя навязчиво зудящего комара.

Нет, не прервется. Недо-призыв/контроль требует сил, размыкать нельзя. Введенное в кровь лекарство (яд?) не откачать, хоть вскрой бритвой вены.

— Твою мать, — повторил Целест негромко. «Паства» одержимого закопошилась, подгоняемая «пастухом», Целест сравнил их с сонными осенними пчелами. Рони потревожил матку — пчелы будут кусаться.

Предсказуемо. Обитатели улицы Новем поднимались на нетвердые ноги, шатаясь, побрели к Целесту. Тоже предсказуемо.

Среди незнакомых лиц Целест выхватил два.

— Невозможно — Он взмахнул обеими руками, горсть игл сорвалась и зацепила ближних «новемцев», те немедленно повалились на гальку и зычно захрапели, но задние ряды подпирали, и спящие очутились под ногами собратьев. Одному мужчине острым каблуком отсекло пол-уха.

— Невозможно. — Целест будто забыл тренировки, собственную силу, не говоря уж об Уставе.

Тиберий и Иллир. Воин и мистик — их с Рони учителя; смуглый невозмутимый атлет и его subtilный, хрупкий почти по-женски напарник; они вышагивали вместе с остальными зомбированными. Магниты — жертвы «психа»? Воинов порой «затягивало» — новичков-идиотов, позавчера овладевших даром и уверенных, будто сумеют одолеть одержимого-психа, но Тиберия... учителя? И мистика? Кукольно-красивый, слащавый какой-то, с плавными жестами и тянущим выговором, Иллир все-таки обучал молодых, и Рони отзывался о нем уважительно.

Так не бывает. Магниты — санитары, не слуги одержимых.

Целест попятился. В голове было пусто, словно ему тоже промыли мозги, только мигал почему-то веселеньким желтым вопросительный знак.

Тиберий прокладывал себе путь, сшибая собратьев по несчастью. Магниты всегда впереди, даже чокнутые, подумалось Целесту, и он хихикнул. Когда бывший учитель приблизился, Целест заодно узнал и причину омерзительного смрада-тумана: Тиберий разлагался.

Язвы вспухали и лопались, словно пузыри болотного газа. Язвы были белесые, как гнилостный налет на переспелых фруктах, кожа Тиберия почернела и надулась, разрываясь при каждом шаге. Он еще жил, однако немногим отличался от очень несвежего мертвеца.

«Его ресурс. — Целест задышал ртом: от вони слезились глаза. — Весь его ресурс... вот в этом... самоуничтожении...»

Рядом с Тиберием, как и полагалось, семенил Иллир. Золотистые волосы порозовели от крови — чужой или

своей, проломлен череп или проломил другому, — Целест разобрать не мог. Иллир кокетливо улыбался, будто перед зеркалом, собственному отражению. Изящные ладони он сложил в молитвенном жесте.

«По крайней мере, он не слишком изменился». — Целест хихикнул и закашлялся. У них с Рони мало времени. И явно невыгодный расклад.

Тогда чего он ждет?

— Прости, учитель. — И Целест ударил.

Он предпочитал иглы, но выбрал огонь. Представляя в воображении Декстру с суровой складкой у рта и факелом вместо прически, он просил прощения и каялся. Огонь — это чистота, говорила Декстра. Целест очищал.

Гнилая плоть вспыхнула с податливостью свежей нефти, и Тиберий зашипел, а может быть, шипел кипящий гной. Огонь перекинулся на «новемцев», кто-то завизжал — от злости, не от боли; массу слепило в ком, и ком катился к Целесту.

«Я должен защитить Рони», — подумал тот спокойно. Только выкрикнул.

— Призывай на месте!

Как там? В особо экстремальной ситуации, оговоренной подпунктами (какими?), допускается... мать вашу, допускается. Когда тут из Магнитов трупные бомбы клепают!

«Лишь бы Рони услышал меня... лишь бы...»

«Ком» прижал Целеста к репейным зарослям. Колючки запутались в волосах и царапали через свитер и джинсы, словно разозленные коты, а впереди был яд и огонь. Чужой яд — его огонь.

«Я не неуязвим...»

Тиберий выступил вперед. Наверняка, «разумный одержимый» до сих пор управлял им, как и остальными — и надеялся выиграть битву на уровне физическом хотя бы; кожа на лице учителя сгорела полностью, оголив остов черепа. Когда он открыл рот и выдохнул ядовитый дым, напомнил дракона из легенд. Правда, драконы не горят..

«Нет уж... я буду драконом». — Целест ощутил боль кислотных и обычных ожогов, коротко взвыл, ответил новым залпом огня. Он попытался левитировать, на нем повисли сразу двое новемцев.

— Отцепитесь вы! — заорал Целест, пытаясь стряхнуть их; он сражался в первую очередь с Тиберием... и Иллиром? Где мистик? Черт с ним, с мистиком. — Я ваши долбаные задницы спасаю!..

Свою, впрочем, тоже. Целест не отрицал. Не хотелось сдохнуть, вроде мыши под веником, и от руки собственного учителя.

Адреналин бился в горле, висках и мокрых от жара и пота ладонях. Целест понимал: сейчас «сонные иглы» не выйдут; «чары» воинов-Магнитов — от плоти и крови. Плоти... гниющей.

Рони знал о битве. О пожаре, что взметнулся над улицей Новем, о загнанном в угол Целесте и черной лавине. Знал... но не мог вмешаться.

Каждому свое, и от него, мистика, зависел исход. Он не двинулся, когда пламя лизнуло волосы и одежду, когда несколько капель яда прожгли дырки на любимом свитере.

Это — только тело. Тело не важно для мистика... и для «психа», если на то пошло.

Рони впитывал. Более всего это напоминало битву змеи с крысой; иронично — обычно с крысой сравнивали его, но теперь он был змеей. Он заглатывал одержимого («призывай на месте!»), мерно и спокойно. Крыса сопротивлялась, егозила и кусалась. Голый хвост разметывал пыль, кровавую пыль.

Еще можно сравнить с промокашкой... его разум — промокашка, что впитывает чернильное пятно.

Главное — успеть.

Прежде, чем убьют Целеста.

Язык Тиберия вывалился, похожий на бурый гриб, но на очередной плевком кислотой егохватило. Целест увернулся — опалило только голень, он покатился в репейник, стараясь не замечать пульсирующую боль и мелкие царапины.

Уничтожить... нужно уничтожить.

На сей раз удар был не просто огнем. Плазмой.

Лежа в обугленных репейниках, Целест наблюдал, как исчезает в белом зареве его учитель, тот, кто объявил испуганному мальчишке: «Приветствую воина-Магнита!» — изводил на тренировках и пожимал руку после удачных операций. В горле собрался спазм, словно Целест проглотил колючку, он сглотнул.

Потом сообразил: остальные не нападают. Будто гибель «вожака» остановила зомби. На самом деле...

— Рони?

— Я... я успел. — Теперь мистик позволил себе стать живым; Рони выскочил из толпы потерянных, недоумевающих новемцев — многие мертвы, но те, кто стенают от боли, — живы и будут жить. — Я успел...

Он забрался в репейники — к Целесту.

— Ты ранен, — указал, но не осмелился тронуть расплывшийся кислотный след на ноге — темно-коричневый, с мелкими папулами. В Цитадели вылечат, но шрам останется, наверное. Рони протянул руку, помогая напарнику встать.

— Я убил Тиберия, — сказал тот. Он стер кровь со щеки. Огляделся — пустырь между Белым ручьем, свалкой и зарослями был выжжен и залит кровью, полон убитыми и ранеными. Они победили, но какой ценой!

— Гребаные одержимые... что они такое? Как ему удалось «поймать» Тиберия и Иллира?

Рони покачал головой:

— Нет, Целест. Только Иллира. Я чувствовал... одержимый управлял Иллиром, а тот — Тиберием.

Он развернулся и указал на своего учителя. Светловолосый мистик — ныне его волосы сгорели вместе с половиной одежды, стоял на коленях рядом с останками Тиберия, согнулся пополам. Его то ли рвало, то ли рыдал надрывно, а может, то и другое вместе.

— Иллир? — Рони тронул плечо учителя.

— Я все помню. Ты ведь тоже. Ты знаешь. — Иллир ухмыльнулся. Он безумен, и это не имеет отношения

к одержимым и эпидемии, даже к поговоркам «все мистики — чокнутые», понял Целест.

Иллир хрипло захохотал. Левую сторону некогда красивого лица покрывал полумаской багровый ожог, нос провалился, а единственный глаз лихорадочно блеснул.

— Новые одержимые. Они явились, чтобы уничтожить нас.

11.

В лазарете было душно, но медики в лице госпожи Кейтин, строгой сухопарой дамой, по слухам — сестры Декстры, запретили открывать окна, а в форточку не пролезла бы и сорока. Время тянулось и тянулось, будто монотонная заунывная песня; Целест тупо пялился в бледно-зеленый потолок, считал разводы трещин и дергал бинт на ноге. В результате бинт растрепался, заголив мокнувший ожог — тоже нудная и надоедливая боль. Когда Рони бочком прокрался в палату, Целест готов был обнимать его.

— Наконец-то! — Он соскочил с жесткой кровати. — У меня крыша едет... — Он осекся: в доме висельника не говорят о веревке, а ему следует поостеречься со словами о безумии. — Как Иллир?

— Плохо, — Рони потер виски и сел рядом. — Винсент говорит, он уже не придет в себя. А если Винсент ничего не может сделать...

Рони махнул рукой, от жеста повеяло такой безнадегой, что Целеста пробрал холод, несмотря на духоту.

— Кто такие «новые одержимые», Рони?

Блекло-серые глаза мистика напоминали мелкие серебряные монетки. Выражения — столько же.

— Мне не доложили, знаешь ли. В Совете собрание — часов пять уже, и они перепуганы, как мыши от кошачьего запаха.

«И не только они, — додумал Целест. — Ты тоже, верно? Один я ничего не понимаю. Хотя у всезнайки Тао выпытывай...»

— Да. Мне страшно. — Целест дернул плечом, когда телепат озвучил догадку; Рони смял в кулаке простыню. — И я тоже не понимаю. Иллир управлял Тиберием, а одержимый захватил Иллира, сознательно захватил. Разумные одержимые... это ведь неправильно, Целест?

— Неправильно, — эхом отозвался он, расковыривая влажную рану на ноге. Скривился: задергало, как от укуса осы, десятка ос. Разумные одержимые, Магниты-жертвы — сущий бред, но Совет примет меры, орден Го-меопатов не вчера зародился, а они — только солдаты. И палачи. О да.

Целест представил Вербену — ее танец-наваждение, лунные глаза и смуглую кожу, такую гладкую, что одновременно тянет подцепить зубами, надкусить, будто персик — и страшно прикоснуться, вдруг синяк оставишь. Она добрая фея в мире злобных колдунов. Ради Вербены Целест готов быть злобным колдуном.

— Как твоя нога? — Рони покосился на лохматую, достойную скорее нищего на паперти, чем воина, повязку.

— Ну ее. Курить хочу. Мне заплевали кислотой голень, а дышу-то я легкими — и все равно запрещают... где логика?

Рони слабо улыбнулся:

— Нет логики. Это верно.

Цитадель слыла «черным» местом, хотя стены ее были серы, словно тень в рассеянном свете, местом тайн. Но внутри тайны держались не плотнее, чем кольца на намыленных пальцах. Совещались второй день, а каждый новичок-Магнит и каждый вчерашний школяр из ученых уже сплетничал о том, что учителя Иллира свели с ума, а он захватил учителя Тиберия. Целест хмуро размышлял, придется ли ему раскидывать любопытных телекинезом или достанет обычных пинков. Когда Целест сбежал в келью и увидел Тао, оставалось лишь скрипнуть зубами и смириться. Рони забрался с ногами на свою кровать, забился в угол, взгляд его в кои-то веки выражал: «Забери его от меня».

— Вы все охренели? — рывкнул Целест, отчего восково-желтые уши китайца порозовели — но слабо, и он при-

ветствовал хозяина кельи поклоном. — Что тебе еще рассказать... ты уж небось все знаешь!

— Вообще-то мы к вам, — вместо Тао ответил его напарник, мистик Авис — длинный тощий неопрятный тип, чьи сальные космы свешивались вдоль уныло-узкого лица и от грязи казались черными, хотя на самом деле Авис был шатеном. Ависа прозвали Вороной за мрачный нрав и манеру предсказывать недоброе; надо отметить — предсказания его сбывались нередко, что не добавляло Вороне популярности.

Неудивительно, что Рони в угол забился... да и Целесту это «мы к вам» не понравилось.

— Что значит «к нам»? — Тао и Авис стали «элитой» около года назад, не подседают же их теперь к Целесту и Рони... хотелось бы надеяться.

— Совет постановил увеличить стандартные патрули до четверок. Мол, два воина — лучше, чем один. И про мистиков то же, — пояснил Тао. И протянул короткопалую узкую ладонь для рукопожатия. — Теперь мы коллеги, Целест. Как никогда прежде.

Авис повторил его жест, и Целест посочувствовал напарнику: от Ависа пахло немногим приятнее, чем от гниющего заживо Тиберия... сравнение явилось неожиданно и заставило Целеста потряхнуть рыжими волосами, изгоняя его.

Нехорошо. Нехорошо помнить учителя отравленным зомби, как бы ни чесалась заживающая нога; портрет Тиберия развешан на всех уровнях Цитадели, и скорбят о нем не наигранно. Целест тоже любил учителя.

А Иллира, скорее всего, эвтанируют через неделю или две — вместе до смертного часа, звучит клятва Магнитов, в буквальном понимании мало общего со счастьем молодых. Рони уже оплакивает его.

Плохо.

— Коллеги. Что ж, пускай. Будем страховать друг друга, вот только где Совет наберет столько Магнитов? Вызовет из Пределов и остальных городов, что ли? — Наверное, не следовало обсуждать подобное с Тао, но Целест не

мог остановиться. Он, по обыкновению, перегнулся через подоконник, прикуривая сигарету. — Мол, главное Виндикар обезопасить, а остальной Мир Восстановленный пропадай пропадом?

— Нет, — Тао улыбнулся во весь рот, счастливый, что наконец-то может сообщить неслыханную тайну. — Совет решил просить помощи у обычных людей. У Сената. Стражи, конечно, против одержимых продержатся не дольше тех новемцев, но у них есть оружие, и они могут нейтрасетью орудовать... лучше, чем ничего. И кстати, вам с Рони поручено доставить прошение.

Он положил на подоконник тонкую прозрачную карточку, стеклянную на вид. Она слилась с белым фоном. Авис занял место рядом с Тао — выше его на пару голов, смотрелся телохранителем — только чересчур уж худым.

— Ничего хорошего не выйдет, уж поверьте, — начал Ворона, и Тао показал ему кулак. Авис замолк, попытался найти поддержки Рони — мол, нашего брата-мистика не понимают, почитают чуть не «психами», но наткнулся на ментальный «заслон» и белобрысый затылок.

— Отправляйтесь сейчас, — Тао вздохнул, — жаль, что мы с Ависом не можем пойти с вами. Нам бы хотелось хоть глазком одним на Сенат изнутри полюбоваться. А Декстра хочет, чтобы вы сделали это вдвоем.

Он с ухмылкой уставился на Целеста. Из-за гладких черных волос и кожи древесного оттенка он напоминал куклу, и кукольной была усмешка.

— Кажется, я догадываюсь, почему. Тебя-то аристократы услышат, верно, Альена?

12.

Сенат был близнецом-антиподом Цитадели. Многоэтажное строгое здание надзидало за Виндикаром и всей Империей, только если Цитадель Гомеопатов сера, точно плащ наемного убийцы, то власть Сената обозначалась черно-алым, горделиво, строго... и немного пугающе.

Целест не любил приближаться к просторной Сенатской площади (караул на каждом шагу и тишина, словно на плахе перед тем, как отрубят голову). Тао называл Целеста по родовому имени, но сын Адриана Альены ничем не отличался от большинства горожан.

Власть уважали, безусловно. На расстоянии.

Что ж, теперь у них не было выбора.

— Я никогда не был внутри, — признался Целест. — Не то чтобы тянет сунуться.

Целест заметил, что Рони мучает некий вопрос: Рони тербил свой браслет — змеиные глаза тусклые, кобра спит, а звенья серебристо позвякивают. Он переключился с третьей на вторую скорость.

— Что-то не так?

— Зачем двое? Тао прав, ты — Альена. — Кажется, впервые мистик осознал кто его напарник, с кем он «сыграл свадьбу» пять лет назад. — Но я — нет.

— Вместе до смертного часа. Это закон, что выше законов Сената и аристократии. — И Целест вернулся к третьей скорости, а в памяти его всплыл совет Декстры отречься от всех имен, кроме личного.

На каждом из пяти углов Площади несли караул стражи. Рослые, стройные, в парадной черно-багряной форме, с неременной развевающейся мантией и пером на высокой шляпе — перо реяло на ветру, словно пламя свечи. В полуденных лучах сияло красное золото на погонах и кобурах. Целест прикинул, сколько толку от этих породистых псов в настоящей битве, представил таких вот раззолоченных типов среди гари, пепла и трупов, с баллонами нейтралитета вместо инкрустированных кораллами револьверов... издал ехидный смешок.

— Не суди по облику, — заметил Рони. Он всматривался в стражей: искал соотечественников. Северные Пределы славятся статными красивыми мужчинами — пухлый коротышка-мистик исключение из правил. Может быть, кто-нибудь узнает его?..

Их остановили дважды: пост на площади и около центрального входа с высокими ступеньками и гладкими

дымчатыми колоннами. Оба раза змеиные браслеты служили пропуском... и отпугивали, как не отпугнула бы живая гюрза.

Стражи ничем не отличались от всех остальных в своей «любви» к Гомеопатам и Магнитам в особенности.

Переступив порог, оба синхронно зажмурились: из черных сводов кругло мигали лампы, мириады ламп. Целест вспомнил, что здание Сената именуют «домом без теней». Очередная метафора, за которую стоит заплатить ресурсом электростанций. В остальном святая святых Виндикара оказалась аскетичнее подземной тюрьмы. Черный камень и белое люминесцентное зарево — ничего кроме.

Целест набросил капюшон мантии, и Рони быстро повторил его жест.

— Вверх, — предположил Целест на правах «тебя-аристократы-послушают» — избранного. Эхо разбежалось по многоглазым стенам. — Наверное.

Они поднялись по сияющей лестнице, ступили в длинный коридор, финалом которого были двери с гербом Эсколера — восходящим солнцем из похожего на цветочное мыло розового агата.

— Туда, — ткнул пальцем Целест.

Сенат был близнецом-антиподом Цитадели, но совещались здесь так же, как в Совете, разве не собирались задерживаться дольше положенного. Очередные стражи воздвиглись перед незванными визитерами.

— Мы от Гомеопатов. — Пока Целест ничего не видел за широкими плечами крепких парней. Эффект смазан, конечно, — а жаль, Целесту бы понравилось с первого шага выступить перед отцом.

— С важным известием, — зачем-то добавил Рони.

Главная палата тоже была черной и тоже ослепляла — архитектор не внял эклектике Виндикара и выдержал здание Сената в едином стиле. Люди за прямоугольным столом из обсидиана носили пурпурные мантии и не отбрасывали теней.

«Мы — тени», — Целест одернул собственное серое одеяние.

Отца он увидел сразу. Во главе стола, узкие губы поджаты, лицо кажется монохромной кожаной маской. Целест устремился к нему под колючими, как ежевичные заросли, взорами; абсурдно испугался запнуться или поскользнуться на мраморном полу. Выставить себя шутом.

— Ой, — выдохнул Рони, и Целест действительно чуть споткнулся. Он обозлился: ни раньше, ни позже вспомнил напарник, что нужно проявить эмоции, но в следующую секунду заметил много левее от Альены-старшего... Элоизу.

«Вот оно как? Выбрала политику? — Моргнул золотистыми ресницами. От яркого света, не более. — Матери бы не понравилось... но отцу — да».

— Официальный запрос от ордена Гомеопатов верховному правлению Мира Восстановленного — империи Эсколер и ее столицы, города Виндикар, — скороговоркой проговорил Целест. На гладкий стол легла, впитывая не-цвет, карточка.

Гонцы вытянулись по стойке «смирно», подражая солдатам у входа — неудачной копией: Рони любовался на Элоизу, а у Целеста немилосердно зачесался нос. Стараясь отвлечься, он пересчитывал членов Сената — высшая аристократия, совет Тридцати. Помимо Элоизы он узнал краснотелого паренька, чей мобиль бесславно потонул в новемской луже.

«Мир тесен...» — Целест все-таки шмыгнул носом. К своему и, кажется, Элоизы стыду. Остальные подчеркнуто *не заметили* — в первую очередь отец; Адриан Альена кивнул стражу, чтобы тот загрузил инфокарту в проектор.

Из пола с тихим скрипом выдвинулся экран, вмонтированный в каменную подставку, а назойливый свет совиных глаз-лампочек померк, оставив после себя мигрень и резь в пересохшей сетчатке; неудивительно, что совещания Сената длятся час-два — не более. Трудно без теней.

Проектор искажила рябь, а потом предстали старые знакомые — четверо; дежавю эпизода в камере, разве не доставало ядовитых лиан нейтрасети. Нос смилостивился

над Целестом и больше не чесался, зато заныла больная нога; он проклинал чей-то злой умысел, закон подлости и самую судьбу. Хотя — хуже, если бы приходилось, как Элоизе, заседать в компании отца и двадцати восьми напыщенных типов.

Честное слово, судьбы мира не стоят зудящей голени.

На мониторе выступал Гораций. Запинался и теребил знакомое пенсне, словно его заставляли говорить, угрожая расправой. На заднем плане сложила руки на груди Декстра, под кожей подрагивали резко очерченные, как у атлета, мускулы. Винсент подниматься с кресла целесообразным не считал, а ученый-Флоренц явно дожидался своей очереди.

Гораций просил помощи. Просил денег — на «многократно усиленное производство нейтрасети ввиду острой необходимости оной», просил людей из стражи, вплоть до «введения комендантского часа для мирного населения». Мол, «упростит патрулирование Магнитами общественных мест».

Целест сравнил речь с монотонным стрекотанием сверчка.

«Черта лысого добьются». — Он покосился на напарника, но Рони уставился в пол, словно изучал карту острова сокровищ.

— Мы вынуждены запрашивать столь радикальные меры, — в финале взял слово ученый, — поскольку у нас имеется версия, что «разумные одержимые» не есть проявление непосредственно болезни. — В отличие от теоретика, говорил Флоренц гладко, но тут слышимо проглотил слюну. — Не хотелось бы делать преждевременных выводов и пугать вас, уважаемые господа сенаторы, но... Лично я и несколько коллег склонны предположить появление так называемого Амбивалента.

Экран запестрел серыми бликами и погас, зато в зале поднялся шум.

— Амбивалент! — стукнул кулаком по обсидиану широкоплечий аристократ, обладатель благородного «римского» профиля. Щеки его приобрели охряной оттенок,

под цвет одеяния. — Антинаучные выдумки! Они попросту выбивают из нас деньги!

— Кому нужны мусорщики, не способные вычистить помойную яму?! — поддакнул тонкий юношеский голос, Целест хранил «стойку смирно» (пока) и только догадался — красногубый вякает. — Разогнать этих Гомеопатов...

— И кто будет ловить одержимых? — теперь девичий. Рони приглушенно выдохнул: наверняка молился своей Элоизе. — Может быть, ты, Кассиус?!

— В любом случае, требования недопустимы. Запрос о «новом виде» эпидемии уже поступал, мы узаконили пытки в Цитадели...

— Но если Амбивалент...

— Антинаучные бредни!

— ...вызовет недовольство и бунты!

— ...заговор! Гомеопаты намерены захватить власть!

Рони потерял нить разговора. Смысл распался на пульсацию образов, хаотичных, будто молекулы в броуновском движении. Поначалу болезненная игра светотени, потом Элоиза — она теперь не просто дочь Сенатора, но часть высшей власти; далекая и чужая, как звездные боги из старых легенд. Сумбур накатила пыльной бурей, а Рони запутался. Он поставил «блок» и смежил веки.

А потом очнулся. Блок действовал от всех, кроме напарника — узы Магнитов крепче любовных, осязаемее кровных. Целест сжал кулаки так, что костяшки готовы прорвать кожу, а потом проступили иглы, и Рони прикоснулся к запястью между шипами — там, где колотился пульс.

— Выбивают деньги? Захватить власть?! — Целест высвободился, потряс кулаками. — Вы не поняли?! Прежде мы «отстреливали» бешеных зверей, а теперь сражаемся с идеальными убийцами — вот кто такие разумные одержимые. Они способны захватывать Магнитов... — Он сбился. — Вы сидите здесь, с этими дурацкими лампочками и за толстенными стенами, а мы вот разбирались с эдаким. Разумным. Проклятая сволочь вывернула мозги наставнику мистиков. Моего учителя превратил в кусок ходячей дохлятины.

Целест чиркнул лезвием по столу. На обсидиане осталась зазубрина.

— Подавитесь гребаной властью! К черту ее! Нам нужен Мир Восстановленный — и только он, а вот вы получите трупярни и руины, потому что не видите дальше собственного носа. Вы не были на улице Новем. Задворки, верно? Вам плевать на отчеты — погибло сто человек, двести, какая разница — ваши задницы в безопасности! Пока сами не взбесились...

Шипы описали кульбит перед лицом Адриана Альены. Двое его соседей отклонились, едва не перевернув тяжелые золоченые стулья, но Верховный Сенатор даже не сморгнул.

— Забываетесь, молодой человек, — сказал он. Тонотца, что журит сына за неприличное поведение. Целест захлебнулся новым выпадом, как-то сник. Костяные лезвия стыдливо поползли под кожу.

— Извини... те, — пробормотал он. — Но я говорю правду! Рони может показать, как оно было, — он подтолкнул вперед мистика, — Рони, покажи им!

Молчание опешивших сенаторов сменилось гулом. Одержимые далеко, а мистик-«мозгожор» — вот он, рядом. Отмахивались — убери его, словно заставляя защелкнуть намордник бойцовскому псу. Рони плотнее надвинул капюшон. Нет, он не собирался «показывать».

— Вы закончили, молодой человек? — осведомился Сенатор; он сцепил пальцы в плотный узел — это наверняка причиняло боль вспухшим артритным суставам, но Адриан Альена не подал виду. — Теперь позвольте ответить на ваши претензии.

Экран загорелся снова, Целест различил карту Эсколера — Мира Восстановленного. От центра Европы и на юг, холодный север пестрел белыми пятнами, как и Черный континент, и бывшая Австралия. Пределы — так именуют выжженные под корень территории; люди живут и среди развалин и пустырей, а Цитадель посылает туда Магнитов, но вместо цивилизации — натуральное хозяйство, средневековье по соседству с высокими технологиями.

Пределы, впрочем, померкли и стыдливо исчезли с карты. Адриан Альена заботился в первую очередь об Империи.

— Вы знаете историю, молодой человек? Современный Эсколер — это бывшая Европа, он же единственный на данный момент оплот знаний и разума. Но Эсколер — разнородная масса: сюда приходят из разных земель, и пришельцы хранят различные верования, традиции, а порой и вражду. Вы никогда не покидали Виндикара. — Он смерил Целеста с головы до ног, и тому почудилось — снова облили ядом. Незажившую рану плюс десяток свежих. — И вы, очевидно, незнакомы с политической и экономической ситуацией. С тем, что постоянно вспыхивают мятежи и восстания, а уж обычным разбойным бандам — работоторговцам, наркодилерам и прочим — и вовсе счету нет. С тем, какими силами мы удерживаем стабильность и мир. Целая Европа, молодой человек, когда-то — несколько десятков государств, теперь — единое целое... вы всерьез думаете, будто у нас есть возможность заняться еще и проблемами Гомеопатов?

Экран погас, а лампы зажглись. В седых волосах Сенатора мелькали серебристые блики от многочисленных «глаз». Собственные его глаза были иззелена-золотыми.

— Орден Гомеопатов всегда справлялся самостоятельно. «Орден Гомеопатов отделен от власти, не вмешивается во внутригосударственные вопросы», — и говорил он, словно чеканил золотые монеты, звонкие и полновесные. — Сенат не станет нарушать статус-кво. Мы однажды пошли вам навстречу, разрешив пытки одержимых в Цитадели, хотя и в прошлый раз внятных объяснений данным мерам не последовало. Народу это не нравится, и нельзя испытывать его терпение бесконечно. Впрочем... дополнительные финансы на производство нейтрасети вы получите. Я ответил на ваши вопросы, молодой человек?

«Я твой сын!» — едва не заорал Целест, из всей речи — логичной, правильной (никто не любит Гомеопатов, а Магнитов и вовсе ненавидят) он выхватывал обращение «Молодой человек». Чужой.

Выродок, нелюдь, мутант.

«Ну же, папочка, назови меня... уродом, к примеру!»

Он полуотвернулся. К Элоизе, но девушка молчала — не имела права говорить. Сенат — это тридцать избранных, но решает глава. Элоиза заслонила обеими ладонями, напомнив Целесту детские игры в «я тебя не вижу», а поверх рассыпались волосы.

В доме без теней — каждый тень.

— Да, — сказал Целест. Шипы торчали из его светлой с золотистым пушком кожи, кое-где ползла кровь, скапливаясь в сжатых кулаках. Руки Целеста напоминали пурпурные розы. — Я передам Совету Гомеопатов ваш ответ, господин Верховный Сенатор. Но... у меня еще личная просьба.

— Какая же?

— Вычеркните мое родовое имя, господин Верховный Сенатор. Я больше не Альена.

13.

Ступеньки предательски морозили — мрамор холодный камень. Говорят в народе, мол, из мрамора сердца аристократов... А сидеть у подножия здания Сената — ничуть не удобнее, чем на грязных булыжниках Пестрого Квартала, в нищенских лохмотьях выпрашивая милостыню.

Целест раздавил третий окурок и выкинул его на чистую площадь. Стражи наблюдали за ними — мрачно, словно вороны на ветках, но не прогоняли.

Рони держал Целеста за руку, и она все более напоминала плотный розовый бутон — стиснутые лепестки пальцев, иголки, клейкий металлоидно пахнущий сок. Рони оцарапался, заставляя Целеста расслабить сжатые спазмом мышцы. Несколько капель крови сползли по кромке шипа, достигли кулака-венчика и, опав, затушили окурок.

«Если бы не рука — он бы заплакал», — подумалось мистик.

Целест молчал. Губы его припухли, он грыз их, словно промахиваясь мимо мягкой бумаги фильтра; на самом фильтре зияли глубокие ямки.

Рони достал из кармана мятый платок и стирал кровь с предплечья Целеста. На ступеньки изредка капала кровь. Заморосил тусклый, не ко времени осенний дождик, и размазал алое по прожилкам мрамора.

— Целест, — сказал Рони, — нужно домой.

— Твои родители мертвы, — ответил тот; волосы намокли, потемнели до темно-бронзового оттенка, пряди прилипли к щекам, напоминая кровавые потеки, — но ты для них был и остался сыном.

Целест вырвал руку и ударил по ступеньке, выбивая из мрамора крупинки. Пара игл также треснули, сломанные они напоминали когти гигантского зверя.

Монстра.

— Сенат не вмешивается... ты слышал? Им плевать на нас, плевать на одержимых — перебей они хоть пол-Империи... Пойти на поводу у Магнитов — еще чего! А знаешь почему, Рони? Потому что нас ненавидят. Этот толстогубый Кассиус так и обозвал — мусорщики, мол. Мы разгребаем дерьмо, и от нас воняет. Никто не любит мусорщиков, а тем более мусорщиков-уродов. Декстра права. На черта мне родовое имя, если для отца я «молодой человек»?

Рони кивнул. Он вспомнил разговор — в темнице, когда Целест объяснял про распятого бога, у столба с Вербеной-рекламой и полыхающими искрами; Целест повторял, что Магниты не нуждаются в чем-либо одобрении. И в любви тоже.

«Ты хорошо обманывал... себя в первую очередь».

— Тебя любят, Целест.

— Кто? — Он смял пачку из-под сигарет, а когда закашлялся, у рта полыхнуло бледно-зеленым пламенем; Целест напоминал дракона. — Мать, может быть? Она носила по мне траур, а когда прихожу, встречает, словно фамильное привидение.

Рони расправил платок, начал обматывать вокруг ищарапанного предплечья. Узел получился кривоватым. На белом фоне проступили костяные шипы и несколько пятен.

— Элоиза. И Вербена. — И предупреждая недоверие: — Эмпаты не ошибаются, Целест.

Шипы медленно скрывались под хлопчатобумажной тканью и кожей, а дождь раскачивался, словно свинцовый колокол, — от тихих перезвонов к гудящей ярости, от слабо морозящего — к ливню. Целест и Рони спускались к мобилию, когда из здания Сената выбежала Элоиза.

— Постойте!

Она нырнула под ливень, словно с моста в реку; строгий серый костюм намок до черного вдовьего — или символичного — оттенка, и тоже струились кровавыми потеками рыжие волосы. Рони вздрогнул от сходства брата и сестры — несмотря на разницу в два года, они казались близнецами. Элоиза едва не запнулась на ступени, дернула Целеста за подол мантии.

— Ты — чего — творишь — идиот?! — зашипела она.

Целест высвободился. Глянцевые ногти Элоизы скользнули по грубой ткани; он продолжил идти.

— Нет уж. — Элоиза силой развернула брата к себе. — Довольно того, что ты отрекся от...

«От меня», — недоговорила она.

— ...Зачем? Как понимать твою выходку, мальчишка?

Звякнул браслет — змея на нем язвительно осклабилась. Через «повязку» проступали красно-коричневые пятна.

— Мальчишка? Спасибо, не «выродок». Не я отрекся, Элоиза. Отец объяснил — вы, мол, псы, вот и занимайтесь песьей грызней. И незачем из-за собачьего брехания тревожить людей. Что ж, мы перегрызем глотки и этим «разумным одержимым», пускай Магнитов после этого не останется вовсе...

— Дурень! — Пощечину Элоиза приложила с оттяжкой, так что голова Целеста дернулась под неестественным углом. Он потер щеку. — Отец просто сказал, что ты

ничего не понимаешь в политике. Так и есть, между прочим, иначе ты не устраивал бы истерику...

— Зато понимаешь ты, сестренка. — Целест продолжал тереть щеку, и подсыхая, но размоченная водой краска с руки расцветила лицо вдвое ярче, будто он покрасился дешевыми румянами. Рони стало неуютно, словно подсматривал в чужое окно. Довольно того, что он, как телепат, слышит мысли — более чем мечталось бы; свидетельствовать семейные раздоры не намерен. Зато хотелось сказать Элоизе — я понимаю, я все понимаю, у каждого своя правда, но я на твоей стороне... на чьей? Близнецы со схожей аурой, сейчас они чужие.

— Ты была там, не так ли? — продолжал Целест. — Могла замолвить словечко...

— Прости. Не могла. Решение за Главой, и никто не вправе оспорить...

— А как там твоя идея насчет шоу? Противоречит официальной политике Эсколера?

Элоиза ждала этого вопроса. Она выдохнула с облегчением, словно брела по узкому мосту над бездной, и вдруг ступила на широкую равнину.

— Нет, — улыбнулась она, — Чернь... как и большинство аристократов, чего уж там, — боится вас, боится тех мер, которые вы предлагаете, и предпочитает закрыть глаза на ваши предупреждения. Но... Ты ведь помнишь, кому поклоняется Виндикар?

Целест открыл рот. Нужно протестовать и не сдаваться — Элоиза теперь одна из них, из Сената... его сестра. Любят его. «Элоиза. И Вербена».

Достаточно.

— Танцующей богине, — был риторический ответ. Целест хмурился, но в уголке рта притаилась улыбка.

— Вот именно. Если она попросит помощи — пусть и от имени Гомеопатов и воинов их, Магнитов, ей не откажут, — Элоиза прильнула к плечу брата, и Рони потупился. — Кстати, ты знаешь, кто такой этот Амбивалент, которым запугивали Сенат?

Они переглянулись — втроем.

— Я попробую выяснить, — неуверенно сказал Рони, — при Цитадели есть библиотека, в крайнем случае спрошу у наставника...

— А я видела кое-что. — Элоиза нахмурилась, намотала на палец рыжую прядь. Мокрые волосы пахли цветочной пылью, и, стоя рядом, Рони тайком втягивал этот запах — будто ворую его. — Помнишь диски... Целест, ты должен помнить. Когда вы приволокли Вербену...

— Из Архива. Да. Сто лет назад. Слушай, я думал... они потерялись?

— Голова у тебя потерялась. — Элоиза смерила брата торжествующим взглядом. — Правда, на них почти все зашифровано, но этот термин попадался. Ох, ладно... мне пора, да и вам нечего мокнуть. Передавайте ответ своим Гомеопатам, да поаккуратнее — говорят, глава воинов способна выжечь весь Эсколер одним взглядом, а старший мистик — превратить в кретинов с размягченным мозгом... впрочем, особенно стараться ему не пришлось бы. И держите плюс два в уме. Ага?

— Ага, — повторил Рони. Целест уже сокрылся в мобиле, а он все всматривался в серебристую ткань дождя, за которой исчезла Элоиза. Целесту пришлось поторопить его.

14.

В тесной и скромной, по сравнению с «домом без теней», комнате Совета Целест держался с отстраненным спокойствием, и так же доложил резолюцию. Слова, слетая с губ в затхловатую сырость Цитадели, рассеивались кляксами, словно кровь на повязке.

Главы переглянулись. Привычно вспорхнуло золотистым мотыльком пенсне Горация, резко черкал пометки в пожеванном блокноте Флоренц. Винсент был не эмоциональнее карпа, глубоководного и медлительного.

Целест впился взглядом в Декстру. Неопалимые волосы потемнели до бархатно-гранатового, а губы она сжала так, что казалась вовсе лишенной рта.

«Я отказался от родового имени», — почти добавил Целест, а вместо этого спросил:

— Что такое Амбивалент?

— Теория ученых. Требующая подтверждения, недоказанная теория. — Гораций опередил остальных. Целест почему-то вообразил кривенького и помятого человечка с мечом в руках — меч слишком тяжел для куриных лапок, но Гораций упорно размахивает им. Сражаясь с... с Флоренцем? Или со всеми ними?

«Раскол внутри Гомеопатов?»

— «Антинаучные бредни»? Так говорили в Сенате.

— Теория, — подчеркнул Флоренц. Меч рухнул в пыль. — Одна из гипотез. Признаться, мы надеялись, что она подействует на Сенат... но нет так нет.

«Вы ведь и не ждали иного? Отправили меня и Рони, поставили галочку, и все...» — Он облизал губы, проглатывая привкус кислого молока.

Декстра сделала ему знак: свободен.

Ходы, переходы и ответвления внутри Цитадели напоминали муравейник. Раз в неделю в них терялся малыш-новичок, находили его запуганным и частенько — зарезанным; давным-давно следовало запереть пустующие кельи и целые ветхие коридоры из шершавого камня, но выстроенная много десятиков лет назад башня одичала, как и окружающий ее сад. А закоулки годились для разговоров.

Тао перегородил путь Целесту, вынудил отступить в L-образный тупик. Целест раздраженно напомнил о дежурстве — через полчаса между Серебряной улицей и проспектом Риан, знаменитом клубами и магазинами для богатых мальчиков и девочек.

— Я помню. — Тао сгустил воздух в щит — попытка Целеста отодвинуть помеху с дороги провалилась. — У меня лишь один вопрос.

«Об Амбиваленте?» — проклятая «легенда» не выходила из головы. Дергала свежими ранами на руке. Кто — или что такое эта «гипотеза»? Элоиза обещала помочь, упоминала диски, про которые Целест пять лет как забыл... совпадение? Шутка? С нее станется.

Целест вспомнил, как сестра бежала за ним по дождю. Если шутка... то скверная.

«Она любит тебя».

— Ну?

— Ты правда отрекся от родового имени?

Целест вытаращился на китайца, будто тот объявил, что добровольно возвращается в родные Восточные Пределы, к развалинам храмов и одичалым кочевникам.

— Откуда...

— Значит, правда. — Тао похлопал Целеста по плечу, для чего ему пришлось вытянуть руку на всю длину.

— Какая тебе разница? — «сейчас точно упомянет Амбивалента». Целест спрятал руки в карманы, некрасиво задрал мантию. Надо не думать о проклятой «гипотезе», иначе все мистики Цитадели уже к утру вытащат из него ненужные подробности. Рано. Сначала нужно разобраться самим.

«Согласно первого параграфа Устава Гомеопатов»...

— Мне — никакой. А вот им. — Тао ткнул указательным пальцем в облезлый потолок, покрытый оспинами мокрых пятен и морщинами трещин. — Им — да. Пока ты был Альена, ты был ценнее... Гордость — сестра глупости, а?

— Да пошел ты. — На сей раз Целест оказался проворнее, он оттолкнул китайца. — Не понимаю, какого дьявола ты докапываешься...

— Я теперь в твоей команде, рыжий. Что ж, ты прав — мне есть разница. Аристократом и его командой пожертвуют в последнюю очередь... а смертей скоро будет много. — Тао обогнул его с ловкостью ласки. Целесту мерещились слепящие лампы и холодный промозглый ливень, и иглы в собственных руках.

— Ворона накаркал?

— Авис — мистик-ясновидящий. — Тао прищурился, отчего глаза его слились с лицом, в точности как губы Декстры. — Ворона или нет, он не ошибается.

Целест тряхнул головой и провел по еще влажным волосам.

«Уничтожить. Разумные одержимые. Амби... пункт четыре дробь два, Магнит обязан принимать вахту в ука-

занное расписанием время, опоздание более чем на пятнадцать минут квалифицируется как нарушение десятого уровня и влечет за собой...»

Целест преодолел десять или пятнадцать метров до шумного общего коридора. Мимо пробежала стайка малышей-новичков, громко хвастаясь способностями. Новоявленный воин демонстрировал гидрокинез, отчего в выбоинах на полу плодились лужицы. Перекричать ребят Тао не удавалось, и Целест был готов благодарить каждого из них.

Он высушил несколько лужиц и одобрительно кивнул гидрокинету — мол, продолжай, и получится настоящий водный смерч.

— С чем его и поздравляю. Можешь прятаться по углам Цитадели вместе с Вороной, а я — на дежурство.

...Возвращались поздно, порой — за полночь. Дни наступили холодные, бабье лето стыдливо вытрясло из кармана зеленые и желтые листья и сбежало, уступив промозглым холодам. Приходилось кутаться в теплые зимние мантии; каждое дежурство Целест делал мысленные ставки — свалится с температурой или выдержит. Дождь просачивался сквозь плотную ткань, жабьей лапой трогал кожу.

Вахты удлинились вдвое — шесть часов против трех обычных. После недели подобного графика взвыла вся Цитадель, и Совету пришлось объяснять то, о чем прежде шептались. Готовность альфа, обострение и новый вид эпидемии. Одержимых, впрочем, ловили успешно и успешно же домучивали — в зловонной камере пыток и на прозекторских столах ученых. Впрочем, за неделю «строного режима», как прозвал новый распорядок Тао, а с его легкой руки — вся Цитадель, объявились только двое безумных разрушителей, оба в порту. Одного поймали за полчаса, второй успел взорвать склад с привезенным из Южных Пределов бананами, кокосами и манго, и пол-города наполнилось приторным ароматом фруктового пепла, а когда «повара» приволокли, спеленатого найтрасетью, он причмокивал и обещал съесть всех под

мандариновым соком. Разбежалась перепуганная мелюзга, но Магниты постарше и бровью не повели. Оказалось, к разумным одержимым привыкнуть проще, чем к удлиненной вахте.

А Целест думал о Вербене. О матери (что она сказала, когда отец сообщил ей про выходку сына... если сообщил!), об Элоизе, таинственном, черти бы его драли, Амбиваленте и дисках (почему сестренка молчала о них столько лет? Или просто забыла, не думала, что пригодятся?) — тоже, но в первую очередь о Вербене.

Она поймет. Еще — Рони, но Рони не считается: во-первых, эмпат, во-вторых — напарник. Целест представлял, как скажет Вербене: «Теперь я — как ты. Только свое имя. Но твое стало именем богини, может быть...»

Здесь его мысленная фраза прерывалась. И Целест оттягивал визит домой, отговариваясь усталостью, опасением наткнуться на отца — ворохом отговорок, бесполезных и дурно пахнущих, вроде чешуек дохлой рыбы. Он страдал бессонницей и под монотонный перестук дождя долго рассуждал, пляясь в низкий темный потолок: рано, родители должны успокоиться, а Вербена занята не менее Магнитов — она выступает во всех театрах, и кажется, сейчас вообще не в Виндикаре. Рони кутался в тощее одеяло и молчал.

Как обычно.

Были дожди и было растянутое в обыденность серое время.

В конце концов Вербена пришла сама.

Первым ввалился почему-то Авис, встряхивая вытянутой на манер зеленой груши головой, и объявил: «К тебе гости, рыжий». Целест только переоделся после дежурства, вывесил за окно промокшую мантию и выстиранные джинсы, а Рони любовно выгребал из карманов купленные неподалеку и еще горячие жареные каштаны и раскладывал их на кровати, подстелив лист бумаги. Гостей они не ждали.

Авис подмигнул с самым заговорщицким видом. Целест охотно выгнал бы его пинком — парочка из сплет-

ника и Вороны надоела до зубовного скрежета на работе; следом порог переступила закутанная в темно-индиговый плащ фигура.

Потом фигура откинула капюшон, и Целесту пришлось хвататься за подоконник.

— В-вербена? Но...

«В Цитадель не пускают чужаков! Никого, кроме Го-меопатов...»

— Как ты...

Волосы Вербены были собраны в строгий конский хвост, но знакомая заколка поблескивала. Как всегда. Ничего не меняется, несмотря на «разумных одержимых» и... и дождь.

— Привет, Целест, Рони... Меня пропустили, а господин Авис согласился проводить сюда, — улыбнулась девушка. — Ты ведь не против, Белка?

— Я... нет. — «Кроме Гомеопатов и богини Виндикара». Целест обогнул ухмыляющегося Ависа и обнял Вербену.

— Прости, что пропал. Я...

Он замолк, словно захлебнувшись словами. Объяснения и длинные фразы, повторяемые еженощно, расплавились в диафрагме, как топленое масло. Вербена была холодной — замерзла на улице, хотя и надела под плащ шерстяную кофту с аляповатым желто-красным рисунком; Целест обнял ее, пытаясь согреть, и уткнулся носом в пахнущие цитрусовыми духами волосы.

— Пойдем-ка. — Рони прихватил горсть каштанов, они обожгли пальцы. Большая часть осталась Целесту и госте. Авис упирался с полсекунды, но потом подчинился коротышке-собрату.

— Мы лишние, — прокомментировал Рони уже за дверью.

— Но это же...

— Вербена-танцовщица. Я знаю.

«Я знаю ее пять лет».

— Хочешь каштанов?

— Отвали, — буркнул явно разочарованный Авис, ссутулился более обычного. Но несколько темно-

коричневых плодов все же зачерпнул костистыми пальцами, прежде чем хлопнуть дверью собственной кельи.

Рони постоял немного, а потом выбрал левый фланг узкого коридора и выщербленные сотнями ног ступеньки.

Целест не заметил, как их оставили наедине. Обнимал Вербену, делясь теплом, — девушка дрожала, и он окутал себя и ее облаком жара, почти спонтанно, словно мальчишка, едва научившийся контролировать дар. На смуглой коже Вербены румянец напоминал червонное золото, она с явной неохотой расцепила объятия.

— Ты такой хороший. Только глупый.

Целест не был телепатом, и уж тем более ясновидящим, но ожидал чего-то похожего. Уставился мимо Вербены, на обшарпанную стену, где сонный осенний паук запутался в своей же паутине.

— Элоиза? Она попросила прийти ко мне, да? Мы же все обсудили...

— Не Элоиза. Госпожа Ребекка, — перебила Вербена. Целест подумал, что глаза у нее еще и оттенка паутины. Он сел на кровать, зажав ладонями голову. Он так рад, что Вербена пришла. И так... страшно? Горько?

Глупо.

— Я не глупый. Слушай, я не собираюсь. Обсуждать.

Вербена оказалась рядом, и когда обвила его — и впрямь на манер гибкого растения, Целеста продернула дрожь до позвоночника, а язык во рту стал толстым и неуклюжим. Он обругал себя: как будто впервые... с Вербеной... с девушкой... с девушкой-Вербеной.

«Она взрослая», — внезапно понял он.

— Госпожа Ребекка просто хочет поговорить с тобой, — сказала Вербена; она потерлась щекой о его щеку, а Целест со стыдом прикинул — брился в последний раз дня два назад, должно быть, Вербене неприятно царапаться о рыжую щетину. — Она не осуждает. Она понимает. Просто поговорить, потому что... потому что она твоя мать, Целест.

— А ты? — Целест обнял Вербену за талию, но оказалось неудобно, и ладонь сползла ниже. Он отдернулся,

схватил каштаны (спасибо запасливому, как суслик, Рони!), будто оправдываясь.

— Что мне за дело до родовых имен? — усмехнулась Вербена. — А ты для меня просто Белка. И пришла я к тебе не по чьей-то просьбе. Я пришла... потому что хотела. Давно хотела. Прийти к тебе.

«Ко мне». — Целест моргнул. Протянул угощение.

— Я поговорю с матерью.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Вербена схватила его за плечи и по-птичьи клюнула в губы, больно стукнувшись носом. Коротко хихикнула, и Целест успел зачарованно (словно наблюдая за танцем — весь Виндикар, вся империя Эсколер зачарованы Вербеной, а она — здесь, в келье Магнита) оценить новый прилив румянца. Они одновременно рассмеялись, а по полу рассыпались всеми забытые каштаны.

Со второго раза получилось. И губы у нее оказались сладкими.

«Она ребенок!» — вскрикнул какой-то из внутренних голосов Целеста, но замолк прежде, чем досадить и все испортить.

Не ребенок. Взрослая, совсем взрослая — лунная дева, богиня; Целест ощутил собственный жар — от паха по венам, животу, рукам; он вливал его в Вербену, и девушка изогнулась, скидывая сначала свитер, потом джинсы, и...

— Ох, черт, — проговорил Целест, чувствуя себя подростком: лишь бы не опозориться. Он однажды видел ее обнаженной — только однажды: с поры притона «Кривонногого Джо» выступления Вербены приобрели не только изящество, но и целомудрие.

Она теперь другая. Груды небольшие, по-прежнему острые, с маленькими сосками. Такая тонкая кожа, такая...

— Черт.

Они ведь друзья. Вроде. Хотя Целеста и преследуют сны — двойники того, что происходит теперь. Но друзья. И вообще, она ведь... в смысле...

— Ты же... Вербена, ну...

— Девственница. И чего? — дернула плечом (когда плечи из угловатых и костлявых стали женственно-округлыми? Давно. Наверное. Целест не позволял себе замечать то, что знал весь прочий мир!).

— Ну... — Целест облизал пересохшие губы. Он хотел объяснить — так неправильно, она — лучшая из танцовщиц, она — королева Виндикара, выше Сената и уж точно выше каких-то там убийц с паранормальными способностями. Но Вербена оказалась сверху, сжимая его бедра сильными смуглыми ногами, и наклонилась, принося в дар поцелуй. Перехватив блик желтоватой лампочки, замерцала, точно расцветая, та самая заколка. Целест подумал о символах, судьбе... а потом уже не думал вовсе.

«Эта девчонка все решает сама». — Целесту оставалось только покориться. И быть ласковым. Осторожным и ласковым.

И самым счастливым на свете.

Чуть позже вспоминалось, как он и Рони попали на ее выступления в Гранд Театре — Вербена уже была... как это называли в старину? «Звездой?» Скорее луной — звезд много, и не всегда отличишь одну от другой, а луна — единственная. Целест и Рони дежурили в Театре, и кажется, именно тогда Тао уверился: имя Альена чего-то означает даже в Цитадели...

Рони тогда поразился Театру: сооружение напоминало кусок рафинада, искрилось вплавленным в стены кварцем, неправдоподобно-праздничное в строгом черно-алом городе. Перед Вербеной сыны благородных фамилий падали на колени, и несли ей — корзинами, миниатюрная девушка целиком бы туда поместилась, — розы, гиацинты и орхидеи с густо-фиолетовыми бархатными лепестками.

Ее танец... завораживал. Как обычно. Кажется, Рони тогда повторил свой непонятный для не-эмпата (хотя Целесту он пытался объяснить, в меру словарного запаса) комплимент — «воплощенная».

А в эбонитовых ее волосах мелькала заколка в виде распушившегося венчика вербы. И Целест знал, что про-

стенное украшение неизмеримо дороже тяжелых рубиновых ожерелий, алмазных россыпей-колье и платиновых серег с изумрудами, что дарят Вербене поклонники.

В конце концов, после третьего «биса» и поклонов, она потащила с собой за кулисы именно их — Магнитов, а его, Целеста, обнимала... почти так, как сегодня.

Почти.

Тогда он не решился. А теперь... все на своих местах.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Вербена прижалась к его груди теплой щекой.

...В библиотеке дежурил новичок из теоретиков — зашпанный и неловкий, он выронил замотанные скотчем очки и близоруко уставился на Рони.

— Я... ненадолго, — поспешно проговорил тот, и скользнул вглубь, между пахнувшими древесиной, пылью и горечью стеллажами. Библиотека Гомеопатов могла соперничать с Великим Архивом, во всяком случае, Рони оценил ее именно так — лабиринт массивных, но согбенных под грузом книг и дисков полок; разноцветные корешки — новые и затрепанные, с торчащими из ветхой ткани нитками; засвеченные коричневые пленки, похожие на ссохшиеся волосы мертвецов, и запечатанные бобины с перфокартой. Громоздкие шкафы взирали на мистика с высоты трех метров, и он ощутил себя липлутом среди великанов.

— Ну.. начну с буквы «А», — пробормотал Рони себе под нос.

Он вскарабкался по треугольной стремянке и принялся методично отбирать книги с дисками. Львиную долю занимали труды мудрецов и философов, от первых же строчек Рони засыпал и рисковал свалиться с лестницы. Таинственный Амбивалент, впрочем, не упоминался, зато теологи и ученые спорили — является ли эпидемия карой или просто болезнью, насколько гуманны методы Гомеопатов и «воинства оных, именуемые Магнитами».

Попадались истории о старом мире — о том, что было до эпидемии. Они читались легче, но вызывали недоверие. Летучие машины? Связующие знаки, вроде его

«змеи», — у каждого, и по ним можно говорить? И все время война, непонятная и необъяснимая, словно до эпидемии каждый был одержимым, но не признавался в этом.

Рони с трудом удерживал стопку толстенных томов. С опаской глянул вниз. Свернет ведь шею...

«Сюда бы Целеста с его телекинезом. Ну и ловкостью тоже».

Наверное, стоило прихватить какого-нибудь отключенного покрепче, дабы держал тяжеленные книги. Не сообразил... а впрочем, нет. Большинство Гомеопатов всю использовали бессловесных рабов, но Рони отпугивала их пустота — словно перегибался в бездонный колодец, вдобавок неизменно чувствовал что-то вроде вины.

«Поглотитель душ», — вопят сектанты на улицах.

«Мозгожор», — безглаголиво оглядываются граждане Виндикара.

Девятую книгу он не удержал, и массивный, обитый железом талмуд полетел вниз. Рони зажмурился — ветхая бумага наверняка не выдержит, порвется, ему попадет, и...

Книга зависла между небом и землей.

— Аккуратнее. Ты чуть меня не зашиб.

Остальные восемь «кирпичей» выпрыгнули из ненадежных объятий Рони, стопка очутилась на полу, и тогда мистик разглядел неожиданного помощника.

— Аида, — улыбнулся он.

Давным-давно эта девушка «травила» его вместе с Тао и подругой Лерееной, но воды утекло с тех пор больше, чем в северном море. Лереену с напарницей Ксаной отозвали в соседний Маирж; Аида вышла замуж как Магнит и как человек — за мистика Вотана, крепкого коренастого мужчину лет на пятнадцать старше ее, усатого и обстоятельного.

Рони спустился, и без лестницы выяснилось — девушка обогнала его в росте на полголовы, крепко сбитая, сильная благодаря тренировкам, как все воины, черноволосая — только волосы гладкие, а не вьющиеся, как у Вербены. Забавно, они все живут в одной Цитадели, но

редко рассматривают друг друга. Безликие убийцы — те-ни. Магниты.

— И-е-ро-ним, — по слогам проговорила Аида. Зубы у нее были неровные, а губы — бесформенные, словно куски теста.

«Что ей нужно?»

— Забавно, что ты здесь. Чего Магнитам делать в библиотеке? — Аида с легкостью подняла книги. — На. Если удержишь, конечно.

— Оставь, — не рискнул Рони. — Я потом...

— Могу помочь, — и предупреждая вопрос, — просто скучно, Рони. Вотан дрыхнет, да к тому же вся ваша братия красноречием не блещет... правда, картинки показывает лучше, чем некоторые.

— Я... — Рони болезненно скривился, припомнив безумие, в котором он тонул, точно в липком кроваво-алом сиропе. Откуда его выволок Целест.

— Извини. Хотя, мне, наверное, следовало извиниться еще тогда...

Рони отмахнулся. Не хватало вот сейчас вспоминать старые обиды!

Аида присела на корточки, задернув мантию и обнаружив брюки-милитари. Она перелистывала страницы, взметывая облака пыли, а Рони отмечал, что ногти у нее короткие, в заусенцах и обкусанные.

— Чушь собачья, — вынесла приговор Аида. — Наша наставница, Декстра, говорит, что в юности мечтала сжечь все это барахло. Здесь все равно ни на грош правды. Только сушеная каша из мозгов старых придурков.

«Может быть. Но мне негде искать... и даже не так. Мне некуда пойти больше, потому что постучишься в чужую келью — и придется объяснять, где Целест и почему. Не хочу».

— А ты?

— Не знаю. Никогда не любила книжки. У меня есть огонь, яд и шипы — зачем мне буквы на бумаге? — Аида вздохнула и потрепала Рони по затылку. — Не забивай себе голову. А я пойду, пожалуй...

Она оглянулась в просвете двух стеллажей:

— Кстати, Вотан считает, что если правда хочешь что-то вызнать — так у рыночных гадалщиков. А точнее, у дешифраторов. Не все из них шарлатаны.

— С-спасибо, — проговорил Рони вслед. Он занялся книгами, и вскоре пальцы его покрылись сухой пылью, похожей на пустынный песок; вместе с тусклым зеленовато-желтым фонариком мигало само время.

Он едва сдержал крик.

Вернуть книги на место — еще несколько мучительных минут; Рони нужно убедиться — просто видение (мистики все чокнутые), его не выбросили в никуда, словно беспородного щенка. Он оцарапал нежную кожу между пальцев острой кромкой бумаги и промокнул кровь языком. От металлоидного запаха страх возрос до паники. Он побежал прочь. Поскользнулся и едва не скатился кубарем с вереницы ступеней.

«Целест!» — едва не позвал он.

Но удержался: его не ждали.

15.

— Все в порядке. Я уже сказал: все в порядке — Рони схватился за голову, изображая мигрень. Поутру, часов в пять, Целест едва не зашиб его дверью — Рони завернулся в теплую мантию, как в одеяло, и спал прямо на полу, на манер дворового пса. Извинялся уже минут пятнадцать, и Рони радовался — хватило ума не рассказывать о том, как плохо ему было. В конце концов, мистики все ненормальные, и то исключительно его проблемы.

— По-твоему, я должен был вас... тревожить? — порозовел до кончиков волос. Целест схватил его поперек туловища, словно в борьбе опрокидывая на пол, прошептал на ухо:

— Спасибо. Ты настоящий друг.

— А ты обещал поговорить с матерью. Как раз успеешь до дежурства — отвезти Вербену домой и...

Целест помрачнел. Его лучшая ночь закончилась.

— Хорошо. Слушай, ты точно не обижаешься?

— Я требую оплаты.

— Какой именно? — Целест вывернул карманы — вывалилась мягкая сигаретная пачка, пара мелких монет. Браслет покачивался на запястье, в коридоре было холодно, и по коже обнаженного по пояс Целеста бродили мурашки. Он был готов платить, вот только представления не имел, чего Рони может потребовать. Бессмертную душу?

Впрочем, догадался — пятилетнее знакомство сродни ясновидению.

— Завтрак. Что-нибудь попримечнее овсяной размазни, — ожидаемо сказал Рони.

Но прежде требовалось незаметно покинуть Цитадель. Вечером хватило пары улыбок и взмаха ресниц, пушистых и немного колючих, как лапки мотылька — теперь Целест знает, и это знание драгоценней всех Архивов. Но сейчас — утро. Нужно выбраться, пока все ночная смена не вернулась, а остальные — не проснулись.

— Пять минут, — заверил Целест, вновь покидая напарника за дверью.

Вербена спала, свернувшись по-кошачьи, и Целест поразился, до чего гибко ее тело (о да, он знает теперь — насколько); от нее веяло сонным теплом и уютом. Целест тронул висок и убрал прядь волос, прилипшую к губам, и тогда Вербена проснулась.

— Доброе утро. — Она зевнула, прикрывая рот ладонью. Торопить ее казалось кощунством, сродни осквернению святыни. Он заменил слова поцелуями и вновь наслаждался пряным ароматом и гладкой кожей под пальцами.

— Рони ждет за дверью, верно? — прервала его Вербена.

— Угу. Слушай, прости...

— Все о'кей. Ты чудо, — целовалась она все-таки по-птичьи, словно воробей слетал с ветки и клевал в губы. Вербена устремилась в ванную (Целест вспомнил, что на змеевике сохнет нижнее белье и носки, и сгорел со стыда — хорошо, не в прямом смысле), вернулась минут че-

рез пять, полностью одетая. «Звезда» или нет, она оставалась уличной танцовщицей, способной собраться быстрее пожарника — или того же Магнита.

— Я готова.

— Доброе утро. — Рони кивнул обоим, сел на край собственной кровати, старательно не замечая мятых простыней по соседству и характерного сандалово-устричного аромата. Только пожалел себя на мгновение — усталый, разбитый и голодный; от Целеста «платы» дожدهшься через сто лет, впереди долгий день, а небо опять разбухло прокислой серой хмарью, и еще нужно доставить Вербену домой в целости и сохранности. Кстати...

— Слишком яркая одежда. — Он ткнул в индиговый плащ.

— И верно. — Целест тряхнул лохматыми космами — в отличие от гостыи расчесаться не удосужился и сейчас напоминал ведьму. Или ведьмака. — Слушай... у нас ведь есть запасные мантии? Если накинуть капюшон, то авось, не догадаются. Ну разве кто из мистиков полезет считать, но то же вряд ли, чего зря ресурс тратить, верно, Ро?

— Здорово. Я выряджалась в целую кучу нарядов, но в мантию Магнита — никогда, — по-детски обрадовалась Вербена.

«Еще бы. Это же запрещено. И никто в здравом уме... ну то есть, все равно что в колпак с прорезями, какие палачи носят». — Но Целест смолчал. Он потрошил узкий стеной шкаф.

Его одежда оказалась безнадежно длинна Вербене («ну ты и орясина», прокомментировала та). Мантия Рони — широка, но это лучше, чем подгибать подол чуть не вдвое.

— Сойдет, — сказала она.

Утро выдалось прегадкое, мелкий дождь кусался большее стаи комаров, встреченные по пути Магниты (и несколько ученых, судя по белым халатам и небрежно заткнутым за ухо шприцам) смахивали на мокрых воробьев и в последнюю очередь интересовались, что за «третий» с Целестом и Рони и почему прячет лицо под капюшоном. Однако Целест рассудил — идти через ворота — верх

нахальства, зато можно вспомнить задорное ученическое прошлое с нелегальными побегами.

Заветный яшень не изменился за несколько лет, взирал единственным глазом-дуплом, полным презрения ко всему человеческому роду с их мелкими глупыми тайнами.

— Мантию туда. А потом — летать. — Целест обнял Вербену, не желая отпускать. Он бы отдал много за физические способности — манипуляцию временем, к примеру. Отмотать часы назад и навеки зависнуть во «вчера». — Не бойся, у меня ресурс полный.

— Я ничего не боюсь! — фыркнула Вербена. — Значит, потом жду вас...

— Да, мы заберем на мобиле и докинем до дома. — Целест ощутил словно лимонную корку на языке. Расставаться придется, и видаться — вот так, урывками. Всю жизнь. Магниты не женятся на... людях.

«А на богинях?»

— Поторопись. — Рони оглянулся. Его мучила головная боль — последствие полубессонной ночи, а может быть, простудился на холодном полу. Сам виноват — мог попроситься к кому-нибудь.

Целест поднял Вербену на вытянутых руках, словно она весила не более бумажного змея, — и подобно змею, девушка воспарила в урюмо-серое небо, над забором. Она рассмеялась, брыкнув ногами в воздухе, попыталась перекувырнуться. Целест стоял неподвижно, на его лбу дождь смешивался с каплями пота. Телекинез требует много сил... «Если сегодня объявится одержимый, от меня немного толку».

— Отпускай, тут близко уже, — объявила Вербена по ту сторону забора. Но Целест продержал ее, пока не уверился, что ноги девушки безопасно коснутся взбугренного трещинами асфальта.

— Ты как? — Целест подпрыгнул бы, чтобы проверить, но все-таки сэкономил остатки ресурса.

— Жду вас, шевелитесь.

Рони оглянулся снова. Среди облетелых кустов, колючих и злых, похожих на мотки проволоки, мелькнули тени.

«Мистику следует все-таки доверяться предчувствиям», — посетовал он, но поздно. Тао и Авис уже выбирались из убежища, отцепляя плети выломанных веток и отряхиваясь от лиственной трухи. Авис наступил в лужу, выругался.

— Прелесть-то, — выдал Тао. — Как романтично... прям эти... Ромео с Джульеттой.

Целест развернулся к парочке всем телом. На долю секунды Рони испугался, что запустит чем-нибудь вроде плазменного сгустка; потом накинuloсь дежавю. Целест спасал его. А наоборот... вряд ли выйдет. Рони мог бы попробовать стереть память, но Тао — хороший Магнит, умеет ставить блок. И Авис уж точно не слабее Рони.

— Проклятье, — протянул Целест словно со скукой. — Вы чего, следили?

— В замочную скважину не подглядывал, если об этом, — за себя ответил Тао. Авис ухмыльнулся, заголив желтые лошадиные зубы. — Но «чужой» на территории Цитадели, использование ресурса не по назначению, да и вообще...

— Заткнись, — перебил Целест. Его затошнило — словно прямо из розового сада плюхнулся в канаву. С добрым утром, добро пожаловать в реальную жизнь. Вербена — там, а он здесь. И эти двое — тоже здесь. — Чего тебе надо?

«Вряд ли ограничится омлетом с беконом и оладьями под кленовым сиропом, как Рони», — с какой-то усталостью подумал он.

— Нам. Всем, — уточнил Тао. — Слушай, мы не против твоей интрижки, хотя Авис считает, что ты отхватил слишком сладкий кусок. — Сальноволосый мистик согласно закивал. — Но это твое дело. А вот кое-что нужно нам всем. Мы могли бы не враждовать, но работать вместе...

— Чего. Тебе. Надо?

— То, что ищешь ты и твой приятель. — Тао выдержал значимую паузу. — Кажется, эта штука называется Амбивалент.

Дорогу до особняка Альена молчали. Вербена не выдержала первой, дернула Целеста за рукав:

— Да ладно! Ну подумаешь, какой-то там абми... амби...

— Амбивалент, — уточнил он, прокручивая руль. — Да черт с ним. Не такая тайна... наверное. Просто обидно, что эти два урода шантажируют меня.

— Не расстраивайся. — И она прижалась к плечу, потерлась, словно кошка — ластящаяся и мечтающая быть приласканной. — Элоиза мне говорила про какие-то диски, мы их пытались еще сто лет назад открыть, но ничего не поняли... слушай, — она повернулась к Рони, который задремал на тесном заднем сиденье в неловкой позе, прижавшись виском к окну, — Дешифраторы — это твое?

— На Большом рынке, — вместо напарника пояснил Целест, — Но они же шарлатаны... а может, и не все. Нужно поискать. Эта Аида умная девица... — Он быстро глянул на Вербену, — хотя страшнее сотни одержимых и стерва. Черт, но придется тащить Ависа и Тао...

— Они Магниты. Как и ты. — Вербена ущипнула Целеста за мочку уха, и снова потерлась о плечо.

Целест затормозил резко, едва не врезался в столб, увенчанный рекламным щитом. В мерно мигающем свете его капли дождя перекатывались разноцветным бисером. Он приложил указательный палец к лобовому стеклу, подался вперед, и от дыхания стекло запотело.

Он остановился метрах в сорока от ворот особняка, и непогода прятала полмира под грязным покрывалом, но увидел.

Ребекка Альена стояла возле ворот — там, где обычно несли вахту стражи; она ссутулилась, словно зонт в задрапированной перчаткой руке весил целую тонну; по черно-багряным складкам платья стекали тяжелые крупные капли. Ребекка Альена ждала — не первый час, может быть, простояла так всю ночь, укрывшись под лепестками зонта и плотным шерстяным шарфом — от ветра. Она была похожа на плакальщицу — почти мифологическую, вроде банши, что вечно бродит у могилы похороненных ею, и дождь — слезы ее.

— Я не пойду, — сказал Целест сквозь зубы.

— Ты обещал.

— Я не могу. Это... провокация. — Он ударил кулаком по рулю, на потертой кожаной обивке изогнулась вмятина. — Мама всегда такой была. Это... черт, манипуляция. Вербена, тебе нужно домой, Рони проводит, а я...

— Ты идешь, — проговорил Рони, ставя точку, и Целест почему-то не осмелился возражать.

Сам он остался поодаль. А Целест пошел, и Вербена тоже, держалась под руку, почти повисла на сгибе локтя. От Целеста веяло страхом, а от Ребекки — пустотой, будто от отключенного, Рони передернуло, но позже распробовал эмоцию — горькое вино. Он был эмпатом, но зачастую не понимал людей. Да и под силу ли двадцатидвухлетнему парню понять шестидесятилетнюю женщину-мать?

Он накинул капюшон и «отсоединился» от обоих.

— Спасибо, что пришел, — сказала Ребекка. Целест изучал забор и за ним — поникшие розовые кусты с бордовой гнилью опавших лепестков.

— Разрешите идти? — пискнула Вербена.

— Да, дитя, — улыбнулась Ребекка, возле тонких губ собрались морщины, словно на сушеном абрикосе. Целест попытался вспомнить, когда его мать стала старухой, и не сумел.

Вербена устремилась к дому. Они остались вдвоем с матерью; Вербена ушла — он не поцеловал ее еще раз на прощание, но это исправит позже, многократно исправит. Рони где-то позади.

— Прости, — сказал он. — Отец наверняка наговорил кучу гадостей про меня... ну да, я, конечно, тоже отличился... Слушай, там так получилось...

— Ты отрেকся. — А глаза Ребекки выцвели из лазурно-синего до блекло-голубого, цвета вытертой ткани. Целест ощутил, как горят его щеки. Он был глупым мальчишкой — злым мальчишкой. И выходка — выходка глупого злого мальчишки, сродни привязанной к кошачьему хвосту консервной банки.

— Прости, — повторил он. — Я... только от родового имени. Не от тебя, мама. Никогда. — Он обнял мать, а потом сполз на колени, прямо в лужу между вычурны-

ми плитками, он прижимался горячим лбом к жесткому кринолину платья. — От родового имени. От отцовского. Может быть. Не от тебя.

— Ты простудишься. — Ребекка заставила его подняться с колен. — Боги старые и новые... какой ты ребенок. Я думала, эти Магниты учат не только... сражаться.

«Убивать» — не сказала она.

— Прости.

Порыв ветра швырнул горсть капель на лицо Ребекки, и она промокнула их платком. Потом она улыбалась.

— Как же иначе, Целест? Ты не можешь отречься от нас.

«Ну хорошо, я уже понял — я дурак. И? — Целест развел руками. — Черт, а Рони меня кинул. Припомню ему».

— Я просила прийти для иного, Целест. Речь об Элоизе.

Целест потер подбородок, попутно усмехнувшись, — а вот теперь Рони наверняка наострил оттопыренные уши.

— Чего вытворила моя возлюбленная сестренка?

— Она собирается замуж. За человека, который... — аристократка замялась, подыскивая определение помягче, — ...недостаточно соответствует моим представлениям об идеальном супруге.

Она вновь прикрылась платком. Кружева замаскировали многое — в том числе образы сотни семейных ссор, вялотекущих, как замороженная река; Альена умели контролировать эмоции. Почти всегда. Почти все.

Но Целест догадался — по узору-вышивке с черной монограммой «Р.А.» на платке, вероятно.

«Рони, твой выход. Промоешь гаду мозги? Или набить ему морду?» — Мокрые джинсы липли к коленям, а Целест с трудом сдерживал ехидный смешок. Вымазанная в придорожной грязи мантия и джинсы того стоили. Поставить на место ухажера Элоизы... о да!

— Кто он?

— Только умоляю, Целест, не надо... радикальных мер. Просто поговорить. Ты все-таки старше на два года, и вы с Элоизой всегда были близки, словно двойняшки...

— Кто он? Мама, я обещаю, и все такое. Без пироклиза и вырванных рук-ног. Честно. Кто?

Ребекка поцеловала сына в щеку, будто благословляя на подвиги:

— Аристократ. Член Сената. — Новая сеть морщин дала понять, что Ребекка Альена не одобряет политическую карьеру дочери. — Его имя — Кассиус Триэн.

16.

Горбатый переулок лучше проспекта Риан. Хотя бы потому, что в Горбатом переулке — дымная и грязная, пропахшая горелым жиром забегаловка, где толстая краснолицая тетка готовит самые вкусные на свете пироги. Особенно с рублеными яйцами и капустой, с луком и потрохами, и с яблоками тоже. Проспект Риан холоден, как дворец из ртути и льда, полон прозрачных фонарей и зеркальных витрин, за ними — золото и драгоценности, изысканная одежда и рестораны, возле двери каждого встречает вышколенный лакей в приталенной ливрее. На Магнитов усиленно *не* смотрят — фланирующие господа, их слуги, посланные за покупками... а в забегаловке немного косятся, но право на пирог стоит несколько монет, и ни слова о том, кто ты.

— ...И больше мы ничего об этом Амбиваленте не знаем. — Целест допил разбавленный кофе из пластикового стаканчика. — Вот и все.

Он честный. Он рассказал Тао и Авису, как и договаривались. Даже про диски, о которых упоминала Элоиза. Обо всем, кроме самой Элоизе, но просьба матери точно к Амбиваленту не относится, хотя и грызет, словно червь — яблоко.

— Твоя сестра пять лет держала диски и не пыталась дешифровать? — Тао разломил пахнувший луком и чуть пригорелым тестом пирог. Вторую половину предложил Авису, тот отказался. Отказался и Рони — что было на него не похоже.

— Ну... да. — Целест пожал плечами. — Я всегда пытался узнать больше, чем... ну... — Он понизил тон до ше-

пота. — Официально. А она — нет. Любопытство любопытством, но видимо, там какой-то сложный код...

— Дешифраторы. Даже не знаю, остались ли еще настоящие. — Всезнайка из Восточных Пределов задумался.

«Прямо коренной виндикарец, дока в истории». — Целест спрятал ухмылку за сигаретой.

Эти двое — противные, конечно, и липнут, словно пресловутый банный лист к заднице. Но Целест признавал, что искать вчетвером легче, чем вдвоем. А пока — на пост, хорошо мобиль под боком...

А там и день закончится.

Скучно, ничего не происходит (хорошо, что не происходит, лучше поскучать, чем воевать!). Патруль Магнитов и патруль обычных стражей встречаются порой, курят и болтают, и вроде бы даже без неприязни.

Каждому свое. И у каждого своя работа.

— Пойдем. Рони..

Рони стоял, прислонившись к грязной стене забега-ловки. Ели здесь стоя, а он цеплялся пальцами за щербины на стене, едва удерживал равновесие и готовый сползти в любое мгновение.

— Черт! — Целест выронил незажженную сигарету, подхватил его. Рони был горячим, серые глаза его порозовели, словно он впрямь превратился в мышь-альбиноса. — Чего с тобой? Простудился?

— Нет.

Целест порадовался: Тао и Авис ушли... на улицу, по крайней мере. Грязное стекло и неумолимый, словно проклятие роду человеческому, дождь отгородили одну пару Магнитов от другой. Толстуха-хозяйка заведения косится и на оставшихся — больные ей не нужны, заразу плодить.

— Она... — Рони словно воткнули колючку под язык, а Целесту захотелось выругаться. Только законченный болван, конечно, не заметит дурацкой влюбленности мистика в Элоизу, но...

«Может, ты и вены вскроешь? От несчастной любви?»

— Я искал. Я знаю, где она. Если хочешь, пойдем после... работы. Думаю, еще будет там.

— Как скажешь, — с влюбленными, сумасшедшими и мистиками лучше не спорить.

А уж если «три в одном»...

Уже на пороге Целест тосковал о Цитадели, Пестром Квартале и закусочных. Рони привел его ко входу «Вельвета» — одного из дорогих клубов, гнезд виндикарской молодежи, и не только — недаром говорят, политика вершится в «Доме без теней» только на четверть.

«Когда Эл успела полюбить подобное?» — Целест поморщился. Отдельно стоящее строение, облицованное клинкером, подражало то ли средневековым замкам, то ли уютным французским кофейням, прочитать о которых можно разве на Архивных дисках; густо-охряные камни тянуло потрогать — мягкими и теплыми казались они, а искусственно выведенный плющ увивал клуб от треугольной крыши до ступеней из плотно-бежевого с зелеными прожилками серпентина. Возле клуба сторожили местные охранники — в вельветовой, разумеется, униформе коричневого цвета.

— Ты не ошибся? — спросил Целест у Рони. Незменные Тао и Авис домой отправиться не захотели, и сейчас стояли поодаль. Тао тихо присвистнул, Авис пробурчал: «Нас все равно сюда не...»

— Израсходовал весь ресурс, — покаялся Рони. — Но просьба госпожи Ребекки...

«И касается «жениха» Элоизы», — закончил Целест мысленно, а сам махнул рукой вовсе ненужному эскورتу:

— Ребята, может, вы домой? Это не по работе. Это... хм, личное.

Прозвучало обреченно. Ради Вербены он приговорил себя к этим... рыбам-прилипалам, впрочем, ради Вербены Целест готов и на большее. Вот только разговор будет касаться не его.

Если состоится, конечно.

— А нам и неинтересно, — неожиданно выдал Тао. Он потер сухие желтые руки, похожие на лапки мертвой птицы. — Правда?

Авис с готовностью мотнул волосами.

— Внутрь только проводи, Альена, — поддел он, и Целест вздрогнул, будто от удара хлыстом — не сильного, но с оттяжкой. — Дальше сами разберемся.

— Я не Альена, пора бы запомнить. Я — Магнит. И именно как Магнит войду. И вы тоже, если хотите.

Доберманы оскалились. Во фразе «предъявитепропусквыккому» Целест различил и рычание, и брызг слюны, а затем они поджали хвосты от брелка-змеи — тоже по-собачьи.

— Патруль, — сказал Целест, скалясь в ответ.

Собаки боятся змей.

«Вельвет» и внутри был... вельветовым. Обволакивал вкрадчивой музыкой и полутьмой, запахами дерева, духов и дорогого алкоголя. Со стен безучастно улыбались пухлые купидоны и волоокие нимфы в резных рамах, возле барной стойки, увитой золотыми и серебряными виноградными листьями, подобно алтарю языческого божества плодородия, жонглировал хрусталем и разноцветными бутылками бледный бармен. Он напоминал дрессированное привидение — навеки запертое в стенах родового замка, обреченное служить хозяевам; незаметное и услужливое. В клубе народу было мало, велись неспешные разговоры, и тонко звякали бокалы. Появление чужаков отозвалось паузой — Целесту показалось, что смотрят на него, в полумраке он не различал лиц, только отблески украшений — серег, булавок для галстуков.

«И где Эл?» — Целест озирался, выискивая знакомых. Кого-то, кажется, видел в Сенате, на улицах или в доме отца, аристократы — вроде горошин из стручка. Подскочил и предложил столик и напитки дрессированный официант — если секьюрити у входа сродни доберманам, то этот смахивал на абрикосового пуделя с куделями-кудряшками.

«Вельвет» так и... облеплял элитарностью, но некстати вспоминались слухи — сюда привлекают невольников из Пестрого Квартала, и вот эти утонченные господа с бриллиантами в ушах и запонках терзают одурманенных наркотиками безродных девчонок и мальчишек,

словно шакалы — овец. Слухи, разумеется. Трудно представить это благородное заведение залитым кровью, пропитанным криками боли, словно пыточную в Цитадели. К тому же рабство запрещено в Империи Эсколер, каждому гражданину гарантированы равные права...

«Элоиза терпеть не могла клубов», — чуть не сказал Целест вслух, а Рони направился к спрятанной в углу лестнице. Вверху — VIP-кабинки, предположил Целест, следуя за напарником. Тот столкнулся с длинноногой блондинкой, прелестной и похожей на дорогую куклу, пробормотал извинения, но не остановился.

«Вот он — Магнит... воистину. Истратил ресурс или нет, притягивает Элоизу — или она его».

— Простите, но... — тявкнул «пудель», однако не посмел остановить.

— Нам нужно. — Целест коротко поклонился кукольной блондинке. Та фыркнула, поправляя жемчужную нить на изящной шее.

Лестница вывела к недлинному коридору. Выполненные в японском стиле — бело-желтая бумага и цветы, выведенные тонким чернильным пером, — двери обозначали каждый «вип» аккуратным квадратом. Рони шагал к одной из последних с упорством тарана — довольно мягкого такого тарана; Целест усмехнулся ассоциации.

— Рони? Может, не...

Поздно. Он уже раздвинул деревянно-бумажные двери, и напевно звякнули бамбуковые татами, разноцветные, словно омытая речной водой галька.

Он отпрянул — будто выдернул палец из кипятка. Попытался захлопнуть полупрозрачную створку, зацепил, и на рисово-цветочном поле расцвели прорехи.

— П-простите. — Рони был готов бежать, забиться в мышиную нору или ближайшую подворотню. Лишь теперь очнулся от транса — обещал найти Элоизу и нашел, не его вина, что клубок размотан, а нить привела к...

Куда?

Целест догадывался, но спросить Рони — неловко, и без того хлопает глазами, точно разбуженный ледяной

водой лунатик, смял в ладонях мантию и дрожит. Целест решил постучать по косяку псевдодвери, но Элоиза опередила его.

Слава всем богам, она хотя бы одета. Бретелька черного платья соскользнула с плеча, пронзительно-светлого, как рафинад, а размазанная губная помада напоминала томатный сок — или кровь. Когда Элоиза распахнула хрупкий заслон, Целесту подумалось — не зря в старину рыжих женщин почитали ведьмами.

— Какого — черта — вы — делаете — здесь?! — У последнего слога она едва не сорвалась на визг, но прикусила эмоции до шипения. Из кабинки тянуло приторно, с горчинкой — ароматические свечи плавали в собственной расплавленной плоти. С циновок хмуро моргал давешний мальчик.

«Как его там? Кассиус?» — Целест разглядел «неудачный выбор» пристальнее. Смазливый сладенький такой, черт знает, что Эл в нем нашла. Мошь бледная, вроде...

Да, вроде Рони. Только Кассиуса именуют не иначе как «платиновым блондином», а бледность — «аристократической». Вся разница в том, завернули тебя после рождения в некрашеную холстину или полупрозрачный шелк.

Целест испытал почти детское желание врезать Кассиусу... просто так.

— Ну?! Я требую объяснений! — В декольте Элоизы покачивался и вспыхивал рубин. словно пульсация крохотного сердца, сравнил Целест, выбирая слова оправдания. В самом деле, зачем они заявили в чужой клуб, в чужую жизнь, в...

— Я нашел тебя, — сказал Рони. В его расширенных, будто у наркомана, зрачках отражался рубин и Элоиза. — Просто... нашел. Я не знал, что...

Он облизал губы.

— Прости.

— «Просто нашел», — передразнила Элоиза. Погрозила кулаком — Целесту живо представилась, как заточенные ногти выцарапывают глаза Рони, разлетаются брызги и рубин пьет живую кровь вместо тусклого света.

Она рассмеялась.

— Мальчики, да вы везде пролезете... Только следующий раз предупреждайте. Рони, очень мило с твоей стороны «найти меня», но я не терялась. Все, теперь по домам.

— Элоиза... я хотел поговорить. Госпожа Ребекка просила. — Рони не говорил — выдыхал слова, выдыхал и задышался. Он потянулся за Элоизой. Он не возражал бы отдать глаза (руки, ноги, голову) за ее прикосновение.

Она потрепала его по щеке:

— Рони. И ты тоже. — Густо накрашенные ресницы взметнулись вверх, — Вы оба — мои братья, благодарю за заботу, но с мамой и ее кризисом среднего возраста я разберусь сама. Ладно?

Рука Элоизы — теплая. Теплый летний мед и ваниль. Рони тронул мягкую изнанку ладони, а Целест ощущал его покорную обреченность и спазм в горле — пискнуть тяжело, муторь — стыд и восхищение — и так явно, словно эмпат транслировал собственные эмоции. Или срабатывала «связь» Магнитов. Экстремальные ситуации не всегда на поле боя...

— Элоиза. П-пожалуйста...

Он ослеплен, оглушен, он вычерпал ресурс и подобен заживо похороненному. Осталось — прикосновение, мягкая кожа (если лизнуть — сладкая?). Рони так уязвим: нулевой ресурс для воина означает всего лишь невозможность сражаться, для мистика же — проницаемость и незащищенность.

Слеп, глух и обнажен. И все нервы выдернуты из кожи, словно нитки тряпичной куклы.

Таким он пришел к Элоизе, так он готов передать волю госпожи Ребекки.

— Рони... — Она попыталась высвободиться. — Рони, давай позже, хорошо? Ты нездоров. Целест, да сделай что-нибудь с ним...

Жалость — слегка брезгливая жалость. Будто к нищему, замотанному в пропитанные гноем бинты; белесые капли запятнают дорогое платье. Целест пригладил волосы, кивнул:

— Эл, нам правда...

— Я знаю. Не вмешивайтесь. Мама не всегда права, уж ты-то должен понимать. — Элоиза позволяла Рони удерживать запястье, но потихоньку отодвигалась. — В любом случае...

— Мы не вовремя. Понимаю. — Во рту пересохло, Целест отдал бы все — включая брелок-сигнализацию за пару глотков воды. Пробить бумажные двери и каменные, такие вельветовые стены, прыгнуть под дождь. Можно в реку.

— Да чего ты там возишься?

Целест вздрогнул от нового голоса. Кассиус немного тянет гласные, будто смакуя дорогое вино.

«Черт. Я совсем забыл про него... но вдруг он совсем не плохой. Родители ошибаются — кому, как не мне, знать?»

Кассиус вынырнул из-за татами из разорванных створок. Прядь светлых волос прилипла к полным губам, он убрал ее нетерпеливым жестом.

— Что они здесь делают?

— Целест мой брат. — Элоиза все-таки выдернула руку. Рони шумно всхлипнул, будто от удара в диафрагму. Он завис между Целестом, Кассиусом и Элоизой, но не вполне понимал, что происходит.

Элоиза была рядом. Где теперь?

— ...А это его напарник. Иероним. — Когда назвала по имени, он двинулся к ней и ткнулся лбом в плечо. — О Боже, Рони... — Чуть не упал, когда Элоиза отодвинулась.

Кассиус изучал его и Целеста с откровенным любопытством. Целест сложил руки на груди — не собирался терпеть, что на него пялятся, словно на диковинного таракана. Мадагаскарского.

«Но Рони и правда странновато ведет себя». — Нужно аккуратно утащить его. От этой камбалы пучеглазой.

«Прекрати». Кассиус не сделал им ничего плохого. И явно побаивается Магнитов. А его темно-серый с отливом костюм, расстегнутый и чуть примятый, следы помады на шее и мордашка истинной блондинки — не повод презирать.

— Очень приятно познакомиться, — сказал Кассиус. Он приобнял Элоизу. — Прошу извинить меня за тот выпад в Сенате, я... я не знал, что вы родственники...

— Ну да. Обычного Магнита надо шутить, словно блохастую шавку, — рявкнул Целест и вновь устыдился.

«Прекрати».

— Простите. — Он прикусил язык в прямом смысле. Рот наполнился солью. — Я иногда болтаю ерунду.

Он протянул руку для рукопожатия. Оно оказалось вкрадчивым, словно Кассиус натянул (вельветовые) перчатки.

— Все в порядке. Рад знакомству, господин... Целест, — Кассиус быстро улыбнулся, — ваша сестра — дивный цветок Виндикара, а вы, как я слышал, благороднейший из воинов.

«Я палач». — Но ранку во рту дергало, и Целест смолчал.

— Мы пойдем. Эл, счастливо погулять вечером. — Он подмигнул в своей обычной веселой манере — в конце концов, братская ревность — это глупо. Элоизе когда-то надо выходить замуж, почему бы и не за эту...

«Камбалу».

...вполне приличного молодого человека.

— Поймите правильно, у нас все серьезно, господин Целест, — продолжал Кассиус, на довольно пухлых щеках расплескался румянец. Целест отмахнулся. Сторожить со свечкой он определенно не намерен.

— Да я понял. Эл, про диски помнишь? В общем, мы на днях заглянем.

Кассиус обнял Элоизу, на черном фоне платья серый рукав и перламутровый маникюр казались бледнее луны в полуночном небе. Они неплохая пара. — Целест для верности сложил губы в улыбку еще раз.

— Договорились. — Элоиза собиралась нырнуть за табами с бумагой. И тогда Рони кинулся к ней, на полумиг Целест испугался — ударит ее, Кассиуса, будет драться до последнего, как бы смешно ни звучало.

— Элоиза. Нет. Элоиза. — В зрачках его вспыхивал и гас рубин, раскачивался и трепетал больным сердцем. Рони вцепился в предплечья девушки; чудилось — тянет-

ся к тонкой синеватой жилке под подбородком, жаждет перегрызть ее. Невысокий, кругленький и забавный, сейчас он был страшен. Бешеная крыса опаснее волка.

— Элоиза. Умоляю. Элоиза.

Потом Кассиус ударил.

Пощечина заставила очнуться всех. Первого — Целеста.

— Рони... — он схватил напарника за шкуру, — ...мать твою.

Тот разжал пальцы; сведенные судорогой, они плохо гнулись. Чернильные рисунки на рваной бумажной двери плясали, Элоиза отряхивалась и почему-то разглаживала платье, а Кассиус выступил вперед.

— Я... не хотел, — черед Рони оправдываться. Он стер слюну с подбородка.

«Легко не отделается», — мрачно подумал Целест.

— Я... я потратил слишком много... ресурса. Элоиза...

— Все. Довольно. Уходите. Ты. Уходи. — И они с Кассиусом исчезли за дверью. Вместо хлопка печально зашуршала бумага, разделяя Магнитов и людей.

17.

Темнота в келье плотная, клейкая, словно отвар муки. Ее так и тянет выплеснуть за окно — пусть на головы случайным прохожим, зато прочь. Пока не задохнулся. По рукам Целеста пробежали искры, но зажечь свет — электрический или собственный — он не решался.

В темноте — черные мысли.

О том, что бунтующих или обезумевших Магнитов подвергают эвтаназии. Это гуманная, милосердная мера — к счастью, крайне редкая. Из истории Эсколера Целест припоминал восстание Йоанхейма-воина и его невесты Лайлы-мистика; они решили, что хранители покоя и цивилизации достойны власти... а уничтожил их сам Совет Гомеопатов.

«Лишь бы Эл и Кассиус не вздумали...»

Неверно.

Они ничего не сделают. Элоиза не позволит.

Лишь бы Рони в самом деле не...

— Рони? — Он решился позвать мистика. Тот лежал на спине с открытыми глазами, в «Вельвете» Целест сравнил их с жидким яичным белком, теперь — свернувшийся. Или тухлый. Если прикоснуться, глазные яблоки окажутся холодными и плотными.

«Он просто восстанавливает ресурс». — Целест подавил порыв вскочить и тормошить напарника. Целест успел обойти пол-Цитадели, за ужином наткнуться на неизбежных Тао и Ависа — они куда-то запропастились в клубе, но вернулись довольными, отвертеться от расспросов, выкурить полпачки сигарет, пытаясь сложить из сиренево-серого дыма портрет Верберы (она тоже знает? Эл рассказала ей? что она делает сейчас?), и теперь ждать рядом.

«Найти, что ли, кого-нибудь... нет, не Ависа, к чертям эту парочку... Спросить, как долго мистики восстанавливаются?»

Целест потоптался на потертом половике около входа, зашнуровал кеды и вновь развязал узлы.

Рони сел на кровати, вытянув руки вперед, будто подражая вампирам из дурацких древних фильмов.

— Эй? — Целест коснулся дверной ручки. Бояться или радоваться? Все нормально или... или нет?

— Нормально. Только не... не кричи, — Рони принялся массировать глаза, надбровные дуги и лоб. Он словно страдал от похмелья. Целест облегченно засмеялся. Рядом с кроватью на тумбочке стоял графин и валялось несколько пластиковых стаканов. Целест протянул напарнику воду, тот жадно выхлебал до дна.

— Чего на тебя нашло в «Вельвете»?

— Ресурс. Я был... прозрачным. — Рони смял пластиковый стаканчик. Хрупкий треск напомнил о раздавленных жуках; это был неприятный, омерзительный звук, Целеста передернуло.

— Прозрачным?

Он сел рядом.

— Да. Элоиза... — губы Рони дернулись, — ты ведь знаешь, что я...

«Влюблен с первого взгляда? Знаю. Последняя виндикарская шавка догадалась бы».

Он кивнул. Наполнил водой еще один стакан и пронаблюдал, как его постигла судьба первого; раздавленный пластик наслаивался на кровати, словно скелеты микроскопических организмов на дне рек — тех, что миллиардами оседают, а потом меняют течение. Пластиковые стаканчики — такая маленькая смерть.

Вода оживила Рони. Полумрак не помешал рассмотреть — ресницы его слиплись от слез.

«Это лучше пустоты».

— Рони?

— Нельзя видеть будущее. Авис врет. У воинов есть ограничения — нельзя исцелять или оживлять, а мистики не способны предсказывать. Авис все врет. — последнее он почти прокричал, непривычные голосовые связки сорвало на фальцет. Целест поколебался, прежде чем взять Рони за руку.

— Давай по-порядку. Что случилось?

— Ничего, Целест. Я просто. Сам не уверен. Госпожа Ребекка предупреждала. Элоиза в опасности. Я пытался. Объяснить. — Рони сморгнул, и крупная слеза проскользнула по щеке. — Целест, правда — я настолько отвратителен?

— Чего-о?! — Пока речь шла о «глуках» мистика, Целест успел забеспокоиться. В ясновидение он не верил, однако карканье Вороны порой сбывается, Кассиус на вид опасен примерно как щенок болонки, но — личность загадочная. А последнюю фразу Целест не понял. Совсем.

— Отвратителен? В каком еще смысле? Чего ты несешь!?

Рони замялся, подыскивая определения. Затылок заливало тяжелой болью, словно в позвонках поселились жуки-древоточцы. Костоточцы. Объяснить. Как объяснить? Все равно что дикарям с южных островов — ма-

тричное исчисление. Что такое матричное исчисление? Рони понятия не имеет — очередной термин, выхваченный из чьего-то разума.

— Я смотрел чужими глазами, — сказал он, а в горле расцвел знакомый чертополох-спазм. — Элоиза или Кассиус. Думаю, она. Видит меня... вроде личинки, белесой личинки. Гадко. Я... такой?

В сумраке, пахнущем аромосвечами и бумагой — прозрачный и бесформенный, словно медуза; преломление (омерзительнопростоомерзительно) мыслей и света собственным... разумом? Телом?

Рони попытался сложить образ-воспоминание, заретушировал и обрезал острые углы и только тогда передал Целесту. Тот шарахнулся, будто перед носом вывалили мешок гниющего мяса.

— Ох... слушай, Эл не...

«Почему бы и нет? Она определенно не влюблена в него». — Целест почему-то устыдился. В его постели — богиня Виндикара, он так счастлив (и даже Амбивалент — страшилка где-то на предпоследнем месте в личном списке), но везет не всем.

«Мне жаль. Правда. Рони не красавец, но и не урод — и я бы предпочел его вместо смазливой камбалы рядом с Элоизой».

Целест повернул Рони к себе — за подбородок:

— Не такой. Забудь. Ты ведь раньше ничего такого не чувствовал — и эй, только не обманывай, будто не «читал» ее.

Рони сосредоточенно грыз ноготь. К нижней губе прилипла тонкая полоска.

— Читал. Но... не знаю.

Повторялась сцена в заполненной нейтрасетью темнице, и вновь чудилось, что лицо мистика — открытая рана, он останавливает кровь, и скоро эмоции зарастут розовой кожей, а затем воцарится спокойствие. Никаких аномалий.

— Вот. — Целест встряхнул напарника. — Тебе почудилось. Черт, а еще ты умолял ее о чем-то. Помнишь?

Щелк. «Он сгрызет ногти под корень» — Целест наблюдал, как проступает вместо выгрызенных кутикул кровь.

— Неважно. Да... ты прав. Привиделось.

— Винсенту своему не говори. Он голову тебе оторвет. — Целест продемонстрировал кулак, и угроза — реальная, куда реальнее странностей, глюков и зеленоватоблеклого призрака эвтаназии, заставила Рони фыркнуть.

— Конечно. Просто. Не буду больше расходовать ресурс на максимум. — Рони улыбнулся, и в той улыбке Целесту почудились йод и бинты.

18.

— А я отыскал дешифратора. Не шарлатана. — Тао захлопнул дверь. Тон его подразумевал, что он как минимум возродил из останков родины великую Поднебесную Империю, и теперь воссядет на жадеитовый трон. А первым министром его уже назначен Авис, который, по обыкновению, ухмылялся, и зубы его словно залиты топленным воском.

Причина ухмылки вскочила с кровати Целеста и неловко отодвинулась к полуоткрытому окну — от щели тянуло декабрьским холодом, свежим и пахнущим арбузами.

В Цитадель не пускали чужих, а Вербена стала исключением. «Попалась» она на третьем или четвертом визите. Целесту пришлось оправдываться, чуть не коленях умолять — не разлучайте; в конечном итоге Гомеопаты (не последняя наверняка Декстра!) махнули рукой на личную жизнь какого-то рыжего воина.

«Наверное, Элоиза права, — думал тогда Целест, — единственный способ примирить Гомеопатов и людей — вот он, маленький и черноволосый».

И он целовал ее — в дрожащие веки, а ресницы больно кололись, в скулу, лоб и затылок. Он был счастлив. Настолько, что одержимые — разумные или нет, нахмурен-

ные люди — теперь Магнит рисковал получить в спину не только ругательство, но и комок грязи или гнилой томат, даже не-к-ночи-будь-помянут Амбивалент — воспринимались не страшнее детской сказки «про привидения».

С Элоизой и Кассиусом неприятную историю замяли, Рони извинился — причем с той церемонностью, на какую способен простолудин в официальной беседе с аристократом. Было заметно, как он мечтает поговорить с Элоизой наедине, но Кассиус не отпускал ее ни на шаг, и Целест признавал: то ее воля, ни боги, ни демоны не осмелились бы командовать Элоизой Альена.

Целест провалил поручение матери... или нет, в конце концов, каждая мать желает своему ребенку счастья. И она просто ошиблась, заклеив избранника.

Родители ошибаются так часто.

«Зато вы остались друзьями», — попробовал он утешить Рони. И замолк на полуслове.

И еще он забыл о дешифраторах.

— Можешь нас не стесняться. — Авис подмигнул Вербене. — Слушай, Целест, ты удобно устроился. Развлекаешься тут, а мы изображай этих... как их...

— Такс, — подсказал Тао. — Ну, которые по норам лис ловят. Кстати, а напарник твой где?

Целест пожал плечами. Рони почти всегда оставлял их с Вербеной наедине — если только девушка не хотела пообщаться со старым приятелем тоже. Целест поначалу ощущал нечто вроде вины, а потом Рони заявил, что был бы эгоистом и собакой на сене, если бы мешал.

— Скоро вернется, — ответил Целест.

«И между прочим, он всегда стучится».

— Я могу поискать его? — предложила Вербена, она теребила пушистые кисточки на вязаной темно-бежевой кофте и смущалась.

— Великая Вербена побежит за каким-то мистиком. — Тао приблизился к ней вплотную, протянул руку — словно для того, чтобы обнять за талию, но отдернулся под взглядом Целеста. — Твои приемные родители знают, куда ты бегаешь?

— Нет. — Вербена опустила голову. — Я говорю, что на репетиции, и мой наставник, господин Селио...

— Хватит. — Целест притянул ее к себе. — Еще слово, и...

— ...Я что-то пропустил? — Рони остановился на пороге, словно преграда из Ависа и Тао была сродни крепостной стене. В узком переходе-коридоре мало места.

— Решали, кто пойдет тебя ловить. Монетку еще не кидали, но желающих немного... шучу. А у нас кое-что про дешифраторов. — Авис ступил вперед, позволяя Рони пройти в комнату.

«Словно какое-то совещание. Гомеопатов, а то и Сената», — Целест обнимал Вербену и улыбался непонятно чему. Тао рассказывал с выражением, будто надеясь получить премию. Дешифратор отыскался на Центральном Рынке — здесь Целест фыркнул, прошептав на ухо Вербене: вот уж где сброда полным-полно. Авис наклонился к ним, распространяя запах несвежих волос и тела:

— На блюдечке с каемочкой, рыжий. Мы выхватили все каштаны из огня... и радуйся, что я не прошу платы — поцелуя Вербены-танцовщицы.

Вербена отодвинулась, плохо скрывая отвращение. Авис расхохотался, заголяя бледные анемичные десны.

— Да уж, мне повезло, — шепнула Вербена на ухо Целесту.

Тао обещал. Если бы мог предоставить письменные гарантии, выложил бы их — с печатями, подписями и заверениями нотариуса. Дешифратор высшего сорта, любую информацию расщелкает, как фисташки.

— Послезавтра у нас дежурство неподалеку, — заключил всезнайка и поднял короткий, но цепкий указательный палец. — Идеальный шанс. Мы выясним и найдем этого Амбивалента.

— И станем героями, — подхватил Авис.

Чтобы не рассмеяться, Вербене пришлось уткнуться в грудь, в колючий свитер Целеста.

— Я обязательно скажу Эл, чтобы притащила эти чертовые диски, — паузу спустя проговорила она.

Многие называли Виндикар городом отражений. Рассеянные по сердцу Европы зеркальные двойники искажались и преломлялись, будто закатные лучи в черной холодной воде. Близнецами были Сенат и Цитадель Гомеопатов, замызганными родичами роскошных клубов самозванно именовались притоны Пестрого Квартала. Фигуры и тени преследовали Виндикар. Двухцветие — королевский багрянец и темнота.

Пестрый Квартал, нахальный как его обитатели, считал себя тенью и Центрального Рынка, однако Рынок и сам мог представить все то, чем радовало — или пугало — дно; порой в слегка смягченном варианте, более законно и с меньшим риском расстаться с кошельком, а то и жизнью. Рынок тянулся от реки на юго-восток, захватывая постепенно окрестные пустыри, переваривая каждый жилой дом в лавку и лоток, а каждую тряпку и бродячую кошку — в товар. Сплоченные в гильдию обитатели рождались под зычные вопли зазывал, вырастали, приторговывая орехами, конфетами или самодельными деревянными статуэтками, потом помогали своим отцам за прилавком, сменяли их... и в конце жизни ждала их купленная «со скидкой» в лавке соседа-родича траурная урна.

Как и везде, на Рынке властвовала их величество Эkleктика. Негласная гильдия объединяла всех торговцев, иные были беднее последних оборванцев, другие — богаче сенаторов, во всяком случае, неофициально. Правда, вторые не рисковали строить многоэтажные особняки, потому как стражи за налогами приходили исправно, а демонстрировать богатство властям — дразнить сторожевых псов. И все-таки путались добротные каменные дома с грязными лачугами, первые пахли терпкими южными пряностями, вторые — затхлостью и молью; улицы казались узкими из-за вечной толпы, гудящей, как старый трансформатор.

Торговали прямо на ступенях домов, хватали за рукав и предлагали золото, ткани, свежее мясо и диковинные фрукты, живых кур и гусей, сомнительного качества технику, пряности, пластмассовые безделушки, картины —

многие из которых тянули на шедевры, а другие — на бездарную мазню; предлагали свои услуги грузчики, парикмахеры, дизайнеры (мы сошьем вам уникальную одежду при вас!), проститутки обоих полов («клубы знакомств»), сновали воры и кланчили милостыню явно профессиональные нищие. Слышался звон металла, вилок и стаканов, крики и ругань, похвальбы и приглушенные деловые разговоры. Хватало и сектантов различного толку, и шарлатанов. Но Центральный Рынок — не Пестрый Квартал, здесь все более или менее честно.

Может быть, и дешифраторы тоже.

— Целест... а кто они вообще такие? — все-таки задал вопрос Рони, и тут же смутился. Столько разговоров и таинственных лиц, а он толком не понял, к кому они идут. Оглянулся по сторонам: скоро должна появиться Элоиза — на условленном месте возле шеста-спицы — на его вершине сидели в подсобке пожарные, а под ним дремали стражи и Магниты. Виндикар обеспечивал безопасную торговлю.

— Вчера из Пределов приехал? — вытаращился Тао. И как обычно, замолк под взглядом Целеста.

— Люди-машины, — чуть подумав, сказал тот. Целест читал о дешифраторах давным-давно, и отнюдь не только в семейной библиотеке, но и на тех дисках, каковые добывала из Архива покойная банда Пирата. В современном Мире Восстановленном дешифраторов считали помесью гадалок со старыми компьютерами, но правда, как всегда, проще... и сложнее.

— В общем, это началось в середине двадцатого века... а кое-кто считает, что военные и раньше такие штуки вытворяли, только неофициально, — последнее явилось прямым из запретной секции Архива, но какая разница? — Целест закурил и чуть понизил голос. Он чувствовал себя не то лектором, не то пророком: Рони ловил каждое слово, и даже неразлучная ехидная парочка заинтересовалась. — Военные надеялись остановить эпидемию с помощью людей-машин. Брали обыкновенных парней покрепче, вроде нас — ну, не вроде нас, Магниты

еще не рождались ведь. И заменяли им половину органов искусственными. Там, армированное сердце, позвоночник из титана. Вшивки на скорость, точность стрельбы и на все остальное. Тогда их называли киборгами. Может, слышали такое слово?

— Нет, — отрицательно мотнул головой Рони. И почему-то поправил толстый шарф. Губы обветрились от холода, он закусил и сдернул тонкий слой кожицы.

— Киборг — кибернетический организм. Живой и машина одновременно. А в мозги им встраивали мнеморты — теоретически должно было, во-первых, защитить от «психов»-одержимых, во-вторых — быстрее сообщать и так далее... Рефлексы-то все здесь. — Целест постучал себя по рыжей макушке. — Но, конечно, ничего хорошего не получилось. Часть «вшитых» перемерли во время экспериментов, большинство уничтожили... Да, одержимые все-таки были сильнее, ну и числом брали. А потом стало не до киборгов этих. В так называемые «темные декады» — несколько десятилетий полной разрухи — люди страдали как от одержимых, так и от киборгов — у многих заклинило программу, всякие сбои пошли, а то и просто умом двинулись... Они же оказались почти бессмертными. Органы искусственные, кости из титана, как тут своей смертью помрешь?

Рони зажмурился. Он представил развалины старого мира, ржавые остовы домов с грузным вкраплением серого бетона — плиты висят, словно переспелые ягоды и норовят свалиться на неосторожного прохожего. По битому стеклу, оплавленному пластику и каменному крошеву шныряют крысы, а под сводами-обломками, словно в пещерах, прячутся последние люди — они ловят и едят крыс, убивают друг друга за лишнюю тряпку или ампулу антибиотика, и молятся, молятся, чтобы среди них не пробудился очередной одержимый.

А еще в ледяном запустении бродят странные «киборги». Их жизнь вечна и пуста, их мозг помнит все, каждую боль и каждую смерть. Люди не принимают их. Люди ненавидят их почти так же, как одержимых — вы

провалили миссию, кричат киборгам, и они уходят, — переступая, а иногда тяжело раздавливая распухшие трупы, замирают среди камней и ржавого железа, смотрят на гаснущее солнце, и мерно тикает в груди неумолкаемое сердце...

— Что потом с ними стало? — Рони подышал на руки. Мороз кусался, приходилось прятать ладони в рукава. Вокруг гудело и шумело, и он жадно глотал каждый звук.

— Кто остался — и есть дешифраторы, — ответил Целест. — Они способны распознать любой код, восстановить битый файл. Большинство сидит в Архиве, одновременно охраняют и раскладывают информацию по полочкам. Несколько — у Сената, но к ним не попадешь, даже Эл не светит...

— И парочка здесь, — закончил Тао. Он похлопал Целеста по плечу. — Складно рассказываешь, только уж больно страху нагнал.

Авис повертел головой на манер длинноклювого аиста. «Мистик-ясновидящий» наверняка проникся сполна — пускай и слышал историю прежде.

— Я отыскал, — похвастался Авис, затем нос его указал на Целеста, — в общем, дело за твоей сестренкой.

К Целесту привязалась маленькая торговка леденцами — разноцветные шарики, похожие на подкрашенные льдинки, перекатывались по жестяному лотку. Сама девчонка, укутанная в урезанный и перекроенный мужской тулуп, тоже напоминала шарик — только косматый и пушистый. Торговка расхваливала товар тонким птичьим голосом, Целест сдался — отсыпал медяков в обмен на леденцы. Те оказались неожиданно вкусными, кисло-сладкими и пахли лесными травами. На зубах они хрупали в точности как лед под ногами.

— Идут, — встрепнулся Рони, едва не рассыпав пригоршню своей леденцовой доли. Целест покрутился, выглядывая среди черных, рыжих, серых шуб, курток и шарфов знакомые фигуры. К ним приблизились двое, и Целест едва не выругался — дважды. Первое ругательство оттого, что Элоиза вырядилась в какую-то бесформен-

ную синтетическую куртку мерзко-сиреневого оттенка и замотала пол-лица еще более мерзко-розовым шарфом, наверняка освобожденным из самых пыльных недр шкафа. Вычислить ее в этом наряде было не легче, чем сказочную принцессу в лягушачьей шкурке.

А второе ругательство — потому что она притащила с собой Вербену. Хорошо хоть та тоже замотана по уши в серо-белый шарф, искристо-черные волосы спрятаны под вязаной шапкой, и выделить из толпы ее невозможно. Но приводить богиню на Рынок... без охраны, просто так...

«Ну да, удержала бы ее Эл. Аж три раза». — Целест вздохнул, чувствуя: проще сдаться и пустить на самотек.

— Я тебя все равно узнаю, — сказал он Вербене, воровато отгибая уголок шарфа и целуя ее, — и тебя тоже. — Он показал Элоизе кулак. — А значит, и не только я.

— По-твоему, мы должны были захватить эскорт из всех папочкиных стражей? — вздернула золотисто-рыжую бровь Элоиза. Целест воззрился в небо, увидел низкие снеговые тучи и шест с флагом Виндикара и отмахнулся.

— Привет. Хотите? — Рони протягивал тускло поблескивающие конфеты. Элоиза покачала головой — по-прежнему сторонилась мистика, хотя тот пытался загладить вину как мог. Вербена поблагодарила и взяла пару леденцов.

— Госпожа сенатор, — Тао поклонился Элоизе, Авис и вовсе попытался поцеловать руку — но Элоиза перчатку не сняла и от обоих отодвинулась, они перекинулись на Вербену. — Госпожа... богиня.

— Они всегда такие? — шепотом спросила Элоиза у Целеста, поправляя вылезший из-под сиреневого ужа — капюшона локон. — Черт, а я думала, что твой Рони странный...

«Вот так и сочиняют страшилки про Магнитов», — но вслух Целест осведомился о дисках.

— Здесь. — Элоиза протянула сверток, заботливо укутанный в плотный полиэтилен и перевязанный розовой (розовой!) ленточкой.

— Я боялась, что они поцарапаются и завернула поплотнее. — Вербена коснулась запястья Целеста, и розовая ленточка была прощена.

— Следуйте за нами. — Тао явно наслаждался вниманием госпожи сенатора (которая оказалась ужасно похожей на Целеста рыжей девчонкой!) и Вербены.

— Мы приведем вас к лучшему дешифратору Виндикара. Может, и целого мира, — добавил его напарник. Вместе они словно выучили дурную роль в бездарной пьесе. Но последовать стоило хотя бы, чтобы потом припомнить...

Рони оглянулся в сторону шеста: вообще-то они покидали пост. Стражи расположились поодаль, пустили по кругу увесистую флягу, и на Магнитов внимания не обращали. Докладывать о нарушении не станут.. наверное. На всякий случай Рони дернул Ависа за рукав, они заговорщически переглянулись и вместе слегка подчистили память свидетелям. Совесть дернулась подышающей рыбой и затихла.

Они ведь стараются для Ордена и для Империи. Они хотят выяснить и нейтрализовать этого Амбивалента — чем бы он/оно ни было.

Спешащие куда-то люди в мантиях Магнитов — не самое приятное зрелище. Целест скрипел зубами, перехватывая каждый испуганный взгляд; несколько торговцев спешно сгребали товар. Две толстые бабы — одна с корзиной хлеба, вторая с мешком подмороженных бледных апельсинов, — провыли вслед удивительно слаженным дуэтом: «Ой, че ж деется!» Приходилось ускорять шаг.

По счастью, не всякая ворона летит напрямик — Авис выбирал относительно малолюдные переходы. Под подошвами скользили покрытые ледяной коркой булыжники и нередко отбросы, дома жались друг к другу, словно пытаясь согреться — но от стен веяло изморозью, а с крыш угрожающе свешивались сосульки. Целест прикидывал, успеют ли они с Тао в случае чего поставить щит... или расплавить ледяной дамоклов меч.

Он придерживал Вербену под руку, хотя ловкая, как куница, танцовщица не нуждалась в помощи. Рони галантно предложил свои услуги Элоизе, поколебавшись,

она согласилась — видимо, чтобы не обижать беднягу окончательно; теперь оба отставали. Целест подозревал — сестренкиной вины в том немного. Зато Рони выглядел счастливым, будто вместо леденцов наелся веселых таблеток, какими в клубах торгуют.

Авис завел всех в тупик. В прямом смысле — дома наконец-то сжались L-образно, сцепились мерзлыми серыми стенами.

— Здесь. — Авис ткнул в подвальное окно. Пролететь туда могла разве кошка.

— Предлагаешь ломать стену? — Целест постучал по смерзшемуся серому камню.

— Нет.

Они с Тао присели на корточки, ссыпали внутрь несколько уцелевших леденцов и поднялись, вытирая о мантию липкие ладони.

— В прошлый раз пришлось кидать камни. Но дешифратор на слух не жалуется. А теперь отойдите... да-да, все — чуть назад. А то провалитесь сквозь землю.

Его перебил тяжелый ржавый скрип, и впрямь — твердь земная разверзлась. Целест с Вербеной отскочить успели, а Рони вытаращился на крышку люка, которая только что ничем не отличался от заплеванных булыжников. Элоиза дернула его к себе.

Люк напоминал канализационный, но сливался со стеной одного из домов, словно подкопанный исполинским кротом. Из темноты пахнуло ржавью, погребом и почему-то гнилой картошкой.

«Разве киборгам нужна человеческая еда?» — задумался Целест.

— Мутанты? Входите. — Голос из темноты тоже был ржавым и каким-то изъеденным. Целест вообразил гору металлоидной трухи.

Первые по отвесной кривой лестнице спустились Тао и Авис (воин поддерживал мистика телекинезом). Целест с сомнением пнул гнутую перекладину, оглянулся на спутников — из всех он был самым тяжелым, наверное. Ну, зато мог и «лететь» некоторое время.

— Вперед. — Вербена скользнула вниз, и ему оставалось кинуться следом.

Лестница выдержала.

В подвале царил мороз. Не спасали теплые мантии, холод проник под слои ткани и пил тепло жадными глотками. С низкого потолка сталактитами свесились сосульки, и долговязому Целесту приходилось нагибаться, чтобы не пораниться об острые края. Прикрепленные к стенам, моргали бледные люминесцентные лампы. Подвал напоминал пещеру — например, дракона или какого-нибудь древнего безымянного монстра. Целест обнял Вербену одной рукой, а второй зажег собственный огонь на кончиках пальцев — старый фокус сейчас нес тепло и... ну, смелость.

— Мутантские штучки, — прохрипело в углу. — Ишь, толпа заявила... уж простите, предложить кресло и вина не сумею...

И будто заколотили ломом по жестяному ведру. Целест истолковал это как смех твари. Он сглотнул, покосился на проводников — в смеси мертвенного и оранжевого освещения Тао, как никогда, смахивал на куклу, а Авис — на мрачную черную птицу. Впрочем, в этой пещере-морозильнике даже Элоизе не по себе, даже Рони какой-то зловещий...

«О черт».

— Целест? Чего мы ждем? — спросила Вербена. И воин устыдился слабости, шагнул к голосу — впрочем, не загасив огня.

Человек полулежал у стены, завернутый в тряпки настолько ветхие, что они грозили развалиться от неосторожного дыхания. Человек оперся на локтях, приветствуя гостей, но встать не мог, и Целест понял почему: левая нога разложилась полностью — пара ошметок зловонной темно-коричневой плоти на кости, почему-то темно-серой, блестящей кости. Правая, напротив, гротескно распухла ниже колена. В серо-зеленой гнили копошились желтоватые маслянистые опарыши.

Элоиза прикрыла нос и рот шарфом.

— Добрый день, — поздоровался Целест.

— Помоги мне сесть, мутант, — прокрипел дешифратор (если это был он!). Целест заколебался — отпускать ли Вербену, но опасным это безногое создание быть не могло. Тао первый склонился к киборгу, тот вцепился, словно желая разорвать тощего китайца пополам. Целест присоединился к нему, и теперь дешифратор впился заголенными костями-пальцами в обоих.

Не костями. Титановыми прутьями. Дешифратор глухо застонал, разметывая свои тряпки. Когда-то он был крупным мужчиной — настоящим гигантом около двух метров ростом и мышечной массой культуриста — плоть превратилась в желе и корм для личинок, но железная основа держалась.

Целест выпрямился, потирая предплечье — дешифратор едва не вывихнул локтевой сустав помощника. Думалось об отключенных. Этот — тоже отключенный, только физически.

— Спасибо, — сказал дешифратор. — Как вас много.

Глаза его напоминали стрекозиные и негромко пощелкивали. Он ухмыльнулся, продемонстрировав ровные серые зубы — тоже титановые, как и остальной скелет. Из полуистлелого тела выпирали и мерно пульсировали абсолютно здоровые искусственные органы.

Целеста передернуло, наверняка чересчур заметно. Дешифратор ткнул в него пальцем:

— Что, брезгуешь? Смотри в штаны не наложи, мутант-красавчик. А вы, девочки, слабо чмокнуть Бена-Героя?

Вербена плотнее обняла Целеста, и киборг снова захотал. Из горла вывалилось несколько дохлых червей.

— Когда-то вы обе раздвинули бы ножки перед Беном... да... еще и бегали бы хвостиком. А может, и ваши смазливый мальчики тоже. Вон тот рыженький неплох... И узкоглазый сгодился бы... а впрочем, все вы... х-ха...

— Извините, господин Бенджамен, — перебил киборга Авис. Мистик тер виски, видимо пытаясь считать дешифратора. Речью он не отличался от какого-нибудь старого похотливого калеки, а вот мысли — сплошь двоичный код. Рони тоже коснулся цифрового разума и едва не «завис» сам.

— Извините. Мы пришли...

— Хакнуть гребаные файлы. Вот уж новость-то. Кто еще к Бену-Герою теперь сунется... а раньше бегали, да. И отсосать сами предлагали. Девчонки, вроде тебя. — Обглоданная титановая кость вновь уперлась в Вербену. — Сладкие киски, сладкие... и мальчики тоже. Мальчи-девочка, какая в жопу разница. Х-ха.

— Гадость, — прошептала Вербена, услышали ее Целест и Рони — он стоял рядом.

— Оплату мы оговаривали. Сто стандартных денежных единиц Эсколера. — Зато Тао был невозмутим. Восточная выдержка.

— Из твоего кармана, рыжий, — негромко добавил Авис. Целест кивнул. Он протянул Тао диски. Дешифратор метнулся вперед; он перехватил диски и продемонстрировал, будто боевой трофеей. На гладкой лазерной поверхности заплясали блеклые блики.

— Бен-Герой круче вас, ребятки-мутанты. Как вы там себя называете... Железяки? Ах да, Магниты. Один хрен.

Целест в который раз переглянулся с Тао. Воинов учили быстроте реакции. Но по сравнению с киборгом (с полуживым, разваленным киборгом!) они не проворнее вон этих подмороженных опарышей...

— Прошу вас, господин Бенджамен, — сказал Целест. — Помогите нам. Нашему миру угрожает опасность, а хуже всего, что мы не знаем, что оно такое. Совет и Сенат, похоже, знают, но то ли не все, то ли не хотят объяснять нам. На этих дисках может быть информация. И только вы способны ее считать.

Дешифратор зажал диски зубами. Титан скрипнул о пластик, но не оставил зазубрин — киборг оказался аккуратен. Он снова поднялся на локтях, будто надеясь встать на искалеченные ноги, но сдался и бессильно привалился к стене. Диски выпали изо рта.

— Иди сюда, красавчик.

Целест оглянулся по сторонам. Может, и не к нему обращаются. Рони с Ависом хранили выражения лиц, достойные священников на мессе. Тао спрятал руки в карма-

ны. Элоиза вот, кажется, готова выступить, но красавчик — это не к ней. А Вербена ждет от него, Целеста, подвигов.

«Вот черт».

— Вы мне? — Он сел прямо на грязные смерзшиеся тряпки, стараясь не думать о том, что киборг успеет придушить его, прежде чем раскаленная плазма расплавит титан.

— Тебе. Потому что ты красавчик. У тебя лучшая женщина вашего мира, хотя ты и жалуешься на несправедливую судьбу. И друзья у тебя хорошие. — В глади дисков отражалось изуродованное лицо киборга. Целест подумал об античных статуях — их ведь тоже находят с отбитыми носами, щеками и подбородками, и хранят лишь в память о возможной красоте.

— Вы не могли бы...

— Расшифрую. Конечно.

Целест кивнул. Молчание, особенно густое из-за потрескивания люминисценток, — сродни ритуальному, мантии Магнитов и почти маскарадная одежда девчонок добавляли ирреальности. Будто жертвоприношение. Целест представил себя в роли девственницы на алтаре, и тихонько фыркнул. Но дешифратор им не интересовался — зато поднес диск ко рту, словно намереваясь проглотить его целиком.

«Чего он делает?»

— Эй, — кажется, голос Элоизы. Возлюбленная сестренка не хотела отдавать рухлядь, что валялась у нее несколько лет, на съедение киборгу. Ее удержали.

Киборг выпростал длинный язык, похожий на отжатую и нерасправленную тряпку — измятый, покрытый чем-то вроде тонкой чешуи металлоидного оттенка. Искусственный, понял Целест, конечно. Плоть слаба, а железо долговечно. Дешифратор лизнул радужную поверхность — сначала бегло, пробуя, а затем принялся вылизывать по всему диаметру — от острых краев к отверстию посередине. Фасеточные глаза его закатились, язык скользил кругами — быстрее и быстрее; дешифратор оскалился и подрагивал, будто в экстазе.

— О боже, — снова не выдержала Элоиза, а когда Целест поймал взгляд Вербены, то заметил понимание. Вербена тоже умела зачаровывать своими... движениями.

Киборг отбросил один радужный кругляш, схватил второй — и все повторилось. В сухом рту не выделялось слюны, но Целесту пришлось пересилить себя, чтобы прикоснуться к облизанному дешифратором диску.

— Загрузка... сто процентов, — внезапно проговорил тот. — Распознавание: положительно. Наличие кэш-ошибок: да. Исправленных: сто семнадцать. Битые кластеры: да. Неисправленных: четыреста тридцать шесть...

Короткая пауза. Целест наблюдал, как выползает из вмятины в переносице серо-лиловая мокрица. Мокрица медленно перебирала крохотными лапками, а потом покатила вниз — дешифратор дернул головой.

— Запрос: Амбивалент. Начинаю группировку данных. Связанные файлы: эпидемия, «одержимые», мутации. Разделение течения болезни на физический и психический подтипы. Амбивалент: разделение отсутствует. Разумность: да. Агрессивность: да, возможны вариации. Способность к инфицированию: да. Проявления: больные с частично сохраненным сознанием, управляются Амбивалентом. Возможность бессознательного управления: да. Амбивалент, причины появления: неизвестны. Теория о создании: закрытая информация, данные повреждены. Повтор запроса. Причины появления: нет доступа. Методы обнаружения: нет. Методы борьбы: нет. Повтор запроса. Методы нейтрализации: нет. Повтор запроса. Способы уничтожения: нет. Нет. Нет. Нет.

Киборг сорвался на писк, на ультразвук летучей мыши. Он заколотил обглоданными кулаками по камням и тряпью, и разлетались лохмотья с каплями гнили; Целест схватил его за запястья.

— Помоги ...те же! — прошипел он, сознавая: удержать машину-эпилептика невозможно. Не силами людей. Наверное, даже не силами мутантов.

Подскочили Тао, Рони и Авис. От последних толку мало — дешифратор откинул их, пища гортанно и захле-

бываясь желтовато-кремовой массой раздавленных личинок. С Тао вместе сплели «сферу» — энергетическое поле, спеленали киборга, словно капризного младенца; Целест даже выхватил баллон с нейтрасетью.

— На фи́га? Он не одержимый. Его замкнуло, — рявкнул Тао.

На вытянутых руках удерживали нити «сферы» — словно атланты небо, Целест скривился: мышцы ломило телесно, осязаемо, хотя сеть невидима. Тао прищурился, отчего казался вовсе безглазым — гладкая желтоватосерая сифилитичная луна с дырками ноздрей.

На четвереньках подполз Авис, его волосы выбились из-под капюшона и извивались черными водорослями.

— У него мозги электронные. Не подступишься. Рони, ты сильнее, попробуй...

Рони. Прозрачный — почти флуоресцирует, как медуза. Растрепан, на лбу шишка — успел приложить киборг или сам неудачно к стене приложился.

— Да сделайте что-нибудь! — Элоиза. Сжала руки в кулаки. Ей недостает плетки — хлестать невольников. Да что ты сделаешь, девочка-сенатор?

По губе ползла кровь. Из носа. У Тао. Целест слизывал собственную и дивился, почему красная полоска на месте.

Киборг затих, но это иллюзия. Его держит «сфера»; зато ярость — древняя, могучая; ярость зверя и сотни одержимых.

Серые стены сжимаются, колотятся ракушечными створками и клацают сталактитами сосуллек.

— Держись, Целест. — Вербена. Она горячая, несмотря на мороз. Она промокает платком кровь, и ради нее Целест держится. Да. Держится.

— Мозги... электронные.

— Попробуем вместе.

— Блокировка — отключение.

Авис и Рони. Ворона и крыса. Черное и белое. Символично. Заткните киборга. Его визг распиливает пополам. Бензопилой. И сфера не выдержит.

— ...Вроде... все?

Целест слышал издалека. Мышцы болели, будто пропитанные молочной кислотой — сто часов тренировок без передышки. Хотелось уснуть, проблеваться и зарыться головой в сугроб — одновременно.

Дешифратор не шевелился.

— Оно... оно сдохло, да? — Элоиза первая приблизилась к туше из тлена и металла, ткнула носком сапога.

Стрекозиные глаза заклацали, к клацанью присоединилась челюсть. Дешифратор смеялся.

— Отойди. — Рони потянул Элоизу на себя. Он готов сражаться с неведомым чудищем, он уже знает, как проникнуть в его (один-нуль-один-нуль) мозги, но не рисковать Элоизой. Рони добавил, словно извиняясь:

— Пожалуйста. Оно небезопасно.

Целест оглянулся. Его спутники молили, разве не вслух, — давай уйдем, все сказано, нужно обсудить и разобратся, но не здесь, не в этой пещере из прошлого, льда и механизмов.

Целест шагнул к киборгу.

— Господин Бенджамен, вам лучше?

— Х-ха. Х-ха. Рыжий красавчик. Мокрые штанишки, а? Бен-Герой заставил вас поплясать. Х-ха. — Дешифратор оскалился и выплюнул кусок собственной щеки. «По крайней мере, безумен не более обычного». — Кто он? — кивнул на Ависа и Рони. — Черный приходил. Белобрысый нет. Он крутой... хакер... или как, по-вашему. Х-ха. Только жалостливый, да... эй ты, слышишь? Жалостливый. Нельзя жалеть.

Рони загородил своим маленьким круглым телом Элоизу — сущая комедия, но смеялся только киборг, над чем-то своим, липким от машинного масла и загробным. Мистик разлепил губы, но киборг оправданий не ждал.

— В чужих мозгах ковыряешься. Понимать должен. Нельзя жалеть, никого и никогда... запомни. Почему не убил меня?

— Вам можно помочь. Дешифраторы нужны в Архиве, если восстановить... ну... — Рони старался не пялиться на трупные пятна посреди живота и груди киборга, на

гангренозные ноги и полураздавленное месиво опарышей. «Интересно, расплодятся ли новые?»

— Помочь? Мне? — Киборг захохотал вновь. — Нет уж, спасибо. Во мне мертво живое и живо мертвое. Хреново, белобрысый. А ты, красавчик... добей меня. Я знаю, ты можешь.

— Но...

— Я выполнил задание. Я требую платы.

Сердце дрогнуло, раскисло и потекло куда-то в желудок, откликнулось спазмом и слабостью в коленях. «Почему я, — скрипели люминесцентки, — почему именно я... Тао и Авис нашли его, сговаривались о цене. Почему я?»

— Ты. Добей. Меня. — Киборг не просил. Приказывал, дыша ругательствами и мелкой пылью военной базы, перегаром дешевого пойла, треском пулеметов — дыша прошлым солдата, воина; память нельзя истончить. Память мертва — поэтому жива вечно. Нельзя послушаться. Целест кивнул.

— Уходите, — проговорил он, Вербена дернула за локоть, и Целест проник пальцами под капюшон, тронул волосы и заколку.

— Я скоро. Ждите наверху.

Зажмурился. Предпочел бы повязку. Целесту припомнился древний обычай — перед расстрелом или виселицей, электрическим стулом либо инъекцией яда — завязывать обреченному глаза, милосердно опутать его ужас шерстистой тьмой.

— Твои друзья ушли, красавчик.

Киборг повязки не просил. В глазницах кругло вертелись стекляшки-визоры. Мертво живое и живо мертвое, проговорил Целест пересохшими губами; его пробил жар, между лопаток налип горячий пот.

Ледяная пещера — могила. Может быть, последнего киборга. Может быть.

Он приложил ладони к глазницам дешифратора. Тот подался назад:

— Эй, парень. Смерти надо плевать в рожу, а не страусом башку прятать.

— Титановый сплав, — напомнил Целест, и почти не солгал. — Я не доберусь до... в общем, так нужно.

Механические глазные яблоки кололись, на ощупь напоминали комок смятой фольги, обертки от шоколадных конфет с сиропом из вишни. По краям холодило железо и противно — податливо соскабливались остатки плоти, вязкой грязью набивались под ногти.

— Два. Раз. Пшел!

Костяные шипы выстрелили и рассыпались под черепом киборга. Целест нагрел их, чтобы пробить искусственные глаза, но мог не стараться — визоры уязвимее прочих фрагментов. Киборг дрыгнул гангренозной ногой, разбрызгивая черную гниль и язвенную жижу, грузно и по-особенному медленно осел на пол.

Шипы торчали на манер длинных, жестких кукольных ресниц.

«Сломанная кукла, — подумал Целест, отступая от мертвеца (мертво живое и живо мертвое). — Просто... игрушка».

Померещилось — шевелится, выкашливает свое «х-ха», и Целест едва не заорал. Нет. Ресницы длинные, ресницы внутри и паралитический яд выел, выскреб мозги — электронные или из воды и жира, неважно.

Личинки. Это личинки продолжают прерванную трапезу.

«Кое-что живо», — тошнота врезала кулаком в солнечное сплетение, Целест согнулся, извергая полупереваренный завтрак — хлеб с сыром, вяленую дыню и вареные яйца. В блеклом свете месиво обрело оттенок выбитых мозгов.

Потом он бежал прочь.

19.

Вербена отдала последний леденец. Ананасовый и желтый, словно одуванчик, он отдавал химией и кислил на языке. Целест грыз его — пытался перебить при-

вкус металла и разложения. И курил. Ананас с табаком или табак с ананасом.

По сравнению с обледенелым подвалом, зимний Виндикар — горяч, словно тропические джунгли. Целест перешагнул грань мира мертвых, дернул за хвост сторожевого цербера, и сбежал.

— Но мы ничего не узнали, — наконец сказала Элоиза. — Я смотрела эти диски на... хм, обычном компьютере. Там был код и вот это слово — Амбивалент. Я думала, он скажет больше...

Ее передернуло, и вновь выбилась из-под бесформенного «маскировочного» капюшона прядь волос. Элоиза намотала ее на палец. Рони держал ее под руку, кажется, она не возражала. Все еще.

«Они бы неплохо смотрелись вместе, — отстраненно подумал Целест; но перчатка Элоизы соскользнула, и он заметил похожее на обручальное кольцо с зеленоватозеркальным александритом. — ...Итак. Амбивалент».

— Да все понятно, — Тао пожал плечами. Он отобрал у Целеста недокуренную сигарету, затянулся. — Какая-то штука, вроде одержимого, только сильнее.

— Не штука. Человек, — поправил Рони. Он собрал хороший урожай картинок-кошмаров — богатый и спелый, словно налитые соком яблоки. Гладкий глянец кожицы, тонкие прожилки мякоти, а сок пахнет железом. Почти как кровь.

Нужно возвращаться — на пост, в сердцевину Рынка, к шуму, разнузданному веселью, мелким дрызгам и пене недобродившего винограда. Виндикар никогда не спит, не знает отдыха и апатии. Виндикар жив. Подвал и его обитатель — нет.

«И умер он до того, как выросли ресницы». — Целест встряхнул пустую пачку из-под сигарет. Несколько табачных крошек приземлились на обмороженный асфальт.

— Человек, — повторил Целест. — Нужно найти его и уничтожить. Амбивалент или черт с рогами...

— Послушай, ваши не идиоты. Наши тоже. Наверняка они знают. — Элоиза высвободилась из «объятий». —

Эти твои диски, хоть и контрабанда из Архива — да-да, я знаю! — но не самые секретные в Мире Восстановленном. Просто нужно убедить действовать, убедить, что это не «антинаучные бредни»... если это правда так, но я верю дешифратору. Собрать отряды Гомеопатов — не только Магнитов, но и ученых и даже теоретиков, подключить стражей и военных, организовать поиски, и...

Она осеклась.

— Методы обнаружения: нет, — процитировал Авис. Он взмахнул руками, удерживая равновесие на льду, и впрямь на манер ленивой медлительной вороны. — Методы уничтожения: нет. Мы обречены. Эта дрянь сведет с ума и подчинит всех, кто еще нормальный, а Магнитов просто сметет прочь. Как крошки со стола.

Авис запрокинул голову назад, выставив угол кадыка на тощей шее. Наверняка воображал себя пророком.

— Заткнись! — Вербена накинулась на него — с ногтями и маленькими кулачками, ей приходилось подпрыгивать, чтобы царапать долговязому Авису плечи — сквозь толстую мантию и свитер под ней, смешное зрелище, смешное и жуткое. — Не смей! Заткнись!

— Уйми свою бесноватую! — Авис отшатнулся.

— Сам такой!

Целест обнял Вербену:

— Она права. Заткнись. Может быть, Сенат и Гомеопаты верят устаревшим данным и сложили лапки, но пока я жив — не сдамся. Надеюсь, что вы все тоже.

Целест сглотнул. Он вспомнил безумного Тиберия с болотными язвами, обугленного до черно-розовых прожилок плавленной плоти и тоже безумного Иллира. И — х-ха! — куклу с ресницами из шипов. Он втянул прохладный воздух полной грудью.

— Поймаем мы этого Амбивалента. Поймаем и уничтожим.

В Цитадель возвращались по свежевыпавшему снегу, желтым искрам фонарей — рано темнеет, или потерял счет времени, нудным тягучим часам. После того как приехал в золотисто-бежевом мобиле и в сопровождении

десяток стражей Кассиус, забрал Элоизу и Вербену, — не разговаривали. Каждый о своем. Целест, помимо всего прочего, о том, что нужно объяснить матери насчет Касси. Неплохой он парень — о Элоизе заботится, с Вербеной покровительственно галантен... к ним с уважением.

Мы выросли, мама. Твой сын — легальный убийца, теперь и не только одержимых. Наградил старого солдата ресницами-шипами.

Мы выросли, мама. Твоя дочь — член Сената, наравне с отцом решает в спящем доме-без-теней судьбу Эсколера. Вполне способна выбирать — мужчину тоже.

«Но я обещал», — скрипело где-то в шейных позвонках, в колесах облезлого мобиля — вместе со снегом и хрустким морозцем. Целест вывернул регулятор печки на максимум, и стекла подернулись туманом от дыхания. Рони смотрел в слепое бельмо окна. На заднем сиденье обиженный Авис бормотал под нос что-то насчет «неблагодарных», а Тао нехарактерно прикусил язык. Наверное, его вымотала «сфера». Хорошо, без одержимых обошлось, до утра ресурс восстановится.

«Мы обречены. Амбивалента не остановить. Чушь. Все живое можно убить... и мертвое тоже».

Вокруг Цитадели клубился кофейной гущей, с вкраплением снежных сливок, сумрак. Видимо, власти города сочли, что пиро- и электрокинеты об освещении позаботятся самостоятельно: в паре фонарей едва теплился мутный, похожий на куриный бульон свет. Целест потер лоб, предвкушая ужин и вожденную тишину; он обдумает еще разок, как объяснить матери про Амбивалента и... что им с Вербеной делать. Магнит и богиня — неравная пара.

Мысли рассыпались, словно давешние леденцы — круглые, они разбегались по углам, выскальзывали. Целест не завидовал телепатам: со своими бы справиться, а они еще и чужие раздумья слышат.

Ему необходимо немного покоя — теплой комнаты и холодной подушки.

Но из распахнутых ворот текли голоса.

— Там суета, — устало проговорил Рони.

Авис прекратил бурчать, огладил и без того зализанные волосы:

— Общий фон — тревога. Чего-то дрянное приключилось.

Целест едва удержался от нового «заткнись!».

Мобиль пробился сквозь суету. Чернокожий парень с акцентом южанина цокнул языком и сорвался с поста, побежал то ли помогать, то ли вклиниться в толпу зевак.

— Дрянное дело, — повторил Авис. Он не дождался, пока Целест припаркует мобиль, выскочил в камень, снег и снующих людей, рослый мужчина — ученый едва не сбил с ног. Разворошенным муравейником была Цитадель, знакомые и полужнакомые люди куда-то торопились, компании по три-четыре человека курили и обрывисто, восклицающе спорили под голыми деревьями. Будто взорвалась бомба, а они и не заметили — но Цитадель на месте, антрацитовая и предвечная.

«Да что случилось?»

Целест поймал за рукав мальчишку лет двенадцати, замерзшего, с красными оттопыренными ушами и красным же пуговичным носом.

— Чего все бегают?

Мальчишка округлил глаза. В них полыхали блики чужих фонарей и факелов.

— Одержимых куча, наших до черта положили... И злые, гады, будто научил кто драться. Одного только схватили, там он, — махнул рукой. «Там» означало — в Цитадели. Вполне можно догадаться.

Мимо пронеслись двое с носилками, волокли раненого. По разбитому черепу — словно клубничный джем поверх волос — Целест определил: несчастному не жить. Комья крови вмерзали в снег, прилипали к подошвам. Темнота разжевывала.

— Подойдем ближе? — сказал Рони.

Суета — шторм, а он — маленькая мягкотелая рыбка. Легко разбить о камни, вдребезги, в скользкую, резко пахнущую муть внутренностей. Эмоции переполняют до

тошноты. Рони выставил руки перед собой, словно лунатик. Он пытался идти и боялся, что собьют с ног.

Иди за Целестом. Он сильный, и он не чувствует всего. Вместе доплывем до тихих вод.

Возле входа рыдали две девушки, спрятав лица в ладонях, и вещал Кристоф — один из старших теоретиков, твердил что-то о «нашей победе», утешал. Доносились смачные ругательства и проклятия. Кто-то перекинулся междометиями с Целестом, похлопал Рони по плечу, он едва успел кивнуть в ответ.

А потом отстал. Рони замер посреди просторного холла; выстроенная по образу и подобию средневековых замков, Цитадель нависала лестницами, недостижимыми окнами и голосами-призраками. Целест ушел, а он остался, и не знает куда идти. В столовую? В келью?

Обратно на улицу, может быть, даже бежать прочь?

— Рони.

— Аида, — развернулся всем корпусом и теперь опознал одну из плачущих. — Аида, ты...

— Не надо меня читать. Все и так ясно, правда? Да. Убили.

Губы распухли, словно мокрая губка. Аида не пользовалась косметикой, а сейчас глаза ее не шире, чем у Тао. В спутанных волосах застряли щепки, на руках комья грязи и ссохшейся кровяной корки.

Рони прикоснулся к ее запястью, и обнаружил, что у Аиды оторван мизинец.

— Богатый, мать его, райончик. Клуб «Вельвет». — Рони передернуло, он отпустил больную руку и потянул Аиду за вторую, здоровую — подальше от середины холла. Тут их растопчут. Под лестницей спокойнее, таков крысиный инстинкт.

— Богатый райончик... пятнадцать одержимых, Ро. Пятнадцать. — Аида рассмеялась. Ей выбило два зуба, влажно и уязвимо хлюпали прорехи в деснах. Она прислонилась к стене, сползла, задевая какие-то жестяные ведра, швабры. Рассыпались с грохотом — грохот не услышал никто.

— Созвали всех, кто поблизости был. До вас досигнать не получилось. Далековато, наверное...

Рони подумал о подвале и ледяных стенах. Наверняка глушили сигнал. Он кивнул.

— Далековато.

— Штук двадцать их было. А может, больше. Вотан кого призвал, кого просто... — Выразительное движение, словно откручивала цыпленку голову, из мизинцевой культи проглянул костяной осколок. Рони осторожно коснулся обеих ладоней. Ладони у Аиды были жесткими, как доски.

— Т-сс.

— Мы ничего не могли поделать. От «Вельвета» пара угольков. Так и надо богатеньким задницам. А людей жалко. Полрайона как веником вымело. Начисто. Даже обломки не везде — где испарило, где вплавило в асфальт. Вместе с жителями. Такая, мать его, и-икебана...

Рони представил клуб, полный вкусных запахов, блондинок с голыми плечами и бумажных цветов. Цветы стогрели первыми, наверняка.

Жаль.

Интересно, выжил ли бармен-привидение? Бродит ли на руинах, гремя бокалами и стеклянными цепями?

— ...Они заставили его выблевать собственные кишки. Выблевать. Именно. Из горла вытащить, такая будто веревка — красновато-коричневая, будто фокус показывал. — Аиду заколотило, и мелко подрагивали спутанные волосы, осыпалась комковатая труха. Рони обнял ее, пахло от девушки горько и резко — потом, грязью. Дрожала часто-часто, загнанной лошадью; Рони вспомнилось, как отбили заблудившуюся в кустистом и редком северном лесу кобылу-трехлетку у белошкурых облезлых волков. Волков-то расстреляли — подмоченным порохом и ржавыми ружьями, а кобыла билась, ржала и в конце-концов последний патрон ей достался.

Зато Аиде он мог помочь.

Вторгнуться в податливое из-за шока, словно моллюск без раковины, сознание, разлить воды на чересчур яркие

краски. Кровь красна, а уголь черен — серое мягче, серое приятнее. Крысиный цвет. Рассейся до матовой радуги.

Пусть блекнет, пусть гаснет. Он хотел, чтобы Аида уснула — может быть, прямо здесь, Рони попытается донести до кельи.

Воин оттолкнула его:

— Не надо. Не надо меня анестезией пичкать.

— Я...

— Спасибо. Но не надо. Сейчас хочу ненавидеть. Единственного одержимого поймали. Который, ну... ты понял. Я хочу с ним... поговорить. Мне нужен мистик в пару.

Звучало вроде светского приглашения — в театр, к примеру, на балет с Вербеной-танцовщицей. Вечер пятницы, не опоздайте.

Рони достал из кармана чистый платок и промокнул рану Аиды.

— Потом покажи врачам. — Он укрепил повязку аккуратным узлом между большим и указательным пальцем. — Пойдем.

Эпицентр — столовая. Неудивительно, место, где принимают пищу, привлекательно и для иного действия. Хлеб и зрелища.

Целест протолкался, пользуясь локтями и природной верткостью. Кто-то больно толкнул в диафрагму, он не остался в долгу. Слышались возгласы, стоны и ругательства. Цитадель распухла, будто загнившая рана. В столовой воцарилась духота от нескольких сотен легких, горл и ртов. Кто-то раздвинул стоящие ровными рядами столы с лавками, освободил пространство — спасибо, выгадал немного места. Водовороты толпы сгущались вокруг очевидцев. Целест попытался подобраться к знакомому воину, теперь он зажимал пустую глазницу, слюдяными слезами истекал выдавленный глаз. Не подпустили — жадно хватали каждое слово, будто голодные кошки — требуху.

— Одержимый там, — вынырнул Тао. Еле живой после «сферы», он активизировался, будто от дозы веселых таблеток; каждому свое — в том числе и наркотики. Черные глаза блестели, он улыбался большим лягушачьим

ртом. Он схватил Целеста за рукав и поволок туда, где обычно возвышались огромные кастрюли с варевом, где выдавали еду.

Отодвинули один из столов, примотали к нему одержимого... одержимую. Блондинка с голыми плечами и жемчугом. У нее острые черты лица — лица умирающей, у нее зубы оборотня и волосы мягкие, как материнская любовь. Блондинка была одета в причудливо изрезанное, дабы открывать самые интересные части тела, платье цвета сердцевинки розовых лепестков. Теперь ее наготу прикрывали бесформенные лохмотья. Целест подумал о растоптанных цветах.

На предплечьях, запястьях, между ног и поперек всего тела, пульсировали зеленые нити нейтрасети.

— Единственный... то есть единственная. «Физик». Остальных уничтожили на месте, а наших погибло двадцать человек и еще столько же ранены, — сообщил Тао, одновременно возбужденный и деловитый.

«Точно наркоман».

И потом: «Девушка-то из аристократов... никто не застрахован, верно, папочка? Перед эпидемией и Амбивалентом все равны».

Целест не сомневался: Амбивалент существует. И может быть, сейчас наблюдает откуда-то — желтым рысьим всевидящим оком, скалит кривые зубы и хихикает.

«Новые одержимые. Уничтожить нас».

Иллир предупреждал. Но Сенат твердил об «антинаучных бреднях», и все, что могли сделать Гомеопаты, — принести больше жертв, тщетно пытаясь откупиться. Целест обернулся на одноглазого, выдавленное месиво стер кто-то из врачей, обрабатывал нечистую рану. Блондинка-одержимая корчилась на расстоянии пары метров. Целест разглядел пепел и запекшееся мясо на акриловых ногтях.

Амбивалент существует, о да...

Он увидел Глав — вернее, Винсента и Декстру, мистик и воин стояли в изголовье одержимой, словно лекари подле умирающего. Если они боялись, ненавидели или вообще испытывали какие-то эмоции, Целест не уло-

вил — впрочем, он и не телепат, верно? Толпа бурлила возле старших Магнитов и оседала, будто разбившись в мелкую изморось о скалы.

Чуть поодаль Флоренц вместе с парой молодых девушек-ученых зашивали раны Магнитам. Пациент Главы, кряжистый, словно гном из легенд, бородач, приглушенно ругался — несколько раз дословно процитировал Бена-Героя; Целеста передернуло.

— Мы должны... сказать, — проговорил Целест.

Поблизости Тао. Рони нет. Где Рони? С ним проще... Авис вон, сует нос к одержимой, словно сам собрался ее призвать, — дурак, она же «физик»... отпихнули, оттерли вглубь, спорят. Винсент их сдерживает. Может быть, если бы не этот ходячий эмпат-транквилизатор, обитатели Цитадели взбунтовались бы. Магниты испуганы. Да и другие Гомеопаты тоже.

Нырнул вглубь, к неровному дну — камни и останки утопленников, пиратские сокровища и ядовитые морские ежи. Блондинка заверещала: «Вы трррупы! Трррупы!» — вибрируя сладострастно, словно приглашая воспользоваться ее матовым жемчужным телом — перед смертью.

Трррупы.

Целест ощутил, что захлебывается; он забился в толпе — водовороте; поплыл к неясному зеленоватому свету.

— Амбивалент, — выдохнул Целест. Он добрался до Винсента и Декстры; волосы воина трепетали черным холодным пламенем — знак траура. Главный мистик был непроницаемой глыбой, айсбергом — о такой когда-то разбился разрекламированный корабль. Но Целест ведь уже вынырнул?

— Амбивалент, — выплюнул он, отравленную соленую влагу. — Причина всему. Он существует. Мы знаем. И вы знаете, правда? Это Амбивалент сотворил с ней, — указал пальцем на блондинку. — И с другими. Разумные одержимые — дети этой... твари. Мы должны остановить его, кем бы оно ни было.

Ближе к последним словам повисла тишина. Гортанное «трррупы» вклинивалось в редкие стоны раненых.

Цитадель внимала.

«Теперь знают все. — Целест улыбнулся уголком рта. — Тем лучше. Мне осточертели эти гребаные тайны».

Он выхватил из толпы побледнелое до оттенка слоновой кости лицо Тао. Ависа, шевелящего губами: «Зря ты...» — распознал с чуткостью глухонемого. Потом заметил Рони под руку с Аидой, девушкой-Магнитом, от которой когда-то спасал. Среди Магнитов нет врагов, вспомнилось из уроков еще Тиберия, а потом и Декстры. Мы братья и сестры. Мы единое целое. Гомеопаты, чья сила зло, но служит во благо — исцеляет подобное подобным.

Рони кивнул из толщи голов и серых мантий. Целест продолжил:

— Какой смысл скрывать? Вы ведь этого добивались пытками одержимых, выяснить хоть что-нибудь об Амбиваленте от них? Поэтому приказывали доставлять живыми, для этого мы превратились из санитаров в Инквизицию. «Антинаучные бредни» — правда... Ведь правда же? Господин Винсент? Госпожа Декстра?

Запнулся, захлебнулся глотком влажного душного воздуха. Декстра — будто каменная, статуя античной богини войны, Ники Самофракийской. Недостает крыльев и меча, но их легко представить — да и зачем Магниту меч. Огонь сильнее. Ее огонь выжжет живое и мертвое. Финальным очищением.

Винсент почему-то улыбался. Грузная фигура воспринималась расслабленной, мистик точно грезил наяву, но Целест осознал: Виндикар, а может, и вся Империя в руках этих двоих. Винсент мог бы подчинить каждого Магнита и человека — просто кивком; целый мир «отключенных», послушная паства.

«Я пред ликом богов. Ну и ладно».

— Да, — сказал Винсент, закрывая лицо распухшими подагрическими ладонями, — Амбивалент существует. Амбивалент пробудился. Это правда.

Теперь молчание пульсировало. Точкой материи перед Большим Взрывом. Умолкла даже (трррупы, трррупы) блондинка.

«Я пред ликом богов... но даже боги беспомощны перед Амбивалентом».

По-настоящему жуткое откровение. Так ребенок узнает, что он и мама с папой смертны. Может быть, на могиле раздавленного мобилем любимца-кота. «Томми теперь на небесах с ангелами, детка... да, все мы будем там».

— Без паники, — на всякий случай рывкнула Декстра, словно предлагая бояться ее, а не какую-то неведомую тварь. — Каждый из этих... разумных одержимых знает о своем хозяине. Пока они молчат.

Винсент кивнул: молчат — означало непроницаемость сродни свинцовому резервуару. Целесту захотелось нырнуть в толпу. Поздно. Уже полез на баррикады.

Декстра продолжала — ее лицо из-за пламенных отблнков заострилось, словно ритуальная маска:

— Пока. Мы просили помощи у Сената, но, видимо, придется обходиться своими силами. Что ж, теперь вы все знаете — но пусть каждый помнит, что страх и отчаяние дурные помощники. Орден Гомеопатов однажды спас цивилизацию, спасет и второй раз. Вопросы есть?

Вопросов не было. Целест вглядывался в грифельно-серую толпу. Пытался ощутить каждого, подобно тому, как ловят «волну» эмоций эмпаты. Вот возбужденно шепчется стайка малышей во главе со знакомцем-гидрокинетом. Лохматый Магнит ухмыляется молоденькой, совсем девочке — ученой, мол, не бойся, я ведь с тобой. Теоретики чиркают что-то в блокнотах. Тао подтянулся на цыпочках и зажал рот напарнику — видимо, чтобы окружающие не слышали мрачных прогнозов. Только не сейчас.

«Мы выживем, правда?»

— Тру-у-у-у. Тру-у-у-у, — завелась одержимая; заунывный вой, словно суку палкой отдубасили. Целеста передернуло. Не его одного — даже Винсент разомкнул кожистые веки, поморщился.

— Прошу разрешения на допрос и призыв, — выступила Аида. Рони по-прежнему стоял рядом. — Мое имя Аида Райто. Одержимая убила моего мужа и напарника, но он удерживал ее в течение всей операции. Она моя по праву.

— Это так, — кивнула Декстра. — Ты — воин. Кто заменит вторую половину на призыве?

— Я. Иероним Тарк. — голос сорвался на фальцет. Рони покраснел.

— Дозволяю, — поставил невидимую печать Винсент.

Целест понял, его шоу закончилось — пора прыгивать со сцены и уступать другим. Публичная пытка, публичный призыв. То, что доктор прописал, — доказать, мы сильнее одержимых, насытить кровью и местью, и возможно, учуять след Амбивалента.

Почему бы и нет?

Целест хлопнул Рони по плечу:

— Валяй. Выуди из нее все, что можно.

Рони чувствовал себя обернутым в вату. Вата затыкала уши, глаза, заползала волокнисто в рот, перекрывая дыхание и доступ света, звука, мыслей. Барьер он выставил нарочно, боялся, что чужая паника разорвет изнутри, словно бумажный пакет; задышался теперь в изоляции. И охотно вылупился из невидимой «ваты».

Блондинка выгнулась навстречу, игриво повела бедрами. Рони натолкнулся на преграду — естественную защиту «физика» — неправильно это, подобное лечится подобным. На свободе одержимая испепелила бы уже незадачливого Магнита-мистика. Призывай своих — не тронь чужое.

«Ну же. Хотя что-нибудь. Амбивалент... теперь я знаю, что искать. Мы все знаем. Так проще, наверное».

Шмыгнул носом, пытаясь учуять табачный дым (где ты, Целест?) и волглую сырость пыточной камеры. В толпе — тяжелее; Рони ощутил себя фокусником, только вместо кролика с пушистыми ушами и розовым влажным носом, вытягивал...

«И-и-информацию».

Возле уха сопела Аида. Дожидалась своей очереди — не отключи, нет, она не позволит, чтобы убийца мужа подохла, не сознавая причин казни. Разумные одержимые — не омертвевшая гангренозная гниль, как прежде. Дети Амбивалента — враги.

Рони зачерпнул ненависть Аиды, словно снулые воды серного источника, — направил на опутанную нейтрассетью блондинку. Она дернулась навстречу, изогнулась, раздвигая бедра — под обрывками платья белья не оказалось; Рони сглотнул.

«Она не человек. Она — часть Амбивалента...»

Вместо воя — томные придыхания, за подобные проститутки в Пестром Квартале дерут втридорога. Кто-то из зрителей зафыркал, кто-то хихикнул напряженно. «Уведите детей», — слышалось из третьего угла. «Не тем занят», — из четвертого.

Рони вспомнил мед и ваниль — белую кожу Элоизы, у нее другой оттенок. Одержимая — словно русалка, матовая муть нежити. Элоиза яркая. Элоиза настоящая. Рони останется верен ей, даже если она выбрала другого...

Сделай правильный выбор. Как всегда.

Одержимая заорала, теперь от ужаса.

В тот момент Целест измочалил сигарету и рассыпал на каменный пол табачную крошку. Кошмары протянулись от стола-эшафота; несколько мистиков хмыкнули — видимо оценив работу собрата.

«Тарк молодец», — с легкой завистью пробурчал Авис, извивались змеи-волосы. Целест сравнил его с Горгоной. «Но сейчас не твой выход. Эта Аида назначила заменой не тебя».

— Ничего, — Рони «отпустил» одержимую. Голубые глаза ее покраснели — ни единого целого капилляра, видения испепелили изнутри. Золотистые волосы потемнели — одержимая разбила голову о «прилавок», где обычно стояли объемистые кастрюли и сковородки с едой.

Рони облизал потрескавшиеся — на морозе, наверное, — губы.

— Как обычно. Они молчат.

— Сейчас заговорит. — Аида, будто разочарованная неудачей, оттолкнула его. Рони отвернулся, закрыл глаза.

Он знал, что будет. Он заранее ощущал вонь горелых внутренностей, испражнений и захлебывающийся крик

боли — страдания не бешеного зверя, но разумного существа. Разумного... врага.

«С меня довольно. Пожалуйста». — Он протиснулся в толпе и выскочил из столовой, думая о том, что нескоро подойдет к раздаче за добавочной порцией обеда или ужина. Несколько дней придется питаться в забегаловках.

Он добрался до кельи и, не снимая грязной мантии, рухнул на кровать.

20.

У южного черного хода толпа оказалась поменьше, или разбрелись уже. Целеста пошатывало от усталости, млечная капля луны перекатилась к зениту — ночь на дворе. Впереди день и работа, мы-поймаем-Амбивалента.

Целеста знобило. Крохотными затяжками он проглатывал сигарету, боясь выронить — так тряслись руки. «Словно с перепоею... а я трезв, как сенатор на совещании».

— Это можно исправить.

— Ч-чего? — Целест столкнулся с Ависом. Синяки на бледном, словно ящеричье пузо, лице делали его похожим на маску Трагедии. — Охота тебе ресурс тратить?

— Я не читал твоих мыслей. Ты произнес вслух.

Авис протянул жестяную флягу, оттуда пахло резко и горько — виноградным огнем, коньячным спиртом. Целест сделал пару больших глотков.

— Спасибо.

«У тебя хорошие друзья, красавчик». Бен-Герой прав, отличные друзья — зря Целест не доверял «парочке». Целест протянул сигаретную пачку:

— Хочешь?

Сигаретную пачку будто стадо коров жевало, содержимое соответствовало. Другого нет. Утром можно купить — неоновая реклама в том числе с Вербеной залог курева. Вербене не нравится табачный дым. Диссоциативно.

— Нет.

Ависа морозило тоже, он закашлялся, постучал себя по узкой, по-птичьи костлявой груди. Глотнул из железного горла. Он смотрел прямо перед собой — куда-то мимо встопорщенных дикобразов-кустов и голых деревьев, сквозь забор, бессветный пустырь и сам Виндикар.

— Я буду, — маленький Тао появился незаметно и сигареты забрал все — Целест только вяло разжал ладонь. — Новость есть.

— Еще одна. Держу пари, плохая. — Целест отшвырнул окурок в ближайший сугроб. Тао-всезнайка — работает круглосуточно, без перерыва и выходных. Тао как-то намекнул, что теоретически может сунуть нос, ухо или любопытный взгляд в любой уголок Цитадели. «Вот вне ее сложнее, правда», — добавил китаец извиняющимся тоном. Тао коллекционировал все металлическое и электронное — горелые диоды, лампы, проволоку. Электроникез давал «жучкам» вторую жизнь. Целест тогда погрозил кулаком: подглядывать за нами с Вербеной вздумашь — пирсинг в неожиданном месте устрою. Кажется, Лин понял.

«На самом деле он умница. Хорошие у меня друзья, правда... я как-то и не думал, вроде так и надо. А они хорошие...»

— Именно. Гораций и Флоренц ругались. Оказывается, это теоретики запретили про Амбивалента говорить — мол, паника начнется, ничего хорошего не выйдет, хватит с этих мутантов инструкций. Им все равно по кайфу одержимых пытаться.

Целест кивнул. Эмоции болтались оборванными проводами. Всякий ресурс исчерпаем, а на теоретиков во главе с Горацием и подавно расходовать жаль.

— Про кайф тоже сказал? — поддел Авис напарника.

— Другими словами. — Тао проигнорировал насмешку, его рот сокрыло темно-фиолетовым табачным облаком. — Но да.

— Сволочи.

Холод, гладкий и хитрый, елозит по одежде, пока не найдет прореху, уязвимое местечко. А как заберется —

грызет; Целест тщетно кутался в мантию и дышал на руки — на огонь сил не было; ночь и зима слились в бело-лиловую мглу, мигали лунным бельмом. Трррупы. Будут трррупы.

Отключенные сейчас вычищают столовую. Аида буквально взорвала блондинку, точно переполненный водой бумажный пакет — внутренности раскидало по углам и заляпало даже потолок жирными кровавыми кляксами. Вряд ли закончат к утру. Малыши небось до сих пор по кельям рыдают. Месть воинов жестока... мистиков тоже.

Нелюди безжалостны. С мутантов хватит и инструкций, да.

— Ну-ка, девиз Гомеопатов? — сказал Целест. Дружное «хмы» и слаженный ответ:

— Подобное исцеляется подобным, — вместе, а Авис хмыкнул снова: — Только при чем здесь...

— Амбивалент угрожает всем — воинам, мистикам и людям. Без третьего компонента не справимся. Нужно просить помощи у людей. — Целест хотел хлопнуть Ависа и Тао по плечу, но лишь безвольно скользнул обледелой ладонью. — У Сената или нет. У людей.

Утро расстелилось покоем. Обеденную залу вычистили — заставляя задуматься, сколько же отключенных припасено в нижних камерах, — запах печеной плоти перебило запахом традиционного омлета. Можно есть без комка в горле. Почти.

Утро тихо, словно простыня на лице покойника. Целест глотнул мерзкого, зато крепкого кофе, усмехнулся своей же шуточке. Поделится бы с Рони, но тот думает о чем-то своем... как обычно.

Повизгивала малышня, негромко спорили теоретики и ученые. Магниты сосредоточенно жевали завтрак, а закончившие ночную смену заразительно зевали. Цитадель будто оправилась от приступа безумия — и теперь сама смущалась, единым организмом. Ну что это на меня нашло...

— Пойдем к Эл. — Целест все же потыкал напарника указательным пальцем. — После вахты, а? Нужно поговорить, ну и...

«Я хочу видеть Вербену», — наверняка мистик прочитал. А может, и просто понял, как понимают друзья, не только эмпаты.

— Обязательно. — Рони отодвинул тарелку с нетронутой желто-коричневой плюхой — омлет не был райской пищей, но съедобен... и вообще, кто угодно мог воротить нос, только не Рони.

— Ты здоров?

— Все в порядке. Я даже умудрился выспаться.

Зимой утро перепрыгивает в вечер. Густеет мороз и синая темнота, и поглядываешь на площадные часы — скоро ли смена караула. Стрелки примерзли — не двигаются. Скучно. Лучше скука, чем то, что случилось вчера, думал Целест. Наскреб мелочи и купил сигарет, дышал холодом и никотином. Когда-нибудь он умрет от воспаления или рака легких... впрочем, Магниты не умирают от такой ерунды. Магнитов убивают.

Амбивалент — конец времен.

Встряхивал рыжими волосами, отгоняя паршивую мутору — она ползла из темноты, пещерными страхами. Гул Рынка чудился рыканьем волчьей чащобы.

Выпадал снег — мокрыми комьями, похожими на слипшийся рис. Разноцветное людское море боролось против снега, впору ставки делать. Победила природа — к концу вахты расползлись все, кроме самых упрямых торговцев, лениво согревающихся из фляжки (Авис у них и добывал — и сегодня то ли купил, то ли занял содержимое — доверху) стражей.

Стрелка ткнулась острой мордочкой в отметку «шесть часов».

— Ура. — Рони махнул косматой рукавицей. — Можно к Эл, да? Лишь бы дома оказалась...

— Вряд ли где-то еще. — Целест покачал головой и затоптал в грязное серое месиво бессчетный окурочок. — Ей должны были сообщить вчера, и не думаю, что ее скоро потянет в клубы.

Пара стражей переминалось с ноги на ногу, наверняка мечтая о большой кружке горячего бульона или чего по-

крепче. На изразцовом витье калитки нависли носатые сосульки. Стражи пропустили без лишних слов — слишком холодно, чтобы говорить.

С порога окутало теплом и бархатом полутемного покоя. Пахло чем-то съедобным — с кухни, и терпко, помехами и астрами — из комнаты. Целест озирался по сторонам.

— Вербена обычно встречает меня, — зачем-то сказал он.

— Наверняка на репетиции, — предположил Рони, вытирая ноги, чтобы не испачкать мрамор или ковровую дорожку, пушистую, как хвост персидского кота. Он так и не привык к резиденции Альена. — Господин Селио не щадит даже богинь.

— И то верно, — улыбнулся Целест. — А Эл дома? Ты ее чувствуешь?

Мистик занес ногу над ступенькой и застыл в неловкой позе.

— Да, — сказал он, выцепив из бисерного вороха эмоций и мыслей нужные. Не труднее, чем различить золотые крупинки в речном песке. — Чувствую.

Наверху горели несколько тускловатых искусственных факелов. По высоким стенам вытанцовывали блики и тени, а полумрак казался крепким, словно чайная заварка. Целесту живо вспомнился «Вельвет» и бумажные цветы. Вместо «Вельвета» — камни и руины, может быть, братская могила и несколько торчащих ног. Трупы вывезут — вручить безутешным родственникам.

— Эл! — Целест толкнул дверь сестриной комнаты. — Ты здесь?!

Дверь не поддавалась — заперта изнутри. Вельвет отражается в сегодня. Доппельгангер, черт его дери, — ничего нового под луной и искусственными чайными факелами.

— Я здесь. — Оденсья Элоиза в черное вечернее платье, Целест бы точно выругался куда-нибудь в небеса или ближайшую яму — пусть дойдет куда надо, вверх или преисподнюю. Джинсы и футболка смазали дежавю. Футболка, впрочем, не уступала платью — мягко

обогнула контуры стройного тела, обрисовала все нужные округлости. Пришлось пихать Рони в бок — он безопасен, он просто влюбленный мистик, и все ж когда плятятся на твою сестру...

«Она собирается замуж, верно?»

— Привет, — поздоровался Целест. — И тебе тоже, Касси, — пожал протянутую руку. Прилизанные волосы Кассиуса смахивали на серебристый шлем. В петлях темно-лиловой рубашки поблескивали аметистовые запонки. Мизинец обвила печатка с маренговым алмазом.

Касси есть Касси.

— Добрый вечер.

— Эл, Вербена где? — Целест вспомнил, что собирался «поговорить». Он пришел... магнитить. Почти в прямом смысле.

— Мог бы стучаться — раз. Мог бы сделать вид, что тебя интересую я тоже — два. — Элоиза задрала нос и подсела к Кассиусу. В кожаном кресле они помещались вдвоем.

«И чем он маме не нравится? Ладно, у Рони взгляд побитого щенка, но Триэн — аристократическая фамилия, чего ей не так?»

— У нее завтра в Театре выступление. — Элоиза пожала плечами. — Скоро вернется.

На прозрачном параллелепипеде стола плакали стеарином ароматические свечи. Ваниль и мед — Элоиза верна себе. Рони следовал за Целестом — шаг в шаг, словно боясь оступиться и завязнуть в зыбучих песках.

— Мы дождемся ее, не возражаешь? Нужно поговорить. — Целест забрался в свободное кресло. Подошвы ботинок он вытер, но края джинсов и даже мантии где-то заляпал. Элоиза недовольно поморщилась. Снова дежавю.

— Когда-то комната была вся розовая, как новорожденный поросенок. И плюшевых поросят тоже хватало, — поделился воспоминаниями Целест — персонально для Касси. Элоиза вспыхнула быстрее пролитого бензина:

— Заткнись! Касси, не обращай внимания, мой брат иногда такой придурок... и не иногда тоже!

— Все в порядке. — Кассиус закинул ногу на ногу. — Кстати, мне всегда был интересен орден Гомеопатов, и в частности Магниты, но нам до сих пор не предоставлялось возможности спокойно поговорить. Вы не возражаете?

Из-за кресла вынырнула початая бутылка багряной летней сангрии и вазочка с зефиром. Бокалов только два — «вы испортили романтический вечер, ребята», звякнуло стеклом о стекло. Элоиза достала из бара еще пару.

— Не возражаем. — Целест дернул Рони — в ногах правды нет, и тот присел на поручень кресла. Они тоже могли поместиться вдвоем, но смотрелось бы странно. — О чем рассказать, Касси?

— Вы ведь чудо природы. Одержимые тоже, но одержимые — это сосуды, захлестнутые стихией. — Заискрилась сангрия, Кассиус одновременно гладил пальцы Элоизы и хрустальную ножку. И вел светскую беседу. Истинный аристократ. — Если в сей бокал влить море, он разлетится на куски. Но вы удерживаете в себе самую стихию, вы владеете ею. Каково это?

Целест потер подбородок. Вопрос на засыпку — в Мире Восстановленном к «чудесам природы» привыкли, таков уж человек — сойди Господь Бог к детям Своим, от Него отмахнутся через пару лет — надоел, мол.

Дернулась и погасла свечка. Целест протянул руку, поджигая заново от собственного пальца. Затем сплел простенький пульсар, который лопнул на ехидных розовых поросят — Элоиза погрозила кулаком, а Кассиус два раза хлопнул в ладоши. Затем «вырастил» связку неядовитых шипов, словно несколько вязальных игл торчали из костяшек — на остриях мигали узкие блики, Кассиус поежился.

— Черт. Трудно ответить, Касси. Я всю жизнь Магнит, — Целест запнулся, — то есть способности проявляются после первого Призыва — у всех так, ученые говорят, надо распознать силу. А теоретики оттуда и вытащили принцип подобия.

— «Подобное исцеляется подобным», — кивнул Кассиус. — Симптомы болезни лечат средствами, аналогичными по действию.

— Да, именно... ну а потом само собой. — Целесту припомнилась присказка о сороконожке — она разучилась ходить, едва спросили, как ей удастся передвигать бесчисленные лапки. Целест по-драконьи выдохнул фигурную спираль — шаровая молния взорвалась под потолком.

— Целест! — Элоиза соскочила к выключателю. — Только попробуй пятно оставить! — Она развернулась к будущему мужу. — Мой брат обожает дурацкие трюки, и лучше не поощрять...

— Прости. — Кассиус перехватил ее, тонкокожие пальцы легли туда, где футболка намекала на то, что под ней. — Не сердись, мне правда интересно...

— Можешь продолжать, — смилостивилась Элоиза. Целест дернул из пачки сигарету и заложил за ухо. Рони изучал несуществующее пятно на потолке.

— Я знаком с техникой безопасности, — сказал Целест. — Ну, в общем... наверное, все. Пиро, электро, гидрокинез. Обычно воин предпочитает одно, я люблю шипы и... и огонь. — Почему-то смутился. Огонь — Декстра, Декстра годится ему в матери, но...

— Благодарю вас. — Губы Кассиуса слились по цвету с сангрией. — Иероним, вас не затруднит принять эстафету?

Рони не сразу сообразил — к нему обращаются. Он молчит ведь. Не мешает. Элоиза выбрала его, и пусть — Кассиус достоин... наверное. Желтая футболка, тесные джинсы и полоска кожи цвета морской пены, теплый снег с запахом дорогих конфет. Рони вспомнил одержимую, распяленную на столе в паутине нейтрасети, — она торговала собой. Рони не сдался — впору считать себя рыцарем, служащим Прекрасной Даме.

А служение целомудренно.

— Я... — Он сбился, потер пухлыми пальцами виски.

Губы Кассиуса казались окровавленными, а улыбка хищной. Рони заглянул, но прочитал любопытство — вполне искреннее и вполне доброжелательное. Аристократы любят экзотических уродцев, вот только большинство чрезмерно привыкло к Магнитам — Кассиус нашел

развлечения поближе Пестрого Квартала с горбунами, бородатыми женщинами и сиамскими близнецами.

— Я чувствую. Мысли тоже, но в первую очередь... — Рони замялся. С кресла свешивалась напарникова ладонь, и он схватился за нее. — Целиком, понимаете? Настроение, боль или радость, страх или покой. Любовь или... нелюбовь.

«Больше, чем хотелось бы. Я вижу все. Иногда от этого охота кричать».

Ключицы Элоизы дрогнули: сглотнула. «Мозгожор».

— Но я не всегда это делаю, — поспешно добавил Рони. — Обычно наоборот, ставлю фильтр. Иначе можно запутаться, где ты и где все остальные... А еще мистики могут дарить картинки.

— Гипноз и иллюзии? — уточнил Кассиус.

— Да. Но мистики не стремятся уничтожить других. Только одержимых, но это ведь наша работа, и либо он тебя, либо ты его. — Фильтр давал течь. Кассиус обнимал Элоизу, Элоиза прижималась к нему. Наверное, оба припоминали «Вельвет» и бумажные цветы. — Магниты вообще не враги людям... то есть *остальным* людям. Госпожа Декстра и господин Винсент... это Главы воинов и мистиков — они вдвоем могли бы весь Эсколер захватить. Огнем и гипнозом. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Но они никогда... я как-то спросил Винсента, почему он не использует *всю* свою силу, и он ответил — если Магниты будут врагами человечества, то кто останется в друзьях? Ой!

Вскрикнул: Целест постарался, у Целеста пальцы железные, не хуже дешифратора-киборга. Рони высвободился, подул на руку. Синяк нальется, как пить дать!

«Кажется, меня не туда понесло...»

В момент молчания погасли свечи, и Целест не решался двинуться с места. Ругаться на Рони? Или хвалить? Он правильно разложил, будто подслушивал разговор с Тао и Ависом на крыльце и подготовил агитационные речи, плакаты из типографии и пачку лозунгов, вот только...

«Просить помощи у людей. Касси в том числе. И он сенатор».

Элоиза вновь поднялась к выключателю — ее силуэт скользнул бело-рыжей тенью. Потом шагнула к окну, прислушиваясь.

— Благодарю вас. — Кассиус выпрямился, протянул руку — сначала Целесту, потом Рони. — Лично я никогда не сомневался в Магнитах. Вы защитники Мира Восстановленного и его единственная надежда.

«Не мы. Не единственная». — Целест и Рони переглянулись.

— Вербена! — перебила его Элоиза. — Вербена возвращается. Кажется, вы хотели говорить в ее присутствии?

21.

Проще, чем по льду на новеньких санках. Целест обивал Вербену за талию и жарко шептал ей в ухо, а потом забрался на подоконник — излагать. Вербена держалась рядом и смотрела влюбленно и восхищенно.

Под таким взглядом — хоть самому Амбиваленту в пасть!

Так просто — объяснять «своим». Магниты и люди — кто придумал делить? Амбивалент на то и нужен, чтобы напомнить: единое целое, даже среди Гомеопатов не каждый мутант — теоретики и ученые становятся стражами Мира Восстановленного добровольно. Вербена и Элоиза хором припомнили свою идею — образцово-показательное выступление и речь.

«Глупо, наверное», — добавила Вербена. Целест возразил и снова шепнул что-то, о чем разве Рони догадался, а на сандалово-смуглых щеках расцвели чайные розы. Из окна рявкала вьюга, и комья туч забивали луну, однако комната Элоизы озарена изнутри — ни капли ресурса, все естественно. Светиться от счастья — вполне реально.

«Так просто. Так хорошо».

«У тебя лучшая женщина и лучшие друзья, парень», — гудел трансформаторной будкой киборг. Целест соглашался.

Проще, чем по льду на новеньких санках — или на белом коне, как полководцы древности. Конец света отменяется. Кассиус и Элоиза обещали «все устроить», аметистовые запонки сверкали вместе с глазами — недоставало только меча, рубить вражеское войско. Амбивалент — испытание, произнес Кассиус торжественно, испытание, посланное нам во имя объединения. Пора напомнить каждому: Гомеопаты — хранители, но и хранителям не обойтись порой без помощи тех, кого хранят.

Так... логично.

Целест выдохнул очередную фразу и сполз с подоконника. Спину покусывал сквозняк. Эйфория разливалась градусами сангрии.

Все будет хорошо. А у них с Вербеной — особенно хорошо, и у Элоизы с Касси, и у Рони с... с кем-нибудь.

«Методы уничтожения: нет». Вранье, причем вранье опасное. Дешифраторы и теоретики глупее пробок — первый вынес приговор, сидеть трусливым кроликом в норе, не сражаться; вторые пытались превратить хранителей в палачей — не выйдет. И в Сенате, во главе с отцом, старшее поколение — не гении, куриной слепотой страдают — дальше своего носа и графиков знать ничего не желают. Ничего, мы докажем.

Всем докажем.

«Ур-ра!»

Стоило смежить веки, мигал дерганой подпиткой рекламный щит. «Мы хотим праздник». Пир во время чумы — акция по сплочению; Рони твердил об эмоциях, но Вербена сумеет пробраться до костей последнего нарика из Пестрого Квартала. Знатных господ — тоже. Метод кнута и пряника — Амбивалент и Вербена. Дьявол и спаситель. За Вербеной — Магниты.

«За Вербеной — я», — от этой мысли Целеста тянуло пробежаться по потолку. В один из первых зимних дней, тепловатый еще, подернутый корочкой изморози и инеевого дыхания, он показал Вербене левитацию — проще говоря, летали они невысоко — на уровне заборов, выше Целест побоялся забираться, но летали. Вывалиться бы

сейчас — вместе, в объятиях, со второго этажа и взмыть ласточкой под липкие тучи.

«Потом. Может быть, на этой... черт, акции».

Хорошие друзья — и Касси в том числе. Первый вызвался помочь. Ну, может быть, Эл ему объяснила, неважно. Вербена взахлеб предлагает танцы — это тоже магия, да, Целест знает, в городе магии тьмы есть место свету. Они — свет. Рони будто заморожен свечным пламенем, но Рони всегда такой... и он больше, чем друг. Магниты-напарники вообще единое целое — как он может сомневаться в победе?

Нельзя сомневаться.

Когда-то Целест плакал, осознавая — не такой, как все. Избранный и проклятый, подобно тысячам других; сегодня вторую половинку — гнильцу яблочную — отсекал и выбрасывал.

Избранный.

Они все — избранные.

— Решено. Через три недели — Великое Объединение.

По лестнице спускались вдвоем. Заполночь — наверняка опять утром клевать носом, а на дежурстве сам столб расползается надвое, ни кофе, ни «огненная вода» не спасут — от последней только хуже. Вербена сдалась раньше, закрылась в «своей» половинке. Целест искрил энтузиазмом, как заголенный провод в ручье; Рони послушно кивал. Да, у нас получится. Да, все будет хорошо. Олицетворением «хорошо» сейчас казалась подушка.

Рони привыкнет к тому, что Элоиза с Кассиусом, — в самом деле, не ревновать же.

— ...И потом мы все вместе расскажем о том, что происходит и что Сенат скрывал правду. Черт, а я еще сопротивлялся — мол, Магнитам не нужна поддержка. Нужна, оказывается. А еще Эл и Касси собираются объявить о помолвке, и...

Целест прикусил язык — до крови. Порадовался, что Рони обогнал его, и он видит только паутинно-бледный затылок.

— Все в порядке, — ответил телепат. — Ты же знаешь, я желаю счастья Элоизе.

И открыл рот — предупредить, но поздно. Последняя ступенька шваркнула под подошвой. Они попались. Возле массивной напольной вазы с ломкими оранжерейными хризантемами — любимыми цветами, похожими на разноцветных пушистых ежей, — стояла Ребекка Альена.

— Д-добрый ночи... мама. — Целест вытянулся по стойке «смирно». И без того светлая кожа слилась оттенком с мраморной вазой.

«Слишком холодно для мрамора и для хризантем, — подумал Рони — А холоднее всего — ее взгляд».

— Мама, я... я знаю, ты меня просила, но... — зачистил Целест, мигом растеряв лет пятнадцать из своих двадцати четырех.

Ребекка куталась в шаль цвета истоптанного сотнями подошв снега. Она напоминала фамильное привидение — бесплотное и серое; пара рубинов в ушах не спасали положения, но чудились кровавыми каплями.

— Давно просила. Да. Извини, что осмелилась выйти к тебе и напомнить, — сказала Ребекка. — Триэн в моем доме, с моей дочерью, и что сделал ты?

Целест опустил голову. Соскользнул рыжий «хвост» и тоже поник.

«Мама умеет эффектно появляться...» — Он куснул указательный палец, вспоминая ответ — он же готовился, выучил все, словно на экзамен. И чего теперь?

Растерялся.

— Ну...

Пара шагов по пиритовым прожилкам в напольном камне. Словно золотая шахта под ногами, гордость архитектора Лирата. Или как его там? Тень протянулась к матери, словно Целест вновь умолял на коленях.

«Нет. Я прав. Эл права. Касси нормальный парень».

— Ты умолял меня о прощении, Целест, а я умоляла тебя — защитить нас. Элоизу. Меня. Адриана...

— Отец-то здесь причем? — не выдержал Целест. Вокруг запястьев браслетами зацвели шипы, хотелось врезать — вазе, хризантемам, пусть уронят обмороженные блекло-розовые пушинки. В портеты на стенах — золоче-

ные рамы и торжественное, как Сенат и Цитадель, вместе взятые, витье — тоже, запустить бы чернилами. Рога дорисовать.

Чер-рт. Рони вон жметя к лестнице, тоже удрать хочет.

— Триэн — зло. Он уничтожит нас всех. И тебя в том числе, Целест, — провозгласила Ребекка, окончательно уподобляясь то ли Пифии, то ли и впрямь призраку. Ржавых цепей не доставало.

— Мама, прекрати. Касси — отличный парень. Я знаю, у отца был когда-то конфликт с господином Иоанном Триэном, но сын необязательно похож на отца. В конце концов, вы же не Магниты, — не удержался Целест.

— Ты умолял о прощении, — напомнила Ребекка. Сетка морщин на сероватой коже — ни капли румянца, аристократическая бледность сродни склепной, — собралась возле губ. Целесту почудилось, что мать набросится на него — как все одержимые разом. А то и хуже. — Ты солгал. Недаром ты отрекся от родового имени — предатель по сути своей.

— Мама! Касси — на нашей стороне. И вообще, — Целест все-таки двинул по вазе, кисть залило болью, а монолит не шелохнулся, — почему бы тебе самой не высказать все Эл? Или не выгнать Касси из дома?

Они оба знали ответ. Знал и Рони — тер виски, закрываясь от сплошной стены гнева. Все равно что деревянным щитом от огнемета. Он присел на крохотное декоративное кресло, годное скорее для эльфов или фей — цветочно-витое; тонюсенькие ножки скрипнули под его весом. Рони испуганно вскочил.

«Опять я третий лишний...»

— Элоиза решает сама. Элоиза член Сената — я не вправе приказывать ей, — сказала Ребекка. В уголке глаза собралась тушь — грифельной слезою. — Адриан ненавидел Иоанна, но Иоанн мертв уже четыре года. Адриан не считает, что сыновья повинны в грехах отцов. Но я знаю правду.

«Потому что ты не умеешь прощать. На самом деле». — Целест прикусил язык. Вновь. Зубы вошли в старую колею-ранку.

— Ч-черт... Мама! Поверь отцу и мне. И Эл. Кассиус Триэн, может быть, и похож на золоченую камбалу, но внутри он хороший. И вообще, мама... мы выросли — взрослые мы у тебя уже, и Элоиза, и я. Позволь решать самим.

Договорил мягко, будто оборачивая шалью. Так и тянуло — подойти, поцеловать и обнять, мама, все будет хорошо. А когда поймает Амбивалента — еще лучше.

Шаль упала на пол, словно подстрелили гигантского нетопыря.

— Предательство возвратится ранами, — проговорила Ребекка, прежде чем исчезнуть в сумраке коридора.

Просторный дом сжался до грецкого ореха и выплюнул их. Целест кубарем скатился в мерзлый сад, неправдоподобно ухоженный — не сад, а торт со взбитыми сливками, вместо безлиственных деревьев — лакрица, а вместо снега — сахарная пудра; то ли оступися, то ли ринулся в сугроб, аккуратно запеленавший кусты шиповника. Колючками оцарапало от висков до подбородка, но снег охлаждал разгоряченный лоб, покусанные губы и перегретые, как лампочки Дома-Без-Теней, глаза.

— Целест! — Рони схватил за шиворот мантии. На него ощерилось — бледное в синеву, с бисером крови и комьями снега, не лицо, а горсть осколков. Вспухшие губы дрожали, но Целест скалился взбесившейся дворнягой. «Именно... дворнягой — без роду-племени, только кличка, да еще цепь — воин».

Узкое лицо серебрилось инеем — то ли снег, то ли слезы. Рони принялся аккуратно счищать изморозь, стряхивать снежинку за снежинкой. Время окуклилось, а сад стал праздничным тортом, они — зефирными фигурками.

Засахаренный мир.

Вербена спит. Элоиза — с Кассиусом, Адриан Альена — в Сенате или в постели, для него, похоже, нет разницы. На мраморе — осыпались пионы, прямо на шаль, а Ребекка Альена сокрылась за всеми стенами резиденции.

А они остались. У Рони горячие пальцы и Рони спокоен.

Целест хватанул воздуха — резко, подреберьем; потом сглотнул.

— Она... я...

— Она любит тебя. Просто слова и обида, Целест.

Рыжие пряди намокли и тянули к земле. Снег — вода. Можно захлебнуться. Переносицу щипало — шиповник или соль. Шиповник: Магниты не плачут. У мутантов нет родовых имен, они вылупляются из пузырей в радиоактивных болотах — матерей тоже нет.

Целест радовался, что Вербена не видит, Элоиза не видит, и Кассиус тоже... «Теперь ты мой должник, камбаленыйш. Я отдал тебе не только сестру — мать тоже. И себя».

Обхватил Рони за предплечья, обогнул замерзшими пальцами — хватит. Спасибо за помощь.

— Я понимаю. И понимаю, что ты понимаешь... тьфу ты.

Целест пробормотал, чувствуя, как формулировка становится его личной молитвой — если боги мертвы, а сам ты демон, время переписывать книги, переименовывать вазы для хризантем в Священный Грааль и сочинять молитвы:

— Она простит меня, когда поймает Амбивалента.

До Цитадели добирались долго — вьюга, скверная видимость и предательски дерганный пульс. Табачный дым замерзал на лобовом стекле рисунками. Контрастный душ — с небес в пропасть, кажется, он собирался показать Вербене левитацию... да, но не такое.

В тарелке остыл ужин — Целест отказался от него. Много лет назад его слезы засыхали бордовым на атласно-ализариновых подушках, теперь — сепией на белом. Имеет право, раз в десять лет. Очередная фаза отречения.

Но потом Целест думал о Вербене, и слезы его высохли. Рони, шлепая босыми ногами по полу, выбрался из душа. Он кутался в махровый халат с безвкусно наляпан-ными подсолнухами; он был похож на потертую мягкую игрушку. Вроде Элоизиных плюшевых медведей и белок — она их спрятала в недрах платяного шкафа, но не выкинула. Мы выросли, но не выбрасываем память.

Целест смотрел на напарника и сквозь него. Обкусанные губы дернулись на полувыдохе.

— Мы с Вербеной объявим о помолвке. После выступления, — сказал он, и сжал губы в нить. — Эл и Касси тоже.

— Поздравляю, — тихо ответил Рони. Он забрался на свою кровать, укутался в одеяло. — Я больше всего хочу, чтобы вы все были счастливы, Целест. — И, будто оправдываясь, — а то заподозрят в неискренности: — Я же мистик: подпитываюсь чужим счастьем.

22.

Календарей у Целеста отродясь не водилось — дни похожи, как веснушки. Выходные и праздники ничего не значат, у болезни отпуска нет, и у Магнитов тоже. Весну угадывал по перестуку тающих сосулек, травяному запаху и по тому, что прятали в глубину шкафа теплую одежду. Рони наверняка еще по заразной, хуже гриппа, всеобщей эйфории — лейтмотив, сродни закрученной мелодии.

Календарь он купил, чтобы зачеркивать дни: Объединение решили назначить на первый день весны, первый день нового года — пробуждение от серо-белого сна, зимней спячки. Люди не так и далеки от ящериц и сусликов — без солнца и тепла тяжело из норы или из-под камня выползать.

До эпидемии новый год праздновали, знал Целест, посреди зимы — старый бог людей родился в самую темную и студеную ночь года, но не принес счастья ни себе, ни последователям: бог умер, его мир умер. А Мир Восстановленный не желал радоваться снегу и льду.

Вычеркивал, вдавливая в шероховатую дешевую бумагу, время до весны — на календаре, подвешенном над кроватью, была изображена улыбающаяся Вербена, и в те вечера, когда не встречался Целест с прототипом, — разговаривал с картинкой. Или с Рони — о Вербене и об Объединении.

У идеи-фикс запах клейких листовенных эмбрионов. И цвет зеленый — команда «вперед!».

Целест не сомневался: все получится. Они ведь готовились — Элоиза и Кассиус правдами-неправдами то ли выбили, то ли подкупили, то ли просто обманули всех (кроме отца? Или его тоже? Она так и не рассказала, принося известие, как подарок на день рождения — в фольге с ромашками и угадай-какой-руке); Гомеопатов пригласили на празднование начала года официально. Сенатский гонец в черно-красной ливрее, выутюженной до крахмального хруста, под любопытными взглядами малышни, недоумевающими — Гомеопатов постарше и торжествующими — «заговорщиков» прошествовал к каждому из четырех Глав с официальным письмом. Авис повороньи предположил — мол, выставят взащей, но...

Не выставили.

«Дело теперь за твоей Вербеной, — хмыкнул потом посрамленный Авис. — Посмотрим, как она убедит...»

«Убедит». — В тот момент Целест смахивал на религиозного фанатика, спорить — себе дороже.

Целест не сомневался.

«Она воплощенная», — говорил о Вербене Рони; она может убедить и объяснить доходчивее бубнежа о схемах, стратегиях и планах — и определенно эстетичней расправ в затхлой пыточной. Недаром ее месяца два проверяли в Лаборатории и самой Цитадели — по всем параметрам мистик, причем сильный. Но нет — никаких мутаций. Талант, слава выжившим богам, не считается ни аномалией, ни приговором.

Рони говорил, мол, Винсент способен целую Империю превратить в марионеток, пуговичноглазых зомби, однако Целест поставил бы на Вербену — она умеет убеждать. Без гипноза и иллюзий. Без «мозгожорства».

«Она воплощенная». Пускай так. Люди должны узнать о войне — и принять в ней участие, настоящие гомеопаты-доктора ставили во главу угла пациента — если не организм борется с болезнью, что сумеет врач? Орден Гомеопатов помнит принцип подобия, зато запомнил принцип исцеления — пора напомнить. А кумиру поверят скорее, чем политику или мрачному инквизитору в серой

мантии в пятнах подсохшей крови. Властители умов, властители душ — в каждом поколении свои пророки. Их услугами просто надо уметь пользоваться, оплата по преysкуранту. А Вербене нужен только Целест. Она повторяла десять, сто и тысячу раз. А он повторял за ней.

Подбитые карандашом, утопали числа на календаре, будто одно- и многоклеточные корабли в игре «морской бой». Целест торжествовал и готов был грызть остатки зубами — поскорее, черепашня упряжка, ну хоть чуть-чуть — быстрее. Так дети ждут именин и обещанного еще полгода назад велосипеда. Так заключенные грезят об освобождении. Порой казалось, будто двухмерная Вербена выгибается со стены и помогает зачеркивать злополучные цифры.

Когда наступит весна — объединятся Гомеопаты и... все остальные.

Когда наступит весна, уничтожат Амбивалента.

Когда наступит весна, Ребекка Альена простит Целеста.

Когда наступит весна...

«Мы с Вербеной будем вместе — по-настоящему. И уж точно — навсегда. Как в старых книжках, верно?»

«Конечно, — отвечал Рони, неизменный и невозмутимый, словно булыжник — избела-серый камень с вкраплениями кварца; на брусчатке не расти цветам. Провисала пауза, но ее можно списать на типичное-типичное слов не хватает. — Именно так».

Зима — тоже женщина: на непривечание обиделась, погрозила напоследок морозным кулаком — в начале февраля завалило Виндикар чуть не по шпильки Сената и Цитадели, да и хлопнула дверью досрочно. За неделю до празднеств воцарилась жара почти июньская. Из вспухшей комковатой земли поперла одурелая, пронзительно-салатовая, как «химические» краски, трава, а не менее одуревшие от такой смены температур жители вытаскивали футболки и сандалии, задумчиво поглядывая на свитера и пальто — убирать их или не стоит, вдруг зима передумает и доработает положенный срок?

Для празднеств выделили, конечно, Площадь Семи — самую просторную и самую знаменитую. Целест подо-

зревал, что отец его выступал против: Площадь Семи, несмотря на пропаганду и официальные версии, ассоциировалась в народном сознании с чем-то антиполитическим, бунтарским, вроде булыжников или скрещенных серпа и молота (символа одной из древних, построенных «на» и «в» крови, империй).

Но — она же самая просторная, куда денешься? Каждый год спорят и каждый год празднуют на Площади Семи, к которой удобно прилегают пара скверов с фонтанами и скамейками, и которую нетрудно оцепить стражам и Магнитам.

Безупречный аргумент: все для вашей безопасности.

Стучали молотками и вжикали пилами строители еще по морозу — первый день года должен быть отпразднован, а как зарядило солнце — веселее работа пошла, Целест и Рони каждый день урывали хоть полчаса, бешеной собаке сто верст не крюк, — заглянуть, как из беложелтых, пахнущих смолой и орехами досок складывают подмости — сцену. На ней выступать будут сенаторы, само собой.

И Вербена. Вербена — тоже.

Эпидемия, должно быть, зиму провожать отправилась — ни единого случая одержимых, один раз подозревали «психа» — оказался шарлатан-жулик, выманивал банальным гипнозом в порту кошелек. Сознался, едва схватили его Магниты, — и позорно обмочил штаны, а уж стражам и старой-доброй тюрьме обрадовался, как поцелую прекрасной принцессы.

«Будет нелегко убедить простой народ, что мы не чудовища», вздохнул Авис после того, как услышал от Тао эту байку.

«Ничего, получится!» — Целест как раз думал, что пора зачеркивать очередную закорючку на календаре.

Первого марта он проснулся в четыре утра. За окном фиолетовыми пятнами ползли облака, до восхода — часа три еще, но на старом брызге-вязе уже свили гнезда и горланили горлинки, и пестрил зачеркнутыми метками календарь. В предрассветном сумраке улыбалась Вербена.

на. Целест считал уже секунды; сев на кровати, гладил шероховатую бумагу.

«Что важнее? Амбивалент, объединение или помолвка? Магниты почти никогда не женятся, а уж из «нормальных людей» кто пойдет за мутанта?.. Вербена. Вербена пойдет».

Она кивала с плаката. Пробивался прохладный, пахнувший ивовым (вербеным) цветом ветер.

Ранняя весна. Хороший знак.

Рони на соседней кровати спал с полуоткрытыми глазами — не первый раз, Целест когда-то пугался, потому что напарник здорово смахивал на мертвеца или кататоника, потом привык. Белки и сетчатка сизо отражали мутные, засеянные облаками небеса. Губы шевелились — может быть, Рони читал его, Целеста, и его грезы превращались в сон. Целест прыгнул с кровати и пихнул Рони под бок:

— Просыпайся. Сегодня...

Рони скривился — Целесту будто зажженную спичку за шиворот засунули. Действо не начнется раньше полудня, Магнитов призовут к девяти-десяти, зачем торопиться? Он зевнул, взъерошил волосы — они растопырились прозрачными ежиными иглами. Умыться и действовать. Сегодня великий день, и...

«Помолвка. Целеста и Вербены. Элоизы и Кассиуса. Будто надписи на заборах — с «плюсами» и сердечками, подобной наскальной живописи тысячи лет. Я не добавлю своего. Пусть так. Я выбрал сам».

Он опередил Целеста — нырнул в ледяной душ с головой, целиком, словно смывая недостойные «лучшего друга» мысли.

На Площадь Семи подвезли к семи утра — еще пустынная, она пахла смолой свежих досок, почему-то бумажным клеем и неотвязно — листьями. Стражи косились на Магнитов, старались держаться подальше — впрочем, как проверил Тао, выпивкой делились. Толстый страж, усыпанный веснушками до сходства с перепелиным яйцом, хмыкнул: «Не понимаю, чего вас нелюдями кличут, нормальные ж парни и девчонки». Щербато

усмехнулся Аиде, но та отвернулась. Она до сих пор не нашла постоянную пару — вместо убитого мужа.

Периметр Площади — плюс несколько дежурных постов в маленьких скверах, скорее для очистки совести. Стражи маскировались под столбы, Магниты — под камень. Черно-красное и серое. Нельзя мешать веселиться.

Фиолетовое смыло прочь, день иззолото-лазорево выкатился — сразу, целиком, беззастенчиво. Все приветствуют весну, все приветствуют тепло — Вербену тоже будут приветствовать, думал Целест, ловя взглядом ранних посетителей Площади. Пока не гуляк, все больше торговцы палатки ставили, да кто-то из мелких чинов городской администрации суетился. Всякий раз, минуя Магнитов, отдергивались, будто от кипятка.

— Они нас боятся. — Авис традиционно позаимствовал у Целеста сигарету.

— Не больше, чем обычно, — возразил Рони. У него уже заныли ноги — от одной мысли, что придется стоять навытяжку до вечера, делалось дурно. Рони прислонился к фонарному столбу.

А Целесту хотелось вогнать шпоры в атласные бока времени или хотя бы наподдать под зад. Сколько можно тянуть? Он ждал слишком долго.

Полосатые и цветастые палатки расцвели подснежниками. Вообще-то в этом году подснежники отцвели в середине февраля еще, тоже озадаченные внезапным теплом. Палатки замещали их. А в палатках — набор «все для праздника», лакированные сахаром яблоки и пунш, бублики в россыпи ванильной пудры и жбаны кисловатого пива. Пахло углем жаровен и гуталином — сапоги начистили до бриллиантового блеска.

На Площадь Семи вели семь улиц — между прочим, официальное толкование названия, и по каждой из них тянулись люди. Кто-то вертел черно-алые флаги на тонких деревянных палочках, похожих на свежие кости. Кто-то заранее хлебал пиво и терпкое прошлогоднее вино — дешевле «догнаться» заранее, на Площади заломят вдесятеро.

Рони и Авис жмурились от наплыва мыслей, эмоций и образов. Потом вылавливать надоело — отсекали экраном. Авис стрельнул очередную сигарету.

— В прошлом году замерзли до сосулек в носу. Спасибо, хоть тепло, — припомнил он.

— Правильно. Так и должно быть. — Целест смотрел в разномастную пестрядь улиц, блекло-зеленую кашу первой листвы, туда, где розоватый горизонт смыкался с землей. — А ты можешь предсказать будущее? — внезапно развернулся к мистику. Тот ведь хвастался — ясно-новидящий, мол.

— Могу, Целест. Оно тебе не понравится.

— Д-да? — запнулся, но сделал вид, что веселится. — И что тебе привиделось?

— Красное, — ответил Авис. — Много, много красного. Но твой век долог, Целест.

Рони вкатился между ними, как слегка подтаявший и липкий снежок:

— Да ну? — фыркнул он, и Целест ощутил будто прикосновение мягкой лапой. Кроличьей счастливой лапкой — все будет хорошо. — А про меня чего-нибудь на-смотрелся?

— Про тебя? — Авис смерил сверху вниз, в профиль — одним глазом. — Ты останешься со своим напарником. Навсегда.

— Как непредсказуемо! — Через Целеста фыркать, и оттягивать воротник — жарковато с утра, розовое солнце желтеет и спеет быстрее диких груш. — Эдак и я могу предсказать... вот, например, что через пару часов здесь яблоку негде упасть будет. Засахаренному.

Он не ошибся. Крупой из дырявого мешка ссыпался народ — уже толкались локтями, протирая местечко поближе к сцене. Пахло ванилью, корицей и некрепким алкоголем (крепкий власти города запретили — во избежание беспорядков). На вычищенной площади потихоньку воцарялись промасленные обертки от яблок и пирожков. Народ веселился, шумно спорил, кое-где уже мерялись силой, пели и даже целовались.

Все ждали весны. Все ждали завершения — и начала года. Эпохи, думал Целест.

Несколько молодых стражей затянуло в толпу — к чертам дежурство, пока начальство не видит, будь поближе к народу. Неплохая, между прочим, политика. От Магнитов, как обычно, держались подальше. В группке парней один — бритый и в щетине, похожий на лупоглазого ежа, сально пошутил насчет Вербены; Целест мигом кинулся к «обидчику» — но на дуэль вызвать не успел. «Еж» со товарищи смотались от «чокнутого мутанта» — аж пятки сверкали. Натурально — подбоем на каблуках.

— Это очень продуктивный способ подружиться с обычными людьми, — прокомментировал ехидный Тао.

Целест только плечами пожал. По мере того как переполнялась Площадь Семи, ожидание перевешивало — невыносимо. Каждая минута весила тонну. Или две. Остальные Магниты сучали или беззастенчиво злоупотребляли страхом — например, бесплатно добывали сэндвичи и пунш на апельсиновых корках.

Неподалеку хмурилась Аида. Она изгрызла губы, и те смахивали на пару кусков сырого мяса. Рони ловил себя на том, что смотрит на вспухшие пиявками губы, с тонкой, едва выросшей кожицей и близкой кровью, — отталкивающее притягивает.

Оглянувшись на Целеста, Тао и Ависа, Рони шагнул к Аиде.

— Ты до сих пор без пары, — заметил он.

— Обещали подыскать. Одна не останусь, куда ж денусь. — Кажется, Рони слышал уже подобное или просто в чьем-то разуме прочел. — Да и разница-то...

В тот момент она размышляла о мозоли на мизинце и потрескавшихся губах, их нужно смазать, что ли. Ее не преследовали кошмары — Магниты быстро забывают лица умерших, особенно воины. А мистики умеют экранировать и списывают в архив. Универсальные солдаты-киборги-дешифраторы — не умели, поэтому и проиграли.

Плоть совершенней железа. Железо не восстановится само — всякая плоть живет до смерти.

Рони открыл рот, чтобы пожелать хорошего года, вспомнить полагающиеся фразы — удачи-счастья-здоровья; тысячи лет люди желают одного и того же, как правило не получая желаемого. Рони сплел иллюзию терпковатого цитронового аромата, окутал им Аиду.

— Эй. Я предупреждала: не лезь... — «ко мне в мозги», не договорила девушка, и сжала его ладонь.

Толпа загустела и выплеснулась к краям площади: приветствовали черно-алые мобили сенаторов, окруженные элитными стражами на нервных тонконогих скакунах — вороных, конечно. Целест был готов взобраться на ближайшее дерево или зачерпнуть ресурс под левитацию — приехала ли уже Вербена; сдерживался пока, погусиному вытягивая и без того длинную кадыкастую шею. Он протиснулся к Рони и Аиде, дернул того за рукав:

— Рони, ты Вербену чувствуешь?

Мистик воззрился сначала на Аиду, потом, жмурясь, — куда-то в заляпанное солнцем и парой облаков небо, и только затем на Целеста:

— На Площади несколько тысяч человек. Ты воображаешь, я способен «почуять» одного?

— Не одного, а Вербену, — отмахнулся Целест. Неохотно вернулся на место. Рони покачал головой, кивнул Аиде — мол, извини, я должен быть на посту. Еще увидимся, день долог и дежурство сверхурочно.

Рони улыбнулся через силу. Сегодня праздник, сегодня Объединение. Нужно начерпать радостного возбуждения — хотя бы у Целеста, тот искрит надеждой, словно игристое вино — пузырьками.

«Хочу в Цитадель. Спать». — Улыбка исчезла, едва Рони позабыл о ней. Захлестнуло — потянуться к Целесту, дернуть за рукав: пожалуйста, отойдем куда-нибудь. Хотя бы к паркам, там тоже нужны Магниты...

Не имел права. Целест слишком долго зачеркивал дни.

Рони вспомнил об улыбке. На улыбку не нужен ресурс.

Гул всколыхнулся до экранов, а толпе пришлось потесниться. Гибкие лошади покачивали багряными перьями в гривах, косились на обступивших их людей — они

были хорошо воспитаны и боялись наступить на чью-нибудь ногу. Всадники держались в седле навытяжку, на табельном оружии — длинноносых ружьях — переливались блики. К таким же блестящим мобилям тянулись тысячи рук — светлых и темных, тонких и мускулистых, обломанные ногти с каемкой грязи, и хрупкий розоватый маникюр, и обгрызенные заусенцы, и пухлые младенческие ручки — матери вместе с детьми. Словно разорвать хотели — каждому по кусочку, мобилия, коня, стража и сенатора. На память.

Толпа объяснялась в любви.

Целест усмехался — толпа всегда признается в любви властям: на празднествах, где обещают пару бесплатных кружек — выпивки, да горсть серебра под ноги, пни ближнего своего да выхвати. И отворачиваются с плевыми, едва поднимается хлебная пошлина.

Вербену они любят бескорыстно. Вот в чем разница.

Может быть, Элоиза и Кассиус будут хорошими владыками Империи Эсколер, но никакая власть не сравнится с богиней.

Мобили двигались медленно — сантиметр за сантиметром, Целест представил водителей — аккуратные и чуть испуганные, как и конный эскорт, — интересно, воткну-ты ли у них перья в фуражки? Почему бы и нет?

Толпа скандировала: Виндикар. Сенат. Кто-то даже — имена, не последнее — Адриан Альена. Элоизу помянули среди прочих — пару раз, большего не заслужила пока. Кассиуса Триэна — и того реже.

Целест перехватил вьедливый, как заноза, взгляд Тао. И демонстративно закурил, выдыхая дым в лица, макушки и стряхивая пепел на чужие мантии и рукава. Под неразборчивую ругань и угрозу «затолкать в зад», с сигаретой пришлось расстаться — ее втоптали в грязь, разнесли по крупицам, на чьем-то плоском каблуке дотлевала секунд пять искра.

Рядовые стражи занялись делом — уже оттаскивали оборванного красноносого парня — пытался разгрохать бутылку из-под пунша о лаково-железный бок мобилия,

усмиряли пару не в меру рьяных дамочек. Спокойно, думал Целест, все спокойно и мирно.

Сушная идиллия.

Лишь бы обошлось без одержимых.

Пока толпа осыпала правителей воздушными поцелуями и ранними обморочными подснежниками — а стражи следили, чтобы не подмешалась где дохлая кошка или сгнивший еще зимой томат; со стороны сквера потянулись невзрачные мобили Гомеопатов. Рони дернулся, скорее почувствовав, чем увидев — из-за маленького роста видел он разве спины и животы, разноцветное месиво-толпу. Гомеопатов никто не охранял и не сопровождал — Декстра перемахнула через борт кабриолета (Рони подозревал, что кабриолетом мобиль стал оттого, что крышу когда-то ободрали, и проще было перелицевать, чем чинить), тряхнула факелом волос — и откатилось столпотворение, три и десять шагов назад. Глава Мистик — Винсент мобиль не покидал, напоминая глубоководную бескостную рыбу, которую зачем-то выволокли на поверхность.

«Лучше бы он убеждал объединяться. — Рони покоился на Целеста. — В нашу... вернее, в силу Винсента я верю. Я ее чувствую. А Вербена — просто хорошая танцовщица, не более того».

Он не стал высказывать вслух, разумеется.

Выбрался из песочно-бурого мобиля и засуетился, что-то бормоча Декстре, Гораций — бликовали стекла очков и золотая оправа. Флоренц командовал «отрядом» ученых — равняйся, смирно. Откуда-то приволокли раскладной стол с пробирками.

«Это что, реклама — протестируйся и вступай в ряды Магнитов?» — предположил Рони и, не удержавшись, потянул Целеста за полу мантии — глянь.

— А, новая разработка. Якобы вакцина... они всю зиму над ней работали, — сообщил Тао.

Целест развернулся, хлестнув его рыжим хвостом:

— И чего, есть толк?

— Нет, разумеется. Но ученые же должны что-то делать, кроме розыска Магнитов, верно?

Гомеопаты традиционно заняли левый от сцены фланг, и мгновенно очутились в одиночестве. Толстый малыш, закутанный в цветастую шаль, ткнул розовым пальчиком в Декстру — мол, а почему тетенька горит? Простоволосая женщина — очевидно, мать — подхватила малыша, поволокла прочь — не оглядываясь, разве сплюнула через плечо.

«Н-да, Вербене придется постараться», — в который раз вздохнул Рони. Встряхнулся — через силу. Они поменялись с Ависом? Тот вроде и весел, даже голову вымыл, и волосы у него оказались не черные, а темно-каштановые.

А Рони — будто на похоронах. Выпил бы пунша, да алкоголь уж больно «сшибает».

Плохое предчувствие — бабкины сказки. Будущее неизвестно, а мистики-ясновидящие — выдумка.

И потом... Авис ведь обещал, что он останется с Целестом навсегда. Чего еще желать?

Рони сцапал у Ависа фляжку — фляжка была теплой оттого, что прошлась по кругу не раз и не два, переняла тепло рук, а содержимое — прохладным, в горле полыхнуло не хуже «волос» Декстры.

«Может, подействует, а?»

Им досталось хорошее место — всего-то метров тридцать от сцены, все видно и слышно. Целест втайне опасался, что запихнут куда-нибудь на задворки оцепления — периметра или вовсе к подступам Площади. Обошлось.

«Ну же, быстрее!»

Хотелось подогнать тяги в моторы мобилей, сенаторских и «своих», а заодно плеснуть скипидаром под лошадиные хвосты.

Вербена наверняка появится позже. Официальная часть — речи и обещания (как будто им кто-то верит), прошлогодние листья и талый снег — столько же стоят слова. Целест переминался с ноги на ногу, сдернул резинку с волос, высвобождая стянутые пряди. Рывком ветра их разметало — рыжим флагом, пародией на флаг Империи Эсколер. От гама, выкриков и тесноты накатывало жарой.

Тридцать мобилей протянулись через Площадь рубиновым ожерельем. И вспыхнули — открытыми дверями

почти одновременно — молодцы шоферы, дрессированы хорошо. Снова потеснили толпу, напряглись стражи и Магниты — были случаи, когда в сенаторов стреляли на празднествах, оружие запрещено... ну так и Пестрый Квартал официально не существует.

Покидали мобили в порядке старшинства — от низшего к высшему; Элоизу Целест углядел первой, отметил — наряд похожий, все-таки много общего у Сената с Гомеопатами, только мантии красные, а не серые. В сложной прическе были вплетены рубины, однако несколько терялись в медяно-рыжих волосах, только перемигивались, изредка дразнясь. Целест не удержался — махнул сестре рукой, Элоиза моргнула ему и отвернулась: нельзя нарушать этикет.

Вторым показался Кассиус, бледный, как обморочная моль. Старался держаться непринужденно, но волновался более Элоизы — Триэнов недолюбливал не один Адриан, отец Кассиуса прославился тем, что казнил на Площади Семи — семьдесят, за что конкретно, Целест забыл... помнил только, что содрали кожу заживо и развесили на столбах на манер флагов.

Красное — цвет Виндикара.

Кассиуса встретили улюлюканьем, Целест расслышал хруст вывернутых суставов — кому-то заламывали руки. Из мобили уже показался третий, молодой, но уже плешивый тип, имя которого Целест не помнил — как и остальных.

Последним воздвигся над Площадью и самой Империей Адриан Альена, Верховный Сенатор. Приветствовали его дружным — «слався», а Целест отвернулся, будто бы за фляжкой — Рони протянул ее без вопросов.

«Может быть, у меня и отличный отец... нет, не так. Мой отец — хороший правитель. И неважный отец». — Целест облизал обгрызенные и теперь прижатые губы.

«Да и какая разница...»

Жаль, нет календарей, которые вычеркивали бы часы — разве, прислушаться к тиканью в чужих карманах. Время тянется и тянется, людским говором и плеском настойки

во фляжках, а пунша — в пластиковых стаканах; цоканьем копыт и каблуков, изредка — детским плачем или пьяным воплем — вопль тут же затыкают. Тянется в искусственной людской духоте, с небес дует ранневесенней прохладой, но внизу — испарина. Ожидание. Сжижение. Мозгов.

Целест невидяще смотрел, как выстраиваются вокруг трибуны-арены стражи; каждый член сената скажет пару традиционных слов, в заключение Верховный провозгласит величие Империи, и... «Каждый год одно и то же. Наверное, поэтому так и любит народ эти празднества, поэтому бросает к полированным сапогам стражей — до трибуны все равно не докинешь — цветы. Стабильность. Стабильность — это хорошо».

Среди ритуалов — его личный: когда говорит Адриан Альена, оглядываются и на Целеста. Прежде — с легким сочувствием и жалостью, вместо единственного сына-наследника — рядовой Магнит; дурная судьба. Быть Магнитом — тоже почетно, вроде бы... но лучше им не быть.

Прислушиваясь к голосам, что разбегались в толпе, Целест вывел: в этот раз Адриану сочувствовали особо. Еще бы — сын отрекся от родового имени.

«Может быть, оно и к лучшему», — расслышал Целест лицемерный вздох надушенной кринолиновой дамы с цветастым веером в стянутой перчаткой руке. Ее приземистый тучный муж морщился: вокруг стражи да Магниты, неудачное место досталось — а они, между прочим, аристократы. Он пробормотал что-то о жалобах и «никакого порядка». Целест отсалютовал парочке, те позеленели до оттенка юной мартовской травы, и поспешили затеряться в толпе — оказалось, что аристократы работают локтями не хуже простолюдинов.

С трибуны вещали о благе народа и величии Империи. Адриан Альена возвышался над толпой, в точности как Целест — над своими братьями; высокий рост — генетический признак, как и рыжие волосы, и зеленые глаза. Целест отворачивался. Сходство слишком очевидно — он мог пригрозить шипами кринолиновой тетке, но не всему Виндикару.

Усиленный микрофонами, акустикой и экранами на столбах, голос разносился по Площади — чуть хрипловатый голос. Отец тоже курит, только не дешевые сигареты, а эбеновую трубку. Кто из толпы знает это? Целест знает, в девять лет он утащил из запретных апартаментов курительные принадлежности и потом три часа кашлял. Его не наказали. К нему относились словно к безнадежно больному.

А сейчас он мертв. Почти пятнадцать лет, как мертв.

Отрекся от отца, предал мать, проклят и изгнан.

И по-прежнему слышит голос, обещающий Империи Эсколер счастье, процветание и мир.

Приблизительно к «полуфиналу» — Альена повысил тон, суля гражданам покой и снижение налогов — появилась Вербена. Первыми ее ощутили мистики, Авис взмахнул руками, словно разбуженная внезапным ливнем птица. Рони очнулся от своей вечной полудремы, они переглянулись.

— Что такое? — Но Целест знал ответ. Все отчасти эмпаты... иногда.

— Скоро, — только улыбнулся Рони.

Целест ощутил дрожь в руке, и будто ломался карандаш — которым он зачеркивал дни, часы и секунды.

Почуяла Вербену и толпа — неявно, гигантской собакой прижала уши, завиляла хвостом. Очередной мобиль не сопровождали кони и люди на конях, он метнулся через проулки сине-серой полутенью. Кто-то замечал его, кто-то нет, но скорее чуял.

— Она уже здесь, — успокоил или наоборот добавил масла в огонь? Рони не был уверен, но в который раз улыбнулся, на всякий случай. — Только сначала... ну, понимаешь, официальная часть. Как всегда.

Первые годы — и первые празднества новолетия в Виндикаре, деревенский мальчишка, ошарашенный величием празднеств, с открытым ртом слушал Верховного Сенатора — может быть, готов был молиться, плюхнувшись в грязь округлыми коленями и окунув в лужу белобрысый лоб.

— ...Как всегда, — повторил Рони, отмахиваясь от невидимой мухи или осы. Солнце лезет в глаза — желтое

и горчит, как порченное масло, и с каждой минутой труднее закрываться от белого шума эмоций.

Почти за гранью выносимости.

«Я становлюсь слабее? Или, наоборот, сильнее — повышается чувствительность? И если так...» — Рони оглянулся на учителя; равнодушный к словам Верховного Сенатора и приближению Вербены, Глава Винсент держался чуть поодаль от сцены. Декстра что-то шепнула ему на ухо.

«Когда-нибудь спрошу, каково это — верхний уровень силы и бесконечный ресурс. Когда-нибудь. Наверное».

Толпа вздрогнула. Собака дождалась — напружинила мышцы, свесила язык, задергала колечком хвоста — быстро-быстро колотила себя по бокам, и готова была нестись к истинному хозяину.

Хозяйке.

Вербена медленно шла через толпу — без сопровождения, без стражей или личных охранников; Целесту пришлось подпрыгнуть и зависнуть на пару секунд — разглядел все-таки, и поползла переводная картинка — дежавю.

В точности как много лет назад в грязном притоне Кривоногого Джо. Сотня или многие тысячи — все равны перед богиней. Она завернулась в такие знакомые лепестки невесомой перламутровой ткани, под прозрачной одеждой угадывались очертания фигуры, темно выпирали соски, но Вербена не выглядела обнаженной — не более чем дерево или цветок.

По распушенным волосам разливалась синева — блики неизменной заколки. Целест облизнул губы: вот она, разница. В баре заколки не было. Сейчас — есть.

Люди отступали и улыбались вслед Вербене. Ни попытки потрогать, ни шуточки непристойной вслед; по мере того, как проникала Вербена в толщу толпы, трезвели пьяные и утихали перебранки. Про трибуну с Верховным Сенатором не то чтобы забыли — но вполглаза следили, вполуха слушали. Казалось, Виндикар готов преклонить колени, в едином выдохе: богиня.

«Культурный феномен последних пяти лет», как цедят аристократы-критики в дорогих салонах и клубах; «Вель-

вет» сгорел, но многие остались. После абсента и таблеток тянет на философию, но истина — вот она, собачий хвост толпы и приглушенное повизгивание.

Восторг.

Сколько бы ни выступала, ни появлялась Вербена — никогда не приестся, никогда не отмахнутся от нее — вчерашний день, найдите чего посвежее.

— Она воплощенная, — проговорил Авис чужую фразу. Рони только кивнул и дернул Целеста за полу плаща: спускайся. С небес на землю.

Да, Вербена уже здесь. Не повод расходовать впустую ресурс — на глазах всей Цитадели, и Глав в частности...

Наверное, Рони просто завидовал.

— ...все дурное из прошлого пусть останется там, а благое — возьмем же с собой в новый год, да восславится Мир Восстановленный — Империя Эсколер и сердце ее — Виндикар, — последние слова Адриана Альены рассыпались в тишине. Впрочем, Альена улыбнулся «приемной дочери», кивнул стражам — они же изображали оркестр. С барабанами, трубами и литаврами; дикарская или бойцовая музыка.

То, что нужно, подумалось Целесту. То, что нужно, чтобы убедить объединиться... и говорить про Амбивалента.

Он обернулся к Главам, почему-то зацепился взглядом — ученый и теоретик, Флоренц и Гораций, «лучшие враги» синхронно сложили руки на груди. У Флоренца получилось почти величественно, Гораций же скукожился старым грибом, очки ползли к кончику носа.

Некоторых трудно изменить. Но можно попробовать.

Вербена двигалась медленно-медленно; приглядевшись, Целест понял, что идет она босиком. Притихшие люди и синхронное дыхание; часть Магнитов скептически гримасничает — особенно мистики; реальность расплзалась в пыль, как иссохшая глина.

По той пыли и шла Вербена.

У Вербены розовые ногти и пятки. Узкие голени — на правой серебристый браслет в виде змеи. Змея — символ Гомеопатов.

Целест едва сдержался, чтобы не прокричать ее имя. По лбу сползла и затекла в уголок глаза капля пота, он сморгнул ее, как смаргивают слезу. Тем временем Альена и сенаторы покидали трибуну — сцену, добровольно уступая место истинной владычице — хорошо, что она просто девчонка, которая не предъявляет прав и не пытается диктовать волю. Вербена поднималась по грубо обтесанным фанерным ступеням; по-прежнему босая и перламутровая.

Она начала танец.

Пять лет осыпались обгорелой шелухой. Целест снова был там, в приземистом мокротно-сером подвале, пропахшем сивухой и застарелой грязью; и околдованный, взирал он на лунную нимфу — Дафну.

Все равно что снять кожу — вместе с возрастом, чертами лица, обидами, памятью и запекшейся под ногтями кровью, и шагать босиком — совсем как Вербена; вместо невинных круглых пяток — красно-белые полосы заголенных сухожилий, мышц. Пешком в рай. Босиком в рай.

Целест не дышал. Все, кто присутствовал на Площади, Большая Собака Виндикар, — тоже.

На «галерке» ругнулись — кому-то полезли на голову, и тут же умолкло — тонкой нитью стрельнула со сцены лента легкой ткани, лента и взгляд, словно вспышка в кромешной тьме. Вербена запрещала дышать. Вербена запрещала чувствовать что-либо, кроме своего танца.

Рони подумал, что власть всякого бога — или богини — жестока; но тоже протянул руку, пытаясь осязать разогретый плотный воздух. Замедленная ритуальная музыка с нотами жести вгоняла в транс, толпа повторяла за Вербеной каждое движение, пусть и получались вместо гибких фигур (ее позвоночник из проволоки, что ли, как-то удивлялся Тао) неуклюжие выпады. Вербена запрокинула голову назад, закрутилась, расстреливая пространство шелковой паутиной — знакомый трюк, перламутровые ленты разматываются, обнажая сердцевину. Упала на колени, изогнулась, — казалось, можно различить, как бьется под выступающими ребрами сердце; легко взмыла в воздух, описывая двойное сальто.

На занозистую поверхность сцены опадали ленты.

Вербена все-таки срывала с Виндикара кожу. В первую очередь — с себя и Целеста. Швами наружу — Рони знает, каково это. Прозрачность амебы, состояние первичной протоплазмы — ни мыслей, ни слов, ни личности; цельность.

Это... страшно?

Или прекрасно?

Толпа покачивалась в унисон.

Взьерошенные гуляки, выгадавшие себе неплохое местечко — рядом с Магнитами, правда, но близко от сцены, замерли с открытыми ртами. На вывернутых губах вязко повисла нить слюны. Поодаль аристократичные дамы водили своими веерами в такт движениям Вербены, и в глазах их не было ревности к более молодой и красивой женщине.

Была вечность. Огонь или вода. Вербена — танец огня и воды.

Ленты, бронзово-смуглая сердцевина, веретено жизни. Вербена была паркой целого города — или же всего Мира Восстановленного? Прикажи она сейчас совершить коллективное самоубийство — Площадь Семи стала бы гекатомбой.

«Почему бы и нет?» — Рони улыбался. Вместе со всеми. В первую очередь вместе с Целестом — он не солгал, когда заявил, что «питается» чужим счастьем, экстаз напарника — лучшего друга пах летними травами, коноплянно дурманил. Рони тоже был счастлив.

Оглянулся на Магнитов — воины не лучше обычных людей, мистики изредка смаргивают и усмеваются. Воплощенная, мог прочитать Рони. Особый... как это называется? — кайф для тех, чей мир заткан туманами и отражениями. Вербена показывала мистикам — жителям Зазеркалья — плотные предметы и яркие краски. «Смотри своими глазами, не чужими».

Воплощенная.

Воплотившая.

Ему почудилось (да, вот именно, просто чудится) — Главы недовольны; вернее, Флоренц и Гораций — в тол-

пе, затерялись и смешались, колба с реактивом в океане и клочок бумаги в библиотеке. Винсент и Декстра хмурились. Кажется.

«Наверное, им не нравится, что... ну...» — Рони не сумел подобрать объяснения. Он вновь уставился на Вербену, одновременно слизывая «пенки» — восторг и надрывное, какое-то запредельное наслаждение Целеста.

В Зазеркалье всегда холодно, а он любил тепло. Он придвинулся, притиснулся ближе и сжал длиннопалую ладонь, чуть влажную от пота и горячечную там, где стучал пульс. Целест не стал вырываться.

Вербена остановилась. Оборвала танец; музыканты растянули вопрос в фальшивую ноту, единым выдохом пронеслось: «Что?» Пальцы Целеста свело спазмом, чужую руку он сжал до боли.

Несколько лент по-прежнему искрились на груди и бедрах Вербены. С того выступления в баре она не позволяла себе обнажаться. Может быть, учитывая вкусы покровителя — Адриана Альены. Может быть, потому, что...

«Ну, Целесту бы не понравилось».

Вербена сморгнула, будто только очнувшись от транса. Того гляди спросит — кто вы, где я? Взрыв бара, запах пепла или персиковый мед ароматизированной ванной.

«Где мы все?»

Дыхание Вербены только чуть-чуть сбилось, подрагивали ключицы и прилипла прядь волос ко лбу. Пользуясь замешательством, она подхватила отодвинутый с глаз долой микрофон, повисла на нем, словно на партнере.

«Вербена никогда не танцевала в паре, только соло», — почему-то отметил Рони. Он разжал ладонь: из костяшек Целеста (непроизвольно?) проступили шипы, мог нечаянно поранить напарника.

— Я молчала пять лет, — сказала Вербена. Голос сорвался на полувзвизг. Она волновалась. Вербена кашлянула, мгновенно смутившись и спрятав за ресницами ярко-лунный взгляд, но продолжала: — Я молчала пять лет, потому что говорила движениями, ну нечего было добавить. А сейчас есть. И я хочу сказать...

Она запнулась, выискивая кого-то в толпе. Целест подпрыгнул, размахнулся, едва не заехав в глаз Авису — тот отшатнулся с тихим ворчанием.

Вербена кивнула то ли самой себе, то ли Целесту.

— Нашему миру грозит опасность. Да, целому Миру Восстановленному. И не надо думать, что эта опасность касается только Магнитов, — в конце концов, они ведь вас всех, да-да, вас всех защищают! А вы к ним относитесь будто к выродкам и уродам! Это же не-спра-ве-дли-во!

Длинное слово — выговорила по слогам, и опять «дала петуха». Голосовые связки — тоже мышцы, только слушаются хуже голеностопа и плечевого пояса.

— Несправедливо, — повторила Вербена увереннее.

Толпа дрогнула.

Большая Собака Виндикар высунула язык и виляла хвостом, а хозяйка — хлестнула плеткой. Люди переглядывались. Магниты, заметил Рони, — тоже.

— А вы, Гомеопаты... да-да, я сейчас и про ученых, и про теоретиков, и про воинов с мистиками — про всех! Вы закрылись в своей Цитадели, ворчите в тряпочку, мол, никто вас не любит... как маленькие дети, честное слово!

Кто-то хихикнул, наверное, оценил «ворчание в тряпочку» — в мантию Гомеопата, именно так. Переглядывались рядом стоящие и через всю Площадь. Недоумение поднималось над людским скопищем, словно пар над тарелкой горячего супа.

— Гомеопаты — не враги! Магниты — не палачи и не эти... инх... инв.. инквизиторы, вот! — На очередной звонкой «ноте» микрофон накрыло мерзким визгом — резонансом. Никто не поморщился.

Вербена вправе говорить что угодно — и как угодно.

Целест смотрел на своего отца. Адриан Альена сжал губы — и без того тонкие, они слились с лицом; того гляди погрозит кулаком или «я высеку тебя дома, скверная девчонка».

Нет. Он не осмелится. Даже Верховный Сенатор не осмелится перечесть Вербене.

Целест ухмыльнулся.

— Мы все должны быть вместе! Помогать Магнитам бороться с одержимыми и не бояться их, а вы, господа Гомеопаты, — тонкий палец с кораллово-розовым ногтем уткнулся в левый фланг, — не сидите сычами в своей Цитадели, а популярно объясняйте... Вот я! Я тоже боялась Магнитов...

Она сбилась. Сглотнула, покосилась на Элоизу. «Репетировали», — сообразил Целест: они с Вербеной обсуждали ее прошлое, и всякий раз она пожимала плечами — мол, «странствовали с папой». Об одержимых, Цитадели и санитарах Мира Восстановленного Вербена не знала до взрыва в притоне Джо. Отец не рассказывал маленькой танцовщице страшных сказок — и страшной были.

На голени сверкнула серебряная змея.

— ...Боялась Магнитов, — солгала Вербена, но ей верили. Капля лжи в правде — вроде вишенки на мороженом. — Но потом...

Она шумно выдохнула в микрофон.

— Целест. Иди сюда.

23.

Он проталкивался, работал локтями и только что не зубами. Он выжег бы себе путь огнем, выколол отравленными шипами, однако экстрима не требовалось — народ благоразумно теснился, разве ворчали изредка — смотри, куда прешь, а иногда хлопали по спине — повезло, парень.

Целест заскочил на трибуну прямо с земли, безо всяких ступенек. Пригладил волосы — руки немного дрожали и у корней волос мокрело от пота. Сердце колотилось почему-то в деснах.

— Вербена...

Она вцепилась в запястье, оставив следы ногтей. Поволокла к краю трибуны, отсюда Целест разглядывал океаническую пестрядь толпы; разные лица, разные одежды — сливались в узор. С переулками и прилегаю-

щими скверами и впрямь напоминала Площадь Семи со-баку, а еще мальчишки оккупировали деревья и здания — вроде задранного хвоста.

Большая Собака Виндикар. Как есть.

«Всем привет». — Целест покосился на левый фланг, надеясь выцепить Рони или хотя бы долговязого Ависа, но Вербена снова дернула его предплечье. Целест неуверенно помахал зрителям.

— Это Целест. Он Магнит, — заявила Вербена, как будто слегка помятая мантия не была красноречивей слов. Целест опять глупо помахал непонятно кому; прямо по курсу — в двух шагах, в почетной сенатской «ложе» — обыкновенных скамейках, окруженных стражами, — явно зубоскалили Элоиза и Кассиус. Сестренка — первая, к дешифратору не ходи.

Смешок впрямь пробежался — рябью-«барашками», и стих.

— Первая заповедь Гомеопатов и Магнитов: подобное исцеляется подобным, — продолжала Вербена. Она не отпускала Целеста, а ему было все равно — прикажи она целому городу прыгнуть со скалы, подобно стае леммингов, — тоже помахал бы вслед.

— Но вы... мы забыли об истинном смысле. Отделили Гомеопатов от людей, а ведь все — одно целое, и только вместе можно победить эпидемию. — Теперь она почти кричала. — Я — одно целое. Я — с Магнитами. — Вербена отбросила микрофон. — Целест — Магнит-воин, мой возлюбленный. Мы будем вместе. Против эпидемии.

И поцеловала его. Губы пахли изюмом почему-то, а кожа — шафраном, смесью ароматических масел и свежего пота. Оторвался Целест с трудом, окончательно одурманенный и непозволительно, кретински счастливый. Что там Вербена говорила... принцип подобия, объединение, борьба против эпидемии...

Чушь все это. Собачья. Собаки-Виндикара.

Целест пошатывался и улыбался. Невпопад кивал. Теперь и его рот пах изюмом, может быть, от помады, или

чем еще девчонки пользуются, — он сглатывал сладковатую слюну.

— Да, — сказал он, чуть наклоняясь к микрофону. — Принцип подобия. Исцеляется подобным... если будем все вместе, закончится и эпидемия.

«Вербена говорила про Амбивалента? Да или нет? Не помню. Неважно».

Он выпрямился и обнимал Вербену. Лучисто искрилась заколка — вблизи было видно, что она изрядно потерта, кое-где сколот камень и погнута ювелирная вязь металла. «Я подарю ей новую... или лучше кольцо?»

— Принцип подобия, — проговорил он.

— Принцип подобия, — отозвалось в океановидной Большой Собаке, Целест зажмурился, пытаясь нырнуть — как «нырял» в день смерти, когда Цитадель переполнило кровью, гарью и слезами.

Получилось?

Да или нет?

«Я поставил — ва-банк на zero. Такие ставки выигрывают, или... пиф-паф, обойдусь без пистолета. Нет. Вербена — не шарик рулетки. Я могу проиграть, но не она».

Элоиза почему-то грозила кулаком — Целесту или Вербене? Оба — ораторы на «три с минусом» по школьным оценкам, а то и на «минус три». Зато он обнимает ее.

— Принцип подобия, — разнеслось в толпе, фразу жевали, как безвкусный комок бумаги, не решаясь выплюнуть. Вербене верили, как и предсказывал Целест, а его — длинного, как орясина, рыжего Магнита-воина, с зазубринами ядовитых шипов на косточках запястья, в серой мантии, пахнувшей застарелой кровью, — опасались.

Палач, инквизитор и воплощенное зло. Хуже — только «мозгожоры».

«Говорила ли Вербена про Амбивалента... нет? Почему?»

— Вы согласны принять Гомеопатов и войско их — Магнитов как равных себе? Вы верите мне? — спросила Вербена. Она сдавливала где-то у локтя, чувствительный стиб и нервный узел в кости. Стреляло аж в позвоночник. Целест по-прежнему глуповато улыбался, махал свободной рукой.

Толпа откликнулась:

— Верим.

«Вот и все», — горьковатый привкус грифеля, календаря и бумаги. Целест выдохнул его из легких.

— Ты умничка, — шепнул он Вербене. Элоиза вновь погрозила кулаком, а потом вцепилась в Кассиуса — в точности как Вербена в своего избранника; только рука — левая. Так они и взобрались на сцену.

— Сенат поддерживает высказанную уже идею, — проговорила Элоиза. На Целеста между тем устремила испепеляющий взгляд — в который раз, пришлось радоваться, что сила досталась брату, а не сестре. Целест усилием воли стер с губ дебильную и счастливую улыбку.

Да-да, он помнит про общее благо. Вербена... Вербена просто чуточку важнее.

Кассиус едва дышал, затянутый в багрово-черный костюм. Костюм был ему узковат — на его месте Целест бы не стал кланяться восторженным подданным, а то еще с треском лопнет шов-другой, или отлетят гербованные пуговицы. Элоиза нервно поправляла прическу, заметно бледная, она все-таки улыбалась.

Целест покосился на отца. Адриан Альена делал вид, что его вообще нет здесь. Рядом прятала лицо за веером и легкой муаровой вуалью Ребекка.

«Мама... папа... вы ведь поймете? Простите?» — Целест сглотнул сухой комок — словно встопорщились на полгорла слюнные железы. И отвернулся.

— По закону Мира Восстановленного, если высказывается в пользу некоего решения весь народ, то решение это превалирует над любым решением Сената, — мерно говорила Элоиза. Она, конечно, готовилась. На шее трепетала жилка, часто-часто. — И на правах сенатора я хотела бы задать вопрос обществу Виндикара: согласны ли вы помогать Гомеопатам в поисках всеобщего врага? Согласны ли принимать участие в ликвидации неизлечимых больных...

«Ух ты, а я и забыл, как официально называются одержимые». — Целест чуть не причмокнул.

— ...иначе именуемых «одержимыми».

— Да, — гавкнуло из толпы.

Они повторяли за Вербеной. Они бы объяснились Целесту в любви — каждая женщина и каждый мужчина.

— Организовать дружины в помощь Магнитам и всячески содействовать...

Ничего нового. Старые правила, ветошь из сундуков — Элоиза вытряхивает, распыляя гнилые нитки и испуганную моль. Виндикару плевать на нее — они молятся Вербене.

В точности как во снах Целеста.

Да. Да.

— Господин Верховный Сенатор, вы обязаны ратифицировать решение народа. Направить стражей на поиск Амби...

— Нет! — выкрикнул Адриан Альена, прежде чем все-таки прозвучало имя — название? — общей цели.

«Отец, ты боишься Амбивалента? Почему ты?»

Отец ворвался на трибуну, едва не отпихнув и Кассиуса, и Целеста — тот едва успел выдернуть Вербену.

— Благодарю за отличное выступление. — Он поклонился танцовщице, а та хлопала ресницами. Немного размазалась, расплылась от налета испарины тушь.

Адриан Альена вновь завладел микрофоном:

— Орден Гомеопатов отделен от политики и дел государства. Так было всегда, и я не позволю менять что-либо, это приведет к распрям и дополнительным беспорядкам. Все останется как есть.

— Это противозаконно! — взвизгнула Элоиза.

Целесту хотелось закрыть лицо ладонями. Интересно, они и в своем доме-без-теней так спорят? Неудивительно, что туда не пускают посторонних...

«На Рынке торговли и те меньше ругаются!»

— Вы не спросили мнения самих Гомеопатов, — одернул дочь Адриан и, не оборачиваясь к Целесту, добавил:

— Этот мальчишка — всего лишь рядовой Магнит. Он не имеет равным счетом никакого права голоса.

Целест дернулся, как от оплеухи. Горело лицо — он даже тронул щеку, чтобы проверить — только ли чудится,

вдруг еще — произвольный выплеск ресурса. Вербена испуганно уставилась снизу вверх.

Целест ощутил себя чучелом, нескладной потешной куклой. Над ним пока не смеялись, но мать отводила взгляд, а отец и вовсе не замечал. Переглянулся с Кассиусом — ну что, камбаленыш, не получилось? А еще собирались про помолвку говорить.

Кассиус пожал плечом. Одним.

На трибуне вновь властвовал Альена. Единственный мужчина-Альена.

— Я обращаюсь к Главам: каково будет ваше мнение?

Повисла тишина. В толпе скребли затылке, мальчишки сплевывали ореховую шелуху. Аристократы вытянулись по струнке, храня выражение лиц, достойное статуй в их особняках. Из этой тишины, словно мышь из стога сена, вынырнул Гораций, пробрался, чуть пригибаясь.

— О-осмелюсь заявить, как Глава Теоретиков Ордена Гомеопатов, — Целесту представилось, как он выводит каждое слово с большой буквы, каллиграфическим почерком и с завитушками, — Орден Гомеопатов всегда был лоялен к любому решению Сената, в то же время склонен заметить, что...

— Мы просили о помощи, это правда, — перебил его Флоренц. Он решительно поправил отутюженную до хрустких складок мантию. — Направляли запрос еще несколько месяцев назад.

— Вы получили ответ. Вас он не удовлетворил? — Адриан вздернул бровь. — И вы решили... изменить тактику?

— Нет, господин Верховный Сенатор. — Гораций склонился перед сценой и едва не раскровянил плешивый лоб об ее угол. — У нас не возникало никаких... проблем, ничего нерешаемого, все в рамках. Инициатива этих молодых людей не исходила от Глав, и поверьте, они будут наказаны в соответствии с...

«Сволочь. Он боится моего отца. Просто боится, за свою гребаную шкуру!» — Целест сглатывал ежевичные плети в горле.

— Довольно!

Это Декстра. Зачеркнутые дни — и дежавю, когда-то она вступилась за провинившихся Магнитов, теперь...

Целест поискал Рони, но не обнаружил, зато к трибуне, рассекая народ, словно акула — острым гребнем, двигалась Глава воинов. Винсент шел за ней, чуть заметно кривясь. Целест поставил мысленно десять кредитов: не произнесет ни слова.

— Вы вообще слышали, что говорила девчонка, господин Верховный Сенатор? — «Только Декстра умеет проговорить титул, как насмешку». — Она просила перестать относиться к нам будто к вырождакам. Мы защищаем ваши задницы, мы упокаиваем одержимых, и нас достали прозвища вроде «гребаных мутантов», или... — Она запнулась, но договорила — словно заколачивая гвоздь в гроб: — Или «мозгожоров». Сейчас дурное время — «разумные одержимые» существуют, нравится вам или нет. Девчонка просила объединиться против общего врага. Это противоречит законам Виндикара? Может быть. Но это точно по законам Мира Восстановленного.

Одним прыжком Декстра перемахнула через штук пять голов. Теперь огонь почти касался лица Адриана Альены.

Целест демонстративно занял место подле Главы. Вербена — тоже.

Секунду спустя присоединились Элоиза и Кассиус. Целест подмигнул обоим — молодцы, сестренка и камбаленок.

Хорошие друзья.

— Вы требуете власти, не так ли? — вежливо осведомился Верховный Сенатор. — Орден Гомеоматов заявляет о том, что необходимы поправки, касающиеся полномочий Магнитов? Помимо узаконенных пыток так называемых «разумных одержимых», помимо права обыска любого помещения, помимо...

«Все пропало».

Целест зажмурился. Ему представилось, как отец растаптывает слабые чахлые ростки — или бледно-голубые вербные венчики. Вот она — власть, которой отец не желает поступиться, власть — это разрушение.

На скулах Декстры дергались желваки. Винсент опустил голову, похожим жестом Рони закрывался от переизбытка эмоций — неужели у «всемогущего мистика» похожие проблемы?

— ...помимо права отнять жизнь любого, помимо обязательного посвящения в Орден каждого, проявившего способности — как паранормальные, так и способности к науке и обработке информации...

Адриан перечислял — отстраненно, механистично. Он напоминал дешифратора.

— Вербена, пойдем, — выдохнул Целест.

Она пыталась протестовать, но Целест выдернул за собой, больно сдавливая фаланги пальцев. Вместе они соскочили с трибуны, врезались в толпу. Ребекка по-прежнему пряталась за вуалью и веером — Целест едва не столкнулся с ней, но вовремя уклонился.

Шорох веера, торжествующая улыбка отца... нет, Верховного Сенатора. Растерянные Элоиза и Касси, Эл грызет губы, ей снова девять лет, и она плачет по умершему заживо брату.

Время вычеркнуто.

Целест грыз указательный палец, осознал и заставил себя прекратить. А затем заорал, распарывая жирное брюхо тишины и самой Собаки Виндикара:

— Ненавижу! Ненавижу тебя!

24.

«Каждый раз одно и то же». — Целест попытался улыбнуться. Он нырнул в мутноватую воду фонтана — его прочищали к празднеству, но не чересчур ретиво; к брови прилип кусочек прошлогоднего листа. Целест отфыркался по-кошачьи. Холодная вода успокаивала.

«Каждый раз я пытаюсь что-то сделать, а в конце — меня изгоняют или я ухожу сам».

— Ненавижу, — пробормотал он.

Мокрыми пальцами подцепил сигарету, она тоже промокла и не желала тлеть. Ругнулся, плюнул сгустком плазмы, сжег дотла.

— Черт.

— Может, хватит уже? — поморщилась Элоиза. Она встала с кромки фонтана, куда нырял Целест, — фонтан изображал нимфу с рыбьим хвостом и рогом изобилия, откуда вместо благ земных хлестала самая обычная водопроводная аш-два-о.

— Целест. — Вербена скользнула к нему. Все еще одетая только в танцевальный костюм — бесплотные слюдяные ленты, она дрожала от холода. Целест стянул мантию и, не дожидаясь протестов, накинул на Вербену. В мантии Магнита она напоминала кукольную пародию на Орден Гомеопатов.

Элоиза невольно улыбнулась.

— Пора возвращаться, — прокомментировал Рони.

— Куда? К... ним? — Целеста передернуло. Только не в толпу — они вырвались из челюстей Собаки Виндикара, выплыли из гнилья и нечистот. Укромный закоулок сквера — сгодится как убежище. — Нет уж...

— Рони прав. Все равно явятся, — сказала Элоиза. — Кассиус пока занялся... решением вопросов, но это ненадолго. Вы, ребята, между прочим, пост оставили. И Вербену забрали.

«И меня, если на то пошло», — явно не договорила она.

— А не пойти бы... — Целест заорал, но замолк на полуслове. Обнаженный по пояс, он дрожал не хуже замерзшей Вербены, но сумел сдержаться. Магниту-воину лишние эмоции не к лицу.

Фонтанные брызги оседали на коже, утяжеляли влагой волосы. Целест вздрагивал, словно от укусов мелких назойливых насекомых, вроде комаров или moskitov, дергал плечами, пытаясь отогнать. Но от воды не уходил.

«В этом ты весь». — Рони следил издалека.

Какое-то время их не найдут. Спасибо Кассиусу — и отчасти ему: Рони сделает так, чтобы не замечали.

До первого мистика посильнее, конечно. Не говоря уж о том, что «купол» — непозволительная трата ресурса...

Целест дергал плечами, напоминая Рони осаждаемого слепнями коня; несколько минут Элоиза выдерживала паузу, сам он — удерживал купол; а Вербена кинулась на шею Целесту:

— Прости. Я во всем виновата. Я хотела...

— И у тебя получилось. Но мой... Верховный Сенатор все испортил. Они там, видишь ли, боятся, мол, мы захватим власть.

Он обнимал уткнувшуюся носом в плечо Вербену. Семейная идиллия — вот только резко очерченные мышцы Целеста были напряжены, а из глаз словно проросли шипы и точился яд.

— Не самое беспочвенное опасение, — тихо проговорил Рони. Первая вздрогнула Элоиза — она испугалась брата, инстинктивно отклонилась, прикрывая лицо. Зыркнула на Рони — молчи.

А Рони смотрел на фонтанную русалку и куда-то вдаль — сквозь переплетения веток, клейкую смолу первых листьев, клецки облаков, за горизонт.

— Пока ты... был на сцене, я все-таки спросил у Винсента... ну, насчет силы. И вообще про Магнитов.

Рони потерял виски: купол плюс пересказ диалога телепатом — вот так задачка. Ему чудилось, будто мозги выкипают, как лопнувшее яйцо — белок закручивает спиралью.

— Почему у Магнитов редко бывают дети? Немногие решаются завести детей, это правда, еще больше — погибает до того, как... но суть не в этом. Ребенок Магнита должен быть отдан в другой город, а лучше — отправлен в Пределы. Как можно дальше.

— Почему? — спросила Элоиза.

«У нее тушь размазалась. И одну сережку потеряла». — Рони коротко вздохнул. Знакомая резь, внутри, под ребрами, и вовсе не в сердце — скорее² в альвеолах; трудно дышать. Он отвернулся.

— Магнитам дана слишком страшная сила. Подумай: двое Глав способны захватить целый город, а то и Импе-

рию. А если бы возникли династии «сверхлюдей», куда бы делись остальные? Рабы, второй сорт. Винсент советовал почитать какую-то книгу... периода начала Эпидемии. «Это детская сказка», сказал он, «но в детских сказках много мудрости». Книга о чародеях, которые сначала сокрылись от обычных людей, а потом пытались их уничтожить. Не все. Но такие нашлись.

Задражали будто от дымки костра стены «купола». Думать, говорить, и не смотреть на Элоизу, — тяжелая задача; Рони не справлялся.

— Поэтому первый закон: никакой власти ни Магнитам, ни кому-либо из Ордена Гомеопатов. Никакой власти... и никакого потомства. Адриан Альена испугался не объединения.

— Что? — Целест подпрыгнул, пряди волос взметнулись — ну точно конская грива. Вербена вновь повисла на нем, приговаривая: тише.

— Не объединения. Он испугался... своих будущих внуков.

— Но Вербена не Магнит!

Целест запнулся. Да, не Магнит — как и его родители, как и Элоиза. У обычных людей и тех «выродки» появляются, а уж от выроodka...

«Мутант, урод, нелюдь».

Все возвращалось на круги своя — даже из уст Рони.

— Отлично, — сказал Целест. — Тогда... Я уеду из Виндикара. Нет. Мы. Вербена, ты поедешь со мной?

— К-куда? — всхлипнула девушка. Она долго сдерживалась, но слезные железы набухли, и часто-часто подрагивали веки, будто у больной птицы. — К-куда, Целест?

— В соседние города. В Пределы. Не знаю. Рони, если хочешь — давай в твою деревню, если там никого не осталось — тем лучше, а?

«Напарники. Вместе навеки — это сильнее любви».

Элоиза вертелась на месте, взмахивая руками — будто хотела заткнуть уши; потом она выпрямилась во весь рост и смачно плюнула на и без того влажную от брызг, почву:

— Вы сдурели. Вот мое мнение.

Рони улыбался.

Элоиза такая красивая — сейчас полдень, и у нее солнце в волосах запуталось, самая яркая бабочка в самой драгоценной паутине. У нее летние глаза и алебастровая кожа. Прикажи она Рони прыгнуть в фонтан и захлебнуться у ногохвоста глупой шербатой нимфы — он исполнил бы ее волю.

Но теперь не согласился.

— Элоиза... Целест прав. Им лучше уйти.

Он проглотил комок — клейкая слюна, надо попить воды:

— И мне тоже.

Выдержать остаток дня оказалось проще, чем Целест опасался. Празднество подтухло изрядно — так и несло гнильцой, растерянные люди переглядывались и косились на него — долговязый и рыжеволосый, Целест был чересчур заметен, ну и запоминался тоже. Но не ерничали.

Помалкивали и Магниты. Даже Тао и Авис — они несли пост, удобно расположившись за деревянным столом. На столе — жареная колбаса, на обрывке какой-то бумаги или газеты лежал крупно нарезанный хлеб. Из жестяных кружек тянуло кислятиной солода. Они позвали Целеста и Рони присоединиться — Целест махнул рукой напарнику — валяй, мол, но Рони стоически покачал головой.

Вместе навсегда, даже в мелочах.

И они вновь вели обратный отсчет — среди шума, песен, криков, смеха и ругани, пьяной любви на коленях мраморных нимф и сатиров; шкура Виндикара пахла мокрой псиной, но они привыкли к этому запаху, и было чуть страшно — бросать все.

«Главное — не оглядываться».

Он смотрел куда-то в медленно колыхающуюся толпу. Собаку раздражили колбасой и пнули под зад, и теперь она растерянно чешет ухо.

Вечер подобрался аккуратно, скукожил солнце и развалился по небу лиловой дымкой.

— Итак, ты забираешь Вербену, и... что дальше? — Рони не требовалось разжимать губ.

— Дальше... ты встретишь меня за воротами. Ясень помнишь? Выберешься?

— Я могу просто выйти, Целест, — урезонил Рони. — Да. Хорошо.

Посреди Площади потешно плясал пьяный — сорвав с себя одежду, кроме исподнего, но оставив вонючую шапку, тряс грязными космами и ушанкой, хрипло затянул песню. Стражи ржали и подначивали — почему нет, господа сенаторы-то и прочая аристократия разъехались, а стражам хотелось развлечься. Если приглядеться, можно было различить, как при каждом уродливом па с косматых «ушей» сыплются вши и гниды.

Вокруг собралась группка зевак.

— Он высмеивает Вербену, — взвился Целест. И, прежде чем Рони пробормотал «не-надо, они-не-виноваты», ворвался в толпу.

Связка отравленных игл пропорола глотку пьяницы. Пурпурно засверкало заголенное мясо и розово-желтоватая трубка вскрытой трахеи, от яда волокна плоти сворачивались в сероватую грязь.

— Целест!

Полусонные Тао и Авис вскочили со своих мест. Рони ощутил муторь, почти тошноту — словно на первых Призывах, когда бешенство одержимого сменялось пустотой отключенного. Пустота серая, как разложившаяся заживо плоть.

Зеваки попятились от Магнита.

— П-простите... м-мы не...

Пьяница подергивался в предсмертных судорогах, его рана напоминала удивленно открытый рот: зачем ты это сделал, парень? Ткани быстро тлели от яда, словно горела бумага.

— Э-эй, ты чего творишь, — вмешались и стражи.

«Купол, что ли, опять накинуть?» — лихорадочно соображал Рони; слава всем богам и самому северному морю — уже вечер, большинство разбрелось по домам или кустам, паники не будет.

Безгорлый мертвец коротко дергался — наверное, стоило «накрыть» его, вычеркнуть из чужого внимания. Рони обвел мысленно круг — не заступи, здесь — отражение и горсть зеркальных осколков. Отсеилось несколько непрошенных зрителей, они срочно вспомнили о неотложных делах.

— Я заподозрил в нем одержимого. — Целест выдернул сигарету из пачки. Табачный аромат смешался с мясным; зеваки и стражи отпрянули, зажимая носы. Парень в оранжевом комбинезоне рабочего согнулся, выблевывая праздничное угощение — прямо на шапку пьяницы и на его мерно копошащихся в гнили и рвоте, вшей.

— Т-ты ж его... убил. — Страж махнул табельным пистолетом, но остановился. В вечернем сумраке его лицо приобрело болотно-зеленый оттенок. Еще двое успокаивали зевак, надсадно голосила закутанная в платок женщина.

Целест ухмыльнулся:

— Право Магнита. А теперь нам пора — вахта сменяется. Доброй ночи.

25.

«Каждая история заканчивается», — думал Рони. На серо-белой стене улыбалась глянцевая Вербена; лунный свет бликовал в лунных же глазах. Она подмигивала — ободряюще? Не бойся.

«Мы проиграли? Амбивалент... он ведь продолжит убивать?»

«А что лично ты и Целест сделаете? Запретите ему? Пара Магнитов, к тому же противопоставивших себя равно собратьям и людям. Пара идиотов».

Он завернулся в одеяло, но и под ним мерз — до озноба, зубы отбивали чечетку. Рони перевернулся на левый бок — еще не хватало разговаривать с нарисованной Вербеной. Успеет еще послушаться чириканья живой. Целест вернется через два-три часа, и к рассвету они покинут Виндикар.

«Главы знают про Амбивалента, но ничего не делают», — пожаловался он. Осознал, насколько глухо, словно в запаянной бочке звучит голос. Звучит? Вслух или мысленно? Помни, не все телепаты...

— Кажется, я снова исчерпал ресурс. Или у меня потихоньку едет крыша, — пробормотал Рони. Он сел на кровати, набросив одеяло на голову. Он смахивал на шутковского призрака.

— История заканчивается, — проговорил Рони, наблюдая, как дрожит слезная влага — Вербена готова разрыдаться, потому что они сдались, они убегают, словно крысы с корабля, они отдают Виндикар Амбиваленту.

«Просто дождись Целеста. Он так решил. Он всегда решал. Мы единое целое, до скончания времен, в смерти и жизни».

Вербена укоризненно покачала головой. Реальная-то висла на Целестовой шее, беспомощная девчонка, а клятый портрет одержим демоном, имя демону — совесть.

Рони откинул одеяло.

Тишина серо-бурых коридоров. Успокаивала — Рони прожил в мрачном замке-Цитадели много лет; у ног ее — орущее мясо, паутина нейтрасети и клетки, за углом притаились зомби-отключенные, и в стены вьелся запах гари, но дом не выбирают.

Рони постучал к Тао и Авису — нужно поговорить. Авис наверняка догадывается. Ясновидящий же. Или все куда проще, Целест на ужин не явился, а запасливый Рони набивал карманы едой. Авис уставился, шевеля губами, будто проговаривая проклятие.

И отвернулся.

«Я просто скажу.. «До свидания».

Никто не отозвался через три, пять и десять минут. Рони сполз вдоль дверного косяка, жалея, что так и не научился у Целеста курить — ожидание проще всего измерять в сигаретах, успокаивать нервы — тоже.

— Ты сегодня уходишь, — слышался голос, Рони вскинул голову.

— Аида. — Он не почувствовал ее — то ли задумался, то ли потому, что перед глазами корчился в танце и агонии

безымянный бродяга, и вслед за ним плясали в грязном перегное вши. Рони видел такое прежде, когда Целест призывал одержимых. Но бродяга был нормален, всего-навсего пьян.

За это не убивают.

— Но вы уходите. — Аида села рядом — на корточки, по-мужски.

«Я проговаривал мысли вслух», — понял Рони.

— Ты знаешь.

— Многие знают. Думаю, Магниты — все. Не вмешиваются — это верно, Целеста можно понять, а ты — его напарник.

— Звучит как «его собственность». — Рони улыбнулся. Аида — следом, демонстрируя желтоватые неровные зубы.

— Ты ведь ждешь его. И пойдешь за ним.

«Всегда», — но теперь Рони забыл произнести вслух. Аида уставилась на него, круглыми по-совиному глазами, немигающе и насмешливо, то ли ожидала, что мистик «переведет» мысли на язык тех, кто не способен общаться телепатически, то ли...

Она запустила обгрызенные ногти в белесые волосы, второй рукой подхватила мягкий подбородок. Притянула к себе — губы сверкнули голыми кусочками мяса, как свежаванные тушки мелких грызунов; она будто собиралась проглотить Рони. И он не сопротивился.

Поцелуй оказался горьковатым и мокрым от слюны. Рони думал о том, что частицы чужого тела проникают в него — почти как яд Целеста в того несчастного, Аида тоже воин, может быть, она захочет убить его.

Но не оторвался.

Потом она выпрямилась и дернула за руку — Рони неуклюже плюхнулся задом об пол, прежде чем встать. Аида протащила его по полутемному коридору, втолкнула в пустую келью.

— Здесь не помешают, — оскалилась она.

Ее келья была серой, выстуженной и пустой. Она напоминала отключенного — мысли, чувства и самые краски испарились в каменное бесцветие. Пахло пылью и за-

старелой грязью, вьевшимся сигаретным дымом. Непроветренная, душная комната.

Аида отравляла себя, одиночество — ее. Круговорот.

Рони пришлось подтянуться на цыпочки, чтобы вновь поцеловать ее.

«Я никогда не увижу Элоизу — больше никогда, и Целест не взял меня с собой, или точнее, она не захотела проститься. Она права — так проще. Но я же мистик, можно представить...»

Ваниль и мед, так пахнут только рыжеволосые — и светлокожие; не открывать глаза — не видеть Аиду с ее губами-тушками, скуластым мужицким лицом и загрубелыми руками воина.

Иллюзии мистиков — не только бесконечный кошмар.

Аида потянулась к его брюкам, стянула их, а следом и свои. Она носила черные «боксеры», у нее узкие бедра и почти нет груди. «Из нас двоих она больше похожа на парня», — почти развеселился Рони, и вновь отгородился образом Элоизы.

Такой способ проститься.

Он оборвал себя — уже лежа на спине на жесткой кровати. Поклялся ведь — никакого осквернения образа. Элоиза — Мадонна, Прекрасная Дама, можно воображать ее медяные волосы, изгиб шеи с тонкой венкой и ванильное дыхание, но не... ниже.

— Аида, — сказал он.

— Все о'кей, малыш, — прошептала воин неожиданно ласково. Сорвала белье и запрыгнула сверху, зажимая костлявыми ногами, словно защелкивая тиски.

— Аида, — повторил Рони.

Это было честно.

И гораздо лучше, чем Рони всегда думал. Говорят, мистики забывают о плоти, затерявшись в лабиринтах разума — собственного и чужого; но Аида с острыми выпуклостями ребер, впалым животом и маленькими мешочками груди была хороша, а внутри нее — жарко и сладко. Он протянул руки, чтобы удержать ее за бедра. Она запрокинула голову назад, и некрасивое лицо перекосило в гри-

масу. Но Рони смотрел на нее, — он хотел видеть Аиду, а не слеplенные из памяти и фантазий образы Элоизы.

«Это... честно».

После она прижалась к нему, обнимая — не слишком страстно уже, скорее так обнимают диванные подушки и плюшевых зверей. От нее резко пахло потом, спина и затылок липли к пальцам — Рони гладил Аиду по волосам и выступам позвонков.

— Спасибо, — сказал он.

— Тебе, — уточнила воин. Чмокнула еще раз и встала, чтобы распахнуть окна. — Дождись своего Целеста здесь, хорошо? Мне... так страшно одной.

Рони молча кивнул.

26.

«Мы с Касси все устроим», — пообещала Элоиза напоследок. Целест торопился, и пальцы его соскальзывали с руля. Хотелось по-детски вгрызться в указательный; подогнать мобиль пинком. Он остановился в шагах ста от резиденции, высунулся — на манер суриката, огляделся по сторонам.

Тихо.

В первый день года — празднество, бедные кварталы — то полны плясками и гуляньем, уже неофициальным, но в роскошном «верхнем городе» царила чинное спокойствие. И высокие заборы.

«Не нарваться бы на стражей. Или соседей. Или слуг, или стражей соседей». — Целест закрывал дверь мобиля аккуратно, а она возьми и хлопни. Он втянул голову в плечи.

«Я вне закона», — подумалось ему. Мысль была опасной, как зыбучий песок, и он ответил себе: но это не значит, что я собираюсь убивать...

Целеста мучила совесть.

Стоило зажмуриться, и плясал по внутренней кромке век завшивленный пьяница, а потом горло его лопалось с треском, как переспелый плод. Магниты — не убийцы,

говорила Декстра, и щелкала пальцами. Магниты — спасают людей.

— Пошли все к черту.

Декстра тоже. В конце концов, ни она, ни этот сонный тюлень — Винсент (а еще Глава мистиков) — не могли...

Он собирался забрать Вербену и уходить сегодня же. После горе-выступления (она не виновата, она все сделала правильно!) ей явно грозил... не то чтобы домашний арест, но не отпустили бы так легко. Целесту оставалось лишь догадываться, что могут Эл и Касси «устроить» со стражами.

«Снотворного им, что ли, подсыпать? Или слабительного?»

Калитка оказалась незаперта и таилась почти кокетливо — мол, вот она я — специально для тебя. Целест тронул прохладный металл, витие в форме то ли цветка, то ли закорючки неровного почерка, и она поддалась — почти бесшумно. Смазывали регулярно. Против воли косяшки ошетинились выступами шипов, но по ту сторону забора Целест увидел сад, дом и... и больше ничего.

И никого.

«Словно вымерло». — Тишина давила на уши и виски. Он подумал о том, что похищает Вербену. Отнимает у Виндикара богиню — куда уж дальше. Преступник. Целесту едва удалось сдержать гортанный смешок.

Тишину так и хотелось стянуть, через горло, как «колючий» свитер. Мягкая обувь о мрамор — тоже бесшумно; Целест нарочно притопнул пяткой, убедиться — звуки остались. Хоть какие-то.

«Почему тихо так? Ни слуги, ни стража, ни-ко-го...»

Договаривались — Вербена подойдет к калитке или воротам, а он ее перехватит. Если повезет, успеет проститься с Элоизой — эй, сестренка, не надейся, мы не навсегда. Мы вернемся и надерем задницу Амбиваленту, может быть, через пару месяцев, только неофициально. Целест жевал окурок, попутно размышляя, где будет доставать табак за пределами Эсколера; чутко приглядывался к ночным темно-индиговым теням. Луна заточила кромку забора; вычурный

дом сделался карточным и картонным, а фонтаны и статуи в бесплодном пока саду превратились в привидения.

Целест ждал Вербену. Слой за слоем налипала тишина.

Целест толкнул дверь черного хода. Оказалось незаперто.

Внутри — запах сушеных цветов, грузные каменные и железные пузыри ваз и мрамор, много мрамора, это холодный камень — весна выдалась теплой, но в холле все равно льдисто, почти как в подвале дешифратора. Элоиза и Вербена, несомненно, вспоминают. Поэтому в их комнате наверху камин и всегда тепло.

Никого. Ступеньки — и заberi Вербену сам. Если хочешь что-то сделать, делай это сам.

«Почему она не спускается?» — нахлынул страх. До комнаты Элоизы и Вербены он домчался в три гигантских скачка.

Перед глазами ярко, как худшие из картинки мистиков, нарисовалась Вербена — привязанная, посаженная на цепь, как дворовая собака. С отца станется. И Элоиза... да что, в конце концов, она может? Все эти игры в демократию длятся ровно до первого «звоночка».

Альена остаются Альена, но Адриан — Верховный Сенатор, а Элоиза — просто рыжая девчонка.

«Я заберу Вербену в любом случае». — Из-под ногтей левой руки ткнулись и поползли иглы. Целест слишком часто призывал их в последнее время, но это такая мелочь, верно? На фоне остальных нарушений правил.

«...Или их обеих».

— Т-сс. — Его плеча коснулась ладонь. Целест успел распознать, что она невелика, а прикосновение — вкрадчиво; он развернулся и едва не всадил шипы в живот...

— Касси! — выдохнул Целест, пряча оружие. Винова-то, как неуклюжий котенок, не вовремя выпустивший когти. — Прости. Ты... не надо так. Подкрадываться.

«Подкрадываться к Магниту? Этот губастик? И я его не почуял...» — Целест нахмурился и мотнул головой.

— Т-сс, — повторил Кассиус. — Заходи осторожно. Наверное, лучше бы завязать тебе глаза, но боюсь, у нас нет времени...

— Касси, какого черта? — Целест попытался вывернуться из вельветовых — перчатки напоминали крысиную шкурку — «объятий». Инстинктивно хотелось вытереть край ладони о джинсы, встряхнуться — облитым грязью псом. «Я неблагодарная дрянь, — укорил себя Целест. — Они ж мне помогают». — Где Эл и Вербена?

Кассиус приподнялся на цыпочки, будто собираясь поцеловать. Голубые глаза блестели почти лихорадочно — у него был не лучший день, как у нас всех, — посочувствовал молодому сенатору Целест; он почти не отпрянул, когда розово-бежевый вельвет ткнулся в подбородок. Указательным пальцем, словно гладил кошку.

На самом деле Кассиус хотел приложить палец к губам Целеста. Только поэтому и не получил в морду — хотя бы «дружески».

— Не кричи, когда войдешь.

Конечно, Целест вышиб дверь плечом и пинком с ворот.

Первой он увидел Элоизу — она неаристократично ссутулилась на прозрачном столике и уставилась перед собой — на кресло или кого-то в кресле, полураздетая — в старом домашнем платье мышинного цвета со сползшей правой бретелькой; к Целесту кресло разместили спиной — нарушив гармонию комнаты, между прочим. «Я давно не был здесь. Что с ней? Что происходит», — трехцветием вспыхнуло где-то за ушами, Целест мотнул головой.

Не кричать, сказал Кассиус, и что он имел в виду?

— Эл? — позвал Целест, но девушка не откликнулась. По комнате плыл запах вишневых сигарет — «Я такие не могу себе позволить», — отметил Целест, — и полумрак; Элоиза не удосужилась зажечь свет, но ее можно понять, она устала в доме-без-теней от белесой пустоты ламп. Широко раскрытыми глазами слепой она пялилась на что-то — или кого-то в кресле.

— Эл? — повторил Целест, шаря по шершавой стене в поисках выключателя. Его вновь прервал вельвет — перчатки Кассиуса на запястье, а потом этот неуклюжий

на вид кукольный мальчик скользнул к Элоизе с юркостью крысы.

— Не надо, Целест. Свет привлечет внимание. Мы обезопасили дом как могли, но...

— Да какого...

Он осекся.

Совсем темно все-таки не было. Подсветка — «светлячки» в полу, искусственные свечи; один рыжеватый, как волосы Альена, блик капнул в лицо и глаза Элоизы; и Целест увидел, что глаза ее пусты и равнодушны, как два сердолика.

— Какого... — повторил Целест и шагнул к Элоизе и креслу. Кассиус опередил его, а Элоиза качнулась кукольно вперед, и обе ее руки упали ладонями вверх, похожие на мертвых птиц. Кассиус тесно обнял ее и улыбался из-за рыжей «вуали» чужих волос.

А Целест все же заглянул в кресло.

— Отец, — выговорил он. Всколыхнулась и тут же иссякла злость: отец. Не Верховный Сенатор. Не господин Альена.

Человек в кресле скрючился в неловкой позе. Угловатые худощавые плечи — вывернуты под неестественным углом — запястья связаны позади; Адриан Альена был рослым человеком — сын обогнал всего на пару дюймов, и, чтобы разместить в милом кресле-пуфики девичьей гостиной, пришлось выгнуть руки и ноги. С тем же успехом его могли запихать в багажник.

Верховного Сенатора, Владыку Виндикара — сколько еще тяжеловесных, как золотые слитки, определений — затолкали в кресло на манер складного манекена.

От этого зрелища Целеста бросило в озноб. Рядом покачивалась Элоиза, почему-то сгибая пальцы в кулак и снова разжимая их, а Кассиус обнимал ее и улыбался, и все чудилось розыгрышем — сегодня твой день рождения, тебе полагается пирог с глазурью, свечи и подарки. «Отключенная» (нет, только не это, я пошутил) сестра и связанный, словно курица перед закланием, отец.

Кассиусу оставалось протянуть серебряный ритуальный кинжал с костяной инкрустацией. Вместо этого, он улыбнулся:

— Мы же обещали все устроить.

Целест проглотил скользкий комок в горле.

— Что с Элоизой? — С отцом проще. Жив, только во рту кляп, отчего впалые щеки на узком лице гротескно вздулись. Возможно, травмированы суставы — он немолд. Но жив.

— Ты любишь сестру. Это хорошо. — Кассиус снова улыбнулся, и Целест подумал о мистиковых иллюзиях... если Рони шутит так, он надерет ему зад. Даром, что напарник и лучший друг.

— Что вы задумали? — Целест перевел взгляд от отца (не верю, мой отец был недосягаем, как божество; божество нельзя запихнуть в кресло и сложить вчетверо, вроде столика для пикника) на Кассиуса. — Что за гребаное дурацкое шоу?

— Ничего страшного, Целест. Ей ничего не угрожает, ты разве никогда не видел... воздействия? Рони тебе не показывал, что может мистик сделать с человеком? Не верю. Они все это делают. Если ты можешь взять чужие мозги и повернуть в них шестеренки, словно в заводных часах, обязательно воспользуешься...

Целест вспомнил клетку два-на-два, томное перемигивание нейтрасети, похожей на связку анаконд; растерянную улыбку: я вернул тебя в материнскую утробу.

Я хотел, чтобы тебе было хорошо.

— ...Не понимаю, — сказал он, скривился. — Отец...

Тот разжал сухие голые веки. Седые ресницы похожи на ломкий иней, и ледяным был взгляд — на Целеста и Кассиуса; будто хлестнули по лицу. Связанный и изломанный, Адриан Альена не утратил ненависти и презрения. Верховный Сенатор не ведает страха, не просит пощады.

— Касси, я не знаю, что...

— Тсс. — Стоило Целесту потянуться к связанному, как вельветовые пальцы обвинились вокруг сливочно-белого и уязвимого горла Элоизы. Целест поднял ладони

в жесте: сдаюсь. Скатилась на рукав капля крови — предательски выбился шип, прямо из мякоти венериного холма.

Кассиус надавил на трахею Элоизы, она дернулась, как младенец под подушкой, но не очнулась.

— Ты ведь понимаешь все, правда, Целест? Ты импульсивен, но не дурак. Я надеюсь.

— Предположим.

Целест предпочел бы одержимого — разумного одержимого в том числе. Честный бой, а не тихое бормотание Кассиуса Триэна (никогда не доверяй Триэнам), не прохлада где-то в голених или в паху: что-делать-вашу-мать!? Он заставил себя смотреть на шип, а потом заставил его же спрятаться.

«Ты должен уметь нападать, но *не* нападать — важнее», — говорила Декстра.

Еще до того, как Магниты стали палачами. Еще до того, как...

— Где Вербена, и что ты задумал, Касси?

— То, до чего ты не сумел бы, Целест. — Губы его дрожали и блестели. Кассиус волновался. Казалось, он расплачется, вздумай Целест поддразнить его — «маменькиным сынком», «гребаным Триэном» или как-нибудь в подобном роде.

Руки дрожали тоже. На шее Элоизы — наверное, щежкотно, если бы она чувствовала.

«Где он взял мистика?»

— Ближе к делу, Касси. Ты выгоняешь куда-то всю охрану, связываешь отца, зачаровываешь мою сестру — и твою невесту, между прочим, и... чего это за дешевый спектакль в честь новогодия?

— Магниты и люди должны объединиться. Похорошему не получилось, Целест. — Кассиус улыбнулся.

В кресле глухо застонал отец — наверняка захлебываясь слюной и родовыми проклятиями. Эпидемия на Дом Триэнов, пусть каждого захватит одержимость... да-да, мы так и поняли.

Кассиус сморгнул, но фразу закончил:

— Ты должен убить отца, Целест. Мы подготовили все... даже апелляцию к твоим возможным сомнениям. — И пригладил разметанные волосы Элоизы. — Но убить должен ты.

Целест кивнул. Переспросил:

— Почему я?

— Законы политики. Законы жанра. От тебя этого ждут, после сегодняшнего... выступления. Ну же, Целест, — это не преступление, это логичный поступок и логичное завершение... шоу.

Целест сдерживался. От... смеха. Хохот щекотал диафрагму, будто он наглотался гусяного пуха.

— Ты решил подставить меня, правда, Касси?

«Не доверяй Триэнам. Мать была права. А я дурак. Хы-ы, тоже — новость...»

Следом, лениво: почему Рони его не «прочитал»? Куда завернуло его чертовы мистиковы мозги?

— Подставить? Перед кем? — Кассиус поморщился, подопнул бутылку — та покатила с глуховатым звуком, уперлась в кресло. — Все для Объединения, Целест. Ты убиваешь главную помеху, потому что это справедливо — Верховный Сенатор должен умереть от руки достойного. Например, своего сына.

В тот момент Адриан Альена грыз кляп. Целесту слышалось, лопаются нитки. «А толку? Он позовет стражей... и? Никого нет. Нас здесь трое — Элоизы тоже нет. И слава богам...»

Очень легко было — согласиться.

Целест ведь решил, что ненавидит отца. За дом-без-теней, за «Амбивалент — антинаучная выдумка», за «молодой человек» и давешний позор на Площади Семи. За Вербену, в конце концов. Она старалась.

— Любишь ритуалы, Касси?

«Проклятье, я тяну время или куда?»

— Мой отец повесил бунтовщиков на Площади. Триэны любят ритуалы, ты прав. Но — я поболтаю с тобой в другой раз, брат моей невесты. Сейчас — действуй.

«Да, он тоже решил, что время не бесконечно».

— Где Вербена? — Целест спрятал ладони, а шипы спрятались в мякоть. Бледно-розовый порез привычно саднил, когда-то он выбрал основной стихией — костяные выросты и яд, и тогда еще Тиберий сказал: ты жесток, парень. В том числе к себе.

— Жива и здорова. С ней мой... приятель, увез девочку, чтобы не... травмировать психику, или как там это называется. — Кассиус пожевал жирные губы. — Целест, правда — надоело. Выбора у тебя нет. Действуй.

Выбора у Целеста и впрямь не оставалось. Если отойти на полшага — связанный человек теряет всякое сходство с живым; «он уже мертв» — умер, наверное, когда Кассиус (как он справился в одиночку? где, черти ее раздери, была охрана?) связывал и выламывал, сворачивал и подгонял под кресло.

Стать отцеубийцей — даже не преступление. Триэны враги Альена, но не враги Магнитам. Целест отрекся от родового имени, верно? Хороший способ доказать на деле — убить Верховного Сенатора; всего-навсего политика — и, может быть, после того, как закончится траур, получится повторить эксперимент с Объединением...

А может быть, и не объявят траура. Целест — герой-освободитель, а недруги Мира Восстановленного низвергнуты в бездну. Очень красиво звучит, верно?

— Если... его убью я... Народ никогда не примет Магнитов. — Целест выдохнул с паузами; его тошнило. У отца глаза — горячие, а Элоизины — стылый сердолик, от контраста температур — голова лопается.

«Я внутри... иллюзии, скажем. Мистиковы штуки. Надрать Рони задницу. Или еще кому-нибудь из их братии...»

Целест укусил себя за указательный палец.

— Народ примет Магнитов. Ты убьешь того, кто мешал Объединению. Ты убьешь того, кто мешал спасению Мира Восстановленного, — возразил Кассиус, а потом потянул Элоизу за волосы, запрокидывая бледное лицо вверх. — Ты с одержимыми душеспасительные беседы вел? Нет. Ты пытал их в Цитадели и убивал их — призы-

вал, как вы называете. И это было правильно, потому что Гомеопаты исцеляют подобное подобным. Сделай это, Целест. Исцели.

«...Внутри... иллюзии».

Целест зажмурился. Схватил горстью воздух, будто захлебывался в вязкой воде. Можно не размыкать век — у него хороший опыт Магнита, его учили драться вслепую и ослепленным; ударить по связанному — шипы и яд. Для одержимого — «призыв», человеку — смерть. Адриан Альена был человеком.

Всего-навсего.

Один не должен мешать целому Миру Восстановленному. «У тебя хорошие друзья, парень», — проскрежетал дешифратор где-то у затылка Целеста; Кассиус — не предатель. Триэны всегда Триэны, но он-на-твоей-стороне, и...

Взвизгнуло костяное копье.

Нацеленное в Кассиуса — точно в горло, в ямку над расстегнутым воротником; глотка мягкая, между ключиц — капелька пота, похожая на тусклую жемчужину; Кассиус волновался. А Целест не промахивался. Не имел права промахнуться.

Острые вошло с тихим всхлюпом, будто кто-то шмыгнул носом. Промазал слегка — не в трахею, хрящ хрустит иначе, перемерзлым льдом под сапогами? Или...

— Твою мать.

Кинжал-лезвие сползал вниз. Он будто застрял в плотной дымке, и, приглядевшись, Целест узнал «сферу» — грубо сработанную, мутную, как мыльный пузырь, но вполне рабочую. На ощупь, должно быть, вязкая, как гнилая болотная вода. Шип завяз в ней.

Кассиус дрожал, закрывал себя Элоизой. «Сфера» дрожала вместе с ним, гротескно искажала черты лиц обоих — будто в иллюзионе, кривое зеркало. Пухлые губы вздулись втрое, а намеченная цель — шея — вытянулась в струнку. Элоиза сквозь «стенку» сферы тоже выглядела безобразной, будто ведьма из сказок — рыжая ведьма.

— Твою мать, — повторил Целест и оглянулся на связанного отца: а он вообще знал? Все знали, кроме него?

Кто здесь вообще дурак?

— Ты — Магнит?

Кесарю — кесарево. Дураку можно задавать глупые вопросы.

Кассиус перестал дрожать и кивнул.

— Почему ты не в Цитадели? — Глупый вопрос номер два, но Целест подспудно радовался: он все еще не убил отца и тянул время. А что сенатор оказался нечеловеком... мелочь, правда?

«Интересно, а господина Адриана Альену что волнует? Вопиющее нарушение или Костлявая за собственными плечами?»

— П-потому что, — сферу он удерживал, но хватит ненадолго — эта штука высасывает ресурс, как пробитый аккумулятор — электричество. Уж Целест-то знал. Кассиус, впрочем, тоже догадывался, окончательно сокрылся за Элоизой. — Если Альена — идиоты, не значит, что идиоты — все! Тесты можно превратить в формальность. Клубы аристократов, думаешь, что они? Такие же штуки... там половина... Магнитов...

— Понимаю. — Целест потянулся за сигаретами, но не закурил.

Куда проще.

Адриан Альена отдал единственного сына, потому что Гомеопаты уравнивали правителей и нищих. Но всегда кто-то ровнее. Интересно, а Главы знают? И если да, то почему не протестуют? Потому что... тоже слишком честные, как и господин Верховный Сенатор.

— Твою мать.

Третий раз — смахивает на заклятие какое-то.

— Много вас?

— Процентов сорок. Элоиза нормальная, если ты об этом. Она не знала. Мы скрываемся... — Кассиус кивнул на свою недо-жертву. — Черт, Целест. Теперь — действуй, а? Ты уже попытался меня убить, но я-то... свой. Такой же воин, как и ты.

Он слегка шепелявил. Волнуется, бедолага, как-то отстраненно посочувствовал Целест; еще бы — только что

пытались убить, держит сферу и собирается установить власть Магнитов.

Настоящую власть Магнитов — кому нужно Объединение и «эй, мы хорошие ребята», если нелюди много сильнее людей, то о чем предупреждал Винсент. Выживает сильнейший.

«Но Элоиза человек. И Вербена тоже».

— Пошел ты, Касси. Отпусти Эл и дерись со мной. Дуэли запрещены, но ты — не Магнит. Ты предатель.

«Будто в какой-то книжке про героев и злодеев». — Целест вновь призвал излюбленное оружие — десять штук, не промахнется. С одержимыми сражался и с разумными — тоже; у Касси заложница, но...

«Он не враг. Он ее любит. Он...»

Целест не ошибся: Кассиус отпустил Элоизу, и та тяжело сползла со стеклянного столика и свернулась на полу, словно тряпичная марионетка в сундуке. Рассыпавшиеся волосы напоминали побеги повилики.

Кассиус держал сферу — теперь вокруг себя. Целест ослабился:

— Хватит дурить, Касси. Эту штуку ты долго не удержишь. Ресурс-то развивать надо, а не задницу в клубах просиживать.

Тот и впрямь побледнел, обморочно, в зелень — кожа и бесцветные волосы, семейный призрак. Только губы по-прежнему яркие и пухлые. Целест внезапно подумал — что скажет Элоизе, если (когда) убьет ее жениха.

Правду, вероятно. Отец подтвердит. Каждым вывернутым суставом.

На стене плясала темная-серая рассеянная тень. У тени Целеста пальцы напоминали птичьи когти, сама фигура — гигантского хищника. А Кассиус из-за сферы тень не отбрасывал вовсе.

— Давай. — Целест вознес обе руки над головой, теперь окончательно напоминая хищную птицу над мелким грызуном — вроде суслика. — Чего ты ждешь? Атакуй.

Кассиус выдохнул тяжело, будто пробежал километров десять без передыху; он сымитировал лезвия — Целест презрительно хмыкнул, на вид отростки ногтей (рвать кости и кожу Кассиус побоялся) казались не прочнее и не опаснее кошачьей лапки.

— Давай. Поцарапай меня, — захихикал Целест. Его кольнула совесть: Магнит-воин против недоразвитого «физика» — действительно, словно тигр против пушистого котенка.

«Я не буду его убивать. Может быть, вырублю — и довольно».

Выстрелили почти одновременно. Целест увернулся без труда, прикрылся «полусферой» — неплотным щитом. Но и Кассиус неожиданно проворно нырнул за столик, отчего зазубренные лезвия пролетели над головой и вонзились — в кресло, в стену. Он повторил атаку, и снова Целесту пришлось уклоняться.

«А он не такой слабак...»

Третий залп сбил Кассиуса с ног — он поскользнулся, кажется, на винной луже, плюхнулся на зад. И замер, растопырив ноги, похожий на полураздавленную лягушку.

Целест шагнул к нему, рассматривая сверху вниз — со смесью обиды, презрения и жалости. Убивать? Не-ет, с Целеста довольно бессмысленной жестокости. Кассиус слишком напоминал давешнего пьяницу — ухоженный разве, и без колонии вшей в блондинистых волосах.

Убивать?

Нет. Никогда. Больше.

Целест спрятал шипы во вновь слегка кровоточащие ладони.

— Ну и кто бол...

«...ван».

Предсмертный хрип — то, что не спутаешь. Такой — у одержимых, когда призываешь их. Такой — у братьев и сестер, когда им вышибают мозги, похожие на переваренную овсянку, на бело-розовую стену какого-нибудь богатого дома. Или на обшарпанный кирпич бедняцкой хижины.

— Что...

Просторная комната наполнилась кровавым запахом. Целест полуобернулся — к Элоизе. К Элоизе, которая...

Держала в руках его, Целеста, костяной кинжал. Тот самый, который застрял в кассиусовой «сфере».

Он выполнил свою миссию, отстраненно подумалось Целесту. Ту, которую назначил ему мальчишка из Сената.

С кинжала капала кровь. В груди Адриана Альены расплзалась дыра, совершенно черная, как те, что в космосе. Она пожирала его.

«Он уже мертв», — понял Целест. Умер Верховный Сенатор быстро — от первого удара, а может быть, за секунду до, осознав, что все-таки примет смерть от руки своего ребенка. Но Элоиза молотила еще и еще, так вбивают гвоздь в прогнившую трухлявую доску. Брызги крови взметывались к стенам и потолку.

— Эл!

Целест кинулся к ней. Оттолкнул (одержимая? она... одержимая?) — но Элоиза оставалась спокойной, ничуть не одержимой, просто кукольной и управляемой. Покорно разжала окровавленные пальцы и повалилась на Целеста, а он теперь сжимал орудие убийства — часть собственного тела — и удерживал сестру. А кровь все выстреливала. Видимо, Элоиза разорвала крупную аорту.

Целест обнимал Элоизу, потом, не отпуская «кинжала», протянул руку к лицу отца (я ненавижу его, и что теперь? мне больно?) и закрыл остекленные глаза.

Адриан Альена действительно умер быстро.

Это хорошо. Наверное.

Очнулся Целест от шагов — возле незапертой двери, и потом...

— Помогите! — заорал Кассиус. — Ради всех богов, помогите! Здесь убийца!

И комната переполнилась шагами и криками — стражи в тяжелых ботинках, баллоны с нейтрассетью (как я не догадался захватить, но я ведь просто шел за Вербеной);

кричала и Элоиза — оттолкнула и забилась в истерике, вторя Кассиусу — «убийца». Целеста распластали в луже крови, разбили губы и вывернули суставы, запечатали зелено-серой массой.

Целест не сопротивлялся. Он понимал: проиграл последнюю фишку, зря не послушался доброго мальчика Касси. Теперь — поплатится.

Стражи выволокли его пинками. Кто-то едва не выдернул с корнем волосы. Другой врезал в переносицу, наполнив голову звоном и тягучей болью.

Потом вошла мать. Ребекка Альена, высокая, тонкая и траурная; Целест сравнил ее с плачущим ангелом, какие ставят на могилах — черный мрамор или обсидиан. Цвета и камень аристократии.

Она залепила ему пощечину, и ногти врылись глубоко под кожу, оставив четыре кровоточащие ранки. Еще несколько капель крови.

— Мама, я не...

«Не убивал. Это Элоиза — нет, не она. Кто-то вывернул ей мозги, веришь?»

Не поверила бы. Элоиза была над трупом отца, а Кассиус успокаивал невесту — только теперь его мышино-серые одежды заляпало алым. Откуда-то вынырнула черная макушка Ависа.

— Ты. — Целест поднял голову. Стражи скрутили его по рукам и ногам, нейтрасеть выпивала подчистую. — Ты устроил... это?

«Когда? И почему? У меня ведь... хорошие друзья, правда? Ты был моим другом. Был, я знаю».

Авис не ответил — устремился к Кассиусу и Элоизе, бормоча неразборчиво о том, что мог бы помочь, если госпожа Альена позволит — легкий гипноз, всего-навсего успокоительное, совершенно безвредно. Подошвы чавкали о винные или кровавые лужи. Лужи мазутно ползли к порогу.

Целест засмеялся, и смеялся до тех пор, пока очередной удар в солнечное сплетение — массивным кулаком, с размаху — не вырубил его.

Он почти помнил это.

Все же не такое — прошлый раз был Рони, его странное «хочешь, я подарю тебе то, что могут мистики»; прошлый раз — нейтрасеть только ползала лианами по стенам, но не опутывала.

Теперь Целеста держали в одиночной камере, с нейтрасетью вроде кандалов. Камера три на три метра: едва повернешься; сырая и холодная, и где-то поодаль назойливо капала вода. Липкие нити вытягивали силу, и Целеста клонило в сон, а мерзкая капель не позволяла уснуть, а темнота — отсчитывать часы.

Шоркали за тяжелой дверью стражники, дважды в... какой-то отрезок времени подсовывали в прорезь под дверью жидкую похлебку, к которой Целест почти не притрагивался. Его пожирала нейтрасеть, а питала — злость и... надежда.

«У тебя хорошие друзья, парень. Ты счастливчик, и друзья у тебя хорошие».

Дешифраторы не лгут, верно? Где-то там — Рони, и Элоиза (она разберется, она поймет все!), и даже Тао с Ависом... они не могли предать, верно? Они не верят, что Целест убил своего отца.

Ребекка Альена — верит (ты мне не сын больше — как скажешь, мама), а они — нет.

И Вербена.

Соскальзывая в бессвязные всхлипывания, Целест проговаривал имя — Вербена. Ее и Рони, он звал обоих. Они часть меня, думалось ему, напарник и любовь, любовь и напарник. Больше никто не нужен, в конце концов.

Они не предадут.

Целесту мерещилось, будто стены камеры раздвинуло до целой беззвездной вселенной, а Рони и Вербена сидят поодаль и вздыхают. Ободряюще — они понимают, они не осудят, они верят. Рони изредка касается мягкой невидимой «ладонью» эмпатии; а Вербена просто горячо дышит в ухо. Это щекотно и приятно. Целест даже смеялся.

Хорошо, что темнота, потом думал он. В темноте происходят всяческие чудеса, а границы между безумием и реальностью стерты, как зубы столетнего старика. В темноте удушливее запах собственного немытого тела и нечистот, мерзко колется отросшая щетина, и ломит связанные запястья и голени — и полжизни плюс остаток ресурса готов отдать за сигарету; но чудеса всегда сильнее. Они заполняют собою усталость, боль и дискомфорт, подобно тому, как прилив затопляет ракушечную отмель.

Злость закончилась, надежда осталась.

Так провел он несколько дней — может, три, а может, и целый месяц. Шорох шагов, капли и невидимое, но вполне осязаемое соседство.

Потом был суд.

Звук и свет ворвались почти одновременно; ошарашили и выбили из привычной уже полудремы-полуобморока. Целест зашипел, вскинулся, инстинктивно пытаясь заткнуть уши и прикрыть ладонями глаза — нейтрасеть врезалась в суставы и под ребра, напоминая о себе.

«Кто, зачем?»

— ...а он не кинется? Мозги не вышибет? — бурчали за дверью, и там же плясал луч фонарика.

«Не отключенные. Кто? Зачем?»

— Не, он связанный весь. И он не мозгожор.

— Подождет еще чего...

— Говорю тебе, связанный он!

Дверь скрипнула с поросычьим визгом. Целест скривился, пытаясь рассмотреть стражей (кто мог еще войти?), но не видел ничего, кроме желтого потока света; тусклый фонарик после многодневной тьмы казался ярче сверхновой.

В плечо и живот ткнули палками, сопровождая хриплым выкриком — «на выход». Добавили: «судить тебя будут». Целест воспринимал заторможенно, слова текли смолой из надреза на дереве, а еще плохо слушались и болели затекшие мышцы. Один из стражей толкнул вновь — острием, прорывая одежду и кожу до крови.

— Я... иду, — проговорил Целест. Он облизал пересохшие губы, с третьей попытки выпрямился и двинулся навстречу сверхновой. Колени подгибались, и несколько раз едва не растянулся на каменном полу. Двигался неуклюже, медленно, словно лягушка по пустыне. Немного шатало — от многодневного голода, нейтрасети (боятся пожара? ха-ха, да я сейчас искорки бы не выдавил). Стражи следовали по пятам, не рискуя приблизиться — Магнита все же боялись.

Его дотолкали сначала до выстуженной и обшарпанной ванной — видимо, здесь мысли обычные узники. Ржавые краны, серое мыло и битый кафель с выцарапанными гвоздем непристойностями. Низкий потолок — Целесту пришлось нагнуться. Обычно мылось здесь человек двадцать-тридцать, но сейчас ванная принадлежала ему одному.

«Я особо опасен». — Он фыркнул.

Дверь не запиралась, стражи наблюдали — но Целесту было наплевать; вода смывала грязь, разложившуюся кровь, все — кроме нейтрасети. Он наслаждался. Он даже обнаружил помятую бритву, стряхнул с лезвия полухлопота таракана и побрился перед мутным жестяным зеркалом.

Почти прежний. Правда, и без того узкое лицо превратилось в череп, едва прикрытый кожей, а тело из жилистого сделалось просто тощим. Но... не так и плохо. Без нейтрасети он мог бы попытаться драться.

«Смешно. Они убьют тебя. Отцеубийцу, убийцу Верховного Сенатора. Кассиус — маленькая дрянь. Предатель...»

Целест оделся в выданную тюремную униформу — серые штаны и бесформенная рубашка из грубой ткани, и кивнул: я готов.

Суд и казнь? Пускай.

«Я прошу прощения с Вербеной и Рони... и спрошу Касси, зачем он предал меня. Последнее желание, верно? В нем не отказывают даже убийцам... а еще скажу Элоизе, что я не виноват. И матери тоже».

Темнота не отпускала его, и Целест был спокоен, словно шел на обычную тренировку с Тиберием или Декстрой. Нейтрасеть — мелкая помеха. Он почти привык.

А на улице ранняя весна вылупилась в раннее и жаркое лето — Целест вновь зажмурился, заморгал — я просидел в камере несколько месяцев? Или апрель похож на июль? Или...

— Простите. Какой сейчас месяц и день? — спросил он у стражей, которые оказались ребятами его возраста или младше даже; один длинный, белесый, с веснушками даже на ушах, второй — коренастый, смуглый и низколобый, похожий на орангутанга.

Ему не ответили.

Из фургона с решетчатым окном Целест вспоминал улицы и переулки Виндикара — его везли какими-то богом забытыми закутками, изредка выруливая на более-менее крупные. Виндикар воспринимался большим и иссохшим; этой весной Виндикар завял, не успев созреть. Поникшие деревья, блеклые дома и затаившаяся тишина, похожая на дворнягу с поджатым хвостом — дворнягу, которую только что окатили кипятком.

— Что случилось? — Целест уставился в спины стражников. Под мышками обоих расплывались темные пятна пота.

— Ничего. Ты слишком много болтаешь, парень.

— Я молчал несколько... недель. — В глаз настойчиво лезла прядь волос, но связанный Целест не мог убрать ее, и приходилось дуть. Забавно. — Сигареты не найдется?

— Если это тебя заткнет.

Сигарету ему сунули в рот, пробурчав — пепел пусть на пол падает, черт с ним. Целест благодарно улыбнулся.

Он едва не проглотил окурок, когда понял — везут-то не куда-нибудь, а в Цитадель. С чего бы? Гомеопаты добились права судить мятежного Магнита по своим законам? Разве были прецеденты...

— Чего вытарашился? Дом родной не узнаешь? — Коренастый страж оглянулся, видимо почуяв изумление пленника. — А вот... так задумано. Потом поймешь. Или нет.

Целест пожал плечами.

Графитовый забор, словно выточенный из мрачного осеннего облака, и черный нарост-башня. Неприветливое, выстуженное даже в раннюю жару место; тарашил-ся дуплом старый ясень и растрепанными космами торчали кусты в неухоженном саду. Целест вздохнул — он соскучился по Цитадели, соскучился по Рони... и по Вербене, конечно.

«Мы просто хотели уйти из города, из Эсколера, в Пределы — а вон чего получилось». — Целест ощутил гадкий комок в горле и закусил губу — еще доставало слез на виду стражей... и прочих.

«Прочих» хватало. Вывалившись из фургона-мобиля, Целест с изумлением различал в пустынном обычно, не считая нескольких отдыхающих после или перед дежурством Магнитов или прогуливающих теоретиков-ученых, саду при Цитадели толпы народа. Людей.

«Люди... то есть обычные люди? Здесь?»

Он вертел головой, то выхватывая знакомые черты из стай зевак — узнанный тут же отворачивался, то натываясь на ухмылку чужака. Кто-то — не из «своих» — запустил в Целеста гнилым закоричневелым яблоком, оно впечаталось в предплечье с мясистым чмявком. «Снайпер» торжествующе захихикал.

— Человек, — отметил Целест почему-то вслух. — В Цитадели. Значит, Объединение все же состоялось?

«И для этого принесли в жертву... всего-навсего двоих. Отца и сына. Почти по той старой книге, которую люди считали священной до эпидемии; отец, правда, там остался в стороне. На сей раз — справедливее?»

Целест помахал бы зевাকে, но пути по-прежнему скрывали его.

— Целест!

Рони выскочил прямо на него, каким-то образом проскочил мимо охраны и едва обниматься не кинулся — оттолкнули, правда. Целест успел заметить, что напарник еще бледнее обычного и осунулся. «Он правда был со мной».

— Все в порядке, Рони.

— Эй, держись подальше от... — пропыхтели оба стража. Присоединились еще несколько — в том числе два Магнита.

— Я его напарник, — возразил Рони. И страж-Магнит отвел от мистика железную палку. — Я с тобой, Целест. Всегда.

— Знаю, Рони. Спасибо.

На град гнилья и дохлых кошек внимания не обращал. Высматривал Вербену — она где-то здесь.

Нельзя иначе.

— Вербена, — позвал он, однако острие под лопатками оборвало возглас, напоминая: он не на свидании и не на прогулке.

«Встать, суд идет? Или как там?»

Тряхнул встрепанными рыжими космами, поднимаясь по ступенькам, знакомым до последней щербинки и выбоины. В Цитадели ничто не могло испугать Целеста. Даже смертный приговор.

Рони почти не отставал. У Целеста длинные ноги и длинные шаги, обычно Рони просил его не торопиться или же почти бежал, прерывисто дыша. Нейтрасеть разъяла его — изнутри и снаружи; Целест брел медленно, и Рони встрепнулся от ужаса — вдруг у напарника вместо костей — труха? Целест «работал» с костной тканью: его боевые лезвия — деформация ногтей и отростки лучевых костей и заплюсны. «Оружие мазохистов», — как-то усмехнулся сам Целест.

«Мазохистов», — думал Рони, следуя за напарником. Медлительным, ошарашенным после темноты, как глубоководная рыба.

«Мазохистов».

Целест улыбался — нехарактерно спокойный. Рони был с ним много дней, заперся в келье и тянулся разумом; дрожащая темнота и сосущие рты нейтрасети пытались оторвать, но Рони — хороший мистик и хороший напарник.

Измученный, с лохматыми потускневшими волосами, худой как щепка и опустошенный до костного мозга, Целест был жив и в своем уме.

— Целест — Рони поднырнул под локтем стража, сжал ладонь напарника. Из толпы усмехнулась Аида и тут же врезала очередному любителю покидаться гнилыми овощами.

«Я ее должник. — Рони мельком кивнул девушке. — Нет, не так. Мы оба».

Рони помогал выжить Целесту, но сам не продержался бы без Аиды.

— Что случилось, Рони? Где Вербена? — Целест оглядывался, замечая вперемешку Гомеопатов и людей. Цитадель виделась ему оскверненной женщиной. «Да ты традиционалист, рыжий». — Рони облизал губы.

— Вербена жива и здорова. Похоже, ей не... то есть я толком не знаю. С Элоизой виделся. Она...

«Ненавидит тебя», но это Рони сокрыл. Элоиза держалась жениха, на Рони при кратких встречах кривилась, будто тот был дохлой мокрицей на новой замшевой туфле. Целеста иначе как «предатель» и «отцеубийца» не называла, а Рони подозревал, что без Касси не обошлось.

И без кое-кого еще, но любовь, по слухам, сильнее гипноза мистиков. Так что Кассиус — первопричина.

Пока шли к «залу суда» — все той же просторной столовой, — успел рассказать и прочее.

Кассиус отменил разделение Гомеопатов и «светской» власти. Отныне Гомеопаты подчиняются Сенату и непосредственно ему, Кассиусу Триэну.

— Стоп. И наши... согласились? — В зеленых глазах Целеста мелькнули почти карминовые блики.

— Да. — Рони пожал плечами. Он отвечал телепатией — и поэтому выкрики и улюлюканье не мешали. — Гораций присягнул первым, с ним — теоретики. Вытащили откуда-то десять замшелых томов, мол, так и должно быть. Флоренц со своими учеными тоже согласились... говорят, им Кассиус пообещал эти... суб...суп...

— Субсидии, — предположил Целест, тоже не открывая рта.

— Они самые. На разработки.

Опутанный нейтрасетью воин хмыкнул, встряхнулся — разметывая тускло-зеленую загустелую жижу. Несколько Магнитов отпрянули; Рони удержался рядом усилием воли. Нейтрасеть отпугивала даже на расстоянии.

«Бедняга, как он... еще держится». — Но Рони отогнал жалостливую мысль. Целест не позволит жалеть себя.

— Касси талантливый политик. Но что с нашими... Декстра? Винсент?

«Вот оно».

Ожидания сбываются. Рони передернул плечами, будто рыбьим хвостом хлестнули, и ответил телепатически:

— Их не видели... то есть обоих. Нет, вру. Декстру замечали в пыточной, она кого-то жгла... вроде, одержимого...

Рони сглотнул, словно подавился. Мысли застревают в горле.

— ...Но суть одна. Похоже, им нет дела до... хм, изменений. Рядовые же Магниты — на стороне Кассиуса, он ведь твои слова повторял. Тють — в тють, назубок вызубрил. Он отменил пытки, сказал, что Амбивалента и так поймал, но теперь по одному подозрению нельзя никого замучить. Народ одобрил — все устали от «репрессий». И Магнитам понравилось — не одного тебя достало быть пугалом... А вообще, сейчас затишье — ни одного одержимого не было с тех пор, как...

«Умер Адриан Альена» — Рони понадеялся, что Целест не услышал его.

— Кассиус подставил меня, ты знаешь? — Одними мыслями не получилось, гримаса перекосила лицо Целеста. — Он убил отца... вернее, не он, а...

— ...Элоиза. Знаю. Ты рассказывал.

«Когда?»

Целест вскинулся. Блеклый конвоир истолковал по-своему, отвесил тычок палкой. Они добрались до столовой, и пока просторное помещение гулко и выстуженно пустовало. Зрителей и зевак не пускали.

Руки обвиняемого оставили связанными за спиной, а на ноги надели дополнительные кандалы. Целест вспом-

нил, что на этом месте он когда-то ораторствовал, а потом Рони с Аидой убивали блондинку-одержимую.

«Кто я теперь?»

Еще прежде столовая была... натурально столовой. Теперь переоборудовали — ни чанов со сковородками, ни подносов; растворился даже запах невкусной-но-питательной еды, а ведь казалось, он прилип к каждому камню. Теперь — зал суда. Скамья подсудимых, судейские подмости, скамейки для зрителей. Целест рассмотрел собственноручно выцарапанные на одной инициалы «Ц. А.».

«Мне только двенадцать исполнилось. И я называл себя — Альяна».

Миллиард лет до... темноты. Мир обрушился, а Главы Магнитов удалились от дел. Гомеопаты сдались Кассиусу. Все не так, совсем не так...

Он с усилием сжал пальцы напарника:

— Ты... был в той темноте, Рони? Со мной?

— Конечно. — Мистик устроился рядом. Он не шелохнулся, когда его пристегнули к Целесту — без нейтрасети.

— Смотри, без глупостей, мозго...

— Эй! — возмутился Магнит-страж позади. Сопляк совсем — еще не мистик, обыкновенный «псих». Мелюзга. Но обиделся, а его новоявленный соратник — страж смутился.

— Прости, парень. Я не привык еще...

Целест рассмеялся. Коренастый смугляк отвесил ему зуботычину, но ретировался под неподвижным и бесцветным, как затянута плесневой пленкой вода, взглядом Рони.

— Вербена тоже. Она и ты. Не бросили. — Целест прислонился к стене затылком, словно высматривая на потолке текст Божественного Откровения.

— Конечно.

Рони постарался, чтобы звучало убедительно. Вербена — просто девчонка, отличная танцовщица и яркая... не более того. Однако было бы неумно и жестоко переубеждать Целеста.

— Конечно, она тоже была с тобой. Иногда не надо быть мистиком для... контакта. — Рони пригладил всклоченные волосы. Мелодично звякнула их общая цепь.

«Даже смерть не разлучит нас». — Рони сглотнул. Редко, но случалось: Магниты выбирали почти ритуализированное самоубийство после смерти второй «половинки»; древний и варварский обычай, времен зарождения Ордена Гомеопатов. Но Аида поймет, а Элоиза...

«Элоизе плевать на меня».

— Все будет хорошо, — сказал Рони вслух.

Стены впитали теплое дыхание — не отдали эхо и не согрелись ни на градус. Цитадель похожа на тюрьму: всегда холодно, сумрачно и пахнет тленом. Теперь Целест мог сравнить, а Рони аккуратно собирал чужие образы.

Будто клюкву на прутик нанизывал.

«Если мы... вырвемся, я приведу тебя домой, Целест. К холодному морю и кислой клюкве».

— Все будет хорошо, — повторил он.

Целест изучал закопченный потолок, Рони изображал слегка потрепанную тряпичную куклу — ничего необычного, разве нудно и тоскливо ломило руки. Постепенно столовая-зал заполнялся зрителями — Гомеопаты и люди, от Магнитов держатся подальше, а те усмеваются свысока: мы теперь не санитары чумного города, но элитная стража самого Владыки Триэна...

«Я не все рассказал Целесту», — подумал Рони и смолчал.

В считанные минуты забился зал-столовая до отказа, только бархат на самых высоких сиденьях пустовал пока.

Стражи взметнулись по стойке смирно за полсекунды до громогласного: «Встать, суд идет!»

Кассиус ничуть не изменился — только костюм сшил по размеру: черно-пурпурный и торжественный, с платиновыми нашивками и рубинами пуговиц. Маленькие ладони спрятаны под замшей перчаток — Целеста невольно передернуло, когда он припомнил вкрадчиво-гадкое прикосновение, точно дохлого грызуна за шиворот подсунули. Еще у него отросли волосы, будто Касси принял обет назира после того, как незаконно (да-да, я скажу) захватил власть.

Рядом шла Элоиза. Целест взгляделся в сестру, искал — вдруг тщательно запудренные синяки, вдруг — Касси обижает ее? Ничего подобного — Элоиза выглядела не-много растерянной и смущенной, но черно-красные тона ей крайне подходили, а волосы искрились сложной прической, тоже с рубинами. Ее встречали радостным гиканьем, и Элоиза улыбнулась, приветствуя публику — небольшое нарушение судебного этикета простительно. Верноподданическая любовь ценнее.

Она незаметно пихнула в бок Кассиуса, и тот повторил жест.

На пару шагов отставала неразлучная парочка — Тао Лин и Авис... черт, как его родовое имя? Целест встряхнулся, покосился на Рони, но тот прищелкнул языком: т-сс.

«Авис наконец-то голову помыть соизволил, — мысленно все-таки съерничал Целест. — И Тао вырядился...»

«Они приближенные Кассиуса, — просто ответил Рони. — Правая и левая рука, если угодно. Ребята немного завидуют, зато — Касси собственным же примером демонстрирует, мол, я доверяю Магнитам».

Целест ослабился персонально парочке. Тао юрко шмыгнул мимо. Авис качнул длинным носом и сделал вид, будто впервые показали ему рыжего пленника. И все-таки покраснел немного. На коже Тао цвета мокрой древесины тоже проступили пятна румянца.

«Они... выбрали», — Рони дернул Целеста за рукав: не надо, без вызовов. Потом, может быть, но не сразу. Терпение — необходимая Магнитам добродетель, помни уроки Тиберия и Декстры.

Целест сдержался — почти; следом за странными (у тебя хорошие друзья, красавчик!) телохранителями Кассиуса плыла в черных кружевах и непрозрачной, как очки слепца, вуали Ребекка Альена. Она была сгустком тьмы, а еще казалось, будто она долгие годы готовилась к смерти мужа — любила, нет сомнения, но оплакивала уже много лет; его, себя и потерянного сына. Черная вдова, женщина, рожденная плакальщицей. Элоизе — невесте нового Верховного Сенатора не по-

лагалось носить траура даже по отцу, и Ребекка приняла горе за двоих.

Она прошла мимо Целеста — печальная, как пифия, пророчица конца времен; и он ощутил волну горьких духов, от которых свело спазмом нёбо и трахею. Она заняла свое место, отгороженная по-прежнему муаром и плотным черным шелком.

«Тсс, — Рони погладил ладонь напарника, — она не ненавидит тебя. Я... заглянул, поверь. Мать не может ненавидеть сына».

Целест сморгнул влагу с ресниц. Нет, не дождутся. Камера и нейтрасеть высосали силы и ресурс, но не дух. Слез — не дождутся.

...Затем шли другие — Сенат и Гомеопаты, Гораций в неизменном пенсне и замученный — под глазами мешки, сетчатка красная от капилляров, будто подкладка сенаторских одежд, — Флоренц; Целест машинально отмечал знакомых.

Время тянется. Так долго тянется, думал он.

Все равно — убьют. Эсколер — жестокая Империя, да и бывают ли добрые Империи? Кассиус — захватчик, предлагал дружбу и быть на своей стороне, но рыжий идиот сам все испортил... действительно, какая ерунда — тихо-мирно перерезать глотку собственному далеко не обожаемому папочке...

«Прекрати», — одернул его Рони.

«Можешь и не читать все мысли!» — огрызнулся он. Рони неопределенно дернул одним плечом.

К тому моменту зал переполнился, как чаша под водопадом — хлестало через край. Простые смертные забирались друг другу на головы, толпились в коридорах и заглядывали в узкие окна.

— Садитесь, — сказал Кассиус. Они с Элоизой вышались над залом на высокой судейской трибуне. Элоиза поджала губы, оглянулась на Тао и Ависа — они остались стоять, как и полагалось телохранителям. Кажется, вздохнула.

«Поехали».

Начал не Кассиус. С места пониже — голова где-то на уровне живота нового повелителя Эсколера, — привстал Гораций. Он медленно и шаркающее спускался к наспех склепанной трибуне (обыкновенный стол, утащенный из чьей-то кельи, с подставкой из пары досок), еще с полминуты раскладывал какие-то свои записи. Сквозь напряженную дышащую тишину трепетали страницы. Наконец Гораций поправил пенсне:

— Властью, дарованной мне Империей Эсколер и единоличным правителем ее, Владыкой...

«Единоличным? Это что за новости?» — Целест открыл рот.

— ...покровителем и защитником, радетелем и хранителем...

«Не многовато ли титулов?» — едва не вслух высказал, и страж справа больно ткнул под ребра.

— ...Кассиусом Триэном, — голосок Горация дзенькнул, будто разбилось драгоценное пенсне, — объявляю начало суда над предателем, мятежником и отцеубийцей.

От зрителей в глазах рябило. Целест жмурился — он отвык от людей, отвык от света, пусть и приглушенного, — в обеденном зале Цитадели никогда не выплясывали солнечные зайчики, однако сегодня электрические свечи успешно заменяли их. Дом-без-теней. Почти.

У его и Рони ног пласталось короткое грифельное пятно, цвета мантии Гомеопата; оно слилось в одно целое.

«Кажется, меня уже осудили».

«Не все потеряно, Целест». — Рони моргнул в сторону Элоизы и тут же отвернулся — она обжигала. Вместе с Кассиусом — недоступны, как грозовые боги или ангелы, о которых когда-то рассказывал Целест.

Общаясь телепатически, труднее лгать. Целест притворился, будто поверил.

На каменный мешок оседала жара и духота. Камень Цитадели — добротный, холодный, но у всего есть предел. Гораций взял слово первым, и говорил, по обыкновению, долго, забывая слова, повторяясь, тянул длинные овечьи «мнэ-э-э», а суть его речи сводилась к тому, что за

Магнитом-воином Целестом — здесь Гораций едва не оговорился и не назвал подсудимого «Альена», однако прикусил язык — всегда замечались систематические нарушения дисциплины, непоследовательность в действиях, излишняя и осуждаемая лично им и всем сообществом Гомеопатов жестокость.

«Жестокость? Это когда... когда я возмущался, на фигу одержимых пытаться?» — Целест дернулся. Цепи мелодично звякнули, а нейтрасеть зашипела, как вода на раскаленной сковороде — подбирала капли ресурса.

Откуда-то тянуло тухлятиной и сточной канавой — наверное, от «арсенала» любителей покидаться гнильем и кошками, но Целесту мерещилось — изо рта Главы теоретиков, от каждого слова.

«Ненавижу».

И вновь Рони словно прижимал к горячечному лбу мокрое полотенце: т-сс.

Гораций шуршал своими записями, зачитывал «отрывки из личных замечаний и характеристик подсудимого». Ввернул даже термин из старых книг Архива — «психологический портрет». Портрет, правда, более смахивал на карикатуру — злобного безумца, мятежника и неблагодарной дряни.

«Хорошо, что Вербена не слышит». — Ярость перегорела и рассыпалась пеплом. Целест кривился — от запаха, и только.

...Или жаль — что ее нет здесь? Целест бы попросил — последний поцелуй, попрощаться, как в старых драмах; и потом — на эшафот, будто к себе домой. Магниты умирают рано — исключений мало; не все ли равно — одержимый или гильотина? Или что они придумают?

Гораций указывал на него дрожащим пальцем и теперь обвинял в «провокации паники по поводу Амбивалента».

«У тебя хорошие друзья, и ты счастливчик, — едва не процитировал в ответ дешифратора — вот что я могу сказать в оправдание. — Но Амбивалента не остановить. Он — конец всему. Я хотел помешать... а вы?»

На голени открылся и закровоточил старый шрам — еще от кислоты безумного Тиберия. Сидеть смирно не получалось.

Минуте на десятой Целест демонстративно зевнул. Фарс толком не начался, а уже надоел. Смотрят на него — вчерашние друзья и соратники, будто и впрямь главный враг всея Виндикара, чудовище из диких Пределов, на самого Амбивалента небось так бы не пялились. Сопляки-воины, которых порой тренировал, — шепчутся, и в их оттопыренных карманах мокнут червивленные яблоки.

После Горация выступил замученный Флоренц — коротко вывалил охапку научных терминов с «генетической предрасположенностью к агрессии», «возможном нервном срыве». Добавил — «причины понятны с научной точки зрения». На том спасибо, решил Целест; а из толпы кто-то перехватил луч из окна и зеркалом запустил солнечного зайчика. Бело-рыжее пятно металось, подпрыгивало и передразнивало всех и каждого. Целест завидовал.

«Быстрее. Быстрее. Я скажу, я все-таки скажу — моя жизнь не ценнее окурка в луже, и драться не могу... Но могу говорить».

Он сравнил с празднеством — тогда тоже ждал и зачеркивал дни. Тогда все решала Вербена, а сломал отец. Теперь... вновь отец, в каком-то смысле.

Собака Виндикар скалила клыки и рычала. Кассиус хранил позу мраморного изваяния — или стража у дверей Сената; Целест все ловил его — глаза в глаза, хоть на секунду, — безрезультатно.

«Нас легко можно поменять местами, верно? Правда, я помятый какой-то для Повелителя Империи... Но не я один».

В тот момент Флоренц вцепился в край трибуны, и шербатая доска вогнала в палец занозу. Он оборвал многосложный научный термин на середине, отмахнулся и поспешил прочь, выгрызая больное место.

Суд по правилам Эсколер — без обвинений и оправданий. Только правда, а решение за судьей.

Целест знал его.

И зрители — не хуже; улюлюканья и выкрики пробились сквозь торжественную строгость. Киселем взяла духота. Цитадель — мертвец с опарышами во вспухшем брюхе, скоро прорвется, и мы все либо сдохнем, либо обречем крылья. Может, то и другое вместе...

Рони поймал этот образ и поежился.

Ребекка вышла шестой — да. Целест считал.

Выплыла махаоном — черной бабочкой с черепами-рисунками крыльев; Элоиза прикрыла пол-лица веером, который затрепетал от дыхания, а Кассиус покрылся пунцовыми пятнами.

«Мама. Ты ведь не веришь, да?»

Говор и шорохи заглохли и смолкли окончательно. Облик вдовы Альена одновременно удручал и вызывал полурелигиозные чувства — Мария у креста Сына; негатив древнего сюжета — Мария, что посылает сына-предателя на казнь. Правда, немногие из простых виндикарцев и Гомеопатов помнили старую веру.

— Я должна говорить? — Голос под вуалью казался приглушенным, будто говорили из подземелья. Целесту опять некстати припомнился дешифратор («везунчик, рыжий, ты везунчик, и друзья хорошие»).

— Закон гласит, что... — Кассиус поерзал на обитом бархатом сиденье. — Вы имеете право отказаться, госпожа Альена. Но разве...

— В таком случае, мне нечего сказать. Мой сын — убийца, вы все знаете это. Он заслуживает кары — но пусть не я приближу ее. Простите.

Ребекка прошелестела кринолином и кружевами к выходу — перед ней расступались, словно перед прокаженной — на рукавах и подоле спит зародыш-смерть, а в сети вуали попалась чума. Она задела маленького Магнита, и тот юркнул в гущу толпы с приглушенным пискom.

— Мама! — выкрикнул Целест. Ребекка остановилась. Обернулась... или нет, она слилась в пятно тьмы, потому что мерзкая жижа все-таки склеивала ресницы. «Прекрати реветь», — командовал себе Целест, а Рони молчал.

— Мама... прости. Я не убийца. Мама, я... это все Касси, ты была права, а я не поверил, и Эл... — Он вскочил, натягивая цепи и нейтрасеть. — Мама.

Удар по коленям и в живот заставил согнуться пополам, сползти расквашенно на скамью подсудимых. Стражи заслонили собой — телами и запахами, мужицкий пот вместо приторно-затхлых анемоновых духов. Прижали палками к стене, словно пытаясь проколоть насквозь.

— Сиди ровно, подсудимый, — рявкнул знакомый уже медведь-южанин.

— Пустите меня... я должен. — Целест дернулся вперед с такой силой, что тупой наконечник разорвал одежду и кожу — до липкой алой струйки. — Мама! Я не убивал! Я не...

Когда стражи расступились, Ребекки уже не было в зале суда. Рони тер виски, похожим жестом он приводил себя в порядок после долгой битвы с «психом»; после того, как бешенство сменялось «белым шумом» отключенного.

«Что... она что-нибудь ответила?» — Целест скрежетал зубами от ярости и боли, он сдерживал слезы, непослушные, как сотня одержимых.

«Ничего».

— Довольно. — Кассиус вскочил с места. Теперь он побледнел, словно Ребекка оказалась вурдалаком и хлебнула крови. — Пора... хм, заканчивать.

— Подожди. — Элоиза выпрямилась, возвышаясь над властительным мужем. Рубиновые серьги покачиваясь, мигали кошачьими глазами, рассерженными кроваво-красными глазами. — Теперь мое слово.

Она спустилась, цокая невысокими каблуками, но не к трибуне — подошла к «подсудимому», страж пробормотал неразборчиво насчет «опасности», однако кто мог запретить Элоизе Альена — теперь Элоизе Триэн? Облей она керосином головы гостей и чиркни спичкой — не противились бы ей.

А сходство было. Рыжие волосы и рубины в них — всполохи пламени. Давешний солнечный зайчик, испу-

ганный было Ребеккой, вернулся к Элоизе и рассыпался по серьгам и пуговицам.

— Привет, — сказал ей Целест. — Привет, Эл.

Зловредная сестренка, с которой дрался в детстве и которая неизменно побеждала в каждой драки — не только потому, что «ты-же-мужчина-уступи-даме». Растерянный подросток — «мама-папа, почему братика забирают?» — ей было... восемь? Еще не исполнилось? Она ревела в голос и обещала Целесту, что он все равно останется ее братом; твердила — не бойся этих Гомеопатов, пусть только попробуют тебе мозги съесть...

«Папе пожалуюсь», — железобетонный аргумент.

Она сдержала обещание — принимала днем и ночью и готова была плевать ядом, как маленькая солнечная змейка, стоило кому-то обругать Магнитов палачами и убийцами, стоило кому-то обозвать всех Гомеопатов — выродками.

За грязную обувь (в моей комнате!) грозила вытолкать в окно (ты же летать умеешь!). И стала названной сестрой Вербены.

— Где Вербена? — спросил Целест, моргнув по-прежнему слипшимися от слез ресницами. Элоиза кивнула на «телохранителей» Кассиуса, пожала плечами, но успела тихо пробормотать:

— В порядке. Сейчас речь не о ней.

Рони невольно потянулся за медом и ванилью — давно сидя с закрытыми глазами, он не мог не почувствовать Элоизу. Она могла измениться и изменить, но ей он прощал все. У идеала нет недостатков — аксиома.

Рони расслышал, как со зрительской скамейки неподалеку громко фыркнула Аида. И встрепенулся, будто из теплой кровати в сугроб свалился.

«Ревнует? Меня?..» — глупо и неуместно, наверное. Пускай Рони и скрывал любовь к рыжеволосой не искуснее младенца, но где он и где — Прекрасная Дама, Элоиза? Они с Кассиусом еще не поженились официально, однако иначе как Властительницу ее никто не воспринимал — и нельзя иначе.

Аида фыркала зря. Сама-то Дама его не заметила.

Но волновалась — пригладила воображаемую складку на строгом костюме — а Рони и Целест одновременно заметили «поплывшую» тушь. Кого именно оплакивала — отца, брата? Себя?

Всех?

«На чьей ты стороне?» — но вопрос не прозвучал даже мысленно. Рони боялся, что «подсоединенный» к нему Целест расслышит. Идеалу прощают все — но братская любовь порой исчерпаема.

На чьей стороне... скоро поймут, так или иначе. Рони потер шею, будто осязая колкий аркан, готовый навсегда пережать дыхание. Он зажал мысль — зубами тоже, прокусив до крови язык.

Все-будет-хорошо.

Под укоряющим взглядом Кассиуса Элоиза все-таки шагнула к трибуне. Облокачиваться не стала, словно брезговала пыльными записями Горация, обожженными кислотой прикосновениями Флоренца, кровью на руках свидетелей-Магнитов и стражей — или самим червивым действием? Рони надеялся на последнее.

Потом она по-детски вздернула подбородок, устремилась на шебуршащихся зрителей осуждающий взгляд.

— Я сестра Целеста, — сказала она.

Гул, похожий на движения селя — грохот камней, горной воды и грязи, — сорвался с «галерки», но затих.

— Я сестра Целеста, — повторила Элоиза, упорно называя «подсудимого» по имени. Гораций пожевал губами, переставил пенсне из правого глаза в левый — нарушение правил. Кто-то из зрителей — обывателей, Гомеопатов? — свистнул в два пальца. Кассиус пригладил отросшие волосы.

Теперь Аида действительно могла ревновать. Рони сложил ладони, будто аплодируя оратору — Эл, ты лучше всех, ты настоящая. Целест помахал кому-то — Авису или Тао; если китаец сумел сохранить невозмутимое выражение лица, то длинноносый мистик открыл рот, демонстрируя неровные зубы.

— И я утверждаю: он невиновен. — Элоиза будто не замечала шума, смешков и переглядываний. — Не более, чем кто-то из вас, а может быть, и менее.

На тощей шее Ависа дернулся кадык. На лбу Тао выступила капля пота, словно расплавилась и потекла восковая свеча.

— Не более, чем я.

«Она вспомнила? Она... то есть ей же мозги промыли — Авис небось и промыл, Кассиусов прихвостень... но Рони, это возможно?»

«Нет», — ответил тот и приложил мельком указательный палец к губам: молчи.

«Но ведь мы уже...»

— Обращаюсь к тебе, Владыка Империи Эсколер, и все, кто явился ныне судить моего брата, — разве можно назвать виновным того, кто...

«Невиновен. Правильно, Эл, но ты тоже — действия под гипнозом неподсудны. Что, Авис, наложил в штаны? Тебя я пощажу. Потому что Вербена не хотела бы лишних смертей. И ты бы все равно сам не додумался проверить подобную махинацию, и твой всезнайка-напарник — тоже. Я пощажу вас обоих. Но не Касси».

— ...пытался остановить Амбивалента — любой ценой. Даже ценой убийства. Даже ценой убийства собственного отца.

Сель прорвался.

Грохотом цепей и тяжелой деревянной скамьи, Целест перевернул ее, заставив Рони неуклюже опрокинуться на пол. Натянул звенья до предела, а от досок разлетелись во все стороны щепки.

— Я не убивал! — Нейтрасеть вспыхнула зеленым огнем, казалось, он истекает вязкой и застылой на воздухе травяной кровью. — Я не убивал! Эл! Ты ничего не помнишь, потому что...

Стражи навалились — люди и Магниты, воин ударил заморозкой, и губы Целеста хрупнули, словно перемерзшее мясо в морозилке:

— ...Авис, и Тао... и Касси, они...

Льдистая корка осыпалась. Целест сопротивлялся. По рядам метнулась паника — вместе с потаенным восхищением кого-то из старших Гомеопатов — насколько он силен, этот парень. Острия знакомых уже палок врезались в солнечное сплетение и пах Целеста, а заморозка остудила хлынувший горлом багрянец.

— Авис! Тао! Касси... он...

Целест повалился на скамейку. Он наступил на указательный и средний палец Рони, но тот не почувствовал собственной боли.

«Единение. Вот почему мистики редко решались на подобное», — Рони вспомнил Иллира. Если бы они с Тиберием поменялись местами, если бы...

«Никаких если. Здесь и сейчас».

— Тсс, — в который раз повторил он, обертывая нервные окончания Целеста невидимой ватой. Тот еще бормотал — имя Элоизы, Кассиуса, а потом замолк — сразу и полностью.

«Целест?»

Он не отвечал — закрылся наглухо, черным экраном и захлопнутой крышкой гроба. Рони, поднявшись из позы каракатицы на полу, замер — перед Элоизой, которая поджимала губы, то ли расстроенная, то ли злилась.

Рони вломился к ней — Целест не отвечает! Ты же его сестра. Сделай что-нибудь. Он — как отключенный.

Элоиза схватилась за затылок, портя прическу. Взметнулись — солнечные зайчики, рубины, и неестественно-бледными были ее пальцы, тонкие, как струйки молока из сосков.

— Убирайся, мозгожор!

Видеть чужими глазами — «Вельвет» и бумажные створки. Ресурс исчерпан — самое оглушительное молчание. Перед Элоизой копошилась гигантская личинка — полупрозрачная, слизистая и невыразимо гадкая; личинка была ядовита и могла (сожрать мозги) укусить, а еще служила убийце.

«Убийце, Эл? Он — твой брат...»

— Он убийца! — закричала девушка, разметывая рубины, словно красные капли. Из зала рванулись было, но стражи несли караул — никому не хотелось получить запал пороха. Или заморозку. Рубины недоступны, а шоу продолжалось. — Он убийца! Он убил моего отца! А ты.. а ты не смей ко мне обращаться, мозгожор — ни со своей уродской любовью, ни с...

Она не договорила.

Толпа не выдержала. Напряжение должно было лопнуть, подобно нарыву, — и разорвалось хохотом.

«...этот урод...»

«...саму Элоизу...»

«...осмелился...»

Рони пошатнулся, протянул руку к стене, ища опоры, но рука соскользнула. Он шмякнулся задом о пол, вызывая новый приступ хохота. Про Целеста — и того забыли, а Рони захлебывался в эмоциях.

Больше всего смахивало на сны — у всех случаются подобные; ты среди тысяч людей, и вдруг оказываешься голым. И во сне — смех каждого — у тебя над ухом, дробит кости и гремит по нервам.

Мистики спят наяву и живут снами.

«Зачем?» — спросил он у Элоизы, неслышимо — может, телепатически, а может, вслух, сам не разобрал. Вокруг грохотал смех, всемогущий и неумолкаемый. Мгновение Элоиза смотрела на него, и эмпат не разобрал ни единой эмоции — ничего, брат и сестра похожи как близнецы, бледное лицо, кожа — ваниль и волосы — июльский мед, а глаза — кошачьи.

И отвернулась.

— Довольно! — закричала она. Ее не послушали, и тогда добавила негромко: — Каждый смеющийся будет подвергнут экзекуции.

Подействовало. Гогот сбежал по потолку и вывалился в окно.

«...Со мной все в порядке, Ро». — Целест облизал окровавленные губы. Отозвался. Рони подполз к нему побитой собакой.

«Я с тобой».

«Взаимно, Ро. Жаль, не могу пришить каждого, кто осмелился ржать над тобой. Считаю, за мной должок, а Эл — тупая курица...»

«Т-сс».

— Продолжайте, — выговорил Кассиус. Похоже, все это время он дергался, будто на ежа сел, а теперь встал даже — почва под ногами на месте ли.

На месте, куда денется. Тао сложил руки в жесте китайского приветствия, и тут же вернул — по швам. Авис улыбнулся.

— Продолжайте, госпожа. Вы утверждаете, что ваш брат...

— Невиновен. Он убил Адриана Альену, но он невиновен — потому что вина — это не действие, а мотивы. Убийство во имя Мира Восстановленного — благо. Известно, что обвиняемый неоднократно пытался Объединить людей и Гомеопатов, — здесь Кассиус закивал, а Элоиза невозмутимо продолжала, — однако Адриан Альена всячески противодействовал этому. Более того, он недостаточно серьезно отнесся к угрозе Амбивалента. Который все еще не обнаружен, правда, но мы продвинулись хотя бы в деле Объединения... разве не так?

Цитадель загудела темным морщинистым брюхом — утвердительно.

— Потому я утверждаю: мой брат невиновен. Его деяние — всего лишь выбор меньшего зла пред ликом общей угрозы. Спасибо за внимание, господи. И тебе спасибо, Владыка. Я верю, что ты примешь справедливое решение.

28.

«В конце останутся двое».

Старая притча — Целест не помнил, откуда всплыло в памяти. Но верно же, каждый финал — дуэль, судьба одного на кончике лезвия другого. Цитадель вымерла — гомонящие, пропахшие потом и тухлятиной, нетерпели-

вые зрители осыпались скелетной трухой, слились со стенами — аляповатые неяркие декорации, не более того.

Их двое.

Кассиус и он. В резиденции Альена невнятно проклинал — обоих? — через кляп отец, и разметывала по стеклу волосы Элоиза; теперь — никого. Даже Магниты-мистики — за тридевять Пределов — неважно, что Рони «подключен» к Целесту и Авис обеспечивает ментальный щит Владыке.

На самом деле их двое.

— Сначала слово подсудимого. — Кассиус тронул предплечье Элоизы, когда та вернулась на место. Он коротко вздохнул и потер лоб — наверняка, одолевала мигрень. Он терялся на фоне собственной же агрессивной черной-багровой формы, как завернутый в яркую фольгу прозрачный леденец.

В иной ситуации Целест жалел бы его — Кассиус определенно не «тянул» на Владыку. Придумал ли он многоходовую шахматную партию — устранить Верховного Сенатора, перетянуть на свою сторону Гомеопатов, стать единоличным хозяином Империи... императором, что ли? На заре Эсколера — были именно императоры, люди решительные и жестокие; они тогда ограничили власть Гомеопатов — не без репрессий, окровавленных колов на площади с нанизанными, зефиром на палочке, мятежниками — мутантами ли, простыми ли смертными. Потом — отхлынуло, успокоилось. Триэнов за жестокость осуждали. Альена слыли скорее хранителями — минимум казней, минимум смертей. Мир Восстановленный — наше достояние, ибо построен на костях.

На многих слоях костей. Так в мел превращались доисторические моллюски.

Но Кассиус слабоват для эдакого тираннозавра-рекса из глубины веков. Тогда — кто? Целест повторил жест — только пальцем дотянуться до лба не мог, дзенькнул натянутой цепью, потерял о блестящие хромом звенья.

«...Не Эл — точно. Неужели — приятели Тао и Авис? Главный вынюхиватель и самозванный Нострадамус, —

древнее имя выплыло в памяти, словно пузырек в озере, — ...в шахматисты годятся».

Какая разница. Решать — Кассиусу.

— Говори, — повторил Владыка и закусил жирную розовую губу.

«Сам напросился».

Встать Целесту удалось со второй попытки — болела раненная по старому шраму голень, в животе расплывалась дрожащая гематома, заморозка перехватывала дыхание; ерунда вроде — и похлеще одержимые отделявали, но нейтрасеть сил не прибавляла.

— Можно мне воды? — попросил он. Стражи переглянулись, но Кассиус кивнул. Целесту притащили жестяную кружку с пахнущей йодом водой. Он выхлебал все одним глотком.

— Спасибо, Касси.

Замахнулся палкой белесый — но не ударил. Фамильярное «Касси» отрикошетило недовольным гулом. Целест подумал об улье — как насчет пчел-убийц из Южных Пределов?

«Касси все равно Касси. Не дождется — Владыка, тоже мне».

— Я не убивал, — предсказуемо начал Целест. Гул усилился — можно было распознать отдельные голоса или вообразить вибрацию хрупких слюдяных крыльев, темные лапки цепляются друг за друга, а каждое полосатое брюшко тарашится жалом.

Ядовитым, очень ядовитым.

Целесту нравились жала и яд. В конце концов, разве сам он не был — Магнитом-осой, лезвия и капли отравы?

— Я не убивал, — повторил он, — Эл меня оправдывала. — В глаза залезли отросшие волосы, Целест дунул, чтобы прогнать их. — И зря, потому что все эти обвинения — собачье дерьмо.

Жужжание превратилось в визг. Просвистело над ухом и крикнуло об стену тухлое яйцо. Целест шмыгнул носом.

— Собачье дерьмо. И пахнет как ваша тухлятина, ага. Мне никто не верит, потому что... ну, я правда не особо-

то ладил с отцом. — Голос сорвался на противного «пелуха». Целест даже смолк, прислушался к выкрикам — «четвертовать!», «избить до смерти!» и банальным «голову с плеч!». — Но я собирался уйти сам. В конце концов, Амбивалента можно нейтрализовать и без Объединения... наверное. И уж тем более — без меня. А еще потому, что я не такой уж герой, и после того, как по носу щелкнули, — решил заботиться только о тех, кто мне правда дорог. Таких людей несколько, но ма... Ребекку и Эл...оизу все равно не уговорил бы уходить. Я выбрал Вербену и Рони.

Пожал плечами.

Вытряхнуть душу — на весь Виндикар. Когда-то исповедью называлось, только с глазу на глаз — грешник и священник.

«Грешник? Может быть. Убийца, палач и выродок. Но не отцеубийца».

Рони смотрел куда-то в сторону, то ли сканировал мысли толпы, то ли подсчитывалдохлых кошек и гнилые томаты. У Целеста болела и чесалась голень, и тянуло поскорее покончить с этим — исповедь так исповедь, он не скрывает ничего.

— Меня подставили, — сказал он. — Ты подставил. Ты, Касси.

Владыка часто и тяжело дышал, повел плечами — напоминая бабочку на игле коллекционера, еще живую бабочку. Авис мотнул носом, и Кассиус вскочил:

— Довольно! Довольно лжи. Мятежник, преступник и... я выношу тебе приговор.

«Мы двое, и ты казнишь меня. Но это — не победа». — Целест улыбнулся открыто и радостно — солнечное утро, и впереди целое лето, яркое пестро-зеленое лето и рыжая осень после. Его время.

— Благодари Элоизу — ты не будешь убит. Однако, — Кассиус повысил тон, чтобы слова добрались до каждой мышцы в норах Цитадели, — по решению суда и Владыки Эсколера преступник, чья вина доказана, ныне будет подвергнут...

«Смерть, здравствуй».

— ...мере наказания, имя которой — Печать.

Кассиус запнулся на последнем слогe. В повисшей тишине угадывался — смех, недоумение, отвращение — тоже.

Печать — древний, действительно имперский ритуал. Иначе не скажешь, собственно наказанием трудно назвать. Применяли его к высокопоставленным бунтовщикам, часто — к женщинам; потом Печать запретили — как чрезмерно жестокую меру наказание.

«Ослышался? Нет, но... зачем, это ведь...» — страх пролезил по внутренностям — скользкий и холодный, как бородавчатая жаба.

«Ослышался?»

В толпе переглядывались.

Элоиза всхлипнула навзрыд — нет, пожалуйста, — но прикусила язык и смиренно опустила голову; в точности — будто на стекле и с шипом-кинжалом. Гордая, смелая... и покорная в конечном итоге.

— Правая половина лица преступника будет подвергнута иссечению и прижжена, дабы на веки вечные стать знаком — вот он, чьи деяния — зло. И после свершения ритуала выброшен будет преступник за пределы священного града Виндикара, и заклят отныне путь ему в град Виндикар, и каждому жителю — прикасаться запрещено, а также всяческую помощь оказывать. Если же смерть постигнет нечестивого, то высший суд. Также любой в изгнание за преступником последовать может, сам изгнанником становясь...

— Долго учил, Касси? Это из Архива, — проговорил Целест, не способный пока осознать. А вот поддеть — пожалуйста. Улыбка его полиняла и выветрилась. Кассиус заранее все придумал, даром же вызубрил судебскую книгу старых императоров. Сам бы не додумался ни до Печати, ни до заумно-пафосных формулировок.

— Последует ли кто за преступником в его изгнание? — Кассиус проигнорировал выпад.

Рони пожал плечами, словно его спрашивали — будет ли он вторую порцию жареной картошки с мясом. Дурацкий вопрос.

— Я. Иероним Тарк.

«Все будет хорошо», — продолжал лгать он Целесту. Тот по-лошадиному тряхнул волосами — смешно, а?

«Печать, Рони. Чертова Печать».

«Все будет хорошо».

— Да будет так. Приговор привести в исполнение...

— Стой, — выкрикнул Целест. — Как насчет последнего желания? Ну... в любом случае, я ведь больше не... в общем, я хочу увидеть... попрощаться. Нет. Увидеть. Вербену.

Тао и Авис синхронно сглотнули. Авис сделал движение пальцами, будто открывая бутылку — или сворачивая шею кому-то маленькому, вроде птенца или мыши.

— ...Привести приговор в исполнение. Немедленно.

29.

«Немедленно».

Целест схватил открытым ртом воздух, наблюдая, как открываются двери.

«Вербена. Пожалуйста... я знаю, после Печати не выживают, это изощренная пытка и казнь; все, чего я хочу, — проститься».

Краем глаза замечал еще, как вскочила и пыталась выкрикивать «не надо, остановитесь» Элоиза, ее силой усадили на место прихвостни Кассиуса — «будьте-вы-оба-прокляты»; перешептывались в «зрительном зале» экс-соратники; кто-то прятал взгляд, а кто-то с голодным гиеным выражением лица пялился на Целеста — ну же, когда начнется.

У входа стражи отомкнули алебарды. Целест замер, слыша гулкий пульс в ушах, громче грохота жестяного ведра по ступеням — да-нет, нет-да. И озадаченно присвистнул, когда первыми у входа появились Главы Магнитов.

Рони, сложивший руки в молитвенном жесте, — казалось, он вовсе отключился от реальности, и сбоем в дешифраторской программе повторял только — «все будет

хорошо», — вскинул бесцветные ресницы и взъерошил отросшую белесую челку.

Но Целест не спросил — «почему они?» Винсент держал за руку Вербену. Декстра вышагивала рядом на манер конвоира.

— Что вы... Почему...

— Иди. — Винсент подтолкнул Вербену, и та сорвалась с места. Вблизи Целест рассмотрел, что волосы ее потускнели, а и без того тонкая фигура сделалась полупрозрачной; болезненно и хрупко выпирали кости, смуглая кожа посерела и губы потрескались. Вербена напоминала оживленного мертвеца, правда, у зомби не бывает заплаканных глаз.

— Целест. — Она обняла его за шею. — Прости... это все я... Я виновата...

А он не мог ни ответить, ни обнять в ответ. Только зарылся носом в волосы, потом поцеловал мочку уха, обтянутую кожей скулу и уголок обветренного рта. Вербена плакала, но беззвучно и бесслезно.

— Что они с тобой делали?

— Ничего, Целест. Но с *тобой*... — Она прижалась теснее. — Я слышала, там, за дверью. Меня не пускали раньше, потому что... не знаю почему. Сказали — можно проститься, а еще...

Голос сорвался на гортанный вскрик.

— Прости. Все из-за меня. Если бы я не поехала тогда с Тао... он обещал, что привезет к тебе, а вместо...

«Вот оно что. Обманули нас обоих». — Но теперь это не имело значения. Целесту хотелось обвить и успокаивать Вербену, а оставалось лишь по-собачьи лизать сухую горячую кожу — горько-соленую на щеках.

— Все будет хорошо, — повторил он вслед за Рони, подумав об эстафете. Ложь — от одного к другому, ложь во зло и ложь во благо. — Печать — это... ну, не казнь насмерть ведь. Ну попортят физиономию, ерунда...

Лучше б молчал. Вербена вцепилась крепче, ее была крупная дрожь.

— Ну все, хватит. — Декстра рванула девушку.

— Не трогайте его! Или... меня! Меня тоже казните! Я виновата!

Декстра скривилась. Оттащила Вербену, не замечая истерики, швырнула Винсенту.

— Уведи ее.

— Нет! Я имею право остаться... я слышала. Владыка. — Глава мистиков не успел остановить ее, Вербена преодолела расстояние до Кассиуса двумя скачками, алебарда одного из стражей оцарапала локоть, но не задержала ее. В конце концов, она была танцовщицей, быстрой и грациозной. — Умоляю вас... позволить мне остаться.

— Будет кровь и крики. Я даже мистикам рекомендую покинуть зал, — вместо Кассиуса — тот был занят с Элоизой, которая по-прежнему протестовала, ответил Винсент.

— Пусть. — Вербена закусила нижнюю губу. — Я остаюсь. Кассиус вяло отмахнулся — пускай.

— Тогда... — Винсент грузно развернулся всем телом, и по его неозвученной команде повсюду вымирали, будто скованные морозом, пересуды и выкрики; Элоиза опустилась на место, точно сломалась пополам, закрыла ладонями лицо. По запястьям черными потеками ползла размазанная косметика. А Вербена сжала кулаки и неотрывно уставилась вперед — туда, где сидел Целест и прикованный к нему Рони и стояла Декстра. — С дозволения Владыки... Начнем.

У Рони оставалось секунд пять.

Хорошо, что он уже «коннектился», хорошо, что Целест не сопротивлялся — в отличие от большинства людей и Магнитов, и все-таки у каждого — защита от полного слияния, рефлекс на уровне подкорки, подобный зрачковому или мышечному.

У Рони — секунда или две.

Потом — поздно; Целест не выдержит Печати один.

Но вдвоем можно... попробовать.

«Печать — не смертный приговор», и он нырнул в чужое сознание. Оттолкнуло — будто на батуте; Рони почему-то явился образ пружинистого желе.

«Все-будет-хорошо», — пока Целест следил завороченно за Декстрой — губы в ниточку, слились с лицом, пламя волос почти погасло, заголив покрытый шрамами бритый череп; из рук вырастают лезвия — откуда-то вынырнул страж и предложил казенный нож с витой рукоятью, похожей на рог, но Декстра и не взглянула на заточенную сталь.

— Прости, — сказала она тихо. — Так надо.

Целест сглотнул. Зажмурился.

Рони рванулся снова — наслаивая собственное сознание на Целестово; мы-одно-целое, напарники — Магниты ближе любовников в минуту соития, связаны крепче сиамских близнецов. Вместе — навсегда.

Боль — тоже. И если смерть... нет, смерти не бывать.

Рони — тело Рони — сползло безвольным мешком с пуговичными глазами. Оно ему не понадобится, по крайней мере ближайшие минут двадцать.

В расширившихся зрачках Целеста мелькнуло лезвие — и почти брезгливая гримаса Декстры, словно она ненавидела — преступника или то, что ей нужно было сделать?

«Какая... разница».

От первого надреза — там, где лоб с холодной испариной переходил в рыжие волосы, — Целест только вздрогнул. Не больно. Одержимые похлеще отделявали, да-а.

— Черт. Твои гребаные патлы, — ругнулась Декстра.

Она зажала его мускулистыми ногами, на манер кожевника, свежую тушу. Запрокинула голову Целеста, плюнула на руку и пригладила его волосы — чтобы не мешали. Проступившей кровью «закрепила» их.

А потом действовала быстро.

Подцепила уже надрезанную кожу, и потянула на себя, подрезая попутно нервы и тонкие лицевые мышцы. Словно стягивала кровавую маску.

«Мое лицо, — думал Целест, наблюдая, как отходит фрагмент за фрагментом эпидермис, мышечная и нервная ткань, тянется за ножом двухцветной бело-красной кляксой. — Она вырезает мое лицо. Что она мне оставит?»

Боль вызрела и разорвалась где-то под горлом, но кричать он не мог. Только приоткрыть рот и дышать прерывисто, словно умирающая лошадь. В рот затекала соленая липкая влага, покрывала пленкой язык и мешала дышать тоже.

«Я умираю», — думал Целест, когда Декстра соскоблила кожу и мясо — почти до черепа, от лба до уха.

«Я умираю», он цеплялся ногтями за скамейку. Вместе с болью горько подкатывала к горлу тошнота и тут же откатывало обратно — к полутьме, к забытию. Он почувствовал, как потеплело и намокло в паху — то ли натекла кровь, то ли обмочился. Он потерял сознание где-то, когда Декстра подцепила кромкой лезвия верхнее и нижнее веки и выдрала их, оставив глазное яблоко белесо и обмороочно таращиться в потолок.

В зале тишина сменялась стонами и выкриками. Кого-то тошнило, кто-то пытался выбраться — но стражи уже не выпускали. Два или три молодых мистика перехватили эманации боли — и теперь всхлипывали, болезненно трясли головами, прогоняя чужие «картинки».

Элоиза сидела ровно, поджав губы и вытянувшись в струнку. Она побледнела до оттенка мрамора в доме Альена, мертвого ледяного мрамора, но следила за процедурой наложения Печати — так именовалась пытка в книгах — неотрывно и спокойно. Кассиус обмахивался ее веером и пил воду с лимонным соком из круглого стакана.

Тао закусил губу — в тот момент, когда Декстра срезала щеку и часть губы — правую сторону — Целеста. Авис завесился темными волосами, точно балдахином.

Тишина ползла по залу, прерываемая омерзительным чмяканьем отдираемого мяса и короткими выдохами.

Декстра иногда оглядывалась — на Винсента, который удерживал Вербену за костлявые плечи, а та, казалось, подражала Элоизе, только теперь окончательно напоминала восставшего из могилы мертвеца. Может быть, обморок — тоже с открытыми глазами и стоя по стойке «смирно». На лысом темечке Главы мистиков проступал пот.

— Я скоро закончу, — зачем-то сказала Декстра. У ее ног валялось то, что когда-то было лицом Целеста, правой половиной — ото лба до подбородка, губы, переносица, веки. Уродливо выпирал окровавленный скелет.

— Осталось прижечь.

— Почти... получилось, — проговорил Винсент, задыхаясь, словно он тоже лишился своих обрюзглых щек и набрякших век. — Почти.... Немного еще...

Глава воинов ухмыльнулась Вербене, поднесла окровавленное лезвие к языкам пламени на собственной голове.

— Огонь очищает, — сказала она.

И прижала раскаленное лезвие кровоточащему полу-черепу, заполняя пространство тошнотворной вонью горелой крови и плоти.

Целест не реагировал — обморок глубокий, почти кома. «Так лучше», — чужая боль прилипла, приклеилась, но Рони мог терпеть — он ведь выбрал, он... экранировал; осталось немного, и он рад, что Целест отключился. Потом все будет хорошо. Подумаешь, изуродовали до дыры в щеке — видно, как в зубном проеме шевелится пересохший язык, до скелетного остова — красота не главное (да-да, уж я-то знаю), а в остальном...

«Помоги!»

Его звали. Телепатически. Призыв этот был настолько силен, что вырвал Рони из почти угасшего (так лучше, ты потом проснешься, а я знаю травы, которые усмиряют боль) сознания Целеста; неподвижное тело на полу дернулось, разлепило глаза — на верхних и нижних ресницах засохли слезы, все-таки ревел беззвучно, пока принимал свою порцию агонии.

«Помоги же!»

Фантомная боль отпускала медленно. Рони сравнил с нейтрасетью, а еще подумал, что зеленая дрянь сыграла положительную роль — высосанный досуха, Целест почти не сопротивлялся. Нейтрасеть... не на нем, на нем цепь. Помоги. Кто?

Смуглый страж рубанул цепь. Звено разлетелось на холодные металлические искры, а те утонули в натекающей крови — прямо под ногами Декстры, которая смотрела...

Да, Рони уже понимал.

На Винсента.

На Вербену.

Он закусил указательный палец, повторяя любимый жест напарника. Хорошо, что ты сейчас не здесь, думалось Рони, ты в обмороке и среди боли — но это всего-навсего физическая боль. В этой реальности — хуже.

Светло-голубые — лунные, как говорил Целест, — глаза Вербены сделались белыми, похожими на яичный белок с тонкими розовыми прожилками. Казалось, она тоже потеряла сознания, не выдержав страданий возлюбленного; драма на двоих — третий лишний. Четвертый и пятый тоже.

«Помоги», — повторил Винсент, и в тот момент Авис кубарем скатился с импровизированной «ложи», за ним — еще несколько мистиков, они все слышали призыв. Помоги, помоги, помоги.

«Хорошо, что Целест... не здесь».

Рони грыз палец и не дышал. Люди и Магниты-воины — может быть, кроме Декстры, — ничего не понимали, а мистики перепрыгивали или неуклюже проталкивались к своему Главе и девчонке-танцовщице, словно внезапно захотелось собрать автографы — у самой...

«богини Виндикара»

«воплощенной»

Теперь Рони понимал.

Он еще раз оглянулся на Целеста — тот запрокинул изуродованную голову назад, выставив горелую бахрому раны на всеобщее обозрение, над ним вилась пара мух, словно над мертвецом — но он был жив.

«Все будет хорошо, Целест... вот только...»

Бельма дрожали под ресницами. Вербена проговаривала какие-то отрывистые фразы, иногда ее передергивало, будто лягушку под гальваническим током, каждый мускул натягивался до предела.

Мистики сгрудились вокруг нее, переглядываясь и задавая Главе Винсенту один и тот же вопрос. Да — нет. Невозможно.

Да.

— Это она, — высказал Рони то, что не решались остальные. — Это Вербена. Она — Амбивалент.

30.

И замолчал.

Кто-то должен был выразить вслух, но почему — я? — Рони заозирался по сторонам. Мистики выстроились вокруг Винсента и Вербены плотным кольцом. Хромой Октавий с отрубленным носом — ранил какой-то «физик», прежде чем того призвал напарник, — по-лягушачьи хлопнул губами. Танита, вечная девочка с ободранными коленками и непрозрачным взглядом аутиста, присвистнула. Анна, сводная сестра Иллира, замахнулась на Вербену, будто намереваясь безыскусно выцарапать глаза, ее удержал коротконогий толстяк Джастиан. Несколько малышей взвизгнули.

Всех их Рони знал много лет. Но впервые — такими.

«...И сейчас будет паника, да?» — Рони облизал пересохшие губы. Вербена не реагировала, казалось, она тоже подключилась к Целесту — способен ли Амбивалент на такое? — безвольно висела на руках Винсента.

У нее острые ключицы, узкие плечи и голени тоньше иного запястья. Вербена — девочка-цветок, богиня Виндикара.

Амбивалент? Чудовище?

Винсент держал ее, как держат догорающий факел — когда смола капает и шипит о кожу, взбугривая ожог за ожогом.

Рони сказал — и не верил сам.

«Глава ошибся?»

— Да, — сказал Винсент.

Это был сигнал. Живое кольцо вздрогнуло предынфарктным сердцем: мистики атаковали. «Все на одну», —

подумал Рони, но присоединился к волне эмпатии. Кто-то представлял невидимое оружие стеной огня, кто-то — оползнем или селом, для Рони смерть всегда была зубастой пастью, по краям вздернутых губ которой торчали комья бороды. Его первый одержимый. Его первый кошмар.

«Прости, Вербена...»

Пасть летела к ней, заполняя небо и перекрывая солнце, а маленькая девочка с заколкой в виде вербного соцветия сжалась в комок, она упала и разбила локоть, и по грязным щекам текли слезы.

Амбивалент? Не верю.

«Не могу».

Рони отступил. Другие мистики — пусть, сила одного ничего не решает; и разве Винсент не справился бы самостоятельно? Хоть бы и с Амбивалентом — всемогущий, как старый бог из рассказов Целеста, и такой же неумолимый. А Рони — просто глупый мальчишка из Пределов, который выложился на «экран» чужой боли. Целест умрет, если его не забрать отсюда. Целест умрет без Вербены.

«Не могу».

Но удар остальных достиг цели. Вербена открыла глаза.

Теперь она смотрела осмысленно и зло, на полудетском лице ярость отразилась не страшнее оскала двухмесячного котенка. Однако Вербена встряхнулась, и по тому, как мистики попятились, спотыкаясь — Джастиан поскользнулся и тяжело плюхнулся, а Танита сломалась пополам, приземлилась на расцарапанные коленки, а затем одновременно замерли в нелепых позах, с заведенной назад рукой или занесенной ногой, — Рони понял, что она отразила удар. Легко, будто смахнула соринку с платья.

Удар нескольких десятков мистиков. Включая Главу Винсента.

«Мозгожоры» сломали зубки, невольно подумалось Рони, и он болезненно ухмыльнулся. Возле Декстры уже группировались воины, выступила Аида — с витьем колючей «проволок» в одной руке и сгустком пламени — в другой.

Вербена покачала головой, и Рони померещилось — залило небо и солнце чернилами, и осталась лишь луна — глаза Вербены. Глаза Амбивалента.

Страшно? Красиво.

— Не надо. Я отражаю любую атаку.

Мистики синхронно развернулись к Декстре. Лица их были измятыми картонными масками. Безносый Октавий пустил длинную нить слюны. Анна вывалила длинный язык на собачий манер. Остальные бессмысленно улыбались.

«Отключенные, — понял Рони, и где-то в животе расплылся холод. — Я мог быть среди них. Она бы меня не пощадила...»

— Я отражаю любую атаку, — спокойно повторила Вербена. — Вдесятеро.

Винсент по-прежнему удерживал ее, однако она стряхнула тяжелые руки. Глава мистиков, единственный, кто уцелел, переглянулся с Декстрой, и на лице той дернулись желваки.

В который раз за такой длинный день повисла тишина. Центр переполненного людьми, Магнитами и отключенными зала — пустынное необитаемого острова.

Ничего живого — только картинки. Винсент и Декстра — первый потерял часть своего войска и ссутулился, разом постарев на десять — двадцать, тысячу — лет. Декстра удерживает за предплечье Аиду. «Она хочет воевать рядом со мной», — отметил Рони. По одному проседают на пол мистики, словно хитиновые оболочки мух, которых высосал паук. Воины ждут.

Зрители — не верят. Часть шоу, думает кто-то, Рони перехватывает мысли автоматически и отшвыривает — бесполезная шелуха. Они не верят — мы тоже.

Вербена подошла к Целесту и села на окровавленную скамью. Один из стражей взмахнул палкой и тут же грохнулся оземь с вывернутой на сто восемьдесят градусов головой. Второй прижался к стене, словно желая пробить ее и вывалиться в сад. Вербена даже не покосилась в его сторону.

Она погладила Целеста по волосам, стараясь не касаться обескоженной части лба. Целест не очнулся, а Вербена гладила и гладила рыжие волосы, побуревшие сейчас от крови, и никто не осмеливался прервать ее. Знакомые уже солнечные зайчики запрыгнули прямо на раны, играя светотенью на заголенных костях черепа и остатках плоти — уродливое, тошнотворное зрелище. От прикосновений прогибались волосы, и болтался вязкий комок жженной плоти — там, где была щека.

Почти ритуальное молчание — молчание преклонения, молчание молитвы — оказалось прервано воплем.

Кричал Кассиус.

— Остановите! Остановите ее, это же Амбивалент! Сделайте же что-нибудь, вы обещали, вы обещали, *сделайте что-нибудь!..*

Авис схватил его поперек туловища (он тоже не спустился с другими мистиками — умный или правда ясновидящий?), а Тао зажал «великому Владыке» рот, скрутили по рукам и ногам, как капризного ребенка, но — поздно.

Вербена — Амбивалент — очнулась от транса.

Она выпрямилась во весь невысокий рост. Ей не привыкать, что перед ней замирают и готовы пасть ниц. Но танцы закончились. Она наступила на пальцы распластанного на полу Джастиана, тонко хрупнула фаланга.

Вербена склонила голову набок.

— Это вы? — спросила она. — Это вы затеяли? Не пытайтесь скрыть — я читаю каждую мысль.

Она оглянулась на Винсента.

— Даже вашу, господин Глава.

Кассиус тонко пискнул. Тао и Авис удерживали его, но затыкать рот незачем более оказалось; Владыка потерял сознание.

Минус один, подумал Рони. Целест и Касси вне.

— Вербена? — Элоиза отпихнула бесчувственного жениха и телохранителей. Она спустилась к названной сестре, по дороге споткнулась, но равновесие удержала. Вблизи Рони заметил потеки туши, похожие на черную татуировку, теперь она не замечала Целеста. Его — то-

же. — Послушай... я не понимаю, что происходит? Они говорят, что...

— Я Амбивалент. Это правда, — просто объяснила Вербена. На смуглых щеках вспыхнул румянец, словно она просила прощение за побег из резиденции — например, к Целесту в Цитадель. Элоиза — старшая сестра, ее нужно слушаться.

— Ты убьешь нас всех?

— Я не...

Она не договорила. Взмахнула руками, выгнулась назад, точно исполняя сложное па, светлые глаза побелели от боли.

«Эмпатическая волна».

Не волна — цунами, целый океан — северные воды со всеми рыбами, айсбергами и утонувшими кораблями.

Винсент. В полную силу. Рони сжал виски, чувствуя, как лопаются — шелк-шелк, как сухарь на зубах, — его нервные клетки. Нельзя находиться рядом с волной-океаном и выжить... и от ее удара тоже.

Амбивалент или нет, Вербена обречена, и глаза ее похожи на искрошенные кратерами луны.

В ту же секунду воины во главе с Декстрой швырнули — кинжалы костяных шипов, огненные сгустки, миниатюрные молнии; центр зала, который когда-то был обеденным, заволокло туманом, вонью горелой плоти с примесью чего-то кисловатого, словно подгнившие яблоки.

Рони сбило с ног чьей-то ударной волной, и разум словно залило молоком. Сплошное белое пятно. Он перекувырнулся и замер возле Целестовой скамьи, как никогда напоминая тук с тряпьем.

Где-то заканчивался мир, но Рони был далеко.

«Элоиза», — очнулся он с кроваво-железистым вкусом во рту. Молочное пятно отползало затылком, шейными позвонками.

«Элоиза, — подогнал он. — Целест. Аида. Вербена...»

Заставил себя поднять голову и едва сдержал вопль — прямо на него неслась Элоиза, зажав в руке шип кого-то из воинов-Магнитов. «Дежавю, — вспомнил Рони одно

из умных слов Целеста. — Она уже... делала так... с Адрианом Альеной...» Чужое дежавю — во время единения выцепил у Целеста его образы.

Неслась она по странному «ковру». Рони зажал рот, понимая: этот жирный пепел, эти полосы и куски обугленных костей — все, что осталось от воинов... и от отключенных-мистиков тоже.

Вокруг царил хаос. Стражи, Гомеопаты, обычные зрители — беспорядочно метались по залу, кто-то с разбегу впечатывался в стену и замирал так, сцепились два стража — из горл обоих хлестала струей блевотины желто-зеленая кислота. Пара других — смуглый и блесый методично жгли друг друга. Какая-то старушка вырвала глаза и швырнула под ноги беснующихся одержимых.

Рони предположил, что она стала одержимой-психом и увидела... что-то.

«Вот и все». — Ему хотелось закрыть глаза и дождаться своей очереди. Вряд ли стоило надеяться, что Элоиза — Вербена — пощадят его.

Но Элоиза метнулась мимо, ощериваясь новыми шипами. Они выпирали из-под юбки — рвали ткань и кожу, пара выдвинулась из черепа — теперь Элоиза казалась настоящим демоном с рогами и когтями.

«Нет. Нет. Я сплю и у меня... эти... картинки...» — Рони зажмурился, надеясь, что видение пропадет.

Только не Элоиза. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, Рони будет хорошим, Рони не осмелится осквернить рыжеволосую Мадонну — Целест называл так святую женщину, Элоиза тоже святая, Элоиза не может...

«...стать одержимой».

Она пронеслась, похожая на булаву в рост человека — без цепи, но с шипами, те выстреливали один за другим — из запястьев, голеней, из груди и позвоночника, делая ее похожей на дикобраза. Она одним скачком настигла медлительного Винсента — тот успел только выдохнуть коротко и тут лишился обеих рук — Элоиза отрубила их парой лезвий. Замерла на секунду, заливаемая

фонтаном крови из артерий, а потом буквально зарылась в грузное тело, прорубая себе путь в его плоти.

Рони закусил губу, замороженный зрелищем.

В несколько секунд от Главы мистиков осталась лишь гора ошметков. Одержимая выплюнула отгрызенное ухо, выкрикнула короткое «Кха!» и метнулась дальше — в общую свалку.

«Одержимые. Они все одержимые, потому что так захотел Амбивалент... богиня Виндикара».

А Вербена сидела рядом с Целестом, не замечая безумия, не слыша ора бессмысленной ярости и предсмертных воплей, треска ломающихся скамеек, не чуя вони экскрементов из вспоротых животов, крови и размазанных по полу и стенам кусков, и держала его за руку. Над ними пролетела и разбилась в щепки кафедра, откуда вещали обвинители и защитники. Несколько щепок запуталось в волнистых волосах Вербены: она прикрыла собой Целеста.

— Элоиза! — Рони заставил себя встать. — Элоиза!

Он запнулся о чей-то череп, выжженный до неузнаваемости — только черные зубы скалились, словно грозили покусать. Рядом Глава ученых Флоренц дергался от удара электротока, обугливаясь медленно и распухая, как от газовой гангрены. «Иногда одержимые убивают себя сами. Мы работаем над этим тоже, может быть, газ какой — чтобы только на них действовал, а людей и Магнитов не трогал», — вспомнились Рони его же слова... или не его?

Неважно.

Из глазниц Флоренца потекли разжиженные мозги. Рони отвернулся, чтобы наткнуться взглядом на останки Винсента. При жизни он казался внушительнее, почему-то подумалось ему. Потом сразу трое — клубок-сгусток сцепившихся одержимых — влетели и размазали останки.

Хаос к хаосу.

«Покойтесь с миром», — проговорил Рони на телепатической волне, пробиваясь через помехи «психов». Он чувствовал себя оглушенным, контуженным — ни страха, ни ужаса, только холод и печаль. В центре пожара — замерзаешь, словно в подвале дешифратора.

Декстры нигде не было. Аиды — тоже.

— Элоиза! — снова позвал Рони.

Она пробивалась к выходу, срубая по пути головы, отсекая руки и ноги, прорывая бесчисленными лезвиями животы с такой легкостью, будто лопала мыльные пузыри.

«У них одна суть — ярость и лезвия. — Рони отсутствующе улыбнулся. — Элоиза могла быть хорошим Магнитом... жаль, что она стала одержимой. Жаль, что Вербена предала и ее».

Вокруг стояла пелена из дыма — дотлевали останки воинов и мистиков, принесенных в жертву, зарево мясных брызг и пыль от ломаемой мебели. Рони оглох от грохота и воплей, а потому чудилось, точно плывет в ледяной воде — пробивается сквозь злое, непокорное течение, и за ноги его цепляют водоросли, поросшие ракушками пальцы утопленников и крабовые клешни.

— Элоиза, — повторил он. Поднырнул под окровавленным рукавом «психа» — тот шибанул грубой болевой энергией, Рони привычно закрылся. Призвал, отключил. Лицо — незнакомое, почти нормально. На дежурствах так приходилось. Отключенный повалился под ноги двум «физикам», и те растоптали его, попутно заморозив и хрустко пробежав по заледенелой плоти. Несколько аристократов — я видел их в Сенате, подумал Рони, — перекидывались, словно мячом, шаровой молнией. Потом молнию разорвало — их тоже.

— Элоиза. — Пока достиг ее, запыхался, поскользнулся и упал в месиво крови, вымазался — от пяток до белесых волос. Встряхнулся, стряхивая быстро подсыхающую кровяную корку.

Вокруг дрожали стены Цитадели, сотрясались, словно больной чахоткой в предсмертном кашле.

Элоиза не обернулась: она была «разумной» одержимой. Вербена, по-видимому, контролировала ее прицельно, и теперь она с ухмылкой добиралась до Тао и Ависа, а те по-прежнему тащили обморочного Кассиуса.

«Что Целест говорил? Хорошие друзья... может, и так». — На Рони вывалился еще один Сенатор-«псих», и мистик призвал его, чувствуя знакомый прилив энергии. Старая истина — после призыва ресурс не тратится, а иногда даже восполняется. Необъяснимо, но факт.

— Я не могу! Мать твою, она слишком... сильная! — Тао метнул сгусток огня в Элоизу. Он запутался в десяти рогах на рыжей голове, обуглил и угас. На место опаленных полезли новые. — Не могу ее призвать... Гребаный Амбивалент! Гребаные одержимые!

Он заметил Рони.

— Эй! Ты! Помоги!

«Помочь воину? Но... подобное исцеляется подобным, что я могу сделать против Элоизы — «физика»?» — Однако Рони ведь шел к ней, шел — замороженно, сомнамбулой, хоть и пахло от невесты Кассиуса и его недостижимой Прекрасной Дамы уже не молоком и ванилью, не медом и сладостью летних цветов, но кислятиной безумия и кровавым железом.

Потому что... это Элоиза.

Целест бы понял, и Рони шел к ней.

Снова огненный сгусток. Тао тоже в крови, а через лоб — ссадина, глубокая, кажется, глаз выбило — жмурится он всегда, но теперь будто рыдает красным. Ногти раскалились добела, обуглилась собственная кожа. Тао, как никогда, похож на восковую свечу. Огарок свечи.

На этот раз удар настиг цель. Размазалось огнем по груди, прикипел кринолин к коже. Элоиза даже не вскрикнула, когда расплавилась в ее тело одежда — заголился левый сосок и лопнул, точно переспелая вишня; она рубанула наотмашь. Тоже — в цель.

Тао остался без пальцев. Сразу — всех, десятиерых. Новый залп огня рванулся уже из культей.

— Я не могу! — кричал он. — Слишком сильная! Авис, тщи Касси... прочь... Ты, Рони! Ты сможешь!

«Не прикидывайся дурачком, — это был Авис, мрачный и длинноносый, его вид почти успокаивал. — Ты ее любил. Да похрен, что она физик. Действуй...»

Образ — нейтралитет и заточения. Много лет назад, память — для двоих, даже Вербена не знает. Напарники — ближе, чем любовники. Неужели Целест рассказывал? Или Авис сам достал... украл воспоминание?

«Нет. Винсент передал. Потом объясню, действуй».

Никогда прежде мистики не призывали «физиков». Но от Рони и не требовался призыв.

Он закрыл глаза и потянулся к Элоизе. Это оказалось неожиданно легко, очутиться вне грохота, воплей и стонов, вне разорванных в клочья тел, отрубленных ног и рук, вне вспышек огня, клубов дыма и шипения кислоты. Вне скопища «глиуков» — тоже. А самое главное, вновь увидеть Элоизу прежней — ни шипов, похожих на гигантские уродливые язвы-нарывы, ни остекленелого безумия.

Элоиза — Прекрасная Дама, у нее рыжие волосы — аккуратно уложенные в прическу. Она похожа на Целеста, как сестра-близнец, хотя у них два года разницы. Она похожа на осень. И возле зеркальной осенней реки сидит на берегу, кутаясь в легкую шаль и поджав ноги. Рони стоит позади. Она не видит его, а может быть, просто неинтересен — оба варианта верны.

Лениво и медленно течет река, огибая пальцы Элоизы. Она перебирает зеркальную гладь, словно гладит кого-то по голове.

Рони садится рядом на чуть пожухлую (пахнет ржавчиной и умирающим летом) траву с вкраплением желтых листьев. Прикасается к мокрому запястью Элоизы.

«Уходи, — говорит она. — Я хочу быть с сестрой. Вы это называете — призыв? Она призвала меня. И других тоже».

Можно ответить, что Вербена — не сестра. Амбивалент. Враг. И — Рони сам виноват, кто, как не он, когда-то внушил Адриану Альене — мол, «дальняя родственница»? Но Элоиза приняла Вербену добровольно.

«Ты уже послужила ей. И заслужила... покой», — отвечает он.

Элоиза медленно расплетает волосы — они выросли, они тянутся к воде и пьют ее жадно, будто корни расте-

ний. Тянутся и к почве, тоже зарываясь и вытягивая соки из темно-бордовой плодородной земли.

И земля осыпается сухим песком, а полноводная река мелеет, и в ней копошатся жирные розово-белые черви.

«Не могу больше». — Жалоба звучит по-детски. — Эти лезвия... и огонь. От меня ничего не осталось».

«Я знаю — Рони держит за руку. Больше всего тянет прикоснуться губами к гладкой светлой коже, но боится оскорбить Прекрасную Даму. — Пожалуйста. Позволь мне...»

«Сожрать мои мозги — то, что недоедено? — фыркает Элоиза. Потом прикусывает язык. — Прости».

С каждой секундой она бледнее, в зелень — почти в тон собственным глазам, и Рони понимает — времени мало. Он сжимает ладонь, повторяя:

«Позволь».

«Умереть», — печально говорит Элоиза. Умирать ей не хочется.

«Уснуть, — уточняет Рони. — Я... делал подобное с твоим братом. Это вечное счастье. Это счастье, которое было у нас всех, и мы потеряли его, когда появились на свет».

Волосы Элоизы пульсируют темнеющими венами, теперь они и есть вены — опутывающие голову, воду и землю, а кровь в них черная, будто змеиный яд в ней. Она плачет темно-серыми, словно грифель — или мантии Магнитов, слезами.

Потом она целует его — рывком, оборвав попутно каждую нить из волос-вен.

Это — «да».

Когда Рони возвращается в Цитадель, полную боли и безумия, Элоиза лежит на полу в позе зародыша. Ее глаза пусты, а тело искалечено, но она дышит.

Дышит и улыбается.

— Так будет всегда. Я сделал, что мог. Уходите, — кивнул Тао и Авису, на бессознательного Кассиуса — тоже.

— Ты к Целесту? И Вер... Амбиваленту?

— Да. У меня нет выбора, — «снова нет выбора, я сделал, что мог — но Целест еще нуждается во мне». Рони обернулся, прежде чем спуститься к «лобному месту».

— Элоиза может прожить так еще долго. Она... счастлива. Позаботьтесь о ней.

Авис хлопнул Кассиуса по щекам, наверняка добавил пси-атаку, по крайней мере, тот очухался. Авис оттолкнул его и поднял Элоизу.

Ответил он за троих: себя, беспалого Тао и бессмысленно зажимающего рот Кассиуса:

— Обещаем.

31.

Когда Рони вернулся к Вербене, воцарилась тишина. Постепенно грохот и крики, чавканье оторванных конечностей и вспоротых животов смолкли. Одержимые похожи на ту змею на одной из Архивных картинок, — оглянулся по сторонам Рони. Пожрала собственный хвост, потом хребет и, наконец, голову.

Голов валялось много. Они напоминали красные мячи.

Из тысячи — или более — человек не выжил никто. Вернее, из людей — никто, а они, Магниты, остались, насмешкой над Объединением. Дискриминации всегда есть место. Амбивалент не стала сводить «мутантов» с ума, хотя могла бы, Рони знал, что могла — справилась же с Иллиром и Тиберием.

Или пощадила, потому что Амбивалент — это Вербена. Боялась затронуть и Целеста. Последнее — скорее всего.

Молчание развалилось на трупах и обрывках плоти, жужжало мухами, нависало черными стенами и плясало бессмертными солнечными бликами. Рони встряхнулся. Теперь он стоял рядом с Вербеной — в паре шагов.

— Отпусти его, — сказал Рони.

Это было плохое начало разговора, но разве Рони когда-то был оратором? Он исподлобья уставился в черный затылок. Вербена оглянулась не сразу и дернула плечом, точно отгоняя назойливого комара.

Или всю ту же муху. К ранам Целеста они липли так же, как и к холмам из мертвого мяса. Мухам всегда мало.

— Пожалуйста, — сказал Рони. — Отпусти его.

Вербена нахмурилась. Она напоминала ребенка, у которого забирают игрушку. Отдай, это мамины ключи, папин пистолет и вообще банка с мышьяком — травить грызунов. Не отдам.

Рони отмахнулся от картинки с мышьяком и детьми. Не время для иллюзий и эмпатии. Амбивалент чувствует все.

— Ты не пытался уничтожить меня. Почему послушался своего Главу? — Вербена кивнула на разрезанного на куски Винсента. Его голова лежала подле Вербены, и Рони сомневался, что подкатилась случайно. Мертвые глаза вытекали яичным белком, а неровный срез на шее с торчащим куском позвоночника уже заветрился в черноту.

Рони отвел взгляд, словно отрезанная голова по-прежнему могла вырубить его — «отключить», выжечь личность и «я» одним пси-ударом; так бьют газетами мух.

— Ты предал своих, — проговорила Вербена и пнула голову Винсента к Рони. Тот едва отскочил. — Почему?

— Потому что... — Рони задохнулся на половине фразы, потому что Целест шевельнулся — застонал. «Надо торопиться, если он очнется сейчас... ох, только не это». — Потому что не смог. Против тебя.

«А ты свела с ума Элоизу», — но обвинение ничего не дало бы, Элоизу не вернуть (она жива, она счастлива), а Целеста — можно.

— Пожалуйста... отпусти его. Ему нужна помощь. Медицинская. — Из дыры в щеке блестящей улиточной нитью тянулась слюна. — Ну и... Вербена, пожалуйста.

— Я Амбивалент, — напомнила она.

Но отодвинулась от Целеста. «Приди и возьми сам?» Так повелевает богиня Виндикара?

Вербена мельком оглядела результаты своего... вмешательства.

— Здесь пахнет как в том баре. Помнишь?

Рони мотнул склеившимися от чужой крови волосами. Кривоногий Джо, банда сомнительных приятелей Целеста — кажется, с тех пор он нечасто навещался в Пестрый Квартал. Во всяком случае, Рони с собой не тащил.

— Помню.

«Ты убила... собственного отца, Амбивалент?»

— Да. Так было нужно, — ответила Вербена, и Рони мысленно отвесил себе подзатыльник. Она же телепат... и телекинет, и все прочие таинства воинов и мистиков. Удобно, черт возьми.

Вербена села рядом с мертвыми стражами, не обращая внимания ни на Рони, ни на Целеста.

Приди и возьми.

Рони оглянулся туда, где стояли Тао, Авис с Элоизой и Кассиус, но они уже выскользнули в распахнутую дверь. Хорошо, подумал Рони, хорошо. Приди и возьми... возьми. Целест мой напарник, и я должен позаботиться, чтобы не началась гангрена и чтобы он не умер от болевого шока, когда отойдет от обморока и «пси-экрана».

Мягкие подошвы его ботинок шелестели о пол. Рони этот звук казался громовым, оглушительнее недавних воплей. Вербена следила за ним, а Целест тихо дышал открытым изуродованным ртом, и из дыры в щеке вязко сочилась кровавая слюна.

Рони прикоснулся к заостренному плечу. Сможет ли поднять? Целест, и без того худощавый, превратился за время заточения в живой скелет (с голым черепом — плохая шутка), но он все-таки выше и крупнее, и...

Взгляд Вербены пробирался под кожу — мушиными лапками, ледышками за воротом рубахи. Рони хотелось обернуться. Нельзя.

Оковы и нейтрасеть. Сначала нейтрасеть — она забирает силы. Убрать.

Первое же прикосновение гадкой субстанции отняло у Рони дыхание, тепло, желание жить — словно выпили его резким глотком.

«Как Целест выносил это?»

Усилием воли, Рони заставил себя не отдернуться. Нейтрасеть впивалась в пальцы, забивалась под ногти, скрежетала гремучей змеей. Он отплетал и отбрасывал зелено-черные нити прочь.

Потом подсунул руки под плечи Целеста. «Не выйдет.. он слишком высокий, или я слишком маленький», — как никогда стало обидно за свой рост. Никчемный коротышка.

«Черт.. почему мистики не умеют левитировать предметы?»

— Ты правда решил, что я вас отпущу? — Вербена возникла перед ним и тоже склонилась к Целесту. «Телепортация? Даже воины не... а хотя...» — Нет, правда, Рони? Ты думаешь, я пощажу тебя, только потому что...

— Мы дружили, — тихо сказал он. — Ведь правда же, Вербена? И Целест, он...

— Замолчи! — с оттяжкой приложила пощечиной. Голова Рони дернулась назад, и он отступил на полшага.

«Целест. Он же... умрет. Если не...»

— Вербена, прошу тебя.

«Мы хотели уничтожить Амбивалента. Мы хотели объединить людей и Магнитов, давно ставших недругами. И ты была с нами, но почему, Вербена? Что — ты — делаешь?»

В тонких смуглых пальцах серебряно мелькнул чей-то нож. С чьего пояса Вербена его сняла, Рони не знал, и еще удивился: зачем Амбиваленту человеческое оружие? Она убьет их обоих, это ясно, но зачем — нож?

Раз-два. Остатки нейтрасети, плюхнулись зеленой амебой. Следом звякнули наручники и ножные кандалы.

— Уходите. Впрочем... нет. Ты его не поднимешь, Рони. — Вербена рассмеялась, в точности как прежде, когда была девочкой-танцовщицей, а старшая сестра-Элоиза подшучивала над Целестом, или Рони, или обоими Магнитами. — Но не бойся. Тебе помогут.

Она шепнула на ухо, и губы ее пахли лавандой:

— Сюда давно хотят войти. Но теперь я позволю.

После ее слов стены Цитадели дрогнули. Тряслись они сначала мелко, вибрируя, будто от сверла, а потом древний камень стал падать — кусок за куском, отвалилась безобразная морда горгульи — откуда она, Рони не помнил, вылетело с тонким взвизгом стекло. Своды Цитаде-

ли дрожали и пульсировали, будто древнее здание лишь теперь осознало — осквернили, и жаждало отомстить.

— Но... Вербена? — прокричал Рони, думая о Магнитах. Не все же были на роковом суде.

— Кто спасся — спасся, — безмятежно отвечала она, улыбаясь темно-розовыми губами. — Кто нет... Раз-два-три-четыре-пять, начинаем умирать.

На слове «четыре» поползли трещины — от фундамента в потолок. Цитадель покрылась язами и шрамами. Повсюду взметывало в воздух водовороты пыли.

— Тот, кто с нами не играет.. пусть быстрее убегает..

Рухнула перегородка кухни и бывшего обеденного зала. С жестяным громом вывалились кастрюли, сковородки, противни — и мириады ложек-вилок, похожие на испуганную стальную мошкарку. Рони держал Целеста за плечи, оглядываясь по сторонам. Новая трещина нахмурила потолки, а где-то с грохотом обрушилась лестница. И еще одна — это было похоже на взрыв внутри головы.

Просела и рухнула стена в каких-нибудь десяти метрах от «лобного места»; оттуда просочилось лето и надменно взирал ясень. Чужая смерть безразлична дереву. Гигантский фрагмент стены погреб под собою большинство мертвецов, разбрызгав сочные мясные капли.

— Крик, кровь, тьма и боль. — Вербена крутилась на одном месте. Она будто разучивала новый танец, и даже теперь Рони отметил легкость и плавность движений — никакого страха, никакого отчаяния. Мелкая щебенка осыпала их всех, рассекла Вербене губу, но она рассмеялась.

— ...Мы сегодня все умрём.

«Потому что останемся здесь», — понял Рони, и закрыл глаза. Он не мог бросить Целеста, но и спасти его тоже.

Цитадель проседала внутрь себя. Складывалась — камень за камнем, пролет за пролетом, кельи и потайные «пещеры», пыточные и библиотека. Все — игрушка, детский конструктор. Вербена щебетала свою считалку. Раз-два-три-четыре-пять, начинаем умирать.

«И я... я остаюсь».

Он «проснулся» от того, что грубо схватили за руку, добавил пинка под зад. Он вскинулся — кто еще? — и понял, что влихнули его внутрь сферы, а Целест рядом, на руках у...

— Декстра? То есть госпо...

— Декстра. Просто. — Плотная «сфера», похожая на мыльный пузырь с толстыми радужными стенами обволокла их: Главу воинов, Целеста на руках хмурой женщины — комичная картинка, Рони и...

— Аида!

По широкому лбу текла кровь, короткие волосы слиплись. Рваная рана мокла на бедре, едва прикрытом лохмотьями; но Аида была жива. И даже улыбалась.

«Хорошо», — Рони благодарно кивнул ей.

Декстра усилила сферу. Рони заметил, что незатухающий огонь, заменяющий ей волосы, погас, а лысый череп покрыт бороздами шрамов.

— Спасибо, — сказал Рони.

— Да-да, пупсик, я тоже скучала. А теперь пора умирать. — Аида подтолкнула «сферу».

За стенами «пузыря» танцевала Вербена. Рядом с ней разбивались в прах куски камня, древнего камня — грифельно-серого и черного; пыль — грозовая туча, и грохот, наверняка безумный грохот, — в пузыре не слышно. Вербена двигалась в одной ей слышимом ритме, как прежде завораживая, — она воплощенная, она яркая настолько, что обжигает сетчатку. Чуть напряженные мускулы и пустое, как выщербленное полнолуние, лицо; ее сила — длинные тени и чересчур реальная тьма.

— *Раз-два-три-четыре-пять,*

Начинаем умирать.

Тот, кто с нами не играет,

Пусть быстрее убегает.

Крик, кровь, тьма и боль,

Мы сегодня все умрём!

Рони встретился с ней взглядом. Луна и улыбка. Перемазанное сажей и копотью лицо и белые-белые зубы, и глаза тоже — почти белые. И заколка в волосах.

«Я позволила войти».

— До свидания, Рони. Я не прощаюсь. До свидания.

32.

В его мире царила боль.

Это было в первую очередь, обидно — из-за боли он не мог дышать, говорить (и не только из-за нее, при каждой попытке открыть рот челюсть будто отваливалась и укатывалась куда-то), не мог есть, соображать, помнить свое и чужие имена; боль затопила его — до кончиков волос, до последней мысли, горячая терзающая боль, словно лицо грызла стая бешеных собак.

Грызла, грызла, разматывала на волокна, снова грызла... Скорее бы догрызли, думал он.

Из-за боли он не различал — где находится, кто рядом; хотя кто-то был, менял повязки на лице, успокаивающе гладил по волосам и пытался смягчить боль, проникая в сознание. Он быстро выучился не противиться. Так надо.

Еще боль дразнила языками пламени, хрипло клацала ножом и твердила: сдайся. Ты ведь хочешь, чтобы я сгинула? Сдайся, уплыви — осенним листком по прохладному ручью, и все закончится, никаких бешеных псов вместо щеки и челюсти, никакой лихорадки, тошноты или риска захлебнуться собственной рвотой — потому что анестезия-вторжение исчерпаемо, и агония сжимает все мышцы, в том числе желудок.

Орать и плакать он не мог. Мечтал, чтобы кто-нибудь добрый и ласковый, с прохладными мягкими руками и тихим голосом, перерезал сонную артерию. Один раз. Ну пожалуйста.

Но потом он вспоминал свое имя.

«Целест».

И другие: «Вербена», «Рони», «Элоиза».

Снова: «Вербена», — безостановочно, как биение пульса в открытой ране.

Умирать нельзя. Оставалось выкарабкиваться.

Боль не исчезала, но теперь к ней можно было при-терпеться; научился заново видеть и различать предме-ты — полутемную каморку, жесткую постель, пропахшую потом и кислятиной от слюны. Постель меняли часто, но и слюна вытекала из дыры вместо рта — постоянно. Гру-бо сколоченную тумбочку у кровати и какие-то склянки на ней, от склянок тянуло травами, терпкий навязчивый аромат; боль прошита им, как багряная ткань — серебря-ными нитями. Мотки бинтов с желтовато-коричневыми следами крови и сукровицы. Тусклый свет и его источ-ник — коптилка на сырой нефти, времен, быть может, первых лет после эпидемии.

Вскоре он стал понимать, что ухаживает за ним Рони и девушка-воин... Аида, да, ее зовут Аида. «Она последо-вала в изгнание?» — удивился Целест, но однажды ли-шенный века глаз засек поцелуй Рони и мужеподобной Аиды; и Целест улыбнулся бы, если бы мог.

«Хорошо», — думал он.

И Рони, и Аида промывали раны, меняли постель, кормили чем-то жидким и приторно-сладким или, нао-борот, горько-соленым; Целест все хотел поблагода-рить, но разговаривать не выходило, из изуродованного рта вырывалось лишь надсадное сиплое дыхание, и он сдавался.

А когда все же почуял крик — в альвеолах, на кончике языка, под зубами, — то выкрикнул имя: Вербена. Целест сам испугался своего вопля — неразборчивый, словно ему и язык вырвали вместе с кожей и плотью правой по-ловины лица.

— Т-сс, — откуда-то вынырнул Рони. В светлых гла-зах мелькали тусклые блики. Рони промокнул пот на ле-вой половине Целестова лба, и сукровицу — на правой. — Тебе рано... еще рано говорить.

— Вербена, — повторил он, выдавливая слова и мыс-ленно перегрызая глотку боли. К чертям ее. — Вербена.

Он заметил, что Рони выглядит полупрозрачным, изможденным почти. Пухлый мистик превратился в тень самого себя. Но сейчас Целеста беспокоило не это.

— Вербена.

— Позже. Позже... все будет хорошо.

«Да». — Целест слышал эту фразу тысячи раз. Произнесенную, гребешком прямиком по извилинам — по-разному. Он проглотил пахнувший ромашкой отвар, и прежде чем заснуть, расслышал:

— Ему лучше. Намного. Скоро можно будет рассказать... все.

Он проснулся много свечных полнолуний спустя, в холодном поту: «Рассказать?»

Рассказать — что?

Где Вербена?

Соображалось теперь легче, и Целест, глядя на паука в углу — паук спускался по тонкой нити и подпрыгивал вновь, опасаясь то ли высоты, то ли покинуть насиженное место, — складывал неровные куски мозаики.

Вербены нет. Вербена его бросила? Отреклась, потому что он — отцеубийца, он — урод с Печатью на лице?

Целест застонал, но тут же приказал себе: прекрати, не смей даже думать о богине Виндикара — своей богине — в подобном роде. Дешифратор наврал насчет друзей, и Целест охотно бы плюнул в рожи Тао и Аvisa, если бы вся влага не вытекала из прорехи вместо рта, но Вербена — другая... она не бросила бы его. Никогда.

— Никогда, — выговорил он, тщательно артикулируя левой половиной рта. — И затем: — Хватит.

Лежать и любоваться на паука, считать трещины на потолке — трещины складывались в какие-то письма, в полузабытии Целесту казалось — еще немного и расшифрует тайное послание, пялиться на свечу и гадать — когда вернется Рони со своей Аидой...

Довольно. Он отдохнул, он почти здоров. Новое лицо не вырастет, конечно, но от дыры в щеке не умирают, а в ободранный глаз Рони капает какой-то отвар, чтобы

сетчатка не пересохла и не омертвела. Можно и так прожить, верно?

Целесту припомнились балаганные чудовища из Пестрого Квартала — сиамские близнецы, люди-собаки, поросшие шерстью — комья шерсти даже на языке, сиюшном и зловонном; трехногих и двухголовых мутантов. Толпа потешалась над ними, забрасывала яблочными огрызками и шелухой от орехов и семечек, а они безучастно наблюдали за зеваками, скорее всего обколотые наркотой-одноразкой.

Пестрый Квартал — хорошее место, там принимают даже с Печатью. Главное, найти и забрать Вербену... где она?

«Рассказать — что?»

Он приподнялся на локтях. Его морозило и шатало, но Целест решил — просто истощение и долгая болезнь, ерунда — я ведь уже выжил. Потребовалось пять паучьих подъемов-спусков, чтобы он скинул с мятой постели одну ногу, затем вторую.

«Мои... ноги».

Иссохшие, будто у старика, с тонкой пергаментной кожей, крупные кости коленных чашечек и грязные пальцы. Целест устоял на свои ноги, чувствуя, как откуда-то прикатывает старая добрая подружка-тошнота. И боль, конечно же.

«Это все, что осталось от меня?!» — Ни плоти, ни мышц. Целеста охватила паника: если болезнь и агония парализовали его? Разве можно ходить на... этом?

Он перевел взгляд на руки, птичьи когти и кости фаланг. Провел по ребрам — выпирали, грозя разорвать кожу. Старые штаны сваливались с тазовых костей.

«Пожалуй, что выдержат... от остального тоже немного осталось». — И он встал, держась за тумбочку, преодолевая головокружение и полутемное забытие. Но стоять получилось, паук нырнул вверх и вниз, а Целест стоял на месте — не падал, даже когда отпустил опору.

«Ладно. — Он произнес бы вслух, но мимика причиняла боль по-прежнему. Без крайней нужды не говорить, не кричать, не улыбаться, не... — Ладно, ладно».

Он шагнул к двери. Раз-два — получалось куда легче, чем Целест опасался. Он жив, и он должен забрать Вербену — остальное ерунда, мышцы на костях нарастут, а где останется голое мясо...

Целест замер. На стене висел выдраенный до блеска жестяной таз. Отражение в нем расплывалось в неразборчивое пятно, и все-таки — увидел.

«Это я. Это мое лицо».

Поджившее, но все равно кровавое месиво пополам с пустотой — вытарашенный правый глаз круглый и напоминает яйцо.

Он едва удержался от стона и еще от прикосновения — схватиться за дыру в щеке, за голый череп с тонким слоем красно-бордового нароста, — это не я, не я.

И отвернулся.

Смазливая мордашка — то, без чего Магниты легко обходятся, в конце концов.

Целест толкнул дверь и столкнулся с Рони. Мистик точно у порога поджидал, и тут же подхватил под руку:

— Ты куда? Тебе рано...

Целест мотнул головой. Грязные слипшиеся пряди задела голую глазницу, он зашипел. Потом порадовался, что здесь Рони, и Рони — телепат:

«Что. Произошло. Я в порядке. Должен знать». — Даже мысли получались отрывистые, как стоны, и Целест разозлился на себя за это. Хватит, отвалился свое — под пауками и ромашковыми компрессами; пора действовать.

«Где Вербена?»

«Я... расскажу. Потом, ладно? Но ты должен... подготовиться...» — Рони потупился, и Целест вцепился в его предплечья пальцами-крючьями, хваткой смерти — самого Мрачного Жнеца.

«Что с ней?! Она жива?!»

«Да, Целест. Она... жива. — Рони аккуратно отцепил его от себя. — Тебе нужно лечь. Или сесть хотя бы, потому что разговор не на пять минут».

Кровать затянула его. Целест сравнил опостылевшее ложе со сгустком смолы — пристанет, не отдерешь; вяз-

кая, как зыбучий песок. В единственную уцелевшую ноздрю врезались запахи пота, кожных выделений, свечного сала. Паук торжествующе ухмыльнулся из угла: не сбежишь, нить не отпустит. Мы равны.

«Черта с два», — ответил Целест, и Рони вскинул на него прозрачный, как дождевая вода, взгляд.

«Это не тебе. Извини».

Общаться без слов намного удобнее. Целест перекинул образ паука и слюдяной нити, Рони понимающе кивнул. Жаль, не все — мистики...

«Я готов». — Целест закинул скелетоподобные ноги и прикрыл их какой-то ветошью. Он сидел, заметно ссутулившись, и осторожно убирал настырно лезущие в рану волосы. Обстричь бы их, раздраженно закинул назад, а потом отодрал от ветоши-покрывала серую «ленту» — завязать космы в хвост. Теперь точно готов.

Но он закричал, подобно специально выдрессированным собакам, которые подавали голос после трели колокольчика — «условный рефлекс», это называется «условный рефлекс», у Целеста он закрепился с одного раза. Он закричал, хотя боль тут же зажала под здоровым и заголенным глазом разноцветные лампочки — протяжное «аыыы».

Рони кинулся к нему, едва не перевернув по дороге свечу, плоску с отваром и рассыпав какие-то черные семена.

— Тише, пожалуйста... Ты ведь хотел знать, тебе все объяснят.

Целест кричал, а замолчал после слов того, кто появился на убогой «сцене».

— Заткнись, — сказала Декстра, и Целест подчинился. Рони держал его за руки, и на пальцах выступили несколько бисеринок крови: из полуразрушенных ногтей проросли чахлые лезвия.

Условный рефлекс.

— Прекрати. — Декстра врезала бы ему пощечину — еще целых пол-лица, но тяжело опустилась на край кровати. Ее будто резанули по сухожилиям. — Все?

Целест таращился на нее. Здоровый глаз моргал, яйцевидный — крутился по часовой стрелке.

«Что-то... произошло».

Свежие и едва затянувшиеся раны легли поверх старых шрамов. Глава воинов выглядела будто после боя с десятком одержимых — «разумных одержимых», — уточнил Целест мысленно. Широкое плоское лицо заострилось, словно у больного лихорадкой. Но главное — никакого огня. Никаких волос.

Синяк на правой брови, рассеченный висок и лысый череп. Словно Декстру продержали месяц в нейтралитете и только потом сравнили с одержимыми. Ее ресурса хватало — почти.

— Будешь переводить, — кивнула Глава воинов Рони.

«Как мило. Сначала она оттяпала мне половину морды, а теперь заботится, чтобы не было слишком больно выговаривать слова...»

— Не надо. Ты поймешь, — шепнул Рони. Он отпустил ладони Целеста и остался у изголовья. От него исходило тепло, и это успокаивало.

«Пойму. Хорошо».

— Ты звал Вербену, — сообщила Декстра. Целест скривился бы — тоже новость, но от мимики теперь следовало воздержаться. — С первого дня — все эти недели, пока валялся в горячке. Несколько раз мы думали, что ты умрешь, но ты выкарабкался. И все время звал ее.

Целест пожалел, что стянул волосы. Опустил голову.

— Что дальше? — озвучил Рони.

— Ты достаточно выздоровел, чтобы знать. Ну и никогда не был слабаком, считай это запоздалым комплиментом, Целест. — Она улыбнулась, и морщины разбежались по лицу мириадами трещин.

«Что?» — мысленно и вслух. Голос у Рони глухой, в горле пересохло. Декстра щелкнула ободранными пальцами:

— Вербена — Амбивалент.

Целест хмыкнул, думая в тот момент, что Декстра в своем репертуаре. «Не тяни резину» — и отодрать кожу

от костей, откромсать нервы и веки. Или заявить, что Вербена — Амбивалент.

Некоторые не меняются — с пламенем вместо волос или ссадинами над бровью.

— Она проявила себя после... процедуры. — Чуть дрогнул хрипловатый голос, но Декстра по-прежнему смотрела на Целеста в упор. Она не отрекалась ни от чего содеянного. — Большинство Магнитов убиты, в том числе Винсент. Цитадель разрушена. Твоя сестра...

Рони часто задыхался, борясь со спазмом в груди. Он хлопал губами, как рыба на суше.

— Элоиза... с ней все хорошо, — закончил он. — То есть... она не совсем с нами, но...

«Тихо».

Целест изучал паука. Паук елозил темно-коричневыми в бордовинку лапками по прозрачным нитям и, кажется, пожирал какую-то добычу, вроде садовой мухи или неведучего таракана.

Пахло свечным салом и ромашкой. Уже много дней.

— Вербена — Амбивалент, — проговорил он вслух, абсолютно четко и разборчиво, хотя рот наполнился солью и ароматом нагретого железа. — Она разрушила Мир Восстановленный... Как и было предсказано.

«Кое в чем дешифратор не солгал».

— Именно, — продолжила Декстра. — Кроме того... я бы хотела просить у тебя прощения. От своего имени и имени моего напарника — Главы мистиков, Винсента. — Она выучила эти слова, как заучивают текст на незнакомом, чужом языке, расстановка переносов и ударений, в сумме — бессмыслица. Потом прикусила язык. — Прости. Мы хотели спасти Мир Восстановленный. Не получилось. Винсент заплатил жизнью и кровью, если тебе от этого станет легче.

«Легче?» — едва ли Целест слышал. Ломило шею, и что-то вязкое собиралось под языком, он выпростал из-под одеяла руки — закусить палец или закурить, то и другое — лучше всего.

Вербена — Амбивалент. Они нашли ее в Пестром Квартале, танцовщицу со смуглой кожей и луною в глазах; ее волосы пахнут полевыми травами, и когда она рядом, Целест чувствует себя глупым и счастливым. Она богиня.

«Амбивалент».

Ничего не изменилось — перестановка знака, не более.

«Ну и пусть».

— За что простить? — проговорил Рони. Целест изучал потолок, словно обнаружил там скрижали — откровение свыше, и Рони встревожила пустотная отрешенность. Сходят ли воины с ума? Может ли мистик судить о безумии?

Он взъерошил давно не мытые волосы. Боль Целеста перекинулась ему, и саднило в виске, нарывающим зудом, воспаленным горлом и носоглоткой. За недели «экранирования» Рони привык, но сейчас прибавилось еще что-то свинцово-серое, как могильная плита; он задышался.

«Это Элоиза», — подумал он. Отрешенное кукольное лицо — рыжие волосы и распахнутые загустелые, как старый мед, глаза. Танцующая Вербена — у нее тоже взгляд — лунный камень, холодный камень. Она танцует и считает.

— За что простить? — повторил Целест, а Рони — за ним.

Сам Рони-то знал. Предстояло выслушать второй раз. Декстра сцепила пальцы в замок и принялась говорить глухим монотонным голосом, от которого клонило в сон:

— Винсент чувствовал Амбивалента давно. Что он появился, как и было предсказано Архивом и дешифраторами, — не думай, что ты один наведывался в Пестрый Квартал за запрещенными книгами и в подворотни к людям-машинам. «Амбивалент здесь, в Виндикаре», — говорил он, и я поначалу не верила — черт, мистикам чашенько всякое мерещится. — Декстра прикусила язык и улыбнулась уголком губы, — Извини, Рони. Но потом стали появляться «разумные» одержимые — следы Амбивалента прямо перед носом, черт бы их побрал. Нам дали «добро» на... пытки, но этого было недостаточно.

Целест пробовал слова на вкус. Сухие, как песок и скрипят на губах. У Декстры голос почти как у дешифратора из замороженного подвала. Они бы понравились друг другу.

— Ваше «объединение», — Декстра фыркнула и осеклась в который раз, — дурацкая идея, конечно, была. И ты там наломал дров. Не могло быть никакого объединения... а вот Амбиваленту оно на руку, о да, она наверняка надеялась всем выдрать мозги еще там — но что-то помешало. Может быть, даже Альена, мир праху его.

Декстра вновь замолкла.

Рони сглотнул: начиналось худшее. Перед ним на рваном одеяле лежали руки Целеста — когти гигантской птицы, желтые в коричневинку. Ощерятся ли они колючками? И вздумает ли Целест атаковать?

— Но подозрения насчет Вербены подтвердились именно тогда, на вашем глупом шоу. Она заморозила всех, людей и Магнитов, если бы она приказала броситься с верхушки Цитадели — без всякой одержимости бы прыгнули. Как лемминги. Но Винсент и я знали, что Амбивалента так просто не поймашь — хитер, гад, и защищен сторицей. И все-таки было у Вербены слабое место...

«Какое же?» — спросил Целест ватно и бесцветно — перевел Рони так же. Целест знал ответ.

— Ты.

Он кивнул.

— Ты, — повторила Декстра. — Прости. Да. Все, что случилось с твоим... отцом и с тобой, да и с...

«Нет, пожалуйста». — Рони прокусил губу до крови.

— ...с Элоизой — все из-за нас. Мы с Винсентом объяснили план Тао и Авису — смышленные ребята и хорошие друзья, Целест, они до последнего не хотели «подставлять» тебя.

«Хорошие друзья. У тебя хорошие друзья, парень», — Целесту хотелось выть и грохнуться в обморок. Он показывался, как деревянная кукла-болванчик.

— Все — один к одному подобралось. Этот парнишка из аристократов, Триэн — мечтал стать главным и убрать

Адриана Альену. Нам Верховный Сенатор тоже мешал. И ты — единственная приманка, которая могла бы вырубить Амбивалента, потому что проклятый Амбивалент оказался глупой девчонкой-подростком, влюбленной как мартовская кошка. В тебя влюбленной. И... почти получилось, Целест. Почти.

«Меня подставили. Меня использовали» — это были слишком громкие и резкие слова, все равно, что принять-таки пощечину — истерзанной половиной лица. Целест пожал плечами, а Рони сказал:

— Но Вербена оказалась сильнее.

Декстра пожала плечами:

— По крайней мере, мы попытались.

Целест продолжал раскачиваться — вперед-назад, по шее и ключице ползла дорожка слюны, которую он не мог удерживать развороченной щекой; влага повисла на ресницах и в вытаращенной склере. Декстру передернуло — она не ожидала, понял Рони, она готовилась к ярости, обвинению и ненависти экс-подчиненного (впрочем, почему «экс»? бывших Магнитов не бывает), но слезы обескуражили ее. Недо-женщина, из которой все женское вытравлено, выжжено под корень и до гари, до солончаков, — она представления не имела, что делать с тем, кто плачет.

Рони вспомнилось, как хоронили... тех, от кого осталось что похоронить, — выбирали останки из-под завалов, черных валунов Цитадели; было жарко днем и дождливо — ночью, Декстра ругалась и ломала ногти, выковыривая тронутое гнилью мясо. На третий день она нашла обезображенную голову Винсента, и пробормотала что-то вроде — прости, старик, ты был хорошим напарником.

Но оплакивать не умела. И теперь хотелось ей то ли хлопнуть дверью, то ли встряхнуть Целеста за шиворот — хорош реветь. Жаль, что не имела права.

— Я понял... госпожа, — снова выговорил он. По слогам, через силу проталкивая звук за звуком и вскидывая плечи от боли. Рони потянулся — экранировать, боль

физическая и... не только, но Целест поставил заслон, и мистик отпрянул от красноречивого образа: дубовая дверь и тронутый ржавчиной амбарный замок.

Целест молчал и раскачивался — раз-два, безмолвный отсчет напоминал приговор Вербены; выпростались из «конского хвоста» и хлестали по полузажившим шрамам волосы, и капала на рваное одеяло слюна, вместе с ней — слезы; угловатые ключицы подрагивали от частого дыхания.

Потом он разжал губы вновь:

— Что с Элоизой? Что с остальными и Виндикаром?

— Эй... может, тебе передохнуть?

Целест отрицательно покачал головой.

— Виндикар обезумел. Амбивалент уничтожает город, каждый день — десятки и сотни одержимых. Магнитов почти не осталось, мы даже не пытаемся бороться... только эвакуируем тех, кто пока не тронут. Люди бегут в соседние города, но оттуда тоже дурные вести — Амбиваленту плевать на расстояния. Правда, в Пределах вроде пока тихо, ну так у нас и связи почти нет.

Целест смежил единственное веко. Он напоминал больную взъерошенную птицу.

Значит, вон таков — конец мира. Мира Восстановленного — ненадолго восстановленного, все возвращается на круги своя, и эпидемия (Амбивалент — Вербена!) соберет урожай, а потом... а «потом» не будет.

Зачем ему рассказывали все это? Почему вообще выхаживали и вытаскивали из мягких лап старой-доброй подружки темноты, она же небытие и смерть — все имена по списку? Кому нужен воин с Печатью вместо лица? Кому нужен он — Целест... Целест Полуликий?

Паук уполз куда-то в потайную щель. Скатертью дорожка, рассердился Целест: на кого теперь смотреть? На Декстру, похожую на полуразрушенную мраморную статую из отцовского дома? На прозрачного, как привидение, Рони?

...Зачем? Вербена — Амбивалент, а Виндикар разрушен.

— Большинство аристократии, — Декстра неожиданно хмыкнула, — оказались Магнитами, правда, недораз-

витыми — но ничего, мы с Рони их натаскали. Они теперь помогают нам. Надо же, а я не верила Винсенту. Он-то давно прочухал, что вся ваша братия прячет своих деток от Цитадели... — Она осеклась и прикусила язык. — Прости, Целест. Адриан Альена был честным человеком. Может быть, одним из последних честных людей.

— Я знаю, — снова через Рони. — Я ненавидел его. И за это тоже.

— Скоро вернутся Тао Лин, Авис и этот мелкий Триэн, можешь у них сам спро... — Декстра закашлялась на половине фразы и зажала рот покрытой ссадинами и синякам ладонью. — Да, я понимаю. Их ты тоже ненавидишь.

— Тао и Ависа? Нет. Они — «хорошие друзья» — делали то, что должны были. Кассиуса... может быть. За то, что случилось с Элоизой. Она мертва, я правильно понял?

— Нет, — вместо Декстры ответил Рони. — Элоиза не мертва. Ты можешь увидеть ее.

33.

За порогом хибары плыла и въедалась в камни жара. Целест заметил несколько травинок — пожелтелых и высушенных от солнца. Но сколько дней и недель провалялся он в беспамятстве?

— Около пары месяцев, — неохотно ответил Рони, который шел за ним, словно паж за королем — или сиделка за больным. «Не надо», — хотелось развернуться и рявкнуть. У меня искалечено лицо, а не ноги.

Он сдерживался и думал об Элоизе.

«Это Пестрый Квартал», — опознал Целест. Он щурился и покачивался, и пришлось даже опереться о дверной косяк. Солнце выбелило каждый камень и каждое дряхлое здание.

— Да.

Злачный район Виндикара неприятно поражал пустынностью. Целест любил его за шум и дразги, за пьяный смех и дурманские драки, проституток и щипачей,

бродяг и беглых каторжников, контрабандистов с шрамами от пуль — стражи Архива редко промахиваются, но человеческое тело живуче — и засаленными холщовыми мешками. Любил и запахи — перегара, пота, паров гашиша и чад курилен. Но теперь Пестрый Квартал хмуρο щерился разбитыми и кривобокими постройками — в одной по соседству Целест узнал развалины того самого притона, откуда когда-то забрали Вербену. Притон отстроили в соответствии с местными порядками — где сгрудив камни и залив бетоном, где заткнув глиной и даже соломой; из открытой двери черно паялилась пустота. Узнал Целест и собственное прибежище — и едва сдержал смех.

«Цирк Уродов, Рони. Здесь был Цирк Уродов».

Рони отшатнулся, неловко замахал ладонями — что-то про наименее разрушенное здание говорил, но Целест плохо его слушал.

«Все в порядке. Я люблю символичность».

И он двинулся вперед, позволяя Рони держать себя под локоть. Пестрый Квартал стал пустынным — потому что остатки Магнитов и примкнувшие недо-Магниты из аристократии пытаются сдерживать одержимых и эвакуируют людей, но Виндикар мертв. Мир Восстановленный — мертв. Иллюзия жизни — не более чем признаки разложения, вздувающие брюхо серные газы и копошение насекомых.

В жару трупы гниют быстро. Целест думал, что желтые и сероватые углы зданий похожи на оголенные кости.

Они миновали пару улиц. От жары и слабости Целеста замутило до радужных кругов где-то подо лбом, чуть выше глазных яблок, и он вынужден был схватиться за предплечье Рони, осязая горячую кожу и ускоренный пульс под ней.

— Все хорошо, — сказал тот, и Целест решил, что привык к этой лжи. — Скоро придем.

Рони не обманул — в последнем точно. Они добрались до очередного полуразрушенного дома — некогда притона или жилой хибары, теперь — ровно никакого значения, и здесь замедлили шаг.

— Целест, я хочу предупредить...

«Не надо. Я увижу сам».

Внутри окутала прохлада, вызвав в памяти образы Цитадели — библиотеки, вероятно, чего-то столь же тихого, печального и священного. Еще Целест подумал о святилищах древности, их именовали храмами и посвящали разным богам — в том числе богу-мученику, богу — Магниту с продырявленными руками и ногами.

В храмах читали молитвы по мертвым. Полумрак и зябкая после уличной жары прохлада навевала мысли о камне и сырой земле.

Целест сглотнул и стер с шеи пот и слюну.

— Заходи. — Женский голос заставил развернуться, на долю секунды представилась Элоиза — в торжественном черно-алом платье, с рубинами в рыжих волосах, и волосы сплелись с желтой травой, что пробивается сквозь щербатый каменный пол. Но потом из темноты выступила Аида.

— Заходи, — повторила она. Переглянулась с Рони и поцеловала его, для чего пришлось чуть наклониться. — А мне пора.

Рони закусил губу. На дне бесцветных глаз плескался страх.

— Понимаю. Но... береги себя. Ты ведь...

— Остаюсь Магнитом. Ладно-ладно, — она улыбнулась ободряюще, — обещаю не лезть в самые жаркие драки. И без того жарковато.

Она ушла, притворив за собой разохшуюся от старости, но по-прежнему грузную и массивную дверь. Целест шагнул вглубь.

— Элоиза, — позвал он, а потом увидел ее.

Ее разместили на кровати, наверняка добытой из дома кого-нибудь из аристократов — может быть, из резиденции Альена, хотя Целест не помнил просторного двуспального ложа красного дерева с прихотливой резьбой. Миниатюрная Элоиза совсем потерялась на огромной кровати и, укрытая легким одеялом, казалась мирно спящей.

Так оно и было. Приблизившись, Целест различил, как вздымается грудь и чуть вздрагивают ноздри. В изножье и изголовье кто-то оставил цветы — плотные воско-

вые лилии с прохладными лепестками. Лепестки запутались в рыжих волосах.

— Элоиза, — позвал Целест, еще не совсем понимая, почему сестра не просыпается. Потом перевел взгляд с неподвижных — ни дрогнут, ни шелохнутся — век и ресниц на Рони: «Что с ней?»

— Она счастлива, — ответил мистик. — Вечно счастлива. О ней заботятся, и...

Целест понял.

— *Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis*, — проговорил он, вдыхая пряный запах лилий и темноту. Затем наклонился к сестре и поцеловал ее в лоб — искореженные недогубы свело болью, и на бледной коже остался желтоватый сукровичный след. Целест стер его.

Он боялся разрыдаться вновь, как будто Элоиза могла услышать. Не спрашивал: Вербена ли сделала Элоизу одержимой и кто отключил ее — впрочем, не совсем отключил, скорее — сковал льдом вечного покоя.

Зачем спрашивать то, что знаешь?

«Пойдем».

Между пальцев просочились и упали на пол несколько зачерпнутых Целестом лепестков.

— Пойдем, — повторил он вслух, будто надеясь сбежать, прежде чем очередная дыра — внутри, где-то за ребрами, — расползется, как пламя по сухой соломе. — Пожалуйста.

Рони не возражал, хотя и его лицо исказилось болью.

— Да.

Но прежде чем они переступили порог, Целеста окликнули:

— Подожди.

Он узнал этот голос и подумал, что всякая история полна символов и украшена совпадениями — или несовпадениями, точно орнамент — повторяющимися узорами. Окликнула его Ребекка Альена.

— Подожди, — произнесла она, выступая из какого-то потаенного и запеленатого сумраком угла. Ребекка сменила вычурные одеяния на строгое черное платье, по-

прежнему была плакальщицей — «но теперь у тебя есть все основания оплакивать нас, твой муж мертв, твоя дочь лишена разума, а сын носит Печать...»

Целест повернулся к ней изуродованной половиной лица и тут же опустил голову, укоряя себя за жестокость и глупую детскую мстительность.

— Да, мама.

Сухая длиннопалая рука с потускнелыми и опаленными чем-то вроде кислоты ногтями коснулась его волос. Ребекка долго изучала его, словно ослепла и пыталась узнать тактильно. Целест изучал собственные драные ботинки, не смея взглянуть в лицо матери — сосчитать морщины-трещины.

— Прости меня, — наконец сказала Ребекка.

— За что? Я ведь правда отдал Эл Касси... и ничего хорошего не получилось. Ну а про... отца, — слово едва не застряло по дороге, рыбьей костью в горле, но выговорил, получилось, — откуда тебе знать, улики были недурны, чего там...

— Я твоя мать, Целест. Должна была догадаться, должна была верить тебе. И все, что я могу теперь, — лишь просить прощения.

На мгновение — гадкое, жуткое мгновение — Целесту почудилось, будто мать встанет перед ним на колени, пачкая грубую черную ткань платья. Не допустить — и он подхватил, обнял. Само получилось, прижаться здоровой щекой к щеке Ребекки — тоже.

— Все в порядке, мама. Правда.

— Спасибо, Целест. — И она приблизила рыжеволосую голову к себе, поцеловала в лоб — на стыке кожи и опаленного полускелета, сухие и потрескавшиеся, как пустынная почва, губы, но поцелуй был легким и нежным. «Мама, я не такой, как все? Я умру в одиннадцать?» — «Нет. Ты станешь защитником. Будешь охранять нас от одержимых», — вспомнилось ему; тогда мать целовала его часто — каждый день утром и перед сном, целовала бы и чаще, но отец запрещал «экзальтацию ласки».

«Но я не справился, мама. — Он отстранился. В нескольких шагах мерно и неживо дышала Элоиза. — Я не сумел защитить».

— Ты заботишься об Эл... — Целест сбился, потому что задорное прозвище не подходило бледной фигуре с мерным, как тиканье часов, дыханием, — об Элоизе?

— Да. И помогаю вашим... ребятам. — Ребекка пожала плечами. — Немногое, но хоть что-то. Каждый пытается чем-то быть полезен.

— А я?

«Зачем меня выхаживали несколько месяцев? Зачем возятся теперь?»

Ребекка отступила в тень. Черное платье напоминало сложенные жуциные крылья.

— Не беспокойся об Элоизе. Я с ней. Всегда. Это меньшее, что я могу сделать для вас обоих. После того, как ты уничтожишь Амбивалента...

— Что? — Целест закричал. Сквозь скелетную дыру в правой щеке со свистом исторгся воздух. — Что ты... говоришь, мама...

— Я думала, ты знаешь. — Ребекка попятилась, прячась в сумраке лилейного аромата, может быть, за ложе не-живой, не-мертвой Элоизы — «отомсти за сестру, Целест». — Я думала, тебе сказали...

— Что?! — Целест орал. Открылась и кровоточила рана, его будто рвало алым. — Что, черт побери, вы хотите от меня!?

К нему подскочил и повис на локте Рони, но Целест оттолкнул его. Коротышка свалился с него, словно шавка с медведя и растянулся на полу.

— Амбивалент позволила упокоить Элоизу, не убивая ее, — позволила мистику вторгнуться в разум одержимого физика, Целест. — Ребекка оставалась спокойна. Черная паучиха-плакальщица, подумал Целест, вспоминая своего соседа по грязной каморке в бывшем Цирке Уродов. — Только ты способен остановить Вербену. Она забаррикадировалась в нашем доме... в доме Альена, и...

— Это правда? — Целест перевел взгляд на Рони. Тот уже поднялся с пола и отряхивался, тер ссадину на локте.

— Да. — Рони не умел лгать. Его бледное до полупрозрачности лицо вспыхнуло румянцем, и медлительные движения стали резкими, он сжал запястье Целеста. — Прости меня, я... я знаю, что для тебя Вербена. Поверь, я знаю.

«Я верю. — Дыхание Элоизы, мерное и беззвучное — в нескольких метрах. — О да, я верю».

— Вербена любит тебя. Только ты сможешь войти в ее убежище и спасти то, что осталось от Мира Восстановленного. — Рони закусил указательный палец — «это мой жест», отметил Целест, и оперся о дверной косяк. Его мутило.

— Вы хотите, чтобы я убил Вербену? Так, мама? Верно, Рони?

Ребекка воздела руки вверх, словно в молитве, а Рони снова кинулся наперерез напарнику. Целест опередил обоих, истощенные и ослабелые ноги слушались его — адреналин перегорал внутри сырой нефтью.

Целест бежал прочь.

34.

Окликнули — погоди, там опасно! — мотнул головой по-лошадиному, не остановился. Тонкие, как деревянные ходули, истощенные ноги все-таки служили ему, и Целест перепрыгивал выбоины и ямы, огибал беспорядочно раскиданные развалины Пестрого Квартала.

Из-под подошв вскидывался песок, и сгущалась душными предсмертками жара, словно Целест забрал с собой лилейную темноту Элоизиной гробницы. Гробницы-заживо.

«Они были названными сестрами. Амбиваленту плевать на друзей и названных родственников, верно? Амбивалента нужно уничтожить».

Целест остановился у котлована, похожего на развороченную язву ста метров в диаметре. Из ямы несло падалью, и, заглянув, Целест увидел небрежно наваленные трупы. Нижние уже превратились в черно-лиловое месиво, проступал и пепел, жирный и скользкий: время от

времени мертвецов сжигали, чтобы в разрушенном Виндикаре не завелась еще и чума, но верхние хранили человеческие черты лица — Целест выхватывал одно за другим, тронутые тленом и вспухшие, они были узнаваемы.

Некоторые из них — точно. Люди и Магниты в одной могиле. Истинное Объединение.

(У тебя лучшая женщина и лучшие друзья, все твои мечты сбываются, красавчик.)

Он застонал.

Он взмахнул руками, точно собираясь прыгнуть в котлован — прямо в зловонное, кишашее червями и стаями мух месиво. Вместе с гнилой вонью в легкие пробиралась темнота, и Целест был готов принять ее.

Привык ведь. Почти привык. Завернуться в шершавую траурную дерюгу, похожую на то платье, что носит теперь его мать; разлагающаяся плоть мягка на ощупь — Целест знает. А теперь, с его-то рожей, мертвые примут за «своего», может статься, даже не попробуют вытолкать прочь...

Вербена — лучшая девушка мира, но мира нет, а темнота вечна. Целест засмеялся, занося ногу над котлованом. Несколько камней сорвались вниз и плюхнулись в многоцветную протоплазму.

Он отступил.

Целест знаком с трупами и темнотой, но прежде в темноте были нити — пушистые и серебристо-серые, как лепестки вербы; и бесцветные, но прочные канаты. Вербена и Рони.

(Вербена — Амбивалент.)

(Ты знаешь.)

— Убить ее, — сказал он, и ухмыльнулся тарашившемуся черепу. — Счастливчик убивает лучшую женщину Виндикара, Империи, Вселенной. Как вам это? Вербена, ты можешь использовать сюжет в своих танцах... балет, ты знаешь, до эпидемии это называлось балет. Но Амбиваленту ведь нет дела, так? Вербена...

Над его ухом прожужжала пара мух. Одна попыталась задержаться на влажном и кровоточащем правом, Це-

лест автоматически шлепнул себя по лицу и скрежетнул зубами от боли.

В темноте ее куда больше, подумал он, а если и рассеивается, то сменяет ее беспомощность. Этого он вынести не мог.

— Они хотят, чтобы я убил Вербену, — пожаловался все тому же черепу, обугленному и насмешливому. — А я... ну черт возьми, не могу же я просто взять и...

«Обрезать нить». — И Целест пожал плечами. Говорить тоже было больно.

Он сел в пыль, свесив ноги в трупную яму. Удушающий смрад забил легкие, тянуло прокашляться и проблеваться, но Целест сидел и смотрел, как копошатся черви и насекомые, изредка вырывается хлопок газа из чьего-то вздутного живота и играет на срезах костей, лоснящейся зеленовато-черной коже солнце.

Здесь было ужасно, может быть, самое дно мира. Хорошее место для человека с Печатью. Хорошее место, если от тебя ждут убийства того, кого...

— «Каждый убивает то, что любит», — проговорил Целест, цитируя неточно одну из старых книг, прочитанных еще в отцовском доме. Снова дернулся и подкатил к горлу комок тошноты.

— Она меня пощадила, а я ее? Разве это справедливо, черт подери. Вербена, какого дьявола ты оказалась Амбивалентом?!

Целест был и оставался Магнитом, и неуклюжие шаги слышал давно. Но обернулся только теперь, чтобы увидеть Рони — грязная одежда, и без того светлые волосы вылиняли до седины — или правда поседели; на щеке широкая ссадина и грязь под ногтями.

— Разве это справедливо? — повторил Целест.

— Нет, — Рони пожал покатыми плечами, с которых сваливалась холщовая, явно снятая с кого-то другого рубашка, — но где ты в последний раз видел справедливость?

Целест развернулся — изможденная рука скользнула по бледному горлу напарника, но он разжал пальцы пре-

жде, чем схватить за шиворот по-настоящему. Просто притянул к себе, но Рони не надо было уговаривать. Эмпат понял просьбу — подсел к Целесту.

Они сидели несколько минут — молча, словно любясь природой, словно расстилалась перед ними не зловонная клоака, но прохладные лазурные воды и чуть печальный сад плакучих ив и кувшинок.

Связь прочная, думал Рони, а потому не пытался проникнуть в сознание Целеста — все и так ясно, яснее некуда. От ямы ползли миазмы, от которых пересохло во рту. Неважно, Целест научился слушать молчание, мысли вместо слов. Они — истинные напарники, единое целое.

Рони покосился на Целеста. Изуродованная половина лица смахивала на глупую карнавальную маску. Потeki слюны засыхали на шее и ключицах. Рони привык к этому зрелищу, все привыкли — даже Тао, Авис и Кассиус. Кассиус, правда, так и не рискнул навестить больного, пока тот валялся в горячке. Целест не простит его, и Касси это понимает; но на самом деле он вовсе не плох — слабенький воин, трусоват, но старается как может.

Печать Целеста изменила всех их.

Печать Целеста изменила Виндикар и целую Империю.

Несколькими метрами ниже пяток Рони разваливались мертвецы. Рони сравнил их с Эсколером. Вечером надо будет позвать Тао и Касси — пусть подожгут эту чертову яму, горелое гнилье, по крайней мере, не навесит заразу. И ему скоро надо в ночную смену, заменить Ависа, и заставить наконец-то Аиду вернуться в безопасное место.

Аида... о ней нужно заботиться, потому что...

Рони сглотнул.

Печать Целеста — публичная казнь разорвала целый город и мир. Остатки Магнитов превратились из палачей в пограничников и коронеров — люди бежали из города, а они пытались сдерживать одержимых и хоронили убитых.

Своих и чужих.

Больше ничего. Почти.

Теперь Рони думал о неподвижно-дышащей Элоизе. Она так боялась смерти, боясь его — «мозгожора», и те-

перь не осталось ни меда, ни ванили — только лилии, и воск, и мерное дыхание. Иногда Рони тянуло накрыть рот Элоизы подушкой и... просто поддержать несколько минут.

«Каждый убивает то, что любит», — была мысль Целеста в его голове, и Рони вскинул взгляд с обугленного черепа в яме на обугленный череп рядом с собой.

«Это из старой книжки...», — пояснил Целест, будто в старые добрые времена, когда юный аристократ (тогда более Альена, чем Магнит) учил читать и писать парнишку из далеких северных Пределов, парнишку, который едва складывал слоги и не умел писать.

*«Но каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал...»*

Целест вспоминал древние стихи. У Целеста — никого, кроме Вербены.

*«...Один — жестокостью, другой —
Отравой похвал,
Трус — поцелуем, тот, кто смел, —
Кинжалом наповал».*

Целест замолчал — оборвал молчаливый рассказ; мерная колокольная мелодия заворожила Рони, а картинки сплелись мозаикой. Рони потер виски, а затем укусил большой палец.

— Я сделаю это, — сказал Целест, поднимаясь на ноги. — Я уничтожу Амбивалента.

35.

Жить дальше оказалось просто.

После заката Целест встретился с Тао, Ависом и Кас-си — последний долго не решался войти, и Тао загнал его в каморку-убежище, кажется, пинком. Целест кивнул — привет. Я вернулся в мир живых, хотя теперь он больше смахивает на мир мертвых.

В вывернутых ноздрях, трахее и глотке вился червоточиной смрад трупной ямы. Целест пил теплую и гадкую

на вкус воду из чашки с отбитой ручкой, но ничто не могло перебить или вытеснить этот запах.

Старые знакомые изменились так же, как изменились Декстра и Рони. Тао разгуливал в одних драных джинсах, торс его был перетянут грязными бинтами, правая рука бессильно повисла на перевязи. На впалом животе засохло несколько дорожек темно-багрового цвета. На немой вопрос пожал плечами:

— Так, пару ребер раздробили и руку поджарили. Ерунда. Все равно пальцев не осталось же...

Авис удивлял больше. Он обрезал волосы, бритый череп топорщился мягким пушком, словно иголками новорожденного ежонка. На исхудалом лице нос казался длиннее клюва стервятника. Целест вспомнил прозвище — «Ворона», и решил, что ныне Авис сгодится и на грифа, его легко представить таскающим падаль из многометрового котлована.

Ависа передернуло. Целест понял, что мистик перехватил ассоциацию и мысленно извинился.

— Все в порядке, — сказал тот вслух, демонстрируя голые десны без зубов. — Схлопотал по морде от парочки «психов», — пояснил тут же, — но потом отключил, а как же...

Кассиус мялся в углу.

Целест думал, что ударит его, схватит за шкурку и приложит этого ангелочка-пупсика златокудрой головой о стенку, и Кассиус впрямь изменился меньше других — просто был жалок и слаб. «Он пытается помочь», — припомнилось Целесту. Когда Тао выпихнул Кассиуса на середину комнаты, его колени подогнулись. «Не хватало, чтобы на колени плюхнулся», — передернуло Целеста, и он уткнулся в кружку воды. В жестяном чайнике с дырой в боку плескалось еще немного.

— Пить хотите? — спросил Целест.

Визитеры переглянулись. Кассиус пискнул что-то, а желтые щеки Тао залила розовая краска. Авис мотал носом и что-то прошептал напарнику.

— Э...

— Невнятно говорю? — Целест догадывался: его речь неразборчива. Стесняться нечего, впрочем, трудновато быть оратором с дырой вместо щеки.

— Все в порядке, — поспешил заверить Авис. Он улыбнулся. «Пещерные грифы умеют улыбаться». — Мы рады, что ты поправился.

«...И что согласился ликвидировать Амбивалента», — не договорил он, но иногда не нужно быть телепатом, чтобы считывать чужие мысли. Целест разлил остатки воды по пластиковым стаканам, жестяным кружкам и всему, что нашел. Когда-то они пили пунш или прохладную фруктовую сангрию. Миллиард лет назад.

— Как дела в Виндикаре?

«И, Касси, расслабься уже. Я тебя не съем и лезвие в глотку не засажу».

Если закрыть глаза, все по-прежнему. Касси — лишний, правда, чего явился без Элоизы? Но мелочь, а так — они в Цитадели, обсуждают события закатывающегося вместе с солнцем дня. Мантии скомканы и валяются по углам. Им хорошо.

Оголенный глаз (не забыть влить Аидино зелье, а то пересохнет и ослепнет) закатывается за надбровную дугу. На подбородке, шее и ниже по плечам липнет слюна и выпитая вода — пить ему тяжело, жевать и вовсе мука, но сейчас он хочет забыть о мелких неудобствах. Тао еще хуже, он левитирует свою жестянку, потому что вместо пальцев багровые пеньки. Наверняка неприятности вскоре закончатся — кто обещал, будто Амбивалент пощадит второй раз?

Нет, не так. Целест *запретит* Вербене щадить его.

— В Виндикаре... по-прежнему, — после паузы. Тао подсел к Целесту. — Тебе ж говорили про...

— Да. И яму видел. Рони просил сжечь мертвых.

Сам Рони в городе. «Прости, моя смена, и я должен идти к Аиде, — сказал он перед уходом. — Справишься? Если что, Авис будет «переводить»...

«Не надо, — ответил Целест. — Я не немой».

— Ага, точно. Сожжем.

В комнатушке тускло и сумрачно, наверное, здесь жил какой-нибудь сторож или вповалку отдыхали после представлений уроды — те мутанты, кому посчастливилось меньше, чем Магнитам, и чьи деформации заметны. «Как Печать». Блеклый свечной огарок бликовал в темных глазах Тао, делая их сердоликовыми. Авис сел рядом, а Касси озирался, словно ища чьей-то поддержки, и тогда Авис потянул его за рукав давно не стиранной (совсем не аристократической) рубашки. Целест поджал ноги, чтобы на кровати поместились все.

— Виндикар пустой совсем. Людей мало осталось. Хоть бы ей не из кого стало делать одержимых, — протянул Авис. Кассиус подавился своей водой, которую пил из пластикового стакана, закашлялся. — Трупы жечь, да. Вы бы шли, а, воины? Скоро новую порцию приволокут. — Он усмехнулся. — А пытки-то — ну, помнишь, которые Главы придумали, и мы еще злились, мол, сделали из нас палачей — не такая чушь. Одержимые и вправду ее оружие, часть ее. Знаешь, что они говорят перед смертью?

Целест не знал.

Но представил — оскаленные пасти, кривые зеркала вместо глаз; физики — жгут и сметают все на своем пути, словно стадо носорогов, хотя Целест о носорогах только в Архивных книжках читал; а психи цепляют других — цепная реакция, тоже явление из книжек. Цепляют даже воинов. Виндикар полнится кровью и смертью, словно чаша — вином. Кто-то пытается бежать, но удается немногим.

Это хуже эпидемии, потому что эпидемию можно остановить. Амбивалент... что твердил дешифратор? Невозможно?

Целест изучал собственные руки. Тонкие когти, почему-то гнутся по фалангам. Сумеет ли призвать лезвия? Сумеет ли ударить лезвиями Вербену?

— Говорят перед смертью? — переспросил он.

— Да. Твое имя, Целест, каждый проговаривает твое имя, даже если перед этим ему наши воины снесли пол-

башки, а вторую половину мистики превратили в кашу. Амбивалент зовет тебя.

Кассиус снова закашлялся, а потом проговорил как-то тихо:

— Вербена. Она зовет тебя.

Целест ответил ему долгим взглядом. Как тебе твое царство, повелитель? Как тебе твоя сила, которую ты больше не должен прятать по клубам аристократов — тех, кто спрятались от Цитадели, но утоляют жажду каждого Магнита на заранее подготовленных (все имеет свою цену, даже клятвы и таинства Гомеопатов) одержимых?

— Вербена зовет меня, — Целест проговорил вслух. — Как, мать вашу, символично.

Будто в древней легенде — предопределен каждый шаг, и герою надлежит убить дракона. Имя героя выгравировано на потайной чешуйке дракона, чешуйке-слабинке — ударь, и пробьешь железную броню.

Целест ненавидел легенды и символы.

— Вербена зовет меня, — повторил он одними губами. Его гости переглянулись, пробормотали что-то вроде — нам пора; Тао и Кассиус выскочили за дверь первыми, Авис задержался.

— Стой, — сказал ему Целест. — Один вопрос. Не про Вербену.

— Валяй. — Он привычно потянулся поправить волосы и наткнулся на бритую макушку.

— Что с Аидой? Рони беспокоится за нее, — он дернул плечом, — то есть как-то по особенному...

— Ничего особенного. — Авис усмехнулся. — Тебе лучше спросить у Тао, он же всезнайка. Аида беременна.

И ушел, оставив Целеста с открытым ртом, на несколько минут забывшего даже про Вербену и собственную миссию.

Мысли разбежались по углам, как спугнутые постельные клопы. Клопов, кстати, тоже хватало, и Целест убивал время, вытряхивая собственную постель, затем пытаясь разогреть — пирокинез сработал с третьего раза, как подмоченная спичка, протертую кашу с мясом. В пере-

носице до сих пор свербило от трупного смрада, но он заставил себя жевать, негоже, чтобы Вербена увидела скелет вместо человека. Как будто несколько ложек пшенки и консервов исправят положение.

Ужинал долго, медленно, морщась от боли и подбирая какой-то тряпкой слюну с оголенных десен. К уродству, пожалуй, привыкнуть нетрудно, а всякая мелочь — бесит. Но жизнь продолжается — вон Аида умудрилась забеременеть, Рони станет папочкой (Целест представил напарника с младенцем на руках и едва не подавился пшенинным комком), трогательно и мило. Жизнь продолжается, а на месте котлована мертвецов рано или поздно взойдет осока, зажелтеют пятна-одуванчики и, может быть, даже пустит корни верба.

Или оборвутся последние паутинки (Целест покосился в угол, где по-прежнему безмятежно перебирал зазубренными лапками паук), и провалится все во тьму, в тартарары — надо будет сказать Рони это слово, он любит незнакомые «умные слова».

Будет — не будет.

Ничего не будет.

Целест представил их с Вербеной смерть. Он выполнит задание — в лучшем случае, а потом умрет от ран, или Амбивалент (Вербена, черт возьми, все равно — Вербена) заберет с собой, так же легко и призрачно, как завлекала танцами, так же неумолимо, как теперь повелевает явиться отрубленными головами собственных жертв.

«Мы будем мертвые, а жизнь — продолжаться», — смешно, почти анекдот. Тоже надо рассказать Рони. Кто станет рассказывать, когда Целест умрет?

Он отшвырнул полупустую тарелку, и та жестяно проехала по колченогой прикроватной тумбочке.

— Аида беременна. У Рони будет сын или дочь. Надо его поздравить же. — Целест поймал себя на том, что разговаривает вслух с собой, несмотря на саднящую и назойливую, точно пресловутые клопы, боль. — Жизнь. Будет.

«...И жизнь зависит от меня».

Среди легенд и пересказов древних книг, которыми Целест развлекал напарника, было немало о заветных

желаниях. Кто только не занимался исполнением, целые отряды и подразделения, куда больше четырех (ныне несуществующих) специализаций Ордена Гомеопатов. Золотые рыбки, джинны, волшебные шляпы и феикрестные (правда, Целест очень смутно представлял, что такое «крестные»). И все совали целых три желания.

Ему бы хватило одного.

«Можно я умру *вместо* Вербены».

Но ни одна крестная или шляпа не являлись, а только густела и прокисала тьма за окном. И даже когда метнулась сиянием падающая звезда, Целест демонстративно отвернулся от мутного окна.

Он лег на кровати, не разуваясь. Столько важных и серьезных слов — Мир Восстановленный, орден Гомеопатов, Магниты и Амбивалент. Если чихнуть, слова развеются, как прах и пепел — костный пепел, что останется от сожженных в яме.

«Я просто сделаю это. Попытаюсь. Я сумел убить в одиннадцать, сумел стать палачом и выжить после Печати... я уже решил ведь, верно?»

Где-то в дырке вместо носа кипели и пузырились слезы. Целест закусил здоровую половину нижней губы.

«Хватит».

— А сейчас собираюсь поспать. Хоть пару часов. День был длинным.

Он подспудно надеялся увидеть Вербену: если она всемогущий Амбивалент, почему бы ей не явиться во сне, как являлись пророкам ангелы, а воинам — настоящим, с мечом и револьвером, а не с иголками собственных костей — демоны с копытами и кожистыми крыльями нетопыря. Это куда практичнее отрубленных голов, в конце концов.

Но спал он неровно, близко к поверхности пробуждения, и слышал голоса — Кассиус что-то тянул своим овечьим голоском, и Целесту опять хотелось врезать смазливому камбаленышу, однако без ненависти. Кассиус убил Адриана Альену, подставил Целеста, вместе с Ависом, Тао и Главами, но какое это имело значение теперь? У Целеста определенно не хватало сил на ненависть.

Поэтому от оправданий отмахивался, когда тот запутался в легенде о Печати и Амбиваленте — «это должно было ослабить ее», просто послал подальше. Потом была Декстра, непривычная без огня и с новыми шрамами. Она рывкала на всю компанию, включая Рони, убеждала Аиду не лезть в пекло. У нас не так много людей осталось. Людей, ухмыльнулся Целест. Забавно звучит.

Потом он понял, что голоса реальны. Сон прорвался сквозь тоненькую пленку, и Целест сел на кровати, чувствуя себя намного бодрее, чем полагалось бы «Полуликому» — и готовящемуся убивать самого дорогого...

«...существо», — человеком назвать Вербену Целест не осмелился. Вербена не более человек, чем он сам. Объединение — ложь. Кроме могилы, конечно.

Он аккуратно умылся — присохшая корка слюны на правом плече, к этому нелегко привыкнуть, как и соблюдать осторожность и вливать в обнаженный глаз травяной отвар «жидкие слезы», Целест утешил себя тем, что привыкать ему не нужно. От него немного осталось, но и ненадолго ведь.

Он не любил тянуть. Сегодня — почему бы и нет? Потом он... передумает. Просто лопнет решимость, сдуется, как дырявый воздушный шарик.

Выглянул на улицу и обнаружил сумерки. Предутренние или вечерние? Сколько проспал — несколько часов или около суток? Судя по тому, как захлебывалось на закате солнце, — второе.

— Добрый вечер. — Декстра курила, сидя на пороге. Остальные — Тао, Авис, Кассиус и Рони — расположились прямо в пыли, чуть поодаль. Аида морщилась, когда слабый ветер доносил до нее табачный дым, а у Целеста уж зубы свело. — Хочешь? — Декстра протянула ему сигареты, и Целест выхватил дрожащими пальцами сразу две.

— Спасибо.

Он закурил. Он думал, что избавился от дурной привычки, но ошибся. А никотин отгонял вечную тянущую боль, хотя удерживать край сигареты половинкой губы было нелегко.

— Я готов, — сказал Целест. — В смысле... я пойду. Один.

Целест сосредоточенно наблюдал, как тлеет сигарета от каждого его вдоха. Отрава разливалась по крови, сердце колотилось где-то в ранах, в выпученном правом глазу, у кромки лба, переходящей в рыжие, подернутые ранней сединой волосы.

— Нет, — покачала головой Декстра. Она выпрямилась, но глядела куда-то в сторону Виндикара — «развалин Виндикара», уточнил Целест мысленно: ни Цитадель, ни дом-без-теней не возвышались более над городом. Смерть — это котлован. Пропасть. — Мы все пойдем с тобой. Амбивалент окружил себя охраной — одержимыми, которые достаточно разумны, чтобы не убивать друг друга, а действовать осмысленно. Проще говоря, рабами. Каждый из таких рабов десять раз сильнее любого обычного «больного», но...

— Если она завет меня, зачем вы? — Целест обнаружил, что говорить нетрудно. Рони открывает рот — «переводить», но Целест справляется самостоятельно.

— Нас тоже. — Декстра уставилась на собственные грязные ботинки.

— Вы можете погибнуть, — сообщил Целест, и почувствовал себя идиотом. Какая, мать ее, новость.

— Неправильно. Мы *скорее всего* погибнем, — пересеченная шрамом бровь вздернулась, но лицо бывшей Главы воинов (бывших не бывает?) осталось невозмутимым. Зато Кассиус, зажавшийся в углу, за Тао и Ависом, протяжно всхлипнул. Маленький аристократ до сих пор не привык к бесконечной агонии. В клубах-то веселее было... и безопаснее.

— У нас нет выбора.

«Мне надоела до чертиков эта гребаная фраза про выбор». — И Целест проглотил кислую слюну от табака.

Авис сдавил запястье Кассиуса. Целест уставился на врага, который во сне молил о прощении, а теперь молчал и дрожал — пухлым телом, покатыми плечами, набрякшими влагой глазами. Убивать легче, чем умирать. Наверное — Целест тоже пробовал только первое.

Рони обнимал Аиду. Это было скорее дружеское объятие, чем любовное, и еще он будто пытался закрыть ее собой — знакомый жест; почти как в «Вельвете». Только Элоиза не оценила — жаль.

У Рони короткопалые руки, под ногтями запеклась кровь. Аида гладит его искалеченной — вместо мизинца рваная культия — ладонью по щеке, словно пытаюсь сомкнуть края свежей ссадины на подбородке.

Рони готов умереть, знает Целест. Он хотел бы пойти один, но один не пробьется в любом случае. Хотя единожды Вербена пощадила их, может быть, позволит и второй...

«Простите. И я вас прощаю», — вспомнил он слова матери, собственные слова. Одни — на всех.

И поехал. На него смотрели как на жертвенного... кого? «Агнца», подсказала память о чем-то давно прочитанном, а еще вспомнился тот самый старей бог, который принес себя в жертву. Бессмысленную, конечно, — все жертвы во имя людей бессмысленны.

Целеста, по крайней мере, не прибивали гвоздями. Но он и богом не был, всего-навсего рядовой Магнит. Без половины лица. Целест Полуликий.

И кое-что он мог решить. Не для себя, не для Вербены и даже не для Рони... но мог.

Он раздавил окуроч. Из-под подошвы курилс я сизый дым.

— Простите, госпо... Декстра, — сказал Целест. — Но решать буду я.

Глава будто ожидала этого. Расслабленная поза сменилась на более строгую — Целест мог поклясться, что она вытянулась перед ним по стойке «смирно».

«Передаёт командование? В общем... есть смысл, конечно».

— Аида, ты не пойдеш с нами. — На лице девушки мелькнуло изумление, потом бешенство, но Целест поднял руку: тише. — Не пойдеш, я сказал. И ты. — Он перевел взгляд на Кассиуса, ухмыльнулся. — От тебя маловато толку, даже сфера у тебя получилась жиденькая. Через час

вы вдвоем покинете Виндикар и... постараетесь выжить. Не спорь, Аида, ты знаешь, почему должна выжить.

Она быстро коснулась плоского пока живота. Кивнула.

Целест удовлетворенно улыбнулся единственным уголком рта.

«Это лучшее, что я могу сделать для Рони. Он заслужил. Честное слово, он заслужил».

— Через два мы — остальные — пойдем к резиденции Альена. Не обсуждать. Это — приказ.

36.

Темнота обволокла Виндикар. Милостливая равно к живым, мертвым, людям и Магнитам, она стыдливо прятала развалины города, прикрывала черной траурной тканью разбитые улицы с темнеющими пятнами крови, пустые и выпотрошенные дома, похожие на вскрытые и вывернутые рыбы тушки, груды камней и мусора. Но темнота сама и была свидетельством разрушения — ни фонаря, ни желтого светлячка-окна, ни зажженной спички.

Душная и непроницаемая болотная топь.

«Это не Виндикар. — Целест озирался, потерянный, словно ребенок в лесной чаще. — Это... что-то другое».

Его город — шумный, грязный, жестокий, развратный, святой. Его город — Большая Собака, с острыми клыками, блохами в густой шерсти и длинным хвостом, которым можно так весело вилять. Виндикар — сердце Мира Восстановленного, цивилизация и благодать тухнет у Пределов, но здесь бьет фонтаном.

Разрушенные дома напоминали молчаливых горбунов. Под подошвами хрупало стекло, и вязко чмавкало что-то густое и склизкое; Целест предпочитал не рассматривать и не принюхиваться.

Из-за предгрозовых туч выглянула луна, услужливо вычертила — пустое небо. Целест покосился на Тао — обрубки пальцев, рука беззащитная, как мякоть краба —

без клешней и панциря. Виндикар — тоже обрублен. Ни Цитадели, ни дома-без-теней.

Про Цитадель уже слышал.

— А где здание Сената? — спросил Целест. Его спутники молчали, давно привыкшие к тому, во что превратился Виндикар. «Нет, не так, — уточнил Целест. — Они наблюдали за этим...»

В кои-то веки он радовался, что провалялся несколько месяцев в горячке.

— Разнесли, — неохотно процедила Декстра. И, не дожидаясь новых вопросов: — Нет, не одержимые. Люди. Они, знаешь ли, не были в восторге от того, что происходило... и от Кассиуса тоже.

— Но мы защитили его. И некоторых других аристократов-Магнитов, — подхватил Тао, — в обмен на... скажем, общественную пользу.

Целест переступил через ров — трещину в асфальте, проникающую через земную мантию к недрам, во всяком случае, так рытвина смотрелась в призрачной лунной темноте.

— Вот значит, как вы перетянули их на свою сторону...

«В самом деле, не добровольно ведь». — Целест представил Кассиуса и Аиду — они наверняка уже далеко от Виндикара. Кассиус попытается сбежать... или нет. Бежать ему некуда.

— Нам лучше туда, — сказал Целест. Он узнавал дорогу — трущобы, бедные кварталы, когда-то здесь слонялись грабители и обыкновенные пьяницы, орали кошки и били посуду сварливые жены, а теперь скалился гнилыми зубами частокол развалин. Он пояснил:

— Короткая дорога.

Декстра усмехнулась. «Да-да, госпожа Глава, я частенько удирал из Цитадели и шатался там, где не следует... но вы ведь не станете вменять мне это в вину?»

Рони высунулся из-за «прикрытия» — очередного полуразрушенного дома. Принюхался, как никогда смахивая на осторожную крысу, что выныривает из-под пола в погоне за куском сыра.

— Вроде чисто, — сказал он. — Авис?

Тот покрутил бритой головой.

— Наверное. Сейчас ни в чем нельзя...

«Ворона» оставался «Вороной». Целест пожал плечами и двинулся вперед. Осторожность на развалинах надежды Мира Восстановленного, по дороге к Амбиваленту — довольно глупо. Рони догнал его и зачем-то взял под руку, словно малыш на прогулке — старшего брата.

Тишина шелестела в провалах окон и дверей, бродила по грудам камня, бетона и стекла. Поваленные фонари напоминали сломленные грозой деревья, а редкие остовы деревьев торчали обуглено и мертво.

Целесту чудилось, будто он медленно переплывает тот самый котлован с прокисшей кислотой трупов. Можно попробовать убедить себя — не все так плохо, просто заброшенные дома, может быть, люди живы и спрятались, но взгляд натыкался на брошенную тряпичную куклу, залитую кровью полусожженную наволочку или поблескивали вместе со стеклом зубные коронки.

Виндикара больше нет, шептали куклы, наволочки и выбитые зубы.

Вскоре выяснилось, что город не только необитаем, но и кое-где непроходим. Например, развалился и гнил теперь гигантской левиафановой тушей Центральный Рынок. Его покидали в спешке, по-крысиному утаскивая все, что можно утащить, — сначала хозяева, а за ними и мародеры. Перебираться через груды горелого мусора и плавленого камня было почти невозможно.

— Есть другой путь, — напомнил Авис, когда Целест затормозил возле череды поваленных столбов, укрытой осколками рекламных стендов.

— Осторожно, — добавила Декстра. — Виндикар не так пуст... как хотелось бы.

Другой путь лежал через Площадь Семи, и развалины дома-без-теней. Целест представил мириады разбитых лампочек, похожих на мириады мушиных личинок, и его передернуло. Никаких личинок и лампочек, конечно. Только осколки — прах и пыль.

«Странновато — чуть не центральными дорогами идем, и если свернуть налево, потом направо и потом... в общем, можно к Цитадели прийти». — Целест не оглядывался, как не оглядываются на зависшего позади призрака.

Цитадель, впрочем, все равно просматривалась — грудой гари и пепла, похожей на исполинский муравейник.

«Там... развалины?» — но Целест не верил в это, и не хотел верить. Проще — идти дальше.

Виндикар был городом двойников. И вскоре показался двойник муравейника-Цитадели, «разгромленный» Сенат.

Здание просело и сгорбилось. Целест подумал о перерезанных сухожилиях, может быть, о сломанном позвоночнике. По мере того как приближались, Целест замечал, что верхняя часть дома-без-теней не повреждена (на долю секунды почудилось мигание лампочек, и он едва не вскрикнул, но бледно-лиловый недосвет оказался лунным лучом); зато нижние сжались и спрессовались на манер гармошки.

Целест аккуратно переступал через каменные глыбы. Несколько раз пришлось перелазить особенно крупные обломки. Позади пыхтели Рони и Авис, таща за собой беспалого Тао, негромко ругалась Декстра, а еще дальше — шелестел горький и горячий, как вареная полынь, ветер.

Целесту начинало мерещиться, что Виндикар не умер, не разрушен (и нет ни зубов, ни наволочек, ни изредка торчащих из-под каменной глыбы фрагментов костей — лучевой, голени или даже позвоночника); просто слился воедино, в месиво серой утренней каши, которой кормили в Цитадели.

Снова Цитадель. Не оборачиваться.

Под луной и в темноте каждый вывернутый дом походил на сотни своих сородичей, и даже просевший глиняным безногим колоссом Сенат ничем не выделялся.

К тому же он тоже остался позади.

Они подбирались к «верхней» части города — богатым кварталам аристократии. К резиденции Альена.

Первым остановился Рони. Бледный и блеклый, на серо-черном фоне он растворился. А когда появился, тер виски и вопросительно смотрел на Главу воинов.

Декстра поняла.

— Нет, — сварливо откликнулась она. — Теперь другой дороги точно нет.

— Вы не заходили к... ну, к резиденции Альена, — сказал Целест.

— В пасть Амбиваленту? — фыркнул Тао и осекся: — В общем, нет. Здесь — граница...

Он указывал на импровизированный забор в полтора человеческих роста. Широкая трасса оказалась полностью им перегорожена, и хотя забор больше напоминал накиданные беспорядочно глыбы булыжника — или мрамора, кое-где отчетливо просматривались профили нимф, фавнов и прочей мифологической нечисти, — сделан был на совесть.

«С одного боку — река, с другого... дома же?»

Дома, которые теперь превратились в этот забор. Детская рука вытрясла кубики из мешка — и построила баррикады.

— Это все Амбивалент? — Целест поймал себя на том, что называет Вербену этим жутким прозвищем, и сглотнул пересохшим горлом.

— Вроде того. Ее рабы-одержимые. Те, кому она приказала разобрать каждый дом и построить это.

Еще один муравейник. Еще один двойник — Виндикар же наполнен отражениями, город зеркал и повторов, город подражателей и эпигонов.

Муравейник... или улей. Вербена — пчелиная матка, а одержимые роятся вокруг нее, жалят врагов и отстраивают восковые баррикады — каждый по камню, выцарапанному из фундаментов, стен и крыш богатых домов, одержимые громят фонтаны и садовые скульптуры, выцарапывают «материал» сломанными пальцами; вместо воска — собственная кровь.

— Черт, — сказал Целест.

Хотелось курить.

— Пробить стену? — предложил Тао. Его обрубки-пальцы шевелились, словно красновато-черные жуки. Прямо на срезах тлел огонь. Тао был готов драться... в том числе со стенами.

— Погодите, — Рони и Авис выдохнули хором, — там что-то есть. Живое, прямо за этой... перегородкой. — Авис потер переносицу. Рони шмыгнул носом, попытался вскарабкаться по стене, но отпрянул.

— Есть, и много. Может быть, все...

«Рабы», — не договорил он, перехватывая у Целеста образ пчелиной матки, огромного улья и крови из-под сломанных ногтей. Ночью пчелы спят? Только не эти.

Снова выкатилась и растянулась по небу луна. Посеребренные останки статуй казались живыми, пульсирующими, отколотые головы готовы говорить, а руки, ноги, хвосты и копыта — поползти к вторженцам.

Стена шевелилась. Или шевелилось то, что было за ней.

— Я посмотрю. — И Декстра оттолкнула Тао и Целеста, а затем и мистиков. Она приблизилась к стене, прищурилась, словно готовая вызвать на бой того — тех, кто? — что бродило по ту сторону пчелиного улья. Она потрогала камни, приложила ухо, зачем-то коснулась языком отбитого торса какой-то статуи, словно пародируя любовные ласки.

И взлетела. Целест отступил назад.

«Последний раз я летал с Вербеной».

Декстра задержалась в воздухе. В лунном свете широкое ее лицо поблескивало от пота, левитация только со стороны казалась чем-то легким, на самом деле забирая больше всего ресурса. Ее мускулы видимо напряглись, Декстра будто поднимала тяжести — так оно и было, собственный вес.

— Твою мать, — выдохнула она, прибавив замысловатое ругательство, которое Целест не разобрал, зато Рони покраснел.

Она колупнула верхушку «забора», а затем резко спустилась:

— Дерьмо, — дыхание прерывалось. — Дерьмо.

— Что там? — спросил Тао, опередив остальных.

— Чертова туча одержимых. Они валяются прямо под стеной... — Декстра хмыкнула, Целест шагнул ближе, думая, что ей наверняка тоже хочется курить. — Сплошной

массой. Ковром. Лежат на спине с открытыми глазами, но черта с два они дохлые. Живее всех живых.

— Они нас не пропустят, — ссутулился Авис. На тощей шее быстро дернулся кадык. — Верно?

— Иди и попробуй, — огрызнулась Декстра. Глава или нет, сейчас она была испугана, и наверняка бесило, что мистики ощущают это. Хотя... чего стыдиться? Разрушитель Виндикара заслуживал того, чтобы его боялись.

— Сколько их? — Целест походил взад-вперед под стеной. Совсем как в детстве и юности — старый вяз, дупло, где прячешь надоевшую серую мантию, и перепрыгиваешь на свободу. Они могли перебраться и перекинуть парочку мистиков, даже у него бы хватило ресурса, но как насчет «охраны»?

Пчелы будут кусаться.

— Сотни. Может, тысячи, — Декстра покачала головой. Кулаки сжимались и разжимались, будто кошка втягивала и выпускала когти. — Мы не призывали бы их и за месяц, если бы ребята просто валялись и не дрыгались. Проклятье, да там, наверное, треть Виндикара... в том числе аристократы. — Она покосилась на Целеста. — Те из них, кто не был «Магнитами», ха.

Повисла пауза. Луна тем временем распухла, словно гнойник, желтоватым и гниlostным был ее свет, и Рони представлял, как болезненные лучи отражаются в зеркально-пустых глазах «стражи» Амбивалента. Целест поежился от перехваченного образа.

— Декстра. — Тао нарушил молчание. — У тебя хватит ресурса на... — он нервно облизал тонкие кукольные губы, хихикнул, — на диверсию... живую бомбу.

— Ресурса? Да. У меня полным-полно ресурса, но... — она поняла все первой и закрыла покрытыми шрамами руками лицо, — Тао, ты, что ли, собираешься...

— Кто-то должен. — Он снова хихикнул.

Авис схватил напарника за запястье:

— Не надо. Тао. Мы... придумаем что-то другое, — теперь его покрытый порами нос блестел, точно после часа тренировок, — не надо.

Тао рассмеялся.

Он сдерживал смех, потому что опасался разбудить тех, кто по ту сторону, но согнулся пополам, хватаясь фантомными пятернями за живот, будто его щекотали. «Будто за шиворот заползла целая стая пчел». — Целест стоял с приоткрытым ртом.

Он понимал. И от понимания подташнивало, почти как у котлована с трупами.

— Ладно, ребята. — Тао отсмеялся минуты через три. — Больше некому. У нас три воина и два мистика, но мистик тут не годится. Целест — троянская лошадка, или как там это называлось, в общем, подарочек Амбиваленту. А у меня ресурса не хватит на запал... только быть оболочкой. В общем, как всегда, чертов выбор — которого нет.

— Это правда, — после паузы, проговорила Декстра. Она опустила голову. — Черт. Я ненавижу посылать на смерть...

— Так мы ж все шли умирать. Просто я первый. — Губы Тао побелели до оттенка выгоревшего воска, однако он улыбался. — Ну так... чего тянуть? Наши приятели могут проснуться.

— Тао.

Авис ссутулился почти вдвое, на миг почудилось — согнется пополам, упадет в обморок или на колени, умолять напарника — не надо, мы все идем на смерть, но когда кто-то — первый, это нечестно.

Потом он обнял, закрывая долговязым телом маленького тощего китайца. Тао хмыкнул, похлопал Ависа по спине. На культиях обеих кистей по-прежнему тлел огонь.

— Все. — Он отстранился первым. — Декстра... ты готова?

— Да. — за пару минут Глава воинов постарела еще на десять лет, и казалась древней, как ведьма из сказок.

— Есть вопрос. — Тао ухмыльнулся. — Не откажете всезнайке? Что случилось с твоими волосами, а? Куда делся огонь?

Декстра вытаращилась, сдерживая жест — покрутить у виска. Камикадзе, впрочем, не судят. Пожала плечами:

— Не было никакого огня. Ни один пирокинет не способен постоянно удерживать прослойку между кожей и пламенем. А волосы... просто подарок Винсента. Постоянная иллюзия, универсальная — равно для Магнитов, людей и кого угодно.

Она отвернулась.

«Так вот как используют силу всемогущие мистики», — Рони выдохнул. Он пожал руку Тао. Целест проделал то же самое, чувствуя в животе мерзкий холодок, словно проглотил чью-то мраморную башку — ледяную, несмотря на жару, башку.

— Теперь я знаю тайну Глав Магнитов. — И Тао оскалится, демонстрируя мелкие беличьи зубы, а потом сиганул к стене, по пути «включая» левитацию. — Пли!

И Декстра ударила.

Сначала вспыхнула кожа, и тут же лопнула, словно кровь и все жидкости Тао превратились в высокооктановое топливо, какое заливали в мобили богачей. Живой факел скорчился от боли на долю секунды, но удержал левитацию.

Целест чувствовал, как из дыры в щеке течет слюна. Он стискивал ладонь Рони.

«Мы все идем умирать, но так обидно, что кто-то — первый».

Волосы Тао испарились, а сгусток пепла отшвырнуло в лицо. Потом «детонатор» перемахнул стену.

Авис согнулся пополам, уперся коленями и лбом в мостовую. Целест подумал, что жест напоминает молитву. Люди всегда молились мертвым и умирающим, Магниты... выходит, что тоже.

Из-за массива камней полыхало оранжевым в сине-зеленую радугу.

— Что там? — спросила Декстра, отдергивая Рони, чье лицо сделалось неподвижным — словно собрал воск расплавленной куклы-Тао и слепил маску. За шиворот подняла и Ависа:

— Вы, мистики, дьявол вас дерит. Докладывайте.

По ту сторону забора вспыхивали разноцветные огни, и если бы не короткие гортанные вопли, можно принять

за праздник, веселый фейерверк. Черное с желтизной небо разукрасило оранжевым, столбом поднимался жар.

По расцарапанному лбу Ависа ползла кровь. В расширенных зрачках, похожих на колотые дыры, мелькали двойники — пламени, забора, неба... Декстры.

— Так точно, госпожа. — Он дернул кадыком. Проглотить боль и безумие — возможно. Не труднее, чем принести себя в жертву. — Действия Тао Лина спровоцировали атаку... одержимых Амбивалента. Он уничтожает их. У... успешно. — Авис вновь болезненно сглотнул, будто в горле застряла рыба кость — целый скелет морского ежа.

Рони снова взял Целеста за руку, передавая образ. Потрескавшейся кожи, обугленной изнутри и снаружи — отпадает, словно шкурка курицы-гриль. Одержимые голодны, они хотели бы сожрать маленькую тощую курочку, прежде чем перегорит до белого пепла — но каждый клочок взрывается бомбой.

«Цепная реакция, — ответил Целест очередным термином-из-старых-книг. Собственные мысли затуманило гарью и слабой тошнотой. — Это называется, цепная реакция... ему очень больно?»

Целест думал о Печати. Печать — позор, но не всегда убивает. Жертвоприношение Тао — почетно, но кто хотя бы расскажет о подвиге... если они все идут на смерть?

Рони перестал дышать на несколько секунд.

«Нет. Он ничего не чувствует».

«Жаль. Тао не узнает финала нашей истории». — Целесту вновь невыносимо хотелось затянуться никотиновым дымом, перебить тяжелую гать тысяч человеческих тел — сладковато пахнет кожа и пот, горкло — подкожный жир и птичьими перьями — кости. В воздух вздымались клубы черного пепла и опадали раскаленным снегом.

— ...практически уничтожены. Огонь распространяется. Один за другим, один за... — Авис монотонно бубнил, а кулаки его сжимались и разжимались, точно колотилась пара сердец. Декстра слушала с непроницаемым лицом, изредка стирая со лба или щеки гать.

— Рони. Сюда, — позвала она, и Рони послушно занял место рядом с Ависом.

— Сколько их еще?

— Трудно определить. — Рони поскреб затылок. Его бесцветные волосы сделались черными от жирных хлопьев «снега». — Много, но... опасных — почти не осталось.

Он добавил, не меняя интонации:

— Тао уже нет. Но... цепная реакция, — повторил за Целестом, хорошее определение, Рони нравилось, — закончит работу.

— Хорошо. Тогда я попробую разрушить преграду, — Декстра легонько толкнула обоих мистиков — назад. — Целест, как у тебя с ресурсом?

— Порядок.

— Поможешь мне.

Декстра подняла какой-то обломок — Целест разглядел очертания женского лица, отстраненного и пустоглазого, и передернуло: обломок лепной фигуры изображал Вербену. Он отвернулся и тоже подобрал камень, слава всем богам, обычный серый булыжник.

— Три четверти, — скомандовала Декстра.

— Так точно.

По ту сторону массивного забора по-прежнему вспыхивали факелы, линовали небо, и что-то мерзко чавкало, плюхало и кричало.

Что-то. Не кто-то. Живых там нет, думал Целест.

«Три четверти — ресурс. Ускорение», — бледно-оранжевое от всполохов лицо и булыжник врезались в стену одновременно. Рони дернул Ависа за руку — отойди, тот подчинился медленно и неохотно, словно мечтал, чтобы его засыпало.

Стена дрогнула. Она завибрировала с мерным гулом, вскипела мелкой серо-белой пылью — от основания и вверх; Декстра и Целест отшатнулись, на всякий случай закрывая себя и мистиков «сферой».

Стена-преграда словно колебалась еще несколько мгновений — подчиняться или нет. Покачивалась, словно подстреленный, вместо крови разбрызгивая песок,

прах и мелкие камешки, а затем просела — сразу и полностью, брешью — метров двадцать длиной, и резонанс откликался на дальних рубежах. Правда, там — устояла; «стражи Вербены» строили на совесть.

Как и полагается рабочим пчелам.

Из-за «сферы» грохот казался отдаленным громом — грозой, что миновала город. Декстра и Целест сняли защиту, только когда умолкли последние «раскаты». Стена рухнула на «территорию» одержимых, погребя под собой немало сожженных — или полусожженных тел; в душном воздухе висела плотная пелена пыли.

— Кажется... все, — прокашлял Целест. Алебастровая крошка царапала полузажившую рану лица. Он пытался закрыть рукавом, волосами — без особого успеха.

— Да. Получилось.

Декстра уже взбиралась по остаткам стены. Чистой дороги никто не обещал, верно? Несколько валунов, обломков и груды мусора они уже преодолели однажды, второй раз — всегда легче.

Авис отставал. Он залез на самый крупный обломок, озирался по сторонам, как никогда смахивая на всклокоченную больную птицу. Рони остановился возле него.

— Пойдем.

— Я ишу... Тао.

— Ты его не найдешь. — Рони обвел взглядом просторное шоссе между когда-то уютных богатых домиков. Слоем в два-три пальца лежал пепел — на щербатом асфальте, на развалинах, нельзя было ступить, чтобы ступня не провалилась по голень. А огонь почти затих.

— Сколько... их было?

— Мы никогда не узнаем. Идем. — И Рони потянул Ависа за рукав. Тот довольно ловко спрыгнул с «наблюдательного поста», но при каждом шаге ежился. Целест обернулся пару раз.

— Ты его не найдешь, — повторил он вслед за Рони, — даже если наступишь.

Сказал — и устыдился.

— Извини.

Авис промолчал. Встряхнулся и поторопился вперед, обгоняя даже Декстру.

«Я не хотел, правда». — Целест неловко пожал плечами. Мистик отзеркалил его жест:

«Неважно».

Пепел обжигал. Вулканов никто из них отродясь не видел (может быть, Декстра — Глава воинов не распространялась о своей биографии), но сейчас образ уснувшего вулкана преследовал вместе с ядерной вонью. Извержение закончилось, мир погребен — прах к праху, пепел к пеплу. Целесту опять вспоминались какие-то древние тексты про небесный огонь с последствиями, и он отгонял обрывки вместе «вулканы обычно просыпаются».

Декстра и Авис опередили их шагов на двадцать. Целест осматривался, пытаясь узнать среди гари и нежилых остовов некогда зеленый и чистый район.

«Странно так. Растения. Цветы, деревья... они-то куда делись?»

Пусто, голо. Развороченные ямы, изредка — мертвый серый ствол дерева, вишни или яблони, с непристойно задранными корнями, похожими на юбку мертвой шлюхи.

«Деревья-то в чем провинились? Или правда — Амби-валент враг всего живого... но это же Вербена». — Целест приглушенно всхлипнул. Рони замер рядом: чего?

— Ничего, — полувслух, губами.

«Смотри, — приказывал себе Целест. — На пепел, прах и разруху. Так надо. Иначе...»

Он не договаривал даже мысленно: иначе не получится совершить то, на что уже решился. И выйдет — Тао принес себя в жертву зря, а они еще даже не добрались до цели...

«Поэтому — смотри».

Вывороченные ограды — прихотливая вязь заржавела и напоминала связки дохлых червей. Обломки раскидало по улицам, словно капризный ребенок разбросал игрушки. Выжженные сады, вытоптанные под корень, словно и впрямь рабочие пчелиной матки-Вербены с отстраненной методичностью уничтожали все живое. Зачем? Вер-

бена любила цветы. Вербена любила свежие яблоки и кислую, до искр из глаз, вишню.

...И та же тишина, что была за стеной, прервалась криками и грохотом и осела позади черным снегом.

Финал любого крика — молчание.

«Как ты думаешь? — обратился Целест к Рони. — Тао их всех перебил? Или часть затаилась?»

«Второе, — немедленно ответил тот. Рони не привык лгать. И не умел. — А еще она по-прежнему *позволяет* нам... действовать».

Целеста передернуло.

Позволяет — игра в кошки-мышки, ставка — горелая плоть и взрывчатка вместо клеточной жидкости. Тао переродил себя в живую бомбу, а Вербена... позволила?

Наблюдала мириадами лопающихся в огне глаз, и улыбалась смущенной улыбкой подростка, и конечно же танцевала под песенку собственного сочинения. Ее «пчелы» — однодневки, они надоели, или ей было интересно посмотреть, как ведут себя сотни умирающих рабов.

Амбивалент — враг, говорил дешифратор. В той, кто *позволяет* теперь, — ничего от Вербены.

Амбивалент.

«Правильно. Ты должен возненавидеть ее». — И Целест так и не понял, была это его мысль или вложенная извне — Рони или Ависом.

— Мы на месте.

Резиденция Альена отличалась от развалин и обломков, как бриллиант от подсолнечной шелухи. Высокий кованый забор возвышался нетронутым, на воротах тускло поблескивал бронзовый герб, а из сада веяло прохладой — лиственной, терпковатой, со смесью цветочных и фруктовых запахов. Еще льнула к разгоряченной коже водная капля фонтанов. И безразлично к судьбе братьев подмигивал целыми стеклами дом. Электричества не было, но горело несколько свечей, именно они и чудились любопытным взглядом, который спрашивал: зачем вы пришли?

Без злости, без ненависти. Встречал, в точности как некогда — парочку Магнитов, что пробирались из Цита-

дели. «Это мой дом», — говорил тогда Целест; называя отца и мать по имени и официальному обращению, от дома отказаться не мог — здесь родился, здесь плакал в подушку, не желая мириться с судьбой, и оглядывался, когда мать уводила в Цитадель.

Сюда возвращался.

Сюда привел Вербену.

И дом не отверг его.

— Мы на месте, — повторил Целест, чувствуя судорогу в искалеченной челюсти и липкий комок — где-то под диафрагмой.

Рони неверяще оглянулся: позади — пустыня и развалины, пепел и скелеты мертвецов, он едва не наступил на чью-то протянутую в мольбе руку — на обглоданном скелетном пальце мерцало платиновое кольцо, и Рони вспомнил блондинку-одержимую — «трррупы, трррупы».

— Он... не изменился. — Рони подошел поближе, подтянулся на цыпочках. Ему улыбались знакомые садовые скульптуры. Правда, разрослись упрямые сорняки, дразнилась осока, облетелые уже одуванчики и дикий цикорий, но за оградой была жизнь, а на их стороне — смерть.

«Вербена не любит смерть», — подумал Рони. Он покосился на Целеста, который стоял, почему-то вытянув руки — палец завис в десяти сантиметрах от дверного колычка; Целест улыбался своими половинчатыми губами.

Декстра и Авис подозрительно ходили вокруг, принялись хихикались, будто пара охотничьих собак. Вот оно — логово зверя, приди и возьми шкуру.

Целест шагнул ближе.

— Стой! — Авис дернул его за шиворот, и оба едва не повалились на землю, зашатались вроде неустойчивой близнецовой башни. — Стой, придурок!

— Что? Это мой дом, — почти выкрикнул Целест. На скелетно торчащих зубах блеснула кровь. Он все время тревожит раны, почему-то отметил Рони. Жестокий к себе и другим.

— Стой, — повторил Авис, тяжело дыша. — Это не твой дом.

Декстра по-прежнему нюхала воздух. Что она надеется учуять — кроме горелой тухлятины, конечно? А, ну да, из сада — персиками, яблоками-дичкой и распухшими от зноя ленивыми цветами. Может, отвыкла — в Пестром-то Квартале, по соседству с трупной ямой...

— Ловушка, — сказала Декстра.

— Что?! — Целест сжал кулаки. Инстинктивно — выброс ресурса, и знакомые лезвия, похожие на кошачьи когти, прямо из костяшек.

«Жесток к себе и другим».

— Это — мой — дом!

— Ловушка. Здесь Амбивалент. — Декстра подчеркнула последнее слово. У нее лицо сейчас в точности как перед Печатью, — передернуло Рони.

Целест рванулся, рассекая воздух костяными «когтями». Декстра отразила удар сферой — и Целеста откинуло в черную пыль, он ударился израненной половиной лица, и в дыру набился песок. Декстра наступила на костлявую грудную клетку:

— Ты подчиняешься мне, воин.

Рони переглянулся с Ависом. Тот пожал плечами: формально, да. Глава мистиков мертв, но Глава воинов все еще с ними, а Целест — всего-навсего один из ее солдат.

Целест тяжело стонал от боли. Пыль въедалась в незащитный правый глаз, горела на заголенных остатках нервов.

Декстра окатила его водой — гидрокинез не был ее любимым оружием, но в случае необходимости огонь превращается в лед. Или, по крайней мере, в воду.

— Это ловушка, — повторила она очень спокойно. Целест по-прежнему бился пойманной рыбой, разбрызгивая теперь капли воды, и загребая локтями и пальцами землю.

— Я... я понял, — прошептал он.

— Хорошо. Рони, Авис, помогите ему.

Декстра еще раз обошла вдоль ограды — почти скрылась за углом и вернулась с увесистым камнем. Целест тем временем поднялся на ноги — не без помощи мистиков; отряхивал грязь грязными же руками. Толку немного. Лицо ныло свежей болью.

— Мой дом. Рони, ты же... веришь? Мы сюда приходили. Помнишь, к черному ходу — чтобы на стражей не наткаться, а Элоиза гоняла за грязную обувь, а...

Слова вперемешку с мыслями, лезвиями и кровью. Рони кивал.

— Тсс, — шептал он.

— Смотрите. — И Декстра швырнула камень через забор. Камень исчез. Просто исчез, только дрогнула рябь, будто скверная лампочка — желто и призрачно, и погасло все. Ни стука падения, ни взрыва. Декстра покачала головой, причмокнула, словно подзывая собаку.

— Дезинтеграция. Полная. Черт, я никогда не думала, что это возможно... Амбивалент всемогущ.

— Что? — Авис почесал нос.

Она развела руками.

— Дезинтеграция. Редкость невероятная, все пирокинезы и лезвия — детские игрушки по сравнению с этим. Лет сто назад была Глава воинов, Ирина, говорят, умела дезинтегрировать... а может, потом сочинили. Но здесь — вроде сферы из этой штуковины. Амбивалент всемогущ. Воистину.

— Можно как-то войти? — Целест нахмурился.

— Никак.

Молчание потрескивало — костяными лезвиями, пропитывало цветочной прохладой и смеялось по-девичьи нежно.

— Проклятье, — сказал Целест. Рони вновь уставился на ботинки, а Декстра терла лысый череп. Авис перекладывал нос со стороны в сторону.

— Моя очередь, — наконец, выговорил он.

И прежде чем возразил кто-то — задохнулся, будто подавился куском хлеба; а потом закричал — гортанно, низко, переходя на вой:

— Ты! Ты, сука, ты убиваешь нас, ты убила Тао, какого черта тебе надо!

Он хватал камни и швырял в дезинтегратор. Рони отдернул Целеста с дороги — того гляди, сшибет, и подумалось, что безумная пляска Ависа — насмешка над самой Вербеной. Когда-то Целест убил за подобное.

Теперь — смотри.

Ненавидь.

Камни лопались в воздухе — зачастую, не долетая, просто исчезали в никуда.

— Мерзкая сука! Впусти нас и дерись! — выкрикивал Авис. Он сгибался и разгибался, захватывая новые камни, потом булыжники из разбитого асфальта и некогда ухоженной мощеной дорожки закончились, и он наполнил ночной воздух пеплом и песком.

— Дерись честно, ты, сука! Вытаскивай свой трусливый зад! Ты звала его, — Авис дернул за руку Целеста, — а теперь боишься посмотреть?! Так ты просто мразь и...

Очередной всполох мелкой щебени завис над забором. Растворился.

Авис замер.

Потом согнулся пополам, будто пронзенный насквозь. Декстра кинулась к нему, за ней — Целест и Рони; Авис стоял на четвереньках, чуть покачиваясь — взад-вперед. Поднял голову — губы его были в крови.

— Я жду, — сказал он чужим голосом. Высоким голосом, женским — Вербена, без труда опознал Целест, и все внутренности скрутило спазмом. Он до сих пор надеялся — ошибка, нет никакой Вербены-Амбивалента. Выдумка. — Я жду вас. Но чтобы войти, вы должны заплатить. Одним из вас. Тем, кто войдет в ворота моего, — она подчеркнула горлом Ависа это слово, — дома.

Темные глаза Ависа вылиняли до лунной прозрачности. По подбородку текла кровь, под одеждой дергался живот, словно Авис сдерживал рвотные позывы.

— Рони. Я выбираю тебя.

37.

Его схватили за оба предплечья — Целест и Декстра. Сдавили до синяков на бледной коже.

— Ты никуда не пойдешь, — прошипел первый.

— Стой, — вторая.

Рони промолчал, а когда хватка чуть ослабла, наклонился к Авису. Того «отпустило», хотя еще кашлял, выхаркивал кляксы — сгустки крови, и губы его сделались почти черными.

«Что она с ним сделала? — Рони попытался поднять, но долговязый Авис был тяжел. — Вывернула наизнанку внутренности?»

Авис глядел темно, осмысленно, только корчился от боли — молча. Декстра и Целест потянули его за руки.

— Цел?

На ногах мистик держался скверно. Снова согнулся, плевался кровью, задыхался и хрипло сипел. Он шлепал губами, корчился от боли и трясся всем телом. Декстра запрокинула его голову — наверняка жалея, что Авис состриг волосы, удобнее, когда волосы длинные.

— Открой рот.

Авис подчинился. По щекам и подбородку текла пахнущая теплым железом слюна.

— Вот дрянь. — Декстра отпустила мистика. — Она разорвала ему голосовые связки.

«Чтобы симитировать собственный голос». — Целеста передернуло. «Ненавись ее. Амбивалент. Враг».

Боковым зрением он заметил: Рони движется к главному входу, точно призрак скользит между тяжелых плюшевых гардин, почти слился с гербом, и...

— Стой! — Одним скачком Целест догнал напарника. Залепил пощечину — лезвия-когти не спрятались полностью, и брызнуло во все стороны, точно расколотил банку с консервированными помидорами. Шею Рони выкрутило почти на сто восемьдесят градусов.

— Прости. — Целест прижал маленького мистика к себе. Блеклое лицо с глубокими царапинами на щеке казалось вроде еще одного дурацкого герба. Самого дурацкого герба в мире. — Не ходи.

— Что? Умру? — ответил Рони не сразу. Он удивлялся: почему больно, почему Целест ударил его? Наверное, хотел симметрии: Рони познал лишь фантомную боль,

но если Полуликий один, что мешает присоединиться другому?

Симметрия.

Вербена тоже любит симметрию. Один воин принес себя в жертву — Рони вспомнил прыжок-левитацию Тао, и языки пламени из каждой поры, похожие на крылья. Теперь черед мистиков.

Его, Рони, черед. Почему бы и нет?

Он не боялся смерти, а вот расстаться с Целестом... и Элоизой, больше никогда не видеть, как она дышит, и окончательно потерять Аиду — они с Кассиусом уже вне города, он провожал их до порта и потом на корабль, последний корабль Виндикара, «Милленион», и смотрел вслед, пока не заволокло туманом. И шмыгал носом, как ребенок. А потом пошел к Элоизе и сидел с ней несколько часов. От мерного дыхания *тела* хотелось орать.

«Элоизы больше нет», — шелестело в том дыхании.

И вот теперь здесь. Вербена зовет его, предлагая: смерть в обмен на возможность идти дальше. Вербена по-прежнему *позволяет*. Вербена — маленькая девочка, которая любит игры. А еще она ждет Целеста.

Рони тронул порезы. Они шершаво бахромилась под пальцами. Целест по-прежнему обнимал его.

— Я должен.

— Черт... нет, Рони. — Целест оглянулся, ища поддержки у Декстры. Та пыталась привести в чувство Ависа, который надсадно кашлял и выхаркивал собственные голосовые связки.

— Отключи боль. Отключи боль, мать твою, ты же мистик, — твердила она. Авис если и слышал, то плохо. Очередной плевок размазался по груди Декстры, словно мистик зачем-то решил оскорбить Главу воинов. Декстра, похоже, не заметила. — Просто выжги свои гребаные мозги, чтобы не чувствовать боли.

— Отпусти. — Рони вновь попытался высвободиться, однако напарник удерживал его, как... ну, магнит — железку. — Целест. Я пока просто хочу помочь Авису.

Дикий взгляд. Этот выкаченный круглый глаз делает его еще... безумней, подумал Рони, пока Целест сообщал; за вздернутым оскалом зубов шевелился и подрагивал пересохший язык. Целест хочет пить. Рони тоже хотел.

— Хорошо. Помогите.

Вокруг так душно и до сих пор пахнет гарью. До конца жизни — горелая вонь, и плевать на цветочно-яблочные ароматы из сада резиденции Альена. От них кишки вдвойне скручивает.

Авис. Авис со слезой вместо голосовых связок. Беззвучно кричит, и от этого вдвойне больно. Рони поможет, если только Авис позволит. Защиту, разумеется, не пробить — они равны по силе.

«Надеюсь, он сообщает».

— Смотри на меня.

Авис подчинился. Рони облегченно выдохнул, не так и трудно. Случалось подобное — мистик отрубал болевые центры себе или кому-то еще. Авису придется постараться самому, но Рони поможет сконцентрироваться.

— Смотри на меня. Боль не здесь. — Рони показал на собственную шею, — а здесь, — тронул темечко. Авис кривил губы и шипел. «Словно разозленный гусь», — некстати вспомнил Рони.

— Представь кнопку. Выключатель.

Авис кивнул. Декстра сложила руки на груди — любимая поза. Мышцы напряглись, а свежие раны тускло поблескивали влажными краями.

— Нажмешь — боли нет.

«Навсегда», — подумал Рони, но сейчас это не имело значения. Они ведь... пришли умирать. Умирать, но не страдать. Тао уже страдал, за них всех.

— Щелк.

Секунду спустя Авис глянул осмысленно.

«Спасибо», — телепатия, конечно. В отличие от Целеста, единственный способ общаться. Но для мистика — не имеет значения, верно?

— Отлично. — Рони хлопнул его по плечу и вновь перевел взгляд на ворота — камень и решетки казались прохладными, так и тянуло прижаться разгоряченным лбом. Он взлохматил волосы и прикусил палец.

— Теперь я могу идти.

Он ожидал — вновь набросятся, уже втроем. Целест со своими «когтями» (щеку гадко саднило), Декстра и Авис. Миллион раз — не делай этого. Зачем, если Амбивалент объявила приговор?

— Я должен. — Рони отступил, глядя исподлобья. Несколько отросших серовато-русых прядей закрыли глаза.

«Они понимают. Именно поэтому пытались остановить».

Декстра не меняла позы. Авис трогал шею, но смотрел куда-то наискось — на Целеста, быть может.

Тот молчал.

Молчал по-настоящему, Рони украдкой прикоснулся к сознанию напарника, теперь открытого ему постоянно — прочитанная книга, вроде так говорят, когда знаешь каждую мысль, эмоцию и каждый натянутый звенящей струной нерв.

Целест молчал, как молчат отключенные, пусто и мертво. Темнотой.

Из здорового глаза выкатилась слеза, неуместно крупная и блестящая, повисла на подбородке, и растаяла где-то на грязном воротнике. Вторая пробиралась по неровным впадинам коллоидных шрамов, и Рони зачарованно следил за ней.

— Я не хочу. Отпускать. Тебя, — сказал Целест.

Рони улыбнулся.

— Знаю. Спасибо. Но... — Он неловко дернул плечом. Неуклюжий пухлый коротышка, похожий на собственную размазанную в полдень тень.

Страшно? Нет. Страшно — это когда Цитадель рушилась, когда Декстра хлупала лицом Целеста, когда Вербена танцевала и пела свою песенку. Невыносимо — когда Элоиза, обезумев, разорвала в клочья Винсента, а потом отрубила пальцы Тао; и когда потом дышала,

прекрасная и нечеловеческая, как цветок, а Рони тянуло зажать ей рот и нос — всего на пару минут.

Теперь — ничуть.

«Дезинте...», — он не запомнил длиннющее Декстрино слово. Зато помнил, что камни и песок просто исчезали. Им не было ведь больно. И ему не будет.

Он еще раз улыбнулся Целесту.

— ...Но Вербена и правда зовет и ждет тебя. — И Рони шагнул к увенчанному гербом воротам, а растворился мгновенно, точно всю жизнь был призраком.

38.

Теплым пухом шелохнулся ветер. Где-то шуршал пепел, перекатывались камни, еще дальше — гудели останки зданий, проржавелые или свежие сваи, бетонные плиты; между ними — разбрызганный сок вытоптанной травы, но она вырастет вновь, на каждой подошве по семени. И еще дальше — река, море, лазурная прохлада, ласковая смерть.

Ласковая.

Смерть.

«Рони ушел». — Целест шагнул следом и остановился.

— Рони, — произнес имя напарника. Теплой пушной лапой гладил перегорелый ветер, но Целеста морозило, от острых плеч до пяток в рваной обуви — содрогался от дрожи. Отрубили. Отрезали. Словно второй раз — Печать, собственное лицо он перестал чувствовать как две половинки целого, кусок Целеста давно сгнил где-то в развалинах Цитадели.

Но Рони-то был рядом. А теперь...

«Его нет», — мысль зияла. Целест взмахнул руками, будто пытаясь схватить кого-то невидимого, заставить рассеянного призрака воплотиться вновь.

— Рони.

Он закрыл ладонями лицо — гладкую кожу и волглые скелетные выемки. Полуликий. Половины не хватает.

Магнит без напарника — такой же урод, как отмеченный Печатью, а Целест — вдвойне.

— Он ушел, — сказал Целест, а потом обернулся на замолкшего навсегда Ависа и Декстру. Первый трогал шею, шарик кадыка, морщился. Он не чувствует боли, знал Целест, однако жить недолго. Некротизация болевого центра — только начало, Декстра и Рони предложили ему экстремальное «лечение»... но они все пришли умирать.

Все.

Рони тоже.

Когда Целест отнял руки от лица, на правой ладони расплылось слизистое пятно, светловатое для крови: слюна и немного сукровицы. За воротами по-прежнему тихонько бродили тени от фруктовых деревьев, переглядывались и кокетничали каменные изваяния, равнодушные и обнаженные, как Адам и Ева до грехопадения, и тускло подрагивало рыжим, оттенка волос Целеста, пламенем — в окнах. Вербена наблюдает? Она ведь любила Рони, хотя и подшучивала над ним. Почему она убила его?

«Вербена — Амбивалент» — универсальный ответ.

— Твой напарник был настоящим героем. — Декстра сняла бы шляпу, вспоминая архаичный ритуал, однако шляпы не носила. Вместо того коснулась плеча. — А теперь... нужно дальше.

«Конечно. Как и прежде. Тао — сжег себя заживо, Рони — позволил разрушить до последней... молекулы, вроде так называлась это в Архиве; ступенька за ступенькой. Эта машина работает на душах. Хорошее топливо ярко горит».

— Я иду. — Но когда Целест шагнул к воротам, Декстра отдернула назад:

— Нужно проверить.

Камней не осталось. Авис расшвырял их все, у него ладони в ссадинах, — Целест предположил, что камни сопротивлялись воле Амбивалента, в отличие от белобрысо-

го мистика, который вообразил себя древним богом, героем, кем-угодно-как-он-посмел... «бросить меня...»

Декстра отодрала кусок грязной рубашки, заголив плоский, темный и тоже покрытый шрамами, как и остальное тело, живот. Ткань она скомкала и швырнула в ворота.

Ткань исчезла.

— С-сука.

Еще мгновение — и Декстру придется удерживать, а то набросится на ворота разъяренной тигрицей или просто драной кошкой. Пирокинеты не блещут выдержкой, Декстра — Глава (и старшая), но у всех свой предел.

Однако Целест остановил ее иначе:

— Не сюда. Другой вход.

Иррационально? Глупо — верить Амбиваленту, врагу. Амбивалент разрушила все, выпарила Тао в горсть махрового белого пепла, а Рони превратила в ничто. Де-зин-те-гра-ци-я. Длинное слово, почти как Ам-би-ва-лент.

Целест верил.

«Она ждет тебя».

— Мы никогда не ходили через главный вход, — пояснил он, пока пробирались к черному, а сам вспоминал стражей и неловкое опасение: заметят, отец или гости отца, незачем им наблюдать лишний раз сына-выродка, сына-Магнита. Интересно, сколько из них были тоже... нелюдями?

Везде ложь. Вербена — исключение.

Авис отстал на полдесятка шагов, оглядывался, будто в поисках чего-то. Общался с Декстрой, похоже, — Целест не слышал его телепатических фраз, но Декстра пробурчала: экономь ресурс, хватит болтать. Авис облизывал губы, изредка сплевывая темную слюну.

— Здесь.

Целест остановился возле черного хода. Калитка открыта, приглашающе и наивно, а запах разросшегося, обезумевшего, как сам Виндикар, — только жизнью, не смертью — сада хоть ножом режь, ножом или когтями из костей.

— Ты уверен? — нахмурилась Глава воинов.

— Да.

Целест повторил ее прием — оборвал рубашку, скомкал. В последний момент заметил небольшой камень, завернул его в грязную и шершавую ткань. Калитка тихонько скрипела от слабого ветра, а изнутри протягивали широкопалые ладони листья лопуха и стрелки дикого гороха.

Камень с рубашкой приземлились в самую гущу сорняков.

— Вербена приглашает нас, — прокомментировал Целест, распахивая калитку до предела.

Калитка скрипнула, когда Целест толкнул ее, и протяжный тоскливый звук отозвался такой же муторной го-речью. Он приходил тысячи раз, скрываясь от отца и гостей отца, прячась и от матери — «у меня от нее мурашки», признался как-то Рони, и смутился, но Целест только кивнул. А в конце — приз, Элоиза и Вербена. Названные сестры.

Элоизы больше нет.

Рони — тоже. Отсутствие зияло, как дыра в собственной щеке.

По дорожкам разрослась трава: осока колола полуголые ноги, откуда-то проклюнулся и ершистый репей, Целест машинально отметил пару венчиков-семян на штанах; тщетно пытались выжить астры. До входа — около трехсот шагов, а до любимой лестницы — и того меньше. Напрямик привычнее. Поймут ли Декстра и Авис?

...И где они?

Целест обернулся и понял: в саду он один.

«Уничтожила», — свело болью, страхом и стыдом, где-то под горлом, в солнечном сплетении. Потом моргнул левым глазом (правый подсох и видел плохо): Декстра и Авис остались возле калитки и о чем-то спорили. Безмолвный мистик размахивал руками и подпрыгивал на месте; комичное зрелище.

— Что случилось? — Целест вернулся к спутникам.

Декстра сначала отмахнулась, потом скривилась, оскала зубы. Того гляди — врежет, опрокинет Ависа в прах и пыль или в гушу сорняков на грани «дезинтеграции», и не посмотрит, что не Глава для мистика.

— Трус, — выплюнула она.

Лицо Ависа болезненно исказилось. Он по-рыбы хлопал губами, жестикулировал и вертелся на месте.

— Что случилось? — повторил Целест, «открываясь» для Ависа.

«...Вербена приглашает только его! — ткнул Авис. — Не нас. Мы умрем. Может, я и трус — но мне немного осталось, хочу дожить... просто дожить!»

— Теперь слышал? — Декстра покачала головой. — Мы вообще-то помочь вызвались, или... сидел бы дома!

«Я — мистик-ясновидящий. Поверьте». — Авис вспомнил последний козырь.

Целест усмехнулся:

— Оставайся, если хочешь. Вербена и впрямь зовет меня, с самого начала хотел идти один. Но не выдумывай насчет «ясновидения»... ты говорил, что мы с Рони «будем вместе до конца». И где он!? — сорвался на крик и усилием воли закрыл рот.

Авис точно не виноват. Никто не виноват.

Целест развернулся, чтобы вновь идти — мимо скульптур и по разросшимся сорнякам. Конечная цель слишком близка, чтобы отступить.

— Трус, — повторила Декстра, оттолкнула мистика плечом и шагнула за Целестом. Дезинтегратор ее не тронул, зато в ногу впиалась колючка. Декстра коротко выругалась и швырнула в заросли репья плазменный сгусток, который захлебнулся зеленой кровью, прежде чем выжечь все живое. Одиноким обугленный репей покачивался на слабом ветру.

Целест отвернулся.

— Вход там, — сказал он.

— Я знаю. Я была у Адриана Альены.

Официально, конечно. Про лестницу Декстра не знала, а Целест открыл рот, чтобы сказать... и промолчал. Хотелось оглянуться на Ависа: он один, он остался, а это

всегда страшнее, намного хуже, чем идти вперед на гибель, но Декстра торопилась, нужно не отставать.

Незапертая дверь скрипела с тем же заунывным звуком, что и калитка. Давно не смазывали, отметил Целест, и дом — спокойный, прохладный, каменный и неизменный, сделался чужим. В доме Альена дверь главного входа не скрипела.

«Логово Амбивалента».

— Я первая. Держись вплотную, — шепнула Декстра, прежде чем окончательно выбить тяжелую резную доску.

Дверь с грохотом обрушилась на ступеньки, взметнув брызги мелких щепок, мраморного крошева и пыли. Декстра поморщилась: шумно, но от кого скрываться? Амбивалент знает, что они здесь. Она перепрыгнула через обломки, Целест заметил тлеющие оранжевые сполохи на кутикулах. Готовность к атаке, сигнал, бой.

Сам Целест просто перешагнул порог.

Сквозь высокие стрельчатые окна пробивался тусклый свет — откуда-то сверху, из комнаты Элоизы и Вербены, или отдаленное марево пылающих границ Виндикара. Навытяжку выстроились колонны, прохладные и равнодушные — братья-близнецы слепоглазых русалок и фавнов из заросшего сада; аккуратная резьба и редкие сколы — может быть, дом атаквали... но Вербена расставила все по своим местам.

Удушливо, сладко пахло цветами. Декстра чиркнула пальцами, словно зажигалкой, освещая путь. К запаху цветов присоединилась паленая горечь, но пока пирокин-нет удерживала огонь на ногтях и в воздушной прослойке; запах напоминал о крылатом фениксе-Тао, фениксе, который не возродится, но все-таки сжег себя... «потому что больше некому».

Повсюду царили цветы.

Казалось, Вербена проводила дни и ночи не покладая рук — собирала дары одичалого, буйного и легко ускользнувшего от хозяйской руки садовника сада. Яблочный и абрикосовый цвет, бледно-желтый когда-то, теперь потемнел в бурю мякоть. Ранняя гниль, подумалось Целе-

сту, первые трупные пятна и срезанные цветы — похожее зрелище. Всякая плоть разлагается одинаково.

Другие — свежее, астры и плющ, бутоны ранних хризантем (из оранжереи, не иначе), почему-то стрелки подорожника и даже ехидно скалился колючками давешний репей.

«Вербена не любит камня. Может быть, все эти годы она мечтала превратить дом в сад». — Целест покачал головой, почему-то вспоминая очередные книги — легенды о феях, жестоких лесных созданиях.

Они тоже любили танцевать.

От ковров не осталось и ворсинки, дорогая мебель — золоченая, стеклянная или черного дерева превратилась, должно быть, в прах. Зато властвовали цветы. Умирающие, конечно.

— Она наверху. — Целест поднял взгляд на лестницу, увитую побегами дикого винограда, и почувствовал, что изуродованное лицо устало от мимики и слов. Боль тикала под остатками кожи и нервов медным маятником.

«Скорее бы... финал». — Целест завидовал горьковато пахнущим цветам.

Фигуру где-то между первым пролетом и шестой ступенькой снизу заметила Декстра. Огонь на ногтях всколыхнуло в золотисто-оранжевый, и прежде чем Целест опознал — не Вербена, нет, — огненный шар врезался в камень, заискрился и осыпался мириадами капель. Первый удар цветы приняли на себя.

Фигура спускалась на негнущихся ногах. Со стороны казалось, будто человеку перебили все суставы, а потом наспех склеили костяное крошево. И заставили идти.

— Твою мать, — выругалась Декстра; мгновение спустя Целест понял, почему.

К ним приближался еще один уцелевший Гомеопат. Ступени и прослойка из лепестков и листьев смягчают неловкие шаркающие шаги. Шорох напоминает ерзанье крыс в норах.

Раз-два-три. Вытянутые руки и вместо выколотых глаз — полугнилые яблоки. По впалым щекам течет коричневатый железисто-кислый сок, похожий на кровь. Или кровь похожа на порченные яблоки.

Тихо тренькает пенсне. Золоченое.

— Твою мать, — повторила Декстра, а Целест тупо пялился на яблокоглазого — в очках, стекло и вывернутые на манер игл дужки удерживали яблоки, как бутерброды-канапе — маслину на хлебе с сыром.

Откуда. Почему.

Глава теоретиков, Гораций.

...Шуточки Амбивалента. Сродни песням под рокот обваливающейся Цитадели и улыбкам отрубленных голов.

Вместо длиннополого и тяжеловесного облачения Гомеопата, Гораций был одет в какие-то лохмотья, вроде рваных и посерелых от застарелой грязи панталонов. Несколько лохмотьев, давно забывших о целостности, прикрывали торс. Теоретик покачивался на тонких, покрытых колючими черными волосами ногах. Каждый шаг давался с трудом, но последние несколько ступенек он преодолел куда быстрее, чем ожидаешь от человека... существа с гнилой падалицей вместо глаз и выломанной оправой пенсне где-то за веками, под костями лба.

Из-под босых ступней с отросшими желто-черными ногтями вспархивали разноцветными стайками лепестки.

— Одержимый, — полувопросительно сказал Целест. Декстра, чьи пальцы обвивало огненным маревом, только кивнула.

— Она держала его... столько месяцев, — проговорила она. На секунду готовность к бою — низкий старт, обратный отсчет, — сменилась отвращением. То ли к Горацию, которого Декстра и «при жизни»-то не слишком любила, то ли к Амбиваленту с ее извращенной изобретательностью. Продержать одержимого много недель — заставлять питаться, испражняться, сдерживать агрессию. Одержимые не способны даже на телесные отправления, болезнь полностью уничтожает мозг.

Вербена держала его, как домашнее животное. Или как пчелиная матка — любимого трутня, которого жаль бросать на съедение червям.

Все ради вас. Сю-юрприз.

Гораций соскользнул с последней ступени прямо в огненные объятия Декстры. Он всхлипнул тонкими губами, точно надеясь поцеловать недосыгаемую, как древнегреческая Артемида-охотница, Главу Воинов. Последний поцелуй. Последний поцелуй в мире живых, ты ведь не откажешь старому приятелю...

Сгусток плазмы ворвался под ребра, откидывая Горация к массивным перилам. Вместо живота теплилась обугленная дыра. Густо потянуло паленой требухой, запах смешался с цветочным в самый омерзительный из коктейлей.

Гораций смотрел в потолок. По щекам стекали темные яблочные слезы.

— ...Призвала? — Целест шагнул в сторону теоретика, но Декстра перегородила дорогу жестом: стой.

— Тсс.

Логично. Вряд ли Амбивалент оставила на «сладкое» слабейшего из рабов.

Гораций дергался. Плазма разъела нутро, и розово поблескивал позвоночник, остатки мышц напряглись и распухли, когда бывший Глава вновь поднялся... из мертвых, так и хотелось подобрать определение.

Яблоки не выражали ничего. Остальное лицо — тоже.

Казалось, Гораций передумал, испугался, одним словом — решил не драться. Повернется, прижмется скулящей шавкой и уползет к амбивалентовой юбке.

Обе руки Декстры пылали. Целест уже знал, что сильнейшая из воинов все-таки не всесильна — никакого ресурса не хватит, огонь — полбеды, труднее — прослойка из воздуха, охлаждение собственной кожи. От жара тяжело дышать. Целест захлебывался чужим огнем, понимая: Декстра не выдержит долго, а Гораций... черт, эта тварь не намерена так легко сдохнуть.

Тянет время. Отсчет не в пользу Магнитов. Горацию выжженные кишки не помеха.

Он покачивался, елозил языком по губам, здорово напоминая Целесту выступление на «суде» — интересно, обвинял просто так или тоже сговорился? С кем? С истинными Главами — Декстрой и Винсентом? С Кассиусом?

Скорее всего. Такие, как Гораций, выполняли приказы, а Гомеопаты — ученые и теоретики всегда были бесплатным приложением к Магнитам. Посмотрите, в Ордене не только выродки, любой человек может стать Гомеопатом... если захочет.

Целест так и не узнает, кто кем управлял. Неважно сейчас — яблоки и паленый мезентерий не больно-то склонны к исповедям.

Воздух вокруг Декстры плыл, корежился, искажался. Она сожжет себя, прежде чем...

Целест не додумал.

Гораций хлупнул кровоточащим ртом, прежде чем броситься в атаку.

Классически. Целест оценил, и Декстра наверняка тоже — все видели щупальца, десятки и сотни осьминожьих щупалец, учебное видео Магнитов и напоминание всем остальным — ненавидьте выроdkов сколько угодно, только не забудьте: одержимые хуже. Лучше воины и мистики, чем физики и психи.

— ...мать, — от плеч, ладоней, лица, даже голеней и грудей Декстры сорвалось пламя. Но щупалец было больше, одинаковых, плотных, черно-лаковых, похожих на лакричные полоски — одну из детских радостей. «Рони обожал лакричные полоски», — вклинилась неуместная мысль.

Целест пытался резать щупальца. Лезвия слушались плохо, и вообще ресурс — как в старом мобиле, и полбака не наскребешь. Тонкие и уязвимые, щупальца тянулись из развороченного живота Горация, из полосок яблочного сока на щеках, из-под ногтей и раззявленно-

го рта. Из рта — больше всего, будто рвало связкой гигантских червей.

Декстра превратилась в живой факел.

Почти как Тао. Наверное. Ночь фениксов и пчел.

Декстра хватала щупальца горстью, заставляла их гореть бенгальскими огоньками — рассыпая искры и разбрызгивая темно-лиловую начинку. Но на смену одной связки являлось десять, откуда столько плоти — откуда столько силы в умирающем одержимом.

— Это... несправедливо. — Целест ринулся к Горацию. Лезвия перед собой — воткнуть в глотку, выстрелить, на манер дикобраза. Воин или нет? Где-то за тысячу звездных лет от него Декстра прорывалась к Горацию, а ее опутывали бесчисленные нити.

Не просто опутывали. Гибли в огне, но раздирали кожу, мягкие и податливые, щупальца — острее игл. Декстру усеяло мириадами мелких кровоточащих ранок. Щупальца норовили нырнуть внутрь, пролезть червем в плоть и разорвать изнутри, но пока каждое гибло на подходе.

Осыпалось пеплом. Цветы, пепел и кровь.

Целест резанул по основанию связки во рту Горация.

— Иии! — торжествующе вопил он, раззявив собственный рот. Скелетно ухмылялся правой половиной лица.

Удар. Еще. Гораций мягкий, как тряпичная кукла. Еще выпад и можно будет... призвать... или пусть Декстра? Он — ее добыча, ее и огня. По праву.

Целест успел только выдохнуть и коротко, мышино пискнуть, когда в правый глаз — голый беззащитный глаз, — впилось отрубленное щупальце. Гораций повернул к нему равнодушное лицо. Выплюнул новую мотню — втрое толще прежней.

— Целест! — заорала Декстра.

Он плохо слышал.

Он корчился на полу, зажимая второй раз израненное лицо. Лопнувшая склера стекала по пальцам, а к пальцам липли проклятые лепестки. Целест задыхался

от медноватого аромата (мой глаз! мой глаз!), от боли и плясок огня.

«Дерись. Встань и дерись, забудь про глаз — он все равно бы отмер рано или поздно. Да и вообще, ты ведь пришел на последнюю битву? Так дерись».

Целест поднялся на локтях. А Гораций давно забыл о том, кого когда-то обрек на Печать — вряд ли он помнил что-то. Зато полностью... принадлежал Декстре.

Принадлежал. Хорошее определение.

Гораций все-таки добился своего: они с Декстрой слились, сплелись в единое целое, щупальцами и плавленной кожей, палеными волосами и липкой закипающей кровью. Декстра сгорала вместе с одержимым.

«Опять... жертвоприношение?» — сквозь боль и какую-то отстраненную муть подумал Целест. Щупальца прошили тело Декстры насквозь, коренастая женщина покачивалась на манер истрепанного бумажного змея — вместо одной бечевки — тысяча, острых и колючих. Губы и нос сгорели полностью: Декстра пыталась защитить уязвимые отверстия. Из глазниц Горация вывалились яблоки, и теперь оправа пенсне торчала на манер золотистых клыков. Жестоко. К себе и другим, невольно проступила из памяти фраза.

Все воины. Все Магниты — одно.

Жестоки к себе и другим. Это тоже принцип подобия.

Главы Гомеопатов продолжали бой. Единственным глазом Целест мог различить полыхающие фигуры, стрекала щупалец — они разносились в воздухе с визгом, громили лестницу и отбивали куски перил. Огонь лизал мертвые цветы, но пока дом держался. Мрамор не горюч.

Внезапно Гораций отшвырнул Декстру. Та плюхнулась с сочным шмяком, совсем не похожая на себя — безжалостную убийцу, палача, учителя. Сто двадцать фунтов обгорелого мяса.

Гораций выглядел не лучше, но его удерживала чужая воля. Он надвигался на Целеста так же мерно и неизбежно, как спускался по лестнице. Нижняя челюсть дотлела

и развалилась, теперь щупальца стреляли из мякоти нёба и дырявили трахею.

«Он убьет меня, — подумал Целест. — Обидно».

Осудил. Проклял. Печать — его вина тоже.

Не смей. Вербена... ждет меня, хотел пробормотать Целест, но смолчал. В последнюю секунду лучше молчать.

Гораций завис над ним. Целест заставил себя развернуться зрячим глазом: смерти в лицо смотрят, а не прикрываются полуслепотой.

На щупальцах блестели заостренные жала и что-то вязко-серое — должно быть, яд. Полуотрубленная голова часто покачивалась. Отвалилась сгоревшая рука, слазила шмотьями кожа, но щупальца...

Свистнули.

Целест постыдно зажмурился. Но боли не было, смерти — тоже, он дышал и обонял зловоние. Еще не поздно — обрадовался, достойная смерть, умри как Магнит и воин. А когда разлепил веко, то...

Не увидел.

Горация. И огня. И Горация. И щупалец, и огня, и Го...

— Декстра?

«Нет. Я», — хриловатый голос звучал отчетливо, однако все-таки внутри. Авис стоял возле разбитой двери — вернее, сползал вдоль косяка на корточки. Голова Декстры почти касалась его ступней, но Глава воинов не шевелилась.

«Где он?»

«Одержимый? Перед тобой». — И Авис указал на...

— Вот черт.

Гораций распластался рядом с Целестом. Однорукий, без нижней челюсти, с дырой в животе. Только без щупалец; измочаленный труп казался жертвой безумного маляка... и ни единого яблока.

Ни единой чертовой падалицы.

Целест засмеялся бы, да во рту ссохлось, и боль по-прежнему вытанцовывала под черепом, а еще не осмеливался вновь посмотреть на Декстру.

«Псих?»

«Он самый. А вы его — огнем... хорошо, призвать не пытались».

В костистой ладони Гораций сжимал дужку от очков. Вот что иллюзия замаскировала под щупальца. «Меня наполовину ослепили... и чуть не убили обломком пенсне. Дерьмо». — Целест с трудом поднялся на ноги, пихнул блестящую скобу носком ботинка.

«Тсс. Я призвал его полностью. Он мертв». — Авис ухмыльнулся.

«Ты вернулся».

«Ну да. Трус или нет, но воинам без мистиков нельзя. — Авис приблизился, аккуратно обойдя неподвижную Декстру, и пнул труп Горация. — Доказательство...»

Целест часто дышал. Руки тряслись, и где-то под коленями дергало — сухожилия превратились в размоченные сухари, ломило череп — вторая Печать, незаслуженная. Сукровица медленно сочилась. Больно.

Почему. За что. Шуточки Амбивалента.

«Ты уже возненавидел ее? Теперь уж точно — возненавидел?!» — и вновь Целест не знал, своя или чужая мысль. Не хотел знать. Ему хватало растерзанного Горация, скорчившейся в углу Декстры (нужно подойти и проверить, может, еще жива), пепла и чада.

— Спасибо, — пробормотал он, прикоснувшись к ладони Ависа: сил пожать не было.

Дрожь мешала идти. Целеста давным-давно не мутило от смрада — горелой кожи и крови, гнили или экскрементов из рваных кишок. Но то — другие, чужие; одержимые или даже свои. Не... не Глава воинов.

Декстра казалась вечной. Артемида-Охотница, бессмертная и неумолимая. Она убивает, но не может умереть.

«Тсс», — снова шепнул Авис. Он тихо дышал рядом. Дыхание пахло теплой медью. Когда Целест склонился над (телом? просто — телом?) Декстрой, Авис выдохнул особенно шумно.

Но он верил. Ему легче поверить: его Глава мертв давным-давно.

«И его убила моя сестра», — додумал Целест, разглядывая Декстру. «Останки Декстры», — уточнил невольно.

Декстра сжалась в позе зародыша. Вместо лица — черно-багровая маска, похожая на губку; до сих пор тлела и медленно сочилась на мраморный пол, на лепестки астр, цитронового и яблоневого цвета. «Глава воинов способна выжечь Виндикар до последнего курятника на окраине», — зазвучали чьи-то слова, гулко разносились по опустелой глазнице; Целест мотнул головой.

Не верю. Вот это — сильнейший Магнит-воин?

«Она маленькая», — подумал Целест. Декстра чуть выше Вербены. А теперь, когда накачанные мышцы оплавились до костей, и не осталось ничего.

— Она ведь могла уничтожить... все. И дом. И Амбивалента, наверное, — выговорил Целест, сглотнув два или три раза. — Авис. Она могла. Ее ресурса бы хватило...

«Не хотела убивать тебя, быть может», — пожал плечами Авис.

Целеста передернуло.

— Как мило.

Губчатая полужижа капала — тик-так, отмеряя время пост-мортем. Противоестественно тянуло позвать Декстру: госпожа, пойдемте дальше. Мертвая, она была чужой — не собой. Не больше, чем прелестная богиня-танцовщица — чудовище, верно?

Витраж в пролете между первым и вторым этажом налился разноцветными огнями. Ночь сползала за горизонт, а первые лучи солнца пробивались через серые клубы дыма — настойчиво, как сорняки; вечная жизнь и вечный рассвет. Виндикар или пустыня — солнцу все равно.

Авис развернулся к солнцу всем телом, протягивая руки, подставляя черные от крови губы, длинный нос и слипшиеся ресницы.

— Вперед, — сказал Целест. — Вербена наверху, я знаю.

Тот не шелохнулся. Разлепил губы, словно пытаюсь заговорить вновь, рваными связками.

«Вербена ждет тебя».

Целест едва не закричал. Потянул за запястье. Костлявая рука противно щелкнула, словно раздавленный орех; мистик сполз на пол. Очень медленно и неловко, подобно неудачливому танцору, подвернувшему ногу на выступлении.

— Авис...

Авис улыбался уголком рта. Рука под пальцами Целеста была еще теплая. Но расширенные провалы зрачков уже не реагировали на свет.

39.

— Эй...

Авис развалился, закрывая собой клочья лепестков и листьев. В позе морской звезды, и в открытый рот затекало пока бледно-серебристое солнце. Целест поймал себя на том, что удерживает мистика за руку.

— Эй. Ты... чего?

Отчего умер? Вынырнул чертиком из табакерки, а потом распластался — третьим лишним, очередным мертвецом. В окружении троих тел Целест ощутил себя одиноким, как брошенный посреди темной улицы ребенок.

Почему Авис умер!? Это несправедливо. Он ведь призвал Горация; и они собирались подняться к Вербене.

«Вербена зовет тебя», — потрескавшиеся и черные от засохшей крови губы Ависа молчали именно об этом. Целест с усилием разжал хватку. Если тянуть за собой, может быть, чертов Ворона передумает и оживет, отряхнув смоляные перья — рваную мантию Магнита?

Распахнутые глаза заволакивало дымкой. Светлело быстро, резкими скачками; окружающий мир распухал

от красок и деталей. Залитые кровью мраморные плиты, видно каждую золотистую прожилку и тончайший песчано-родонитовый блеск под осклизлыми лужами; хлопья жирной гари, мазутная пленка горелой кожи. Гораций и Декстра — похожи, черно-красные и губкообразные. Авис — другой. Он, черт возьми, почти здоров, если не считать крови на губах и глаз, похожих на покрытые пленкой пыли агаты.

Собственный выколотый глаз дергало и дергало болью, плюс каким-то тоскливым зудом, тянуло выдернуть злополучную дужку из рук Горация и доковырять склеру.

— Авис, черт. Почему.

Риторический вопрос. Целест знал, на самом-то деле. Мистики плодили безмозглых «овощей»-отключенных отнюдь не из садизма. Мозгожоры или нет, они ограничены в своей силе.

«Мозги — это жутко сложно», — когда-то хмыкал Целест на сбивчивые объяснения Рони, который в свою очередь понял едва ли половину из немногословной «лекции» Винсента. Воинам проще. Довести до болевого шока, у одержимых все инстинкты на нуле, но нервная система работает; потом... призыв. Призыв похож на заглатывание.

Но мистики не «доедают» до конца, чтобы не умереть самим.

«Мозги закоротить может» — еще одна фраза Рони. Целест даже оглянулся, тихонько шипя от боли, вращая уцелевшим глазом.

— Закоротить. Точно.

Авис подтверждал. Пыль на зрачках туманилась в бельмовую синеву. Убил ли он себя случайно в панике или совершил самоубийство — лучше смерть, чем отправить-ся живьем к Амбиваленту?

Этого Целест не узнает никогда.

Целест сидел на ступеньке, сгорбившись, словно нищий на паперти; вокруг него танцевали пылинки и крупы гари, вызолоченные рассветом до янтарного оттенка. Повсюду валялись осколки массивных напольных ваз, одна из колонн крошилась выбитым зубом. Кровавые лу-

жи, гарь и обломки — вместо вычурной тонконогой мебели, стеклянных и каменных фигур — мальчик с рыбьим хвостом печалится оттого, что отколотили обе руки; раздавленные цветы и закопченные стены. На массивной картине над выбитой дверью когда-то шумело море, но теперь расплывалось багровое пятно.

— Закоротить, — повторил Целест, борясь с болезненным оцепенением. Пульсировало горячечно и гулко — в глазнице, висках, кончиках пальцев. Он боялся заснуть.

Нет. Не спать — уже утро, кошмары закончились. Осталась грязь, и...

«Вербена ждет тебя».

— Подождет, — буркнул под нос. От контраста золотистого утра, похожего на прозрачный и напоенный соком яблочный бок, и останков на полу выворачивало. По счастью, желудок пуст.

Зато растекалась гематомой усталость.

«Я видел пять смертей, мне выкололи глаз... я устал. Вербена? Теперь никуда не денется».

Подождет. Немного. Целест должен... позаботиться о мертвых, пока еще есть кому.

Первым делом, впрочем, он занялся собой. Поковылял, отмеряя каждый шаг, к комнатам слуг, — может, там остались какие-то лекарства. Пустынный дом отзывался эхом и потаенными шорохами. Целесту чудилось, будто Вербена наблюдает за ним, только не Вербена больше — сытая от крови и смерти тварь.

Да, теперь он ненавидел ее.

Будь ты проклят, Амбивалент.

Целест толкнул одну из пустых комнат прислуги. Не-высокий потолок, простенькая деревянная кровать с рваным матрасом, тумбочка и крохотное зеркальце на стене — по стеклу змеилась трещина. На тумбочке съезжился свечной огарок. В углу кровати скомканы несколько тряпок, платьев, должно быть. Обитель посудомойки, наверное... интересно, мертва бывшая владелица или сбежала? Кто-то же сбежал, Кассиус например. И Аида.

Когда Целест наклонился, глаз продолжил вытекать — теплой жижей, похожей на яичный белок. Новая волна боли заставила пошатнуться и вцепиться в грубо отесанный край. Однако усилия вознаградились: Целест нашел перекись водорода. Которую и залил, чертыхаясь и разбрызгивая слюну дырявой щекой, в отверстие глазницы.

Очередная адская боль. Никак не привыкнет — давно пора, а он все извивается, словно уж на сковородке.

Даже смешно. Правда, Вербена?

Ты еще ждешь меня? Остальные умерли, по одному, как полагается во всяких историях. Авис, мистик-ясновидящий, — добровольно. Смерть, знаешь ли, далеко не худшее, если сравнивать с тобою. Смерть не такая фантазерка. Она не богиня... в отличие от тебя.

Ненавижу, сказал Целест. Или вопил, захлебываясь новым приливом агонии. Темнота сгустилась быстро, он только успел подумать — нет, несправедливо. Ночь ведь... закончилась.

А потом очнулся и подпрыгнул на жесткой, пропахшей несвежим потом, грязными волосами и чем-то вроде помойных ведер кровати. Багрянец тек по потолку, рукам и ногам, словно выкупали в клюквенном море. Или в чем-то еще, тоже красного цвета.

«Где я?»

Хижина Пестрого Квартала? Цитадель? И... где Рони?

Целест вспомнил через секунду. Застонал. Затем, осознал, что боли почти нет. Слеп на один глаз, но и только — воистину Целест Полуликий; а в целом — отдохнул даже. Шея и ключицы слиплись от слюны, хотелось пить.

«Вербена ждет меня», — подумал он, едва сдерживая смехок. Вербене пришлось, похоже, прождать полдня, пока он спал. До заката... это плохо, наверное. Ночь — время зла. Время Амбивалента.

Ну и черт с ним.

Ждала и еще подождет.

«Мертвые. Я обещал». — И Целест приступил к делу, озаряемый закатом, быстро темнеющим из багрянца в черный провал.

Декстра. Авис. Гораций.

От Декстры — мало что осталось, а над изуродованным трупом уже роились мухи. Горацию и того меньше повезло, в развороченном рту за жаркий денек успели завестись какие-то мелкие жучки, похожие на древоточцев. Один пробирался по золотистой дужке. Целест прогнал его.

Выволочь обоих в сад оказалось нетрудно. Попутно Целест напился воды из фонтана; русалка насмеялась над ним, удерживая в тонких пальцах раковину с жемужиной. Целест показал каменной дуре средний палец.

Длинноногий Авис оказался тяжелее. Весь путь до сада ноги его часто подрагивали, будто мистик пытался бежать.

Целест сложил трупы под яблоней и лимоном, предварительно расчистив место от листьев и грязи.

Двое мужчин и одна женщина. Тела мало напоминали людей, но это не имело значения. Целест прикусил палец, вспоминая ту самую древнюю молитву, возносимую Богу-Магниту.

Она казалась уместной.

— *Requiem æternam dona eis, Domine :
et lux perpetua luceat eis.*

*In memoria æterna erit iustus,
ab auditione mala non timebit.*

На последнем слоге он поджег мертвецов. Это был спокойный огонь, ничего общего с плазменными сгустками Декстры или полетом феникса-Тао; сродни погребальному покрывалу ярко-рыжего цвета, почти как волосы самозваного коронера. Целест наблюдал за костром, наблюдал, как гаснет за горизонтом солнце, и думал: хочется курить, постыдно проспал целый день, наверняка ведь последний свой день.

Постепенно пламя съеживалось до углей и фиолетово-белесой дымки, вливающейся в густеющее небо.

Впереди ночь. Ночь длинна. Вербена ждет его.

И ему пора.

Притихший дом казался усталым. Потемнелый мрамор — серым, грифельно-серым, как стены Цитадели; резиденция ссутулилась и сжалась, стыдясь луж засохшей крови, ошметков мяса и вороха цветов, стыдливо прикрывающих остатки битвы. Только теперь Целест заметил, что среди мертвых подсохших лепестков появились новые. Они напоминали парчу на язвах прокаженного.

«Вербена спускалась в сад, пока я спал?» — Целест нагнулся, чтобы зачерпнуть бархатистое многоцветие — белые и желтые астры, синий цикорий, поздние ромашки.

Интересно, заходила ли к нему? Стояла ли на пороге, молча разглядывая изуродованное лицо?

Целеста передернуло.

«Ненавидь ее. Враг. Ты поклялся уничтожить».

Он поднялся по лестнице, миновал коридор, тоже заполненный ароматами нектара и гнили, и открыл дверь сестриной комнаты.

Скрипнуло тихо, будто мяукнул неподалеку котенок. Сдвоенная комната — Элоиза и Вербена, спальни отдельные, общий «мини-холл». Карамельная горячая полутьма, извивалось свечное пламя. Серые кресла стояли в точности как в тот день, когда в одном скрючился связанный Адриан Альена. Целест не удивился — ко всему можно привыкнуть, даже к шуточкам Амбивалента.

— Привет, — сказал он, по-прежнему изучая кресло — одно и второе напротив, стеклянный стол, на нем — крошенный немного хлеб, яблоки, пара цитронов и ранних персиков. Начатая бутылка вина и два бокала, а по краям — четыре оплавленных свечи, которые и плясали рыжими тенями по стенам и потолку.

«Будто на свидании», — после этого Целест и поднял голову.

Вербена стояла возле окна, облокотилась на подоконник, для чего ей пришлось приподняться на цыпочки.

Амбивалент, всеобщий враг, чудовище из преисподней — подойти и ударить лезвиями, разбрызгивая черную, на-верняка ядовитую, кровь.

Вербена смотрела на него. Целест — на Вербену.

«Сколько месяцев прошло...» — изменилась, нет? Выхватывал каждую деталь — заострившиеся черты лица, Вербена состарилась лет на десять; в черных волосах — седина, точно лучи звезды-заколки.

Заколки. Она не снимала ее.

Ресницы чуть слиплись, будто от долгих рыданий, губы и покрасневший нос тоже выдавали недавний плач. Целест представил, как Вербена оплакивала убитых ею — десять слез на каждого, целое море в сумме.

Вздрогнул.

Вербена оторвалась от подоконника. Она была одета в голубой тренировочный костюм — короткие шорты, футболка, открывающая смуглый живот и полгруды. Она горячая, наверное, а кожа такая гладкая, только чуть-чуть с персиковым пушком. Целест облизал губы.

Амбивалент. Враг. Ненавидеть.

Конечно.

— Привет, — повторил он, и из костяшек пальцев шелкнуло лезвиями. «Амбивалент. Враг. Уничтожить». Он представил, как бьет — в ямочку между ключиц, смуглая кожа мягка, как шоколадное масло; Целест умел убивать быстро.

Сглотнул.

Вербена приблизилась на расстояние вытянутой руки. В неярком свете глаза ее потемнели, точно луну заволочло прозрачными, как кофе с молоком, тучами. Она коротко выдохнула:

— Целест... — протянула руку и коснулась — шеи, мокрой от постоянно текущей слюны, подбородка и израненного лица.

Горячечные пальцы. Пахнут цветочно — всеми цветами, что встречали в холле, на лестнице, гнили вместе с трупами.

— Что? Урод. Извини, какой уж...

— Целест, — повторила она, бережно осязая каждый выступ коллоидного шрама, поблескивающие зубы, кость возле опустелой глазницы. Она рванулась и обняла его, тесно, тепло и одуряюще-нежно; захлебываясь рыданиями и сбивчивым шепотом:

— Целест. Прости меня. Пожалуйста, прости меня. Он не двигался.

Амбивалент. Убийца. Древние книги — вспомни их, Голод, Чума, Война и Смерть — целых четверо. Их успешно заменил один. Девочка с лунным взглядом, которая так скучала по нему.

Целест погладил смоляные волосы, задев обкусанным указательным пальцем заколку. Удобный момент — бей, но лезвия торчали так же бессмысленно, как заголенные кости правой половины лица. Вербена плакала, а он пытался утешить.

У нее остро выпирают лопатки, а сердце стучит часто-часто.

— Не плачь. Ладно? Ну не плачь.

Отстранилась так же резко, как забирала в объятия.

— Целест. Я звала тебя. Я ждала тебя.

«Знаю», — кивнул он, вспоминая котлован гниющих мертвецов — бескрайнее море червивой плоти; Элоизу с закрытыми глазами (и тоже этот чертов цветочный запах!), мать-плакальщицу, огонь и границу, бледного призрака-Рони, рассеявшегося в темноте, и Горация с щупальцами. Декстру, ставшую красно-черной губкой, и плесневую пленку на зрачках Ависа — тоже.

Амбивалент. Враг. Клятва.

Уничтожить.

Тонко рвалась кожа на костяшках, но Целесту хотелось скорее спрятать руку — прости, не про тебя. А может, проткнуть висок, солнечное сплетение, уютную ямочку под подбородком — после того, как Вербена была сверху, Целест прикоснулся губами к такому невинному и интимному месту.

Вербена дотронулась до лезвий, промолчала и, аккуратно миновав коричневатые от капель яда шипы, сжала

ладонь. Потянула и толкнула в кресло, на ногах удержаться не удалось. Целест плюхнулся в уютную плюшевую сердцевину. «Здесь умер мой отец», — подумал он, но следов крови не осталось.

Только уют и персики.

— Вербена, я...

«Пришел убить тебя? Отомстить? Поклялся ликвидировать Амбивалента? Просто хочу спросить, какого дьявола ты взбесилась и прихлопнула Мир Восстановленный, как назойливого комара?»

Вербена устроилась на подлокотнике — много ли места надо хрупкой девочке-подростку, даже если она всадник Апокалипсиса? — ерошила взлохмаченные и не слишком чистые волосы Целеста, закрывала единственный глаз, будто играя в жмурки, и улыбалась, когда он щекотал мякоть ладони ресницами.

Она поцеловала его.

— Позже. Ты ничего не ел больше суток, верно?

Целест пожал плечами. Как будто это имело значение. Я ведь уже мертв, потому что Амбивалент не пощадит никого...

Вербена протянула кусок хлеба, слегка тронутого черствинкой и золотистый, как маленькое солнце, персик. Бокал вина она держала двумя пальцами — средним и указательным. «Осторожно. Прольешь», — едва не предупредил Целест.

«...какого черта я делаю».

— Просто сидишь здесь. Со мной, — ответила Вербена.

«Ах да. Телепатия прилагается», — он кивнул, и зажмурился, когда Вербена прильнула, по-кошачьи потерлась о грудь и уткнулась носом в затылок. Нужно действовать, но Целест ничего не мог придумать, поэтому грыз персик, хрупал жестковатым хлебом, только теперь ощущая голод — и правда, больше суток не ел; Вербена протянула бокал с вином, не отдавая. Пей из моих рук.

Почему бы и нет?

Светлые глаза дрожали то ли от каких-то оставшихся, невыплаканных слез, то ли оттого, что расплывались

жирными белыми сгустками свечные огарки. Скоро догорят, и комната погрузится в темноту. Электричества в Виндикаре давно нет. Виндикар — мертвый город, разрушенный Амбивалентом.

А вино сладковато-терпко на вкус.

Ударило в голову с полглотка — много ли надо больному измученному Магниту? Целест сжал запястья Вербены.

— Почему, черт возьми? Ты же...

«Прелестная танцовщица, богиня Виндикара... боги порой жестоки, но чем провинился Виндикар?»

Вербена болтала длинными ногами. Она босая, у нее миниатюрные ступни — ребенка, не взрослой женщины. Седина возле заколки чужеродна, словно нарядилась маминой краской, нацепила «взрослое» платье и украшение. Встряхнуть бы ее, да...

«Я хотел уйти. С тобой, и еще Рони захватить, но вообще-то — с тобой. Зачем тебе этот Виндикар, зачем мир-то уничтожать?»

— Времени мало. — Вербена вздохнула. Целест дожевывал и хлеб, и персик; она сползла с подлокотника к нему на колени. Теребила мочку уха и щекотала растрепанными волосами. Заколка поблескивала — однотонно с глазами, словно каменный цветок тоже хотел плакать, вместе с хозяйкой.

— Я расскажу все. Ты ведь пришел за этим? — Она вновь дотронулась до лезвий. — Я расскажу, Целест. Хотя сама всего не знаю...

По потолку бегали тени. Теплое дыхание пахло виноградом и персиком. К черту рассказы — бросим все и все-таки уйдем, лично мне плевать, что ты Амбивалент, да хоть сама смерть с косой.

Лезвия по-прежнему торчали. Целест вогнал их в кресло.

— Да. Я Амбивалент.

Будто выплюнула, да не слюну, а что-то горькое или гадкое, вроде мокрицы. Вербена шмыгнула носом, прежде чем продолжить:

— Они меня так называют. И называли давным-давно, еще до моего рождения... это все ученые, дешифраторам мозги запудрили, а те уже вам. Ученые и хранители Архива.

— Главного Архива? — уточнил Целест.

— Ну да. Иерусалимский Архив, — заученно проговорила Вербена, и предупреждая лишний вопрос: — Это место моего рождения. Мои первые слова.

— Ты никогда не рассказывала, где родилась, — прозвучало упреком.

— Я не помнила. Правда. Не торопись, Целест, у нас мало времени, но рассказать я должна все по-порядку.

Мало времени. Боковым зрением отмечал, как тлеют и корчатся в агонии фитили, мокрый воск пачкает стеклянный стол, застывает непрозрачной лужицей. Мало времени... почему?

Рано.

Время можно использовать по-разному. Темно-розовые губы и прерывистое дыхание. К черту древние истории, мне хватило вымороженного подвала и железного получеловека, который потребовал платой смерть. У меня вырезали лицо, но не тело, едва не прошептал Целест, однако Вербена продолжила, и он проглотил наваждение.

— Вы, Орден Гомеопатов и Магниты, считались единственным средством против эпидемии. Уничтожать одержимых, исцелять подобное подобным... только это не лечение, Целест. Это просто убийство.

«Ты говоришь об убийствах?» — но не спорил, пожал плечами и кивнул.

— А еще задумайся, почему знания Архива — запретны, почему контрабандисты выцепляли книги и диски по одному, почему Архив спрятан под землей? Что можно прятать? Рецепты изготовления оружия? Наркотики? Разве Мир Восстановленный не... восстановил все это? Что на самом деле они прятали столько лет?

В таких случаях полагалось знать ответ. Целест догадывался, хотя и не складывалось немного.

— Тебя... но тебе восемнадцать. Или ты впрямь вечно юная богиня? — Он засмеялся, раззявив обезображенную челюсть; в зеркале бара мелькнуло отражение — вроде пиратского символа, «Веселого Роджера». Целест решил посмотреть на Вербену. Более приятное зрелище.

Она рассмеялась тоже.

— Лекарство от эпидемии. Его изобрели давным-давно. Гораздо раньше, чем появились Магниты.

Пустую глазницу тихонько дергало. Боль расплывалась куда-то вглубь, гематомным пятном. Целест потер лоб, а затем теснее прижал Вербену. Ее тепло успокаивало.

— Не понимаю. Извини.

— Не понимаешь — чего? Почему не воспользовались лекарством? А разве толстяк и бой-баба, — Вербена фыркнула, — недостаточно объяснили? Власть Магнитов, людей со сверхспособностями, — страшно. Но Магнитов-то мало, всего тысяч десять на Виндикар, все города и Пределы...

Она запнулась.

«Было», — уточнил Целест. До того, как ты поубивала большинство.

— ...а представь, если бы каждый стал... таким. Амбивалент — панацея. Подобное подобным, по вашему принципу, только не уничтожение. — Она вырвалась из объятий и взмахнула руками, точно собираясь взлететь.

— Не уничтожение. Пробуждение.

Головная боль закралась за уши, теперь пилила шею. Целесту чудилось, будто взвалили целый валун, скалу, размером с Цитадель — или все ее развалины. Пробуждение... панацея. Вербене не идет быть умной. Нет, серьезно. Она милая девочка и универсальный убийца, но не...

— Чужие слова, — перехватила, видимо, мысль и обиженно надула губы. — Ладно, я сама не сразу поняла. Только ты уж дослушай...

«Мало времени», — огарки пузырились. Огонь захлебывался белым жиром.

— Оно в моей памяти. Как... у человека-машины.

Вербена дернулась, хлестнув Целеста по губам и шее волосами, и заговорила низким ровным голосом:

— Проект «Альфа»: кодовое название «Амбивалент». Универсален. Заморожен. Эпидемия продолжается. Разработан проект «Бета»: пожиратели. Поглощение чужой силы (пометка: силы зараженных, именуемых здесь и далее «одержимыми») без наличия собственной. Предрасположенность только к одному виду атаки: физической либо психической. Пометка: проект запущен. Генетическое вмешательство: проведено. Ген: рецессивный, с проявлением в одном случае из двадцати тысяч. Дополнительные примечания: легенда о самозарождении, разработка философской базы. Разработано: Орден Гомеопатов. Название «пожиратели» не годится: негативное восприятие. Принять наименование: Магниты.

— Твою мать.

Не выдержал, заорал. Шуточки Амбивалента, смерть — как скучно. Сладкий десерт напоследок, с объятиями, поцелуями и подражанием уроду из мерзлого подвала.

Целест ненавидел Вербену.

Выхватил лезвия из плюшевой массы кресла — свистнуло протяжно, подстреленной птицей.

Остановился.

Тонкая струйка крови текла по ключицам Вербены. Убил? Смертельное ранение? Ха-ха, я подловил (панaceю) Амбивалента, я (пожиратель) спас мир... во второй раз...

Вербена осторожно вернула его руку на место. Укоризненно мок рваный кошачий порез, неглубокий, но болезненный — наверняка болезненный. Хорошо, яд весь в плюше остался.

— Прости, — сказал Целест.

Поцеловала, будто клюнула.

— Ничего. Я понимаю. Мне тоже было нелегко это все... вспоминать.

— Слушай. Так получается, Магниты никакие не... то есть мы вот высасываем одержимых, верно?

— Именно так. — Вербена смотрела куда-то в сторону. На закрытую дверь Элоизиной комнаты, закрытой наглухо, как заколоченный гроб. Недоставало гвоздей и лаковой черноты.

— Вот черт. — Целест хмыкнул. — Я гребаный упырь. Не хочешь загнать мне осиновый кол в сердце? — еще один обрывок древних легенд. В конце концов, Мир Восстановленный всегда был продолжением мира-до-эпидемии и безраздельно тосковал по нему.

От близости Вербены бросало в жар. Или от каши в голове, кипящей и булькающей каши. Лезвия зачем-то... кстати.

— Но кто ты, Вербена?

— Амбивалент. Мой отец создал меня втайне от остальных хранителей Архива. Вот только слишком поздно понял вторую причину, по которой проект «Амбивалент» заморозили, а во всех записях обозначили как опасный. Не только из страха перед пробужденными — сверхлюдьми. Я оказалась слишком сильной.

— То есть? — От головной боли мир рассеивался в древесную труху. Кое-где мелькали блики — свечи, бокалы, хлебные крошки. Персиковая косточка на краю стола напоминала крохотное сердце. Из-под двери комнаты Элоизы сыпались комья земли, будто мечтал оттуда выбраться беспокойный мертвец.

«Еще один упырь», — отсутствующе подумал Целест. Не смешно.

— Слишком сильной. Я могу все — как воин, как мистик... но пробуждать по-настоящему — нет. Только превращать людей в своих рабов, в «разумных одержимых». Отец едва не застрелился, когда понял это.

— А.

«Что говорил человек из стали? Невозможно уничтожить? Всемирное зло? Враг? Недурно постарался. Как его звали? Пеней? Точно, и Дафна, прелестная нимфа...»

— Отец стер мне память и научил танцевать. Мы бродили по Пределам и городам, может быть, скрывались от

хранителей Архива, — не знаю. Десять лет он искал средство исправить то, что создал...

Вербена наклонилась близко-близко. Тронула языком заголенные зубы и дыру в щеке — осторожно, чтобы не поранить. Целест зажмурился, отвечая на поцелуй.

— Он нашел его.

— Что-нибудь гадкое? — блеклая попытка пошутить. Целест угловато улыбнулся: извини, меня огрели мешком по черепу. Не в лучшей форме.

— Ты мог бы догадаться. Ты же из Ордена Гомеопатов. Принцип подобия. — В тот момент погасла одна из свечей, а вторая задрожала, как эпилептик в припадке. Вербена тоже мелькала, тенью с лунными глазами, нечеловеческая красота.

— Магниты. Вы.

Целест рванул кресло. Поролоновая мякоть вывалилась бледно-желтыми комьями. Целест рванулся прочь, отталкивая Вербену, — прости, я не могу больше — к окну, за которым темнота собиралась по капле, словно дождевая вода в специально оставленной посуде. Распахнул окно, изгоняя запах воска. С улицы пахнуло дождем.

— К чертям.

«Не хочу знать. Не хочу».

— ...Объясни мне, Вербена, почему ты убивала? Почему убила собственного отца, пробуждала... — слово было терпковато-сладким, как давешнее вино, только на языке свернулось в уксус, — разумных одержимых, разгромила Цитадель? Элоизу — за что? Магнитов? Винсента, Тао, Ависа, Декстру... че-ерт! В Пестром Квартале целая яма мертвецов. А Тао сжег себя, уничтожая тех, кого ты держала здесь. Я не хочу знать остальное. Ответь: почему.

Ливень выхлестнулся из неба. Бил тяжелыми летними каплями, заставляя волосы Целеста потемнеть до каштановых. Он дышал свежестью, раздувая ноздри — единственную ноздрю.

Вербена жалась к креслу. Похожа на кошку, которую пинком прогнали, — Целест почувствовал себя последним мерзавцем. Амбивалент — не оправдание. Она девочка... и *его* Вербена.

— Я ничего не помнила, Целест. Честно. Ничегошеньки. Я не прикидывалась и не играла с вами... то есть теперь понимаю, для чего отец привел меня в Виндикар. Но у него ничего не получилось. Потому что я была слишком сильная, без памяти и силу контролировать не могла. Вот так я и убила его. А потом... я жила, как обычный человек, и была обычным человеком. Меня даже тесты ведь не «выявляли»...

Вербена сорвалась на рыдания как-то внезапно и тихо. Целеста словно хлестнули — мокрой тряпкой, по шраму и дыре в глазнице.

— Прости, — оторвался от улицы и дождя. Вернулся. Обнял, конечно, любая ссора заканчивается примирением, даже если уничтожен целый город.

— Я вспомнила в тот день, когда...

Не договорила. Но — куда понятнее, урод в зеркале скалился безумной пустотой, а внутри что-то дергалось и кровоточило, будто тысячу скрепок прямо под сердце вогнали. Целест сполз на колени.

— Прости. Прости меня.

— Я пыталась! Пыталась сдерживать! Я наказала только тех, кто... и то — не всех, толстяка и бой-бабу, и тех, кто лыбился, пока тебя уродовали... А потом спряталась здесь... Но я не могла больше удерживать силу. Я уже была — Амбивалентом.

Теперь они сидели на полу рядом, держа друг друга за руки. Дурацкая, мелодраматичная сцена. Хорошо, никто не видит.

— Магниты, — сказал Целест. — Ты сказала, мы можем...

«Остановить? Спасти остатки мира? Да к дьяволу!»

— ...вылечить тебя.

Он замолк. Внутренности скрутило комком, а комок болтался то ли в горле, то ли в солнечном сплетении, то

ли возле пяток. Да-нет. Последний патрон — раньше это называлось русской рулеткой. Почему русской? Неважно.

Швырялся горстями влаги дождь. Дверь в Элоизину комнату приоткрылась и захлопнулась вновь. На пороге осталось несколько комьев земли и камней. Целест отмечал автоматически, не делая никаких выводов, единственный глаз вращался в орбите. Он закусил и грыз здоровую губу, точно пытаясь содрать кожу со второй половины лица.

Что угодно — ради Вербены.

Спасти. Уничтожить. Спасти.

Вылечить.

— Не вылечить, Целест. — Вербена побледнела до оттенка расплавленных свечей, стеклистой слюдяной пленки. — Подобное подобным. Это средство — призыв. Двойной призыв — воина и мистика. Это уничтожит и меня, и Магнита, который призовет первым. Зато второй, забравший мою силу через первого, будет настоящим Амбивалентом. Тем, кто навсегда остановит эпидемию. Тем, кто сделает людей «воинами» и «мистиками» — всех людей, Целест. Тем, кто сможет пробуждать.

Целесту мерещился запах духов, крови, пота и нейтросети. Он застрял в том дне, когда лишился лица, а Вербена перестала быть собой. Приговор — Печать. Печать — приговор.

Вербена свой зачитала самостоятельно. А он растерялся и перебирал темные пряди, бормотал что-то о лечении, ведь должен же быть способ, всегда какой-то выход. Поклялся убить? Неважно. Забудь об этом, я спасу тебя. Герои всегда спасают тех, кто им дорог, — тоже из старых легенд.

Поверь мне, Вербена.

— Спасу. Придумаю, — голос звучал издалека. Невнятные, полупроглоченные слова. Как Вербена разбирала то, что он говорит?

Она верила. Она подхватила его, заставив неловко подняться на ноги. В полумраке зубы поблескивали слепящее-бело, как раковины у морского берега.

— Вербена...

Танцевала. И увлекала его в танец, совсем несложно, шаг за шагом, удерживай за руку и отмеряй всплески бликов от гаснущей свечи. Дождь, дыхание — отличная музыка. Вербена вплела себя и Целеста, просто пара нитей — рыжая и серебристо-черная, нитям не бывает больно, даже когда они сгорают или рвутся.

Он сбивался с ритма, но затем подчинился. Вербена молчала, а Целест знал, что оно означает.

«Все будет хорошо».

Теперь вел Целест. Вперед-назад, раз-два-три. Небольшая комната расступалась, стол с недопитым вином, недоеденным хлебом и догорающей свечой отдалился куда-то в Пределы, зато хлестал прохладный дождь, и Целест думал о причащении и венчании. Вода — это символ... чего-то там. Неважно.

Целест подхватил Вербену за талию. В очередном па они шагнули с подоконника, зависнув между небом и землей, в холоде ливня и под гроздьями лиловых молний. Кто кого удерживал? Тоже неважно.

Мы не упадем, обещал Целест. Доверяй, мы не упадем.

Он прижался остатками губ к смуглым губам Вербены.

А затем она подтолкнула его обратно к окну, где захлебывалась собственной бесцветной кровью последняя свеча.

— Спасибо, Целест. Но мое время почти закончилось, — она высвободилась из объятий, словно меж пальцев скользнула лунно-светлая речная вода. Целест тупо воззрился на пальцы и на Вербену:

— Постой. Ты про... Магнитов? Черт. Что-нибудь придумаем. Их мало осталось, — он осекся, потому что звучало обвинением, — но... нет. Я не хочу, чтобы тебя призывали. Придумаем другое. Вылечим.

Вербена приложила палец к его рту — там, где спазматично подергивался за вскрытой челюстью язык:

— Время. Закончилось, — секунду ее лицо было сплошным страхом, карнавальной маской ужаса. — Я...

Он успел подхватить ее, кукольно улыбающуюся и мертвую.

Последняя свеча погасла.

Целест стоял посреди комнаты, держа на руках Вербену — светлые глаза заволокло расширенным зрачком. Целест хватал оскаленной челюстью воздух.

— Я не призывал, — простонал он, встряхнув труп, словно кукла из костей и мяса способна ответить. — Я не убивал тебя.

Нарушил клятву, отступил, предал — но не убивал. За спиной скрипнула дверь, но Целест не обернулся; он положил Вербену на пол, пытаясь делать искусственное дыхание и массаж сердца. С тем же успехом мог пытаться оживить стол.

— Не ты. Я сделал это.

Целест тупо и заторможенно обернулся. В темноте фигура оставалась узнаваемой, все равно что самого себя в зеркале увидеть.

Все равно что болтать с собственной тенью.

— Рони.

Перед тем как раствориться в защитном поле, Рони смахивал на привидение. Целест точно помнил. И рассеялся тоже на манер блуждающего огонька, какие по болотам в его родных Пределах мечутся. Зачем-то он явился из царства мертвых, такой же, как был при жизни, — бледный, растрепанный и... живой.

— Ты жив.

Из комнаты Элоизы ссыпалась земля и камни.

— Телепорт, — пояснил он.

Не то чтобы Целеста интересовали подробности. Он уставился на Вербену, в чьих пустых зрачках отражался потолок и дождь. Рони жив, а Вербена мертва. Но со смертью первого Целест ведь уже смирился... это нечестно!

— Я знаю. Нечестно.

Рони сел на корточки и аккуратно смежил Вербене веки.

— Поэтому она и позвала меня... то есть первым, понимаешь? Ты бы не смог.

Целест кивнул. Не смог — что? Не хотел знать, совсем нет. Он ничего не ощущал, бессмысленный, как остановленное время. Закончилось у Вербены — у него тоже. Рони легонько потрепал Целеста по плечу, а потом протянул прямоугольный предмет.

Пачка сигарет. Призраки с того света возвращаются, убивают и платят сигаретами.

— Рассказала мне тоже. Про пожирателей и про... средство.

Первую сигарету Целест смял, поломал, а табак рассыпал терпко пахнувшей горстью. Вторую удалось прикурить, и он затягивался терпкой отравой, удивляясь, — почему горькая? Почему вообще чувствую что-либо? Разве я не должен умереть — Вербена мертва, я следом. Так всегда было в старых книгах.

— Ты убил ее, — сказал он.

Рони выпрямился. Целест наблюдал, как черты лица его сделались жесткими, будто затвердел расплывчатый бесцветный туман в лед, а то и мрамор. Сигаретный огонек отсвечивает, что ли.

— Забрал силу. — Он пожал плечами, потеряннным жестом: кто здесь? Он, Рони, — просто мальчишка из Пределов, из рыбацкого поселка, вдалеке от Виндикара, Го-меопатов, легенд и пророчеств. Напуганный мальчишка, который прятался в подполе от обезумевшего старосты, и которого много лет преследует кошмар: родная мать пожирает сестру. А сестру Целеста он превратил в мерно дышащее тело и добровольно принес себя в жертву Амбиваленту, стоило той назвать цену.

Все так. Все правильно.

— Ее просьба. — Целест не спрашивал. Утверждал. Окурок жег пальцы, шрамом больше — незаметно.

— Да. На самом-то деле Вербена выбрала тебя.

Целест кивнул. Его мутило. Желудок подтягивало к горлу, а еще он боялся встать — не удержат ноги-ходули. Он чувствовал Рони, как никогда, явственно: Рони дрожал, Рони сглатывал пульс.

Рони был готов.

— Это обычный призыв, Целест, — сказал он, указывая на свое горло. Целест опять мотнул головой. Лезвия по-прежнему торчали из правой руки, пять костлявых пальцев и два костяных выроста. Без яда.

— Ее хватило на то, чтобы продержаться, но я слабее. Пожалуйста. — Рони взял его руку и приложил лезвия к мягкому горлу.

«Мне так страшно», — не сказал он, а Целест услышал. Напарники — вместе до смертного часа, почти как любовники. Обманули дважды. Рони шмыгал носом.

— Пожалуйста, — это была мольба.

Целест подчинился.

Тихо хрупнули хрящи, трахея и что-то гулкое, вроде остатка воздуха в дыхательном горле. Целеста затопило силой — чистой, рафинированной силой, от которой гудело в полуобнаженном черепе, выламывало каждую кость и выкручивало мускулы. Поток казался нескончаемым; солнце, луна, звезды — тлен и прах, вроде догорелой сигареты, по сравнению с этим могуществом.

Призыв.

«Навеки единое целое».

Исцеление.

«Подобное подобным».

Пробуждение.

«Истинный Амбивалент».

Целест был песком и комьями земли возле двери, самой дверью, стеклом, домом, мрамором, садом — лепестками гниющих цветов, пеплом и дождем; плоть его — каждый из живущих людей, кости его — камни земные, разум его — души живых и мертвых, и сам он — вечность.

Магниты призывали сотни лет, но на призыв Целеста откликнулась целая Вселенная, а принцип подобия превратил его в абсолют, в каждую молекулу и атом, в первоматерию и в конец времен. И это было восхитительно. Он запрокинул голову, поднял руки — правая мокрая от ярко-багряной влаги — и закричал.

Принцип подобия, кричал он.

Принцип подобия — это я.

Мгновение спустя оборвалось. Все, кроме силы. Сила осталась с ним, заполняя полость костей, костный мозг, черепную жидкость, не говоря уж о крови и душе.

— Пробуждающий. Истинный Амбивалент, — проговорил Целест, разглядывая окровавленные лезвия. Мертвецов — улыбающуюся Вербену и Рони с разорванным горлом, последний лежал лицом вниз и скреб ногтями пол, будто в последний момент передумал и решил убежать.

Целест заставил лезвия исчезнуть. На их месте тут же закрылись ранки. Он поискал на ощупь пачку сигарет и зажег новую, отмечая, что ресурс не расходуется — вообще, его хватило бы на миллиард сигарет, на целую галактику.

— Истинный Амбивалент. Пробуждающий.

Сгорбившись, как древний старец, он добрал до подоконника, и закурил.

Предстоял долгий путь: пробуждение и изменение самой человеческой расы, и что-то нужно делать с остатками Магнитов — пожирателей, которые теперь будут вместо одержимых охотиться на людей. Людей, в свою очередь, придется обучать пользоваться силой, но они научатся, как некогда эволюционировали из обезьян в разумных существ.

На останках Виндикара родится новый мир, уже не Восстановленный, а... наверное, Пробужденный. Имя найдется, каждой сущности всегда отыскивается имя. А сам он станет правителем, или божеством, или то и другое вместе.

Целест Полуликий — титул или обращение в молитвах?

Неважно. Становясь Амбивалентом, пробуждающим, проникая в суть древней истины гомеопатов, позаимствованной Орденом, — нельзя остаться собой. Вербена и Рони могли бы подтвердить. Элоиза, Тао и Авис и все остальные — тоже.

До рассвета далеко.

А в комнате два трупа, которые Целест похоронит в семейном склепе Альена. Еще — пустота вместо правого глаза, лица и где-то глубоко под ребрами. Плюс недокуренная сигарета.

Целест сложил дым колечками и отпустил в дождливую темноту.

«Все будет хорошо», — шептали Вербена и Рони. Целест слышал обоих.

Он верил.

Кто знает, вдруг ему удастся остаться человеком.

Август 2009 — Июль 2010

Литературно-художественное издание

16+

Майя Треножникова

Минск 2200

Принцип подоби́я

Ведущий редактор Анискин И.А.

Дизайн обложки Половцев В. Е.

Технический редактор Лисицына Н.Л.

Корректор Мокина И.Н.

Верстка Грених А.С.

Подписано в печать 10.06.14 г.

Формат 84х108/32

Гарнитура NewtonС Усл. печ. л. 20,2. Тираж 2000

Зазказ № 1027

ООО «Издательство АСТ»

**129085, Москва, ул. Звездный бульвар, д. 21,
строение 3, ком. 5**

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81

Человечество настигла ужасная эпидемия: вирус или мутация за считанные минуты превращает в «одержимого» монстра с невероятными способностями.

Одержимым может стать любой — богач и бедняк, праведник и преступник, младенец и старик. Обычным людям почти невозможно уничтожить одержимого. Но есть люди с иммунитетом к заболеванию, зато сами обладающие сходными способностями. Их называют Магнитами за то, что «притягивают» чудовищ, а еще — Гомеопатами, потому что «лечат» медленно восстанавливающийся после катастрофы мир по Принципу Подобия.

Магнитом может стать любой — мальчишка из разрушенного поселка Рони Тарк и сын сенатора Целест Альена.

У всех Магнитов одна судьба: уничтожать монстров и однажды погибнуть.

Но что, если появится одержимый, обладающий интеллектом и талантом объединять безмозглых чудовищ в армию — легендарный Амбивалент?
Мир обречен?

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-086177-4

